

СОВРЕМЕННАЯ
ФАНТАСТИКА

АЛЕН КУК ТЕНЕВАЯ ПУНЦИЯ

act
акционерное
Москвa
1990

YAKUTIA
CORPUS

*Glen
Cook*

Shadowline

■

ГЛЕН КУК

**ТЕНЕВАЯ
ЛУНА**

**ББК 84 (7 США)
К89**

Серия основана в 1992 году

***Перевод с английского О.Ю. Черепанова
под редакцией М.Б. Левина***

Серийное оформление А.В. Сальникова

***В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.***

**Печатается с разрешения автора и его
литературных агентов Varor International, Inc.
и "Права и переводы" (Москва).**

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

© Glen Cook, 1982

© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

Рихарду Вагнеру посвящаю

Книга первая
ВЕРЕВКА

**Кто свивает веревку, привязанную
к перекладине?**

ГЛАВА ПЕРВАЯ:

3052 год н.э.

Кто я? Что я?

Я — побочный сын Теневой Линии. Эта раскаленная солнцем каменная гряда с зубчатыми краями — мой третий родитель.

Ты никогда не поймешь ни меня, ни Теневой Линии, не зная моего отца. А чтобы узнать Гнея Юлия Шторма, нужно узнать нашу семью с ее запутанными отношениями и долгой историей. Чтобы знать нашу семью...

И нет конца этой цепи. Это словно круги, расходящиеся по воде. Необозримой рекой течет рассказ, ведущий к Теневой Линии и ко мне. Из незаметных с виду событий-притоков складывается ее поток.

Если сузить до предела диафрагму объектива, в ней останутся те, кто сделал меня таким, как я есть. Этот рассказ — о них. И еще — о людях, которые, наложив на них свой отпечаток, предопределили, каким я стану.

Масато-Игараши Шторм

ГЛАВА ВТОРАЯ:

3031 год н.э.

Где-то в недрах Железной Крепости, в поблескивающем металлом кабинете, откинулся в огромное мягкое кресло Гней Шторм. Он сидел, уронив голову на грудь, прикрыв единственный зрячий глаз. На усталое лицо упали длинные седые волосы.

Билось и металось в нескончаемом танце пламя камина, причудливое действо разыгрывали свет и тьма на бесценных коврах ручной работы с древнего Востока Старой Земли. Среди закопченных балок, подпирающих каменный потолок, играли слагающиеся в расплывчатые образы дрожащие тени.

Кабинет Шторма был крепостью в крепости, цитаделью ее души, бастионом ее сердца. Вдоль стен тянулись стеллажи с редкими изданиями. Черда столов была завалена книгами его коллекции и бумагами его подчиненных. Иногда заходил безмолвный клерк, клал папку с докладом напротив чьего-нибудь места и тут же исчезал.

Два волкодава, мутанты размером с шотландского пони, рыскали по комнате, припихиваясь к теням, и один из них утробно ворчал. Никогда не кончалась охота на врага.

И никогда не приносила успеха. Враги Шторма не рисковали проникать в его дом на астероиде.

В кабинет влетело что-то черное размером с сокола и грузно плюхнулось возле Шторма, разметав по столу листы бумаги и само испугавшись их шелеста. Тело, похожее на игрушечного птеродактиля, обволокла темная пелена.

Это был вороноящер, ночная летучая ящерица из болот Сломанных Крыльев. Темная пелена была псионически генерируемой защитной окраской.

Вороноящер склонил голову, глядя красным, способным видеть во тьме глазом на второго вороноящера, сидевшего в расселине скалы за спиной у Шторма. Другим глазом он смотрел на хозяина.

Шторм не шевельнулся.

Вороноящер выжидал.

Самому себе Гней Юлий Шторм виделся человеком на склоне лет, конец которого уже не за горами. Было ему почти две сотни лет. Последние достижения медицины и технологии омоложения давали ему держаться на уровне сорока пяти биологических лет, но ни врачи, ни приборы не могли омолодить дух.

Палец Шторма остановился на строчке древней священной книги. Потом он задумался, книга упала и закрылась. «Время рождаться и время умирать...»

В комнату бесшумно скользнул молодой парень в черной флотской форме, невысокий и худой, и застыл по стойке «смирно». Хоть он и бывал в этом кабинете тысячу раз, но всегда восточная невозмутимость сменялась на его лице выражением благоговения.

«Такая роскошь, столько сокровищ! — подумал Маус. — Но что они, как не Смерть, таящаяся за маской кованого золота?»

И тут же о своем отце: «До чего же он устало выглядит. Почему они не оставят его в покое?»

Не могут. Пока жив Ричард Хоксблад — не смеют. А потому когда-нибудь Гней Шторм отправится на свое последнее поле битвы и найдет там смерть без воскрешения, как написано на роду каждому кондотьеру.

Шторм поднял глаза. Лицо его было усталым, но по-прежнему выдавалась волевая челюсть, признак силы. Струя вентилятора шевелила седые пряди.

Маус тихо вышел, поддавшись нахлынувшей на секунду глубокой грусти. Он чуть ли не обожествлял отца, и ему было больно видеть, как тот страдает, загнанный в западню. Маус вышел и отправился искать полковника Вальтерса.

Гней открыл единственный зрячий глаз и глянул в сердце своего королевства без государства. Увидел он не золотую маску смерти, а зеркало, отражавшее Шторма, которого не знал никто.

Не только книги хранил его кабинет. Одну из стен занимала коллекция оружия, в которой шумерская бронза соседствовала с многоцелевыми пехотными доспехами новейшего образца из закаленной стеклостали. В освещенных ящичках красовались редчайшие образцы фарфора, серебра и резного хрусталя. В других хранился старинный веджвуд*. В третьих — клад старинных монет в обитых бархатом шкатулках.

* Веджвуд — фарфоровые изделия английской фабрики Веджвуд. — *Примеч. пер.*

Приливы и отливы истории увлекали его за собой. Ему нравилось собирать обломки, выброшенные на берег волной времени.

Но скрыться во вчерашнем дне он не мог. Время просачивалось между пальцами словно вода.

Вентиляция разрегулировалась, и бумаги на столе шелестели под струей воздуха. Знамена под потолком шевелились от легких прикосновений призраков. Среди них были старые. Одно некогда сопровождало Черного Принца в Наваретт. Другое рухнуло в самый разгар битвы при Пуатье. Однако большинство являло собой вехи биографии самого Шторма.

Они висели в ряд, шесть одинаковых полотнищ титановой ткани. Над ними на темном поле щита, усыпанном алыми каплями, пикировал наискось слева направо ястреб. Рядом с гербом Плантагенета все эти экспонаты выглядели скучными и маловыразительными, но это была память о днях славы Железного Легиона.

Эти трофеи Шторм захватил в битве у своего Генриха Транстамаре, Ричарда Хоксблада. И от каждой победы ему было не больше радости, чем Эдварду — от победы над Педро Жестоким.

Ричард Хоксблад был признанным мастером искусства кондотьера. Пять знамен Легиона угодили в его коллекцию. Трижды схватка завершалась вничью.

Шторм и Хоксблад считались лучшими капитанами — королями наемников, принцами частных войн, которых журналисты называли «Бароны-разбойники тридцать первого столетия». На протяже-

нии вот уже десяти лет они дрались исключительно друг с другом.

Лишь Шторм и его талантливые соратники могли разбить Хоксблада. Только такой гений, как Хоксблад, способен был выстоять против Железного Легиона.

Именно мысли о Хоксбладе вызвали уныние Шторма. Разведка сообщила: Ричард опять замышляет наняться к Черному Миру.

— Да пусть себе поживится, — буркнул он. — А я устал.

Но ему снова придется драться. Если не в этот раз, так в следующий. Ричард не оставит свою затею. Его будущая жертва знает: единственный шанс на спасение — это Железный Легион. Ричард — крепкий боец, проложивший себе путь на вершину среди не менее крепких соперников. Для него пустить в ход наемников или подослать убийц — самое обычное дело. Сейчас он размышляет, как бы половчее выкрутить руки Шторму. И обязательно что-то придумает — тогда уж пощады не жди.

Это уже бывало не раз.

Шторм чуял, что это начинается снова.

В прошлом месяце одно частное дело привело его в Корпоративную Зону, на Старую Землю. Там он без конца ходил на светские приемы, возобновляя старые связи. На одном из таких приемов на него вышла парочка типов — на вид средней руки бизнесмены, — забросавшая его какими-то надуманными гипотезами.

Людам Черного Мира явно не хватало светского лоска. Этих начинающих макиавеллистов было

видно насквозь — ничем не примечательные, только крутые с виду. Но вот хозяин их... Конечно же, они работали на «Горнодобывающую и металлургическую корпорацию Блейка», что расположена в Эджворт-Сити, одном из городов Черного Мира, о чем они не преминули любезно сообщить Шторму.

Гней Юлий Шторм был могущественным человеком. Его частная армия была гораздо лучше обучена, вооружена и крепче духом, чем прославленная космическая пехота Конфедерации. И Железный Легион не был простой шайкой флибустьеров. Он был многоотраслевой компанией, держателем акций множества корпораций. Не желая перебиваться случайными трофеями, его люди обеспечивали себе безбедную жизнь при помощи долгосрочных инвестиций.

Железная Крепость простирала щупальца в тысячах направлений, хотя и не была доминирующей силой в финансовом мире. Ее интересы мог направлять каждый, кто имел на то деньги и желание.

Она была рычагом, которым прокладывали себе путь гиганты.

В прошлом они выжали все возможное из их ссоры с Ричардом Хоксбладом, разжигая в нем тщеславие и ненависть. Но Гней перерос свою восприимчивость к подобному эмоциональному вымогательству.

— В этот раз все будет не так, — прошептал Гней.

Тщетно размышлял он, как переиграть неведомого ему противника, намерения которого до сих пор оставались неясны.

Гней не смотрел на летучую ящерицу. А она, уже привыкшая к этим долгим размышлениям, терпеливо ждала.

Шторм достал из футляра старинный кларнет, осмотрел мундштук, смочил его и заиграл мелодию, которую навряд ли узнали бы хоть пятеро из живущих в этот век.

Партитура попалась ему в лавке старьевщика во время визита на Старую Землю. Его привлекло название: «Чужак на берегу» — попало под настроение. Он и был чужаком на берегу Времени, выброшенным за полтора тысячелетия за пределы собственной эпохи. Ему бы жить в век Ноллиса и Хоквуда.

От грустной, тоскующей мелодии одиночества на душе стало легче. С семьей, с друзьями, в толпе — Гней всегда ощущал отторжение от мира людей. Лишь замкнутость кабинета давала ему уют. Только здесь, в окружении предметов, из которых он строил крепость для собственной души.

Но без людей было не обойтись. Они нужны были здесь, в Крепости, постоянно под рукой. Иначе он чувствовал себя еще более одиноким.

С кларнетом он не расставался никогда. Это был его фетиш, амулет, наделенный волшебной силой. Шторм дорожил инструментом больше, чем любым из своих людей. Вместе с другим талисманом, тоже постоянно ему сопутствующим — старинным пистолетом, — кларнет не давал его душе погрузиться в беспросветную ночь.

Печальный юноша-старец. Устремленный к древнему, редкому, забытому. Обреченный чьим-то про-

клятием на могущество, в котором больше не нуждался. Вот что являл собой при первом беглом взгляде на него Гней Юлий Шторм.

Могущество его стало чем-то вроде мифического плаща, который невозможно сбросить. Чем больше старался он сорвать его, тем крепче оно держалось и становилось тяжелее. И было лишь два способа сбросить его навек.

Каждый из них требовал смерти. Один — его собственной. Другой — смерти Ричарда Хоксблада.

Когда-то смерть Хоксблада была целью жизни Гнея. Целое столетие прошло в бесплодных усилиях. А теперь это уже не было целью.

Небеса Шторма, если он вообще когда-нибудь до них доберется, станут тихим пристанищем для ученого чудака, снабженным лазом для понимающих антикваров-любителей.

Воронойщер внезапно расправил крылья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:

3052 год н.э.

Можно ли понять человека, не зная его врагов? Дано ли нам познать инь, не зная янь? Мой отец сказал бы: «Нет. Если ты хочешь увидеть новые горизонты Правды, пойди спроси человека, который хочет тебя убить».

Человек живет. Когда он молод, у него друзей не сосчитать. Он стареет. Круг сужается. Обраща-

ется внутрь, становясь теснее. Мы проводим средние и преклонные годы, делая одно и то же в том же кругу старых друзей. Редко когда появляются среди них новые лица.

Но врагов наживать мы не перестаем никогда.

Они словно вырастают из драконовых зубов, которые мы щедро разбрасываем, ступая по тропе жизни. Они возникают повсюду помимо нашей воли, неожиданно, иногда незримые и неведомые. Порою мы наживаем их — или получаем в наследство, — просто оставаясь самими собой.

Отец мой дожил до глубокой старости. Он был сыном своего отца и врагов имел легион. И никогда не знал, сколько их и кто они.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

2844 год н.э.

Дом был большой, высокий и теплый, как оранжерея, невыносимо влажный и зловонный. Поляризованную крышу из стеклостали расположили так, чтобы она пропускала как можно больше солнца. Кондиционеры не работали. Ночные ведра еще не убрали из стойл.

Норбон в Диф облокотился на отполированные медные перила смотровой площадки, акр за акром оглядывая простирающееся внизу хозяйство.

Раздвижные перегородки разделяли пол на сотни крохотных кабинок, примыкающих друг к другу задними стенками, а лицевой стороной обращенных к узким проходам. В каждой кабинке находилась привлекательная самка. Их было столько, что воздух непрестанно шевелился от их дыхания и едва уловимых движений.

Диф чувствовал легкий испуг, но одновременно и любопытство. Он и не представлял, что племенной завод настолько огромен.

Отец легонько тронул его за плечо, желая, чтобы он принял участие в разговоре с зоотехником. Норбон-старший в любом разговоре половину слов заменял жестами.

— Да что значит отказываются? Рафу, это же просто животные.

Диф рассуждал примерно так же, как его отец. Глава клана Норбонов не мог ошибаться. Следовательно, ошибся Рафу. Случки и кормление — вот единственные вещи, которые интересуют животных.

— Вы не совсем меня поняли, сэр. — Голос старика Рафу выдавал волнение. Видимо, он уже отчаялся доказать Норбону, что дело дрянь. — Не то чтобы они наотрез отказались. Просто у них пропал всякий интерес. Все дело в хряках. Если бы только свинки не захотели пороситься, хряки все равно покрывали бы их, нравится им это или нет.

Диф перевел взгляд на Рафу. Старик всегда его восхищал. Вот бы ему такого отца! Рафу был старым авантюристом, каким мечтает стать каждый мальчуган.

Обязанности, возложенные на Главу Семейства, почти не оставляли времени на общение с детьми. Отец Дифа, замкнутый, вечно куда-то спешащий человек, редко уделял своему сыну внимание, которого тот жаждал.

Зато старый пройдоха Рафу так и сыпал рассказами о волнующем прошлом, с гордостью демонстрируя шрамы, приобретенные в человеческих мирах. Уж он-то всегда выкраивал время поделиться своими историями с мальчиком. Диф твердо решил превзойти Рафу в своих похождениях, прежде чем отец вернет ему семейные дела. Его рейдеры дочиста ограбят Терру, Токе и Улант. Он вернется из дальних странствий с несметными сокровищами, собственными пиратскими историями и почетными шрамами.

Но мечты оставались мечтами. В семь лет он уже уяснил, что прямые наследники никогда не рискуют собой на поле брани. Приключения — это для младших сыновей, старающихся сколотить собственное состояние, для дочерей, не способных подыскать себе выгодную партию, или для людей вроде Рафу, не имеющих ничего за душой. Ему же уготована совсем другая судьба — он пойдет по отцовским стопам и станет торговым принцем, знающим лишь понаслышке о других, более жестоких и диких способах наживы. Единственная опасность, подстерегающая его в жизни, — внутрисемейные интриги, борьба за рынки, богатство и власть.

— А наркотики ты не пробовал? — Отцовский вопрос тут же вывел Дифа из задумчивости. Ведь

предполагается, что он осваивает семейное ремесло. Узнай отец, о чем он сейчас мечтает, — ему бы мало не показалось.

— Еще бы. Племенных свиней всегда накачивают наркотиками. Это повышает чувственность и парализует интеллект.

Рафу с трудом скрывал раздражение. Мало того, что его босс годами не навещался на станцию Префектлас. Оказывается, он вообще ничего не смыслит в практической стороне разведения рабов. Впрочем, когда волею судеб его занесло сюда в самый пик кризиса, он очень быстро понял, что большинство из работающих на станции сотрудников не знают своего дела.

— Мы экспериментировали с афродизиаксом. Но не добились заметных результатов. Вот когда нескольких хряков отправили на бойню за то, что они отлынивали от дела, это их слегка расшевелило. Но, понаблюдав за производителями вблизи, мы обнаружили, что хряки прекращают акт еще до эякуляции. Сэр, вы ищите ответ не там, где надо. Разведайте обстановку за пределами станции. Животные никогда не осмелятся взбрыкивать, если их не подстрекают извне.

— Дикие, что ли? — спросил Норбон, пожимая плечами, как бы отвергая самую мысль. — А как насчет искусственного оплодотворения? Нельзя ведь выбиваться из графика. Мы связаны условиями контракта.

Так вот почему Норбон так засуетился. Из-за разразившегося кризиса кривая прибыли вот-вот поползет вниз.

Диф снова повернулся к стойлам. До чего все-таки забавно. Животные видом своим сильно смахивают на сангарийцев. Вот только очень уж они грязные и вонючие.

Рафу рассказывал, что некоторые дикие особи не чета этим. Они следят за собой не хуже сангарийцев. А те, кого держат в родовом поместье, настолько чистоплотные и работающие, что их вообще не отличить.

Диф заметил свинью, похожую на кузину Марио. А что будет, если сангарийская женщина спутается с животным? Кто сможет ее разоблачить? Чужаки вроде токе или улантидов сразу бросаются в глаза, но эти люди вполне могут сойти за сангарийцев.

— Да, конечно. Но у нас нет средств для выполнения его в промышленном масштабе. Раньше не было необходимости. Все оборудование заказывалось до того, как это началось.

— Надо было предусмотреть заранее. — В голосе отца уже прорывалось раздражение. Каждый раз, узнав, что дела его корпорации пошатнулись, он приходил в бешенство. — Осирианские заказы — это целое состояние, и времени на процесс в лабораториях быстрого выращивания в обрез. У меня нет времени, чтобы выполнять их в опытных лабораториях. Рафу, срывать заказ полномасштабной поставки я не могу. И не буду.

Диф приветливо улынулся хрюшке с тусклыми глазками, которая с любопытством за ним наблюдала, и, улучив момент, сделал неприличный жест, усвоенный им еще со школы.

— Ай!

Приведя сына в чувство, Норбон снова как ни в чем не бывало повернулся к Рафу. На сына его внушение не очень-то подействовало. Но что поделаешь, если отец так болезненно к этому относится? Для него совокупление с племенными особями — страшное извращение. Хотя кто сейчас этим не грешит? Взять хотя бы сексонскую семью — они держат целый гарем из экзотических самок.

— В первой партии должно быть тридцать штук, — произнес Рафу задумчиво. — Пожалуй, с таким количеством мы управимся. Правда, поголовье при этом сократится.

— Да и черт с ним.

— Терпеть не могу, когда приходится увечить лучших маток, сэр. Но иначе у нас просто ничего не выйдет. Придется все время держать ухо востро, а не то они начнут делать выкидыши.

— Неужели настолько все скверно? — Боль и изумление промелькнули на обычно бесстрастном лице Норбона. — Ну что же, тогда даю тебе карт-бланш. Поступай так, как считаешь нужным. Ради этих контрактов стоит рискнуть. Потом ведь от клиентов отбоя не будет. Осирианский рынок огромен. К тому же он свежий, почти нетронутый. Тамошние принцы — сущие деспоты, сибариты, купающиеся в роскоши. Этот человеческий мир, завоеванный во время Первой Экспансии, одичал самым натуральным образом. Они социально и технологически скатились к феодальному уровню.

Рафу кивнул. Подобно большинству сангарийцев с боевым опытом, он неплохо разбирался в человеческой истории и культуре.

Норбон-старший теперь пристально разглядывал стойла — основу семейного благосостояния.

— Осирис — это настоящий Хулар для Норбонов. Помогите мне разработать его, как подобает Большому Клану.

«Хулар. Он давно уже стал легендой», — подумал Диф. Кто не слышал об этом золотом дне? Мире настолько огромном, диком и богатом, что на его разработку потребовались усилия пяти семейств. После чего семейства эти выбились в число первых в Сангарии.

Диф не знал, хочет ли он Эльдорадо для Норбонов. Слишком уж много придется тогда вкалывать, стать он Главой. Да еще якшаться с этими снобами Криминсами, Сексонами и Мейсонами. Если он только не забудет про свои мечты и не превратит Норбонов в богатейших из богатейших. А став Главой Первого Семейства, он заживет по своей воле, не ломая голову, как ужиться с сородичами.

— Даю голову на отсечение, беда эта пришла откуда-то со стороны, — проговорил Рафу. — Сэр, что-то надвигается. Даже новичков в Карантине и то не миновала эта зараза. Вот уже неделю нет отбоя от их жалоб. Управляющий станцией говорит — все просто с цепи сорвались. Сельскохозяйственные рабочие недавно поймали группу хряков, когда те пытались поджечь ситлачные поля.

— Знамения и приметы, Рафу? Ты суеверен? Это их хлебом не корми, дай только поговорить о чудесах. А тебе-то это зачем?

— Нет, я все проверил. Сделал подробный химический анализ. И догадки мои подтвердились. Говорю вам, творится что-то неладное, и они это почуяли. Я уже видал такое, вспомните. На Медном Острове.

Диф снова заинтересовался. Рафу пришел к Норбону от Датегона, владельца станции на Медном Острове. Дифу никто не говорил, почему он это сделал.

— А что там произошло, Рафу? — спросил мальчик.

Зоотехник вопросительно взглянул на своего босса. Норбон нахмурился, но кивнул.

— Рабы стали поднимать головы, Диф. Режим безопасности там был ни к черту. Племенные животные снюхались с дикими. И очень скоро взбунтовались. Кое-кто из нас видел, чем это чревато, и хотел предупредить управляющего, но он и в ус не дул. А теперь те из нас, кто уцелел, работают на твоего отца. Датегон уже никогда не оправился.

— Да-а...

— Так ты что же, считаешь — здесь тоже такое может быть? — настаивал отец Дифа.

— Совсем не обязательно. Здесь безопасность поставлена как следует. Наш управляющий станции все-таки служил в людских секторах космоса. Он знает, на что способны животные, если действуют заодно. Я просто объяснил, на что все это похоже, чтобы вы приняли меры. Убытки лучше предотвращать, чем компенсировать.

Суждения Рафу были полны той противоречивости, что свойственны сангарийцу, служившему в людском космосе. Отдельных индивидуумов и малые группы он называл животными. Особей, объединенных в более крупные общественные организмы, возводил в ранг рабов. Человечество за пределами сангарийского доминиона он называл просто людьми, ставя лишь чуть ниже сангарийцев. Такая классификация отражала общее отношение его вида к эксплуатируемой расе.

— Если не пресечь брожение в зародыше, потом придется забить наших лучших особей, чтобы его остановить.

— Рафу, а что потом стало с животными на Медном Острове? — спросил Диф.

— Главы Префектласа проголосовали тогда за истребление.

— Ах так... — Диф попытался не думать о погибших животных. И все-таки не смог подавить в себе жалость. Он был еще молод и не закален. Уж очень они похожи на настоящих...

— Я подумаю над твоими словами, Рафу. — Норбон снова тронул Дифа за плечо. — Главы департамента соберутся завтра утром. Там мы выработаем общий курс. Пойдем, Диф.

Они осмотрели посевы ситлака в огромном, герметически закупоренном парнике и увидели, что уже появились первые всходы. Скоро зараженный вирусами белок зерна очистят и пустят на производство звездной пыли, самого притягательного и смертоносного наркотика из всех, что когда-либо угрожали человечеству.

Пристрастившиеся к звездной пыли долго не живут. Но пока они живы, сангарийским поставщикам гарантирован стабильный доход.

Ситлак лежал в основе благосостояния многих мелких Семей. Он поддерживал экономику целой расы. И был объяснением веры в животную сущность человечества. Истинно разумное существо не пойдет добровольно на такое разрушающее, медленное и мучительное самоубийство.

Скучающий Диф ерзал на месте, еле слушая замечания отца. Его не манила безопасная жизнь, предлагаемая разумной сельскохозяйственной программой. До взрослых потребностей он еще не дорос. Влекла его романтика риска той жизни, что вел когда-то Рафу, а не растительная жизнь растениевода.

Ведь Рафу был не намного старше его, когда служил помощником стрелка в сфере Уланта.

Пиратство, набеги были единственным способом для немущего сангарийца набрать необходимые для основания Семейства средства. Пиратством добывали наличность Семейства в случае финансовых затруднений. Из пиратов вышли почти все герои и исторические деятели сангарийцев.

Консервативный Норбон рейдеров не держал. Его транспорты несли только легкое вооружение, чтобы у капитанов не было соблазна ввязаться в пиратские авантюры.

Норбоны были «устоявшейся» Семейей, занятой в солидном бизнесе разведения рабов для удовольствий и звездной пыли. И не важно, что в основе их богатства были пиратские деньги. Чем старше деньги, тем они консервативнее и респектабельнее.

Диф был твердо намерен оснастить несколько пиратских кораблей, когда станет Главой. Все говорили, что сферы человечества и Уланта скоро столкнутся. Это могло означать войну. Чуждые друг другу расы хватаются за оружие всякий раз, когда на карту поставлено жизненное пространство и ресурсы. Такие периоды взаимных притязаний и перекраивания границ для пиратов — просто дар Божий.

Норбон в Диф, Гроза Космических Караванов, очнулся от отцовского похлопывания по плечу.

— Проснись, мальчик! Пора возвращаться в Большой Дом. Твоя мама хочет, чтобы мы подготовились.

Диф нехотя взялся за отцовскую руку и позволил увести себя из-под купола. Не хотелось ему идти. Даже скучные ситлачные посеы в сто раз лучше светских раутов.

Именно такой раут и устраивала в тот вечер мать. Все, кто хоть что-то собой представляет среди Семей Префектласа, пожалуют сегодня к ним, в том числе и несколько прямых наследников — эти непременно начинают грызню, когда старших нет поблизости. А значит, Дифу опять придется получать по морде, отстаивая честь Семьи.

Он понимал — мать обязана заниматься подобными вещами. Таким образом сглаживаются трения между Семействами. И все-таки непонятно — почему ему нельзя остаться в своем обычном костюме и листать книги о легендарных пиратах и торговцах? Или даже просто заняться уроками?

Уж он-то никогда не женится на любительнице приемов. Ведь это тоска смертная! Взрослые, нала-

кавшись как следует, слоняются повсюду с задиристым видом, а не то вдруг кто-нибудь сгребет тебя в охапку и, дыша в нос винными парами, примется лопотать о том, какой ты славный мальчуган.

И пить он тоже никогда не станет. Капитану пиратов нужна ясная голова.

ГЛАВА ПЯТАЯ:

3052 н.э.

Отец мой как-то сказал, что люди похожи на бильярдные шары или молекулы газа. Они беспорядочно сталкиваются, сообщая друг другу совершенно неожиданные траектории. За вторым отскоком следует третий, и так до бесконечности. У людей обычно невозможно выяснить, кто дал первый импульс, потому что люди в своих взаимоотношениях пытаются игнорировать законы термодинамики. Однако в случае с Теневой Линией все прослеживается до первоисточника, которым был человек по имени Фрог.

Отец мой уподоблял Фрога шару, разбившему пирамиду. Люди-шары вначале стояли на столе неподвижно. Врезавшись в них, Фрог заставил их метаться от борта к борту.

Отец мой никогда не встречался с Фрогом. Совершенно также, что Фрогу доводилось слышать о моем отце. Бывает и так.

Масато Игараши Штори

ГЛАВА ШЕСТАЯ:

3007 н.э.

Черный Мир (Выдержка из последнего издания справочника Моргана «Звезды, планеты, астрономические ориентиры и космические феномены», 3007 год издания): Единственная планета белого карлика А 257-23. Космическое тело с однородной поверхностью. Примечательна как единственная подобного рода планета, освоенная человечеством. Немногочисленное население обитает в семи купольных городах, каждый из которых является корпоративным государством. С точки зрения экономики представляет собой важный транспортный узел и богатый источник энергетических металлов. Основная отрасль промышленности — горнодобывающая. Основная статья экспорта — редкие элементы. Население — по большей части негроиды, потомки участников Первой Экспансии. Название отражает тот факт, что вся жизнь планеты сосредоточена на ее темной стороне. Для туристов наибольший интерес представляют Горы Грома на западном терминаторе, где слабые возмущения медленного вращения планеты приводят к необычайной тектонической активности за счет теплового расширения и сжатия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:**3020 год н.э.**

Вряд ли кто-то восхищенно ахнет, найдя в справочнике Черный Мир. Скорее хмыкнет, удивившись, зачем вообще там человеку жить.

Да, мир не сахар. Даже туземцы иногда удивляются, зачем они там живут.

Во всяком случае, так думал Фрог, когда, проклинавшая небеса и преисподнюю, врубил у краулера реверс.

— Чертовская тепловая эрозия в этом траханном Уайтлэндсунде, — буркнул он, свободной рукой сделав жест, имитирующий положение веши —obeliska, который Фрог называл Большим Хреном.

Он позволил себе распусться — замечтался на знакомой дороге. Неверно взял направление на Большой Хрен и заехал туда, где картографической разведки не было с тех самых пор, как солнце наставило на перевал свой раскаленный перст.

По счастью, Фрог ехал не спеша, а потому сразу среагировал на скользящий хруст под ведущим траком правой гусеницы и ударил по тормозам. Слегка качнул машину взад-вперед, и краулер удалось вытащить.

Фрог вздохнул с облегчением.

Настоящей опасности по эту сторону Края Мира, в общем, не было. В темноте другие вездеходы не смогли бы до него добраться.

И все-таки Фрога прошиб пот. Если авария случится, то не важно где. Денег так мало, что права на ошибку нет. Один неверный шаг — и он все равно что покойник.

Для случившегося не было оправдания — что на Солнечной Стороне, что на Темной. Фрог разозлился.

— Так тебе до старости не дожить, идиот! — злобно прохрипел он собственному отражению на видеозеркале.

Но Фрог был старым. Насколько — никто не знал точно, а сам он не говорил, но люди в Эджворде слыхали, как он травил байки о приключениях своего отца в Гвардии Дьявола, а Гвардию, как известно, распустили еще столетие назад, сразу после Улантской Войны. Здравомыслящие люди давали ему семьдесят с хвостиком. Фрог был городской достопримечательностью — никто не помнил города без него.

Он был последним из той породы, что стала вымирать, когда послевоенный подъем торговли породил огромный спрос на металлы Черного Мира. Требование эффективности разработок неизбежно вело к возникновению крупных добывающих корпораций. И в конце концов в Эджворд-Сити остался единственный независимый мелкий предприниматель — Фрог.

В прежние времена, когда Блейки только набирали силу, Эджворд таил для него гораздо больше опасностей, чем Солнечная Сторона. Единая Горнодобывающая Корпорация Блейка складывалась непросто. Теперь же он стал для них настолько мел-

ким конкурентом, что его просто игнорировали. Блейк даже помогал ему сводить концы с концами — как дорожащие своим историческим наследием общества сохраняют дома старинной постройки. Фрог стал осколком старой жизни, выставляемой на показ заезжим туристам.

Его это нисколько не задевало. Он жил себе как прежде, ругая почему зря весь свет в целом и Блейка в частности, и продолжал делать то, что умел.

Он был лучший краулерщик на всей Теневой Линии, и остальные, черт побери, отлично это знали.

Но в век корпораций быть старателем-одиночкой и трудно, и опасно. Блейк давно уже прибрал к рукам все легкодоступные месторождения и бассейны на Солнечной Стороне. И теперь за новой партией груза Фрогу приходилось проделывать нелегкий путь к Теневой Линии, что занимало дня три, а то и больше. А затем — короткие разведочные вылазки на Солнечную Сторону — пока не отыщется что-то стоящее. Тогда он заполнял бункеры, поворачивал и пробивался домой. Обычно привезенного хватало лишь на плату за техобслуживание, на пиво да на подготовку следующей экспедиции.

Спроси кто-нибудь Фрога, зачем ему все это нужно, он и сам не смог бы ответить. Просто плыл по течению жизни, в которой ночи размеренно сменяли дни и не менялся заведенный распорядок.

Фрог сбавил скорость и обогнул погруженный в тень очаг тепловой эрозии, проехал несколько километров по прямой, а затем свернул в боковой каньон, где скапливались и замерзали газы с Сол-

нечной Стороны, выпадая снежными хлопьями. Там он встретил уходящий на промысел караван Блейка. Водители мигнули ему в знак приветствия, Фрог просигналил в ответ и беззлобно пробормотал себе под нос: «Сукины сыны!»

Это были такие же работяги-краулерщики, как он сам. Политику делают не они.

Теперь ему предстояло вручную нагрузить снег и ионизировать его в теплообменной системе. Фрог сэкономил буквально на всем. Какое ему дело, что на вездеходах Корпорации применяют автоматические погрузчики? Вольному воля. Лучше уж пустить эти деньги на выпивку. А грузчики съедят всю его жалкую прибыль.

Закончив махать лопатой, Фрог решил заглушить двигатель и поспать. Не так он уже молод, как был когда-то. За один переход пройти Горы Грома и совершить бросок к Теневой Линии уже не выйдет.

В Черном Море день определялся условно, каждым для себя. У Фрога он начинался быстро. Он редко терял время, удовлетворяя запросы тела. Потому что предпочитал удовлетворять запросы души, хотя и не называл их так. Он просто знал, когда он доволен, а когда нет. Выполнение работы приводило к первому. Необходимость тратить время на сон и еду — ко второму. Как и необходимость иметь дело с людьми.

Фрог родился мизантропом. Нравились ему лишь немногие из тех, кого он знал. Остальные были себялюбивы, грубы и надоедливы. Что он и сам, быть может, отлит по той же модели, Фрог вполне допускал. И в чужую жизнь не лез.

По правде говоря — хотя он признавался себе в этом лишь в бессонные темные часы, — он боялся людей. Он просто не знал, как с ними обходиться.

Женщины его пугали. Их он совсем не понимал. Но не важно. Он слишком стар, чтобы меняться, и чаще доволен собой, чем недоволен. Остаться в ладу со вселенной, какой бы странной она ни была, — вполне приличный результат.

Вездеход его был мал и будто из музея — две сотни грубо скрепленных метров железа. Все механические лапы, блоки датчиков, антенна и сетка излучателя поля имели зеркальную полировку. Но на ней были глубокие царапины. Из-за них машина имела вид фантастической сороконожки с непонятными отростками. Машина делилась на секции, каждая со своим блоком двигателей. Энергоснабжение и управление осуществлялись из рубки, где сидел Фрог. Все секции, кроме рубки, были рабами для добычи и транспортировки и при необходимости демонтировались.

Однажды Фрогу пришлось бросить раба. Компьютер машины засбоил, и гусеницы хвостового раба не попадали в след передним. Фрог тогда выл и ругался на чем свет стоит, как человек, потерявший ребенка-первенца.

Теперь брошенная секция, превратившаяся в кучу шлака, стояла вехой на подступах к Теневой Линии. Блейк относился к ней уважительно, как к неофициальной меже, разделяющей территории его и Фрога. Фрог же останавливался посмотреть на нее во время каждой ходки.

На Солнечной Стороне выброшенные рабы долго не живут. Этот старый дьявол солнце мигом превращает их в золу. И Фрог каждый раз глядел на погибшего раба, чтобы не забыть, к чему приводит беспечность.

Краулер был рассчитан на продолжительную работу при температуре свыше 2000 градусов Кельвина. Система охлаждения была самым хитроумным инженерным устройством за всю историю человечества. Внутренности машины прикрывала толстая гибкая шкура из пористых молибденово-керамических пластин, смонтированных на рамах радиатора из молибденового сплава, как соты на рамке улья. По шкуре циркулировал под давлением охлаждающий состав.

Когда краулер попадал в дневной свет, первый удар принимали на себя магнитные экраны над зеркальной поверхностью шкуры. Под ними циркулировал ионизированный газ. Сортировщик молекул тонкими струйками гнал в сторону кормы частицы с самой высокой энергией. Солнечный ветер сдувал их на темную сторону, где они замерзнут, чтобы затем снова попасть в охлаждающую систему краулера на Солнечной Стороне.

Если через тщательно подобранные фильтры взглянуть на вездеход с освещенной солнцем стороны, он был похож на длинную, приземистую, светящуюся комету. Собственные очертания машины скрывала оболочка разреженного газа.

Магнитные экраны не только держали ионную оболочку, но и нейтрализовали сгустки заряженных

частиц, вылетающие из готового вспыхнуть новой звездой солнца Черного Мира.

И при всей этой технике в краулере было жарко, как в печи. Водителям приходилось натягивать на себя костюм с жизнеобеспечивающими системами, громоздкий и нескладный, как древние космические скафандры.

Теплообменные системы краулера — энергоемкие, мощные и эффективные — от прямых солнечных лучей спасали очень недолго. Солнце Черного Мира было слишком близким и слишком горячим.

Фрог прогрел коммуникационный лазер. Только высокоэнергетические лучи могли пробиться сквозь статические разряды, создаваемые солнцем. Он щелкнул выключателем, подавая ток к экранам и теплоотводникам. Его старый и верный спутник заворчал что-то нечленораздельное и вздрогнул всем корпусом, стряхивая с себя сон. От этой вибрации и умиротворенного гудения Фрогу сразу полегчало — словно чем-то домашним повеяло.

Внутри вездехода он был живым, настоящим, не меньше человеком, чем любой другой житель Черного Мира. И даже больше. У него было больше побед над Солнечной Стороной, чем у любых других пяти вместе взятых.

Фрог ткнул пальцем в панель коммуникатора. Выпущенный из вездехода луч тронул гребень Теневой Линии и уперся в автоматический ретранслятор.

— Говорит Фрог. Готов к переходу. Ну-ка вы, уроды пластиковые, давайте мне затененный проход!

Сигналы заплясали вдоль лучей лазера. Где-то далеко машины проверили кредит Фрога и перевели деньги с его счета на счет Блейка. На экране замигала зеленая надпись «О'кей».

— А хрен ли мне быть не о'кей, — буркнул Фрог. — Меня так просто не добить.

Этот мужик платить Блейку за загрузку ионизированных зарядов не станет, пока мышцы еще работают. Но за безопасность на Солнечной Стороне платил и будет платить столько, сколько это стоило.

В старые времена приходилось покрывать расстояние от Края Мира до Теневой Линии под солнцем. Фрог проделал это тысячу раз, пока Блейк не придумал наконец, как обмануть дьявольское светило. И Фрог не стеснялся пользоваться его изобретением. Он был прижимист, независим, но не твердолоб.

Краулер, глухо ворча, застыл на месте, и Фрог стал осматривать выжженную солнцем равнину. Медленно темнело, очень медленно. Фрог подпитал энергией гусеницы и системы охлаждения и тронулся в тень пыльного облака, подброшенного на километр вверх соплами дальней станции Блейка у подножия Теневой Линии. Компьютер его поддерживал связь с находящимся там навигатором корпорации, изучая информацию, переданную другими машинами, проходившими тут после Фрога, и анализируя данные собственных приборов.

Переход — как нечего делать. Дорога, укатанная сотнями гусениц, затвердевшая и гладкая, была открытой и безопасной.

Маленькие глазки Фрога впились в экраны. Он считывал показания молниеносно, словно сам являлся частью компьютера.

Несколько экранов давали внешний обзор в направлении, противоположном низко нависшему солнцу, со светом которого еле справлялись фильтры. На остальных схематически изображались данные от лазерного радара и акустических сенсоров, установленных в секциях вездехода. Расположенный прямо перед Фрогом большой круглый экран давал цветную панораму с самой высокой точки его машины, захватывая участок местности радиусом в километр. Изгибы рельефа очерчивались синим цветом. Очаги тепла — разными оттенками красного. Залежи металла — зеленым. Но в этом районе месторождения иссякли, и зеленого почти не попадалось.

Приборы сообщали о состоянии здоровья рабосекций, состоянии реактора и уровне газа в нем и все время следили за системами жизнеобеспечения.

Машина Фрога, устаревшая и относительно простая, была все же невероятно сложной. Краулеры Корпорации водили экипажи из двух-трех человек, а в длительные рейсы брали еще и запасных водителей. Но не родился еще на свет человек, с которым Фрог ужился бы в наглухо задраенной кабине вездехода.

Только убедившись, что переход пройдет нормально, Фрог позволил себе поворачать.

— Надо было пристроиться к каравану, — буркнул он. — Заплатил бы только свою долю. Да разве у кого хватит терпения ждать, пока Блейк отправит на дело своих сопляков?

Его суставчатый левиафан глухо заворчал, как за-
рождающееся землетрясение. Фрог прибавил скоро-
сти, выжимая из машины все, на что она способна, —
двенадцать километров в час. Высунулись щупы акус-
тических датчиков, ловя отраженное почвой эхо кла-
цающих траков, и по этому эху компьютер определял
состояние дороги. Переход к Теневой Линии — это
не меньше трех часов, а в отсутствии атмосферы, где
затеняющая пыль тут же оседает вниз, секунда тени
стоит денег. И Фрог времени не терял.

Еще один переход без происшествий. Добрав-
шись до края Теневой Линии, он тут же дал сооб-
щение Блейку, чтобы тень отключили, а потом за-
глушил мотор и устроил себе небольшой отдых.

— Ну что, опять пронесло, старый ты сукни
сын, — пробормотал он самому себе, откинувшись
в кресле и закрыв глаза.

Теперь ему предстояло как следует обмозговать
предстоящий бросок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:

3031 год н.э.

Шторм убрал кларнет в футляр. Потом обер-
нулся к диковинной твари, усевшейся на
письменный стол, и медленно наклонился
вперед, пока не коснулся лбом ее лба.

Он был осторожен. Вороноящер может ластить-
ся, как щенок, и вдруг превратиться в пучок когти-

стой злобы. Перепады настроения были у них мгновенными.

На Шторма его «птички» еще ни разу не нападали. Так же как его ни разу не предавали соратники — хотя их преданность подвергалась тяжелым испытаниям.

Шторм когда-то тщательно сопоставил пользу от вороноящеров с их непредсказуемостью и решил рискнуть.

Вороноящер фотографически запоминал обстановку, эта память сохранялась в течение часа и была доступна телепатическому чтению. Способность к запоминанию и телепатии развилась у этих животных от жизни в тени.

Вороноящеры постоянно рыскали по Крепости, а люди Шторма, не догадываясь об их способностях, от них не скрывались. В результате эти твари информировали Шторма гораздо лучше, чем любая система «жучков».

Он завел их во время встречи с Ричардом Хоксбладом на Сломанных Крыльях. С тех пор люди Шторма относились к его всеведению чуть ли не с суеверным ужасом. Он же всячески подогревал эти настроения. Легион был продолжением его самого, его волей в действии. Шторм хотел, чтобы легион вел себя как часть его.

И все равно некоторые из его людей не могли удержаться от поступков, делающих присутствие ящериц необходимым.

Он никогда не боялся прямого предательства. Соратники были обязаны Шторму своими жизнями.

Их абсолютная преданность доходила до фанатизма. Но они имели привычку действовать по собственной инициативе ему во благо.

За два столетия он уже смирился с извращенностью человеческой природы. Каждый человек мыслил себя последней инстанцией в деле управления вселенной. Таковы неизбежные последствия антропоидной эволюции.

Шторм всегда терпеливо их поправлял. Он не был вспыльчивым. Легкий намек на недовольство, как он обнаружил, бывал гораздо действеннее, чем самый гневный разнос.

Шторм подключился к мозгу вороноящера, и ему в память хлынули образы и разговоры. В этом вихре он выбрал отдельные интересные для него фрагменты.

— Ах ты черт! Они опять за свое!

Он это подозревал. Знакомые признаки. Сыновья его, Бенджамен, Гомер и Люцифер, вечно устраивали какую-то закулисную возню, стараясь уберечь старика от его собственной глупости. И когда они только поумнеют? Ну почему они не такие, как Терстон, его старший? Этот звезд с неба не хватает, но зато делает, что отец говорит.

А лучше были бы они такими, как Масато, его младший. Маус — не просто талантлив, он еще и все понимает. Может быть, лучший в семье.

Сегодня мальчики пытаются совладать с его самой большой — как им видится — слабостью. В самые горькие минуты жизни он даже бывал готов уступить им. Жизнь его стала бы безопаснее, спо-

койнее и богаче, относись он более прагматично к Майклу Ди.

— Ах, Майкл, Майкл. Враги больше годятся мне в братья, чем ты.

Шторм выдвинул ящик стола и нажал кнопку. Сигнал вызова облетел Железную Крепость. Ожидая ответа от Кассия, он вернулся к кларнету и «Чужаку».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:

3031 год н.э.

Полковник у себя? — спросил Маус у ординарца, заходя в кабинет Вальтерса.

— Да, сэр. Вам необходимо его видеть?

— Если он не очень занят.

— Масато Шторм хочет вас видеть, полковник, — сказал ординарец по селектору. А потом обратился к Маусу: — Входите, сэр.

Маус прошел в спартански обставленную комнату, служившую Тадеушу Иммануилу Вальтерсу и официальным кабинетом, и местом отдыха. Она выглядела настолько же пустой, насколько кабинет его отца — захламленным.

Полковник стоял на коленях возле стола и наблюдал за маленьким пластиковым самосвалом, движущимся по пластиковым рельсам. Выгрузившись, игрушечный самосвал возвращался в исходное положение, путем нескольких сложных операций накладывал себе

в кузов кусочки мрамора и снова отправлялся в путь. Полковник же с помощью крошечной отвертки пытался отрегулировать его подъемный кран. Два куса мрамора застряли при выгрузке.

— Маус?

— Собственной персоной.

— Когда ты вернулся?

— Вчера, совсем поздно.

— С отцом уже повидался? — *Вальтерс поддел* подъемник кончиком отвертки. Не помогло.

— Я только что оттуда. Кажется, он не в духе. Я не стал ему докучать.

— Ты прав. Надвигается что-то скверное, и он это чувствует.

— А что именно?

— Пока точно не знаю. Черт бы их побрал! Надо же было так сделать эту штуку, что ее даже отремонтировать невозможно!

Полковник с досадой отшвырнул отвертку и поднялся с колен.

Вальтерс был старше Гнея Шторма на несколько десятков лет. Тощий, смуглый человек с бесстрастным лицом, орлиным носом и узким разрезом глаз. При рождении его нарекли Тадеуш Иммануил Вальтерс, но друзья называли полковника Кассий. Он получил это прозвище еще в академии, за «тощий и голодный вид».

Встреча с этим человеком всегда будоражила. Наверное, виною тому был его пронзительный, змеиный взгляд. Маус знал его всю свою жизнь, но до сих пор чувствовал себя при нем неудобно. Очень

странный человек. Смерть — его профессия. Каких только смертей он не повидал. А теперь вот развлекается починкой старых игрушек.

У Кассия была только одна рука — левая. Другую он потерял много лет назад по милости Феарчайлда Ди, сына Майкла Ди. Тогда они с Кассием проводили операцию в одном из миров, ничем не примечательном. Подобно Шторму, он отказался устранять свои увечья хирургическим путем. Полковник утверждал, что они напоминают ему об осторожности.

Кассий служил в Легионе с момента его формирования — еще до рождения Гнея — в мире под названием Префектлас.

— Зачем вы вызвали меня домой? — спросил Маус. — Ваше сообщение напугало меня до смерти. Я лечу сюда и вижу, что все почти в норме.

— Норма — это иллюзия. Особенно здесь. Особенно сейчас.

Маус лишь пожал плечами. Кассий говорил без всяких интонаций. Улантская пуля лишила его собственной гортани во время сражения на Сьерре. А протез мог разговаривать только таким гнусавым, зауспокойным голосом, словно примитивный компьютер.

— Мы чувствуем, как кто-то собирает силы. Если доживешь до наших лет, тоже научишься такое чувствовать.

Кассий что-то подкрутил в игрушке, потом повернулся к Маусу и выбросил вперед руку. Удар мог быть смертельным. Маус скользнул в сторону и пригнулся, готовый дать отпор.

Улыбка на тонких бледных губах полковника казалась совершенно не к месту.

— Молодец!

— Я ведь тренируюсь, — улыбнулся в ответ Маус. — И собираюсь податься в разведку. Что вы на это скажете?

— Пожалуй, сгодишься. Ты ведь сын своего отца. Жаль, что мы разминулись с тобой в последний раз, когда я был на Луне Командной. Мне хотелось представить тебя кое-кому.

— Я тогда был в Крабовидной туманности. Была гонка солнечных яхт, и мы с напарником обошли всех, даже команду звездоловов. А уж они-то знают звездные ветры, как рыбы — свою реку. До того они выигрывали четыре регаты подряд.

Маусу было чем гордиться. «Звездных рыбаков» никто еще не мог победить в их собственной игре.

— Слышал об этом. Мои поздравления.

Кассий был главным тактиком Легиона, а также заместителем командира и его самым доверенным лицом. Некоторые считали, что он разбирается в военном искусстве больше, чем кто-либо из живущих на этом свете, в том числе Гней Шторм и Ричард Хоксблад. Колледжи Луны Командной нанимали его время от времени для чтения лекций. Худшими кампаниями Шторма были те, где Кассий не мог ему помочь. Зато Хоксблад лишь однажды сумел сладить с их объединенными усилиями.

Зажужжал зуммер. Кассий глянул на мигающую лампочку.

— Это твой отец. Пойдем.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ:

3020 год н.э.

Теневая Линия была самой известной природной особенностью Черного Мира. Тектоническая складка коры Солнечной Стороны длиной в четыре тысячи километров, обращенная к солнцу сторона которой возвышалась в среднем на двести метров. Хребет шел на северо-запад. По широкой полосе его тени горняки из Эджворда добивались до богатств Солнечной Стороны. Таким образом, сфера их деятельности расширялась, давая им преимущество над конкурентами.

Никто никогда даже не пытался добраться до конца Теневой Линии. Не было необходимости. Достаточно было пройти первые несколько сотен километров тени, чтобы наткнуться на богатейшие залежи ископаемых. И шахтеры благоразумно избегали риска, не сулящего иной награды, кроме чувства профессиональной гордости.

Обитатели Черного Мира никогда не выбивались из накатанной колеи, если в этом не возникало жизненной необходимости.

Но на этот раз старый рахитик по имени Фрог вознамерился дойти до конца Теневой Линии.

Об этом подумывал каждый старатель — ведь даже мысль о самоубийстве приходит невзначай в голову каждому. И Фрог в этом смысле не составлял

исключения. Пройти Теневую Линию — верный способ войти в историю. Не так уж много первопроходцев упоминается в связи с Черным Миром.

Фрог обдумывал эту идею давно. Вначале он сам подхихикивал над такой дурацкой мыслью. Только полный дурак решится на такое, а старший Фрог не дурак.

Но в последнее время он все четче понимал: он стар, и он смертен. Все чаще свербило, что он нигде не нацарапал своего имени для будущего. Умрет он — и никто не заметит. Двое-трое только будут оплакивать.

Фрог знал только одну жизнь — старателя-краулерщика. Для краулерщика путь к бессмертию только один: Через всю Теневую Линию.

Но он все никак не решался. Не мог решиться окончательно. Сидящий в нем опытный и трезвый старатель вел отчаянные арьергардные бои.

Сам Торквемада не вырвал бы у него этого признания, но Фрог хотел произвести впечатление на кого-то.

Человечество в целом было для Фрога пустым звуком. Он был неизменной мишенью для насмешек, злобных выходок и хуже того — безразличия — всю свою жизнь. Плевать ему было на людей. Только на одного человека не плевать.

У него была приемная дочь по имени Мойра. Белая девочка, найденная им в захолустном космопорте Эджворда. Ее бросили преследуемые Флотом сангарийские работоторговцы, в спешке выбрасывая за борт улики. Ей тогда едва минуло шесть лет, она голодала и не знала

иною окружения, кроме рабов и работорговцев. Никому не было до нее дела. Не было до тех пор, пока не заметил ее упрямый карлик, озлобленный на мир и людей, потеха всего города.

Мойра была не первой. Фрог не мог не помогать бездомным.

Он отогнал от нее извращенца-наркоторговца и привел, напуганную, как только что отнятый у кошки котенок, в свою квартирку-берлогу за водопроводной станцией Эджворда.

Ребенок усложнил его жизнь неимоверно, но зато он вложил в девочку свое невысказанное «я». Теперь, когда им владела мысль о неизбежности смерти, Фрогу хотелось остаться в ее памяти человеком, давшим миру нечто большее, чем мегалитры пота и упрямую гордость, которой хватило бы на пять таких недомерков.

Фрог проснулся, все еще не уверенный в своих дальнейших действиях. Самые глубинные замеры, сделанные в прошлый раз вдоль маршрута, касались лишь первой тысячи километров Теневой Линии.

Эта первая четверть пути будет самой легкой. Компьютер поведет машину по вехам, а Фрог сможет заняться другой работой или бездельничать четыре скучных дня, которые займет путь до последнего ответчика. Там придется перейти на ручное управление и прокладывать новый путь, расставляя ориентиры для обратной дороги. На сон придется останавливаться. Или же спать, возвращаясь по своим следам, чтобы попробовать пройти другим маршрутом. Эти три тысячи километров могут потребовать целой вечности.

Они потребовали тридцати одного дня и нескольких часов. За это время Фрог совершил все грехи, которые только может совершить водитель, кроме собственной гибели. Смерть таилась в тени, тихо посмеиваясь, играя, как кошка с мышью, и заставляя его гадать, когда же сверкнет из темноты крюк и выдернет его из жизни.

Фрог знал, что обратного пути ему не пройти.

Ни один краулер, даже из новейших вездеходов Блейка, не рассчитан на столько дней под солнцем. А уж его музейный экспонат точно не выдержит еще четыре тысячи километров каторги.

Даже если повезет и механика выдержит, кислорода все равно не хватит. Системы регенерации не работают как надо.

Когда уровень горючего в баках упал до половины, Фрог остановил машину и напряженно задумался. А потом двинулся дальше, рискуя жизнью с тем расчетом, что, если заберется достаточно далеко, его спасут и подтвердят результат.

Фрог умел играть в покер. Большие ставки он делал не моргнув глазом.

Сейчас он праздновал успех, нарушив самое непреложное свое правило. Он сбросил теплозащитный костюм.

Человек без костюма не имеет шансов на выживание даже при малейшей неисправности краулера. Но Фрогу казалось, что он полжизни томился в этом дурацком костюме, задыхаясь от запаха собственного пота. Надо было или-вылезти, или завопить.

Он окунулся в опасную и сладостную свободу. И на радостях даже позволил себе умыться драгоценной водой и сполоснуть изнутри костюм. А потом принялся за ящик пива, который какой-то дурак, засевший внутри него, уговорил поставить в шкаф с инструментами.

Ополовинив пиво, Фрог связался с Блейком и хриплым голосом доложил о победе, а ребятам на теневой станции дал прослушать хор своих лучших драг и грохотов. Они мало что могли сказать в ответ. Фрог заснул, не допив ящик до конца.

Прозрение наступило, едва он продрал глаза.

— Ты что же творишь, болван старый! Дурости у тебя на девятых хватит, черт бы тебя побрал. — Он не мешкая влез обратно в костюм. — Ах Фрог, Фрог, и после этого еще нужно доказывать, что ты чокнулся? Теперь это и так все знают.

Он устроился поудобнее в кресле. Пора начинать ежедневную перебранку с диспетчером передового поста Блейка через все маркеры-трансляторы.

— Этот парень сегодня точно в лужу сел, Фрог. Ты его выставил лжецом, сукиного сына.

Кто-нибудь еще слушает? Хотя бы один человек в Эджворде? Наверное. Весь город уже должен знать. Старик наконец доказал, что он именно такой псих, как все и думали.

Теперь они прилипнут к телевизорам, особенно когда он будет пробиваться назад, а телеметрия будет показывать, как у него кончается кислород. Какие ставки будут за него? И насколько больше — против?

— Ага, — пробормотал он. — Уж смотреть-то они смотрят. — От этой мысли он почувствовал себя выше, красивее, богаче, мужественнее. В одночасье он превратился из городского сумасшедшего в героя дня.

— Вот только Мойра... — Он тут же сник. — Бедная девочка... Для нее сейчас ад кромешный начнется...

Фрог не сразу включил переговорное устройство. Вместо этого он принялся изучать изображения на дисплеях — накануне ему было как-то не до них. И ощутил себя опутанным густой паутиной фантазий, постепенно становящихся явью.

Вдоль всей Теневой Линии не было видно ничего, кроме эбонитовых скал слева и пылающей Солнечной Стороны справа. Каждый километр ничем не отличался от предыдущего и следующего. Он не нашел там Эльдорадо, в которое так верили в старые добрые времена, когда все подались в старатели и наперегонки искали залежи побогаче. После первой тысячи километров по целине он перестал искать материнскую жилу.

Даже здесь на первый взгляд все казалось таким же, и только линия хребта, уходя вдаль, терялась где-то среди этих чертовых равнин, тянущихся от оконечности Теневой Линии. Но одно обстоятельство сразу привлекло его внимание: желтизны на дисплее становилось все больше, она сгущалась, когда механический глаз оглядывал простирающееся впереди пространство. А чуть дальше, уже почти за пределами видимости, желтый цвет сменялся ядовито-оранжевым.

Желтое. Радиоактивность. А оранжевый означал — радиация там такая, что в очаге ее выделя-

лось тепло. Фрог перевел взгляд на большой экран. Он уже находился на краю этого огромного пятна и через днище машины получал дозу радиации.

Фрог забарабанил по клавиатуре терминала, запрашивая ответы.

Дурацкий ящик уже не один час переваривал информацию. И теперь с готовностью выдал ему гипотезы.

— Что за черт? — Фрогу ответ явно не понравился. — Ну-ка, попробуй еще раз.

Машина отказалась. Она знала, что права.

Компьютер утверждал, что здесь падала толщина планетарной мантии. К поверхности выходило шупальце магмы, и конвекционные потоки, идущие из недр планеты, выносили в карман теплые радиоактивные элементы. На протяжении веков здесь формировалась сказочно богатая жила.

Фрог отмахивался от этой мысли и все-таки верил. Хотел верить. Должен был верить. Перед ним то, что он искал все жизнь. Теперь он богат...

Но эйфория проходила, и он осознавал реальное положение вещей. Перед ним шесть километров мантии, радиоактивная зона, которую еще нужно пройти. Нужно победить солнце, потому что жила залегала у оконечности Теневой Линии... Для шахтной разработки потребуются ядерные взрыватели, уйма оборудования, целые легионы теневых генераторов, словом, материально-техническое обеспечение в армейском масштабе. Придется собрать и обучить целые дивизии, создать совершенно новые технологии извлечения расплавленной магмы из грунта...

Его надежды улетучивались словно дым по бесконечным коридорам вечности. Он ведь всего лишь Фрог — маленький смешной человечек. Даже у Блейка не хватит ресурсов на такую работу. Придется на протяжении десятилетий вкладывать средства без всякой отдачи — просто в разработку необходимых технологий.

— Будь оно все проклято, — прохрипел он. А потом рассмеялся. — Ну что же, Фрог, одну минуту ты был богат. И тебе это чертовски понравилось!

А потом ему пришла мысль, что все-таки не помещает застолбить этот участок. Вдруг потом кто-нибудь пожелает приобрести у него лицензию на разработку?

Нет. Не выйдет. Единственный реальный покупатель — компания Блейка. А он не собирается делать этих людей еще богаче. И потому будет держать язык за зубами.

И все-таки тут было о чем подумать. Как следует подумать.

Раздосадованный, он велел компьютеру заблокировать всю информацию о жиле.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:

3031 год н.э.

Кассий вошел в кабинет, а вслед за ним — Маус.
— Вызывали?
Шторм убрал кларнет, поправил повязку на глазу и кивнул.

— У сыновей снова руки чешутся меня защитить, Кассий.

— М-да... — Кассий занимал в их семействе особое положение. Он был не только заместителем командующего, но одновременно и тестем Шторма, и его зятем. Шторм был женат на его дочери Фриде. А Кассий женился вторым браком на старшей дочери Шторма от женщины, давно уже умершей. Штормов связывали с их капитанами запутанные, почти кровосмесительные отношения.

— К нам приближается яхта, — сказал Шторм, — за которой гонится крейсер. На обоих кораблях опознавательные знаки Ричарда. Наши ребята уже привели в действие минные поля.

И без того холодное лицо Кассия стало теперь ледяным. Он переглянулся со Штормом, нахмурился и, приподнявшись на носках, сказал:

— Опять Майкл Ди.

— А мои ребята твердо решили не подпускать его ко мне.

Кассий не высказал мнения по поводу разумности этих усилий. Только спросил:

— Он возвращается? После похищения Поллианны? У него больше наглости, чем я думал.

Шторм усмехнулся, но тут же снова посерьезнел под тяжелым взглядом Кассия.

— Пожалуй, ты прав, смешного здесь мало.

Поллианна Эйт была женой его сына Люцифера. Их совместная жизнь длилась недолго. Брак оказался катастрофой. Совсем не такая девушка нужна была Люциферу.

Люцифер был одним из любимейших детей Шторма, несмотря на все усилия осложнить жизнь своему отцу. Его талант лежал в области поэзии и музыки. Но ему не хватило здравого смысла, чтобы предаваться этим искусствам. Он хотел быть солдатом.

Шторм не хотел, чтобы дети шли по его стопам. Военная профессия — это тупик, историко-социальная аномалия, постепенно изживающая себя. Шторм не видел будущего для своей профессии. Но воспрепятствовать сыновьям в их стремлении остаться с Легионом тоже не мог.

Несколько из них заняли в Легионе ключевые позиции.

Среди людей, стоявших у его истоков, выжила лишь небольшая горстка. Угрюмый Кассий. Похожие на призраков братья Вульф и Гельмут Дарксорды. Несколько сержантов. Отец его, Борис, братья отца и его самого — Вильям, Говард, Вердж и многие другие — все нашли смерть без воскрешения.

Семья старилась и дряхлая. А враг в ночи набирался сил... Шторм мучительно застонал. Хватит. А то он станет игрушкой своей одержимости страхом судьбы.

→ Он возвращает ее обратно, Кассий.

Шторм сдержанно улыбнулся.

Поллианна была авантюристкой. Она вышла замуж за Люцифера, чтобы приблизиться к людям, подобным Шторму, а не от увлечения поэтом. Для Майкла не составляло особого труда манипулировать ею, играя на неудовлетворенной жажде деятельности.

— Видишь ли, все подсчитав, он понял, что боится меня больше, чем сам полагал. Я нагнал его на Большой Сахарной Горе три недели назад. Между нами состоялся долгий разговор с глазу на глаз. Думаю, нож сыграл свою роль. Он боится потерять лицо. И все еще беспокоится за Феарчайлда.

Маус из всех сил старался не привлекать к себе внимание. Отец несколько раз скользил по нему взглядом, и каждый раз тень пробегала по его лицу. Ясно было, что взрыв неминуем.

— Ты? Пытал? Ди? — с трудом выговорил Кассий. — А ты уверен, что он не затеял все это, чтобы набить себе цену?

Шторм улыбнулся. Маусу его улыбка не нравилась — в ней сквозило что-то жестокое. Он тут же вспоминал, что в характере отца есть черты, которые с трудом можно назвать человеческими.

— Вот уже больше столетия, как мы вместе, Кассий. А ты до сих пор меня не понимаешь. Конечно, Майкл готовит какой-то подвох. Это заложено в его природе. Так почему ты считаешь, что пытаться кого-то противоречит моей сущности? Я обещал Майклу защитить его. А значит — и он прекрасно это понимает, — сам я не стану его убивать. И не позволю, чтобы его убили, воспользовавшись тем, что я про него знаю.

— Но...

— Когда он перейдет мне дорогу, у меня по-прежнему останется выбор. Я доказал ему это на Горе.

Маус содрогнулся, заметив, как на губах Кассия заиграла зловещая, понимающая улыбка. Кассий ни-

когда не мог постичь, что связывало этих братьев-полукровок. Ему нравилось, что Шторм нашел для себя эту хитроумную лазейку.

Кассий радовался всякий раз, когда горевал Ди. У полковника был к нему свой счет. Феарчайлд все еще на заплатил ему за руку.

«А они ведь по-настоящему жестоки, — подумал Маус, немного удивленный. — Моя семья. Я даже не представлял себе...»

Слишком долго он отсутствовал. И забыл их темные стороны.

— К делу, — сказал Кассий. — Если Поллианна в руках Майкла и за ними гонится Ричард, будет пальба. Значит, нам пора отправиться на передовую.

— Именно это я и хотел предложить, — сказал Шторм, поднимаясь. — Пока сыновья не избавили меня от этой напасти по имени Майкл Ди. — Он рассмеялся и добавил, перефразируя Люцифера, позаимствовавшего строчку из «Генриха Второго», где тот говорит о Бекете: — «И бедной Поллианны с ним в придачу».

«Бедный Люцифер, — подумал Маус. — Только он и проиграет, если сумеет воспрепятствовать высадке Майкла».

Шторм свистнул псам:

— Гери! Фреки! Ко мне!

Собаки, до того шныряющие по комнате, бросились к нему с подобострастным видом. Им позволялось свободно разгуливать по всей Крепости, но они делали это только в сопровождении хозяина.

Шторм накинул излюбленный серый плащ и, посадив на руку воронощера, вышел за дверь. За ним, сдерживая шаг, направился Кассий. Маус поспешил за ними. Собаки трусили чуть впереди в поисках несуществующей опасности.

— Маус! — рывкнул вдруг Шторм и остановился. — А ты какого черта здесь делаешь?

— Я посылал за ним, — ответил Кассий холодным металлическим голосом. Маус поежился. Слишком уж безжизненным и лишенным эмоций оказался ему тон полковника. — Я связался с друзьями — Муны Командной. И они все устроили. Положение таково, что...

— Положение таково, Кассий, что он мне здесь совершенно не нужен. У него есть возможность пойти собственной дорогой. Ради Бога, пусть он ею воспользуется. Слишком многие из моих детей уже угодили в эту ловушку.

Когда Шторм пошел дальше, Кассий обернулся и сказал:

— Подожди меня в кабинете, Маус. А я пройду вместе с ним.

— Есть, сэр!

Маус постепенно проникался чувствами отца. Дух обреченности витал над Крепостью. Назревали какие-то крупные события. И отец не хотел, чтобы он ввязывался во все это. Кассий же считал это его долгом. Маусу стало не по себе. Столкновение воле этих двоих и представить себе страшно, а его присутствие торопит этот момент.

Какая опасность может угрожать Крепости? Первый оборонительный эшелон продуман так, что только Флоту Конфедерации под силу его сокрушить. Но отец и Кассий всегда ладили с далеким правительством.

Оставшись один в кабинете полковника, Маус мрачно задумался. И вдруг понял, что подражает собственному отцу. Но остановиться не мог.

Неужели это Майкл Ди?

Предчувствие беды стало почти осязаемым.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:

2844 год н.э.

Диф стоял подле своей матери, разодетый в пух и прах, на голове его покоилась дурацкая фетровая шляпа наследника семейства. Он приветствовал гостей. Мужчины пожимали ему руку, женщины чинно приседали в реверансе. Паф, двенадцатилетний наследник Дарвонов, метнул в него взгляд, обещавший разборку впоследствии. В ответ Диф напугал до смерти хилого и болезненного наследника Сексонов. Мальчишка разрыдался. Его родители не знали, куда деться от стыда.

Сексоны были единственным из Первых семейств, сохранивших присутствие на Префектлассе. И им стоило немалых трудов поддерживать свой имидж.

Диф тут же осознал свою ошибку, когда отец удостоил его еще более многообещающим взглядом, чем Дарвон в Паф.

Он не раскаивался. Семь бед — один ответ. Сексонскому отпрыску этот визит надолго запомнится.

Прием шел по заведенному порядку. Взрослые тут же принялись за выпивку. К ужину они так нагружаются, что вряд ли смогут оценить изысканную кухню его матери.

Детей собрали в отдельном крыле особняка, чтобы не путались под ногами и при этом находились под неусыпным надзором. Но, как всегда, бдительность гувернанток быстро ослабла, и дети принялись ревностно устанавливать кулачное право. Диф был самым младшим, и его никто не боялся, кроме сексонского наследника.

Когда этот мальчик возглавит семью, это будет началом заката Сексонов.

Дарвонский мальчик питал к Дифу особую ненависть. Паф выделялся своей силой, но ума был невеликого. Он загонял свою жертву в угол со злобным упорством.

Диф не показывал виду, но перетрусил порядком. У Пафа ведь не хватит мозгов вовремя остановиться. Он может такую свалку устроить, что взрослым придется прибегнуть к официальным протестам. А отношения между Дарвонами и Норбонами и без того натянутые. Одна случайная стычка может вылиться в кровную месть.

Приглашение на ужин, как Бог из машины, спасло ситуацию.

Зачем только мать его приглашает тех, кто имеет зуб на их семью? И почему обиды социального плана забываются медленнее, чем поражения в бизнесе?

Он твердо решил стать богатейшим сангарийцем всех времен. Богатство диктует собственные правила. Он вывернет все наизнанку, заставив семейства руководствоваться здравым смыслом.

Застолье казалось Дифу невыносимо формальным и ритуальным.

Дело оборачивалось мрачно. Алкоголь сделал свое дело, но не вызвал подъем настроения и дружелюбия, а выплеснул наружу зависть и раздражение семейств, вытесненных Норбонами с осиринского рынка.

Диф вымученно улыбался, стараясь не замечать окружающих его постных физиономий. Ужин протекал при гробовом молчании. На лицах крепло выражение враждебности.

Когда подали десерт, Дарвон-старший бросил вполголоса что-то оскорбительное в адрес Норбонов. Потом повторил то же самое погромче. Дифу стало страшно.

Все знали, что этот человек — горький пьяница, да и в трезвом виде не особо воздержан на язык. Он может повести себя так, что Норбону не останется иного выхода, кроме дуэли.

Дарвон был ненамного умнее своего сына. Его так и подмывало зацепить человека, добившегося в жизни большего, чем он сам. И конечно же, глупая напыщенность его наследника неминуемо вовлечет его в вендетту. Тогда семья Норбонов налетит на него, как лев на котенка, и проглотит целиком.

Но дурак есть дурак — он всегда мелет всякий вздор, не задумываясь о последствиях. И Дарвон

продолжал наседать. Его соседи по столу потихоньку отодвинулись, стараясь отмежеваться от его замечаний. Разделяя его ненависть, они вовсе не хотели разделять его глупость. И сидели теперь с мрачной безучастностью, словно грифы, парящие в воздухе в ожидании мертвечины.

Сангарийцы всегда находили удовольствие в чужих распрях.

За секунду до того, как вызов стал неминуем, вмешалась судьба.

В зал неожиданно ворвался Рафу, с налитыми кровью глазами, потный, с перекошенным от страха лицом.

Он без всяких церемоний прервал хозяина на полуслове.

— Началось, сэр! — выпалил он, дыша Норбону в лицо. — Полевые рабочие объединились с племенным скотом и напали на надсмотрщиков. У некоторых есть оружие — раздобыли у дикарей. Сейчас мы пытаемся их усмирить, но возможна атака из леса.

Гости взволнованно загудели. Главы семейств и управляющие наперебой просили разрешения связаться со станциями. Трудно было выбрать более подходящий момент для восстания. Все, чье слово в Префектлесе решало, находились далеко от своих мест.

Гости, сбивчиво извиняясь, один за другим вставали из-за стола. Ропот неуверенности перешел в испуганный гул.

Панику усилил офицер вооруженных сил Норбонов. Он влетел галопом, перекрикивая шум:

— Сэр! Внимание всем! Сигнал с «Норбонского Копья»!

«Копье» было персональной яхтой Главы и флагманом флота семьи.

— Известные космолеты численностью до флотилии только что вышли из гиперпространства внутри лунной орбиты!

Во внезапно наступившей тишине кто-то чихнул. Сотня бледных лиц повернулась к офицеру.

— На вызовы не отвечают. Судя по типу, корабли принадлежат флоту людей. Сигнал с «Копья» внезапно прервался. Восстановить связь с кораблем не удалось. В районе его местонахождения мониторы показали резкий скачок гамма-радиации. Компьютер утверждает, что корабль получил пробойну в секторе двигателей, и произошёл взрыв генераторов.

Тишина взорвалась. Все наперегонки устремились к выходу, думая теперь лишь об одном — как бы поскорее добраться до собственной станции. Постоянный кошмар сангарийцев стал явью. Люди отыскивали своих мучителей.

Словно сам дьявол парил теперь по огромному залу, нагоняя ужас на всех, заставляя заворуженно следить за своим безумным полетом. Женщины выли от страха. Мужчины с руганью пробивались к выходу, расталкивая всех локтями.

Налеты на станции случались и раньше. Люди не знали пощады. Их удовлетворяло лишь одно — полное уничтожение.

Конечно, Префектлас представлял собой целый мир, а мир нельзя взять наскоком и оккупировать,

словно крохотный островок в океане. Без подавляющего численного превосходства в кораблях и живой силе — никак. Префектлас, хотя население его и жило разрозненно, обладал разветвленной сетью оборонительных сооружений. Сангарийцы бдительно стерегли свои богатства. В нормальных условиях одной флотилии под силу было бы лишь организовать блокаду.

Однако сейчас обстановка была далека от нормальной. Люди, принимающие решения, сосредоточились в одном месте, вдалеке от сил, которыми они командовали. Никто так и не смог побороть гордость и упрямство семейств и создать централизованную командную структуру. В отсутствие командиров вооруженные силы Семей лодырничали вдалеке от своих постов. А если восстание рабов было всеобщим, у них и без того дел хоть отбавляй. Действуя стремительно, люди успеют высадится прежде, чем персонал станций займет посты и запустит ракеты-перехватчики.

Даже Диф это понимал. Еще он видел то, чего не видели большинство взрослых. Мятеж и атака извне были скоординированы и приурочены к самой кульминации этой вечеринки.

Кто-то из жителей Префектласа работал на людей.

Командиру их оставалось только захватить норбонскую станцию, и тогда он получал контроль над всей планетой. Устранив лидеров и накрыв их корабли внутри защитного зонтика, он сможет прибрать к рукам все поместья по одному. И завоевать целый мир ничтожными силами.

Вся эта история отдавала пиратской дерзостью. Само собой, подкрепленной чьим-то предательством.

И вот сейчас какой-то командир, чуть поумнее остальных животных, посмеивался втихомолку, сколачивая себе состояние.

Уже много лет назад, встретившись с сангарийцами и узнав, что их считают животными, люди приняли целый свод законов, поощряющих варварское отношение к сангарийцам. Тех, кто завоеует хоть один из их миров, осыплет золотой дождь. Даже самый низший чин на корабле сможет выйти в отставку и жить на проценты. А если это мир с развитой цивилизацией, то награда за него не поддавалась оценке.

Бой будет беспощадным. Ненависть людей подогревается их жадностью.

Норбон-старший соображал так же быстро, как и его сын. Он видел, что поражение и гибель неизбежны. А потому сказал жене:

— Уведи мальчика и одень его в рабские лохмотья. Рафу, ты пойдешь с ней. Пусть он затеряется в учебной зоне. Они там друг друга не знают. Так что он сможет пройти.

Мать Дифа и старый зоотехник все поняли. Глава Семейства хватался сейчас за последний шанс спасти продолжателя рода.

— Диф, — обратился к нему отец, опускаясь на колени. — Ты ведь понимаешь, что происходит?

Диф кивнул. Заговорить он не решился. Рассмотрев и обдумав все возможные исходы, он испугался. И не хотел выдавать своего страха.

— Ты ведь знаешь, что нужно делать? Спрячься вместе с животными. Тебе это не так сложно. Ты мальчик смывленный. А они этого не ждут. В свалку не лезь. Когда представится возможность, вернись на родину. Объяви восстановление Семьи и вендетту тем, кто нас предал. За меня и мать. И за всех наших, которые здесь погибли. Понял меня? Сделаешь?

И снова Диф лишь кивнул в ответ. Взгляд его заметался по залу. Кто предатель? И сколько здесь доживут до рассвета?

— Ну, кажется, все. — Отец крепко, до боли стиснул его в объятиях. Прежде он никогда этого не делал. Старый Норбон не любил демонстрировать свои чувства. — Хотя постой-ка.

Норбон достал складной ножик. Вытащив лезвие, он царапнул Дифу кожу на левом запястье, и выступила цепочка капелек крови. Смочив перо, отец написал на его руке длинную серию цифр.

— Вот где ты найдешь свой Жулар, Диф. На Осирисе. Эти числа есть только у меня в голове и у тебя на запястье. Будь осторожен. Чтобы вернуться, тебе понадобится богатство.

Диф вымученно улыбнулся. Какой же все-таки умница его отец — кому еще придет в голову замаскировать самый ценный секрет под номерной знак полевого рабочего?

Норбон снова его обнял.

— Теперь иди. И спеши. Высадка у них не займет много времени.

Впереди послышался отрывистый вой. Диф улыбнулся. Кто-то привел в действие оборонные сооружения станции и теперь запускает ракеты.

Его радость исчезла, когда слышались ответные взрывы. Он торопливо двинулся вслед за матерью и Рафу. В окна хлынуло белое сияние — атмосфера над станцией раскалилась. Гости завопили еще отчаяннее.

Противник начал артподготовку. Защитники станции пытались сбивать его ракеты.

В стойлах рабов царил невообразимый хаос. Диф различил крики и шум борьбы задолго до того, как они с Рафу добрались до смотровой площадки.

На помощь надсмотрщикам пришла охрана дома, и все-таки животных так и не удалось усмирить. Пол купола усеяли мертвые тела. Большинство — полевые рабочие, но и от числа трупов в синей норбонской униформе становилось плохо. Военные и надсмотрщики были скованы в своих действиях — им приходилось беречь ценное имущество.

— Что-то не видно диких животных, Рафу.

— Да, любопытно. Зачем было давать оружие, а самим не воевать?

— Вели им не жалеть скот. Если сюда прорвутся корабли людей, это уже будет не важно.

— Да, конечно.

Осмотревшись минуту, Рафу сказал:

— Пора тебе уходить. — Он обнял мальчика так же крепко, как незадолго перед этим его отец. — Будь осторожен, Диф. Сначала думай, потом делай. Рассчитывай последствия. Не забывай, что ты теперь — Семья.

Рафу провел по глазам тыльной стороной ладони.

— И вот еще: я всегда радовался, когда ты приходил сюда, молодой хозяин. Не забывай старого Рафу. И когда вернешься в Метрополию, убей одного гада и за меня.

В подозрительно влажных глазах Рафу Диф прочитал предчувствие скорой смерти. Старый авантюрист не надеялся пережить эту ночь.

— Я сделаю это, Рафу. Обещаю.

Диф стиснул жесткую руку. Рафу до сих пор остался бойцом. Он не побежит. Он умрет, но животным не лишит его ни храбрости, ни чувства превосходства.

Диф хотел было спросить, почему это он должен бежать, если все остальные собираются стоять насмерть. Рафу оборвал его на полуслове.

— Слушай меня внимательно, Диф. Ты пройдешь вниз по ступенькам до самого конца. Там ты увидишь две двери и войдешь в ту, что справа. Она ведет в коридор, который тянется вдоль учебной зоны. Там сейчас никого нет. Ты пройдешь весь коридор и снова упрешься в две двери. Тебе нужна та, на которой написано «выход». Через нее ты попадешь на огород. Там иди вдоль ситлачной теплицы. Через час доберешься до леса. Иди дальше и упрешься в поселок животных. Оставайся у них до тех пор, пока у тебя не появится возможность покинуть планету. И, ради всего святого, старайся ничем от них не отличаться и сойти за равного. Иначе тебе конец. Не доверяй никому из них и не сближайся ни с кем. Понял меня?

Диф кивнул. Он знал, что нужно делать. Но не хотел уходить.

— Давай! Катись! — повторил Рафу, подталкивая его к лестнице. — И будь осторожен.

Диф медленно направился к ступенькам. Он несколько раз оглядывался, пока шел. Рафу в последний раз помахал ему рукой и отвернулся, пряча слезы.

— Он умрет как надо, — прошептал про себя Диф.

Он добрался до аварийного выхода и осторожно выглянул наружу. На полях было не так темно, как он ожидал. Кто-то включил освещение в сигнальном парнике. К тому же горели бараки рабов. То ли сами животные их подожгли, то ли пожар вспыхнул после бомбардировки.

Маленькие, недолговечные солнца то и дело вспыхивали между звезд. С дальней оконечности станции доносились раскаты грома. Противник уничтожал пусковые шахты. Вой взлетающих в небо ракет сменился взрывами.

Люди приближались. Диф посмотрел вверх, в сторону созвездия, которое Рафу окрестил Кра-том — по названию хищной птицы, водящейся в Метрополии. Где-то там находилась звезда — прародительница людей.

Но различить созвездие не смог. Над головой у него вспыхнуло множество новых звезд, и они разгорались все ярче.

Люди вышли на последний бросок. Нужно спешить, пока еще можно выбраться из зоны, зажатой в клещи их штурмовиками.

Диф бросился к ситлачной теплице. Когда он к ней подходил, новые звезды уже разрослись до небольших солнц. Ракеты вылетали из них рой за роем. Сквозь разрывы бомб над станцией прорывался рокот двигателей.

Корабли были уже на высоте нескольких тысяч футов и прорывались к поверхности. Но и спасение было совсем близко. Если ему вообще удастся спастись.

Целый выводок ракет метнулся к ярко освещенному куполу теплицы. Диф снова побежал, устремляясь прямо в темноту. Сзади раздалась россыпь взрывов. Взрывная волна подбросила Дифа вверх и закрутила в воздушном вихре. Огни купола погасли. Диф поднимался, падал, снова поднимался и ковылял дальше. Нос его кровоточил, уши заложило.

Он шел наобум, не видя дороги. Частые вспышки взрывов мешали ему привыкнуть к темноте.

Десантные корабли уже приземлились.

Один из них сел так близко от Дифа, что его обдало волной горячего воздуха. А он все шел к лесу, не замечая рытвин и ухабов, пока не оказался в безопасности. Там он остановился и стал смотреть, как люди выпрыгивают из корабля и устанавливают связь с соседями справа и слева. Горящая станция озаряла их фигуры зловещим светом.

Диф узнал это подразделение. Силы Быстрого Реагирования — сливки космической пехоты Конфедерации, лучшие и беспощаднейшие солдаты людей. Из их кольца никому не вырваться.

Он всхлипнул, подумав о родителях и Рафу. А потом утер слезы кулаком и направился в глубь леса, не думая о том, что его может обнаружить радар, настроенный на живую силу. Каждые сто шагов он останавливался и оглядывался назад.

В небе уже занималась заря, когда он дошел до первых деревьев. Они росли в одну линию, словно палисадник, — так их высадили создатели станции. Диф как будто укрылся от рока за надежным бастионом.

Когда слух вернулся к нему, он уловил чьи-то осторожные движения. Оказывается, он бежал не в одиночку. Диф сторонился всех, кого встречал на своем пути. Он был слишком потрясен, к тому же плохо владел языком рабов, и на вопросы животных ответить было бы трудно. Дикие особи изъяснялись на другом наречии. С ними Диф надеялся договориться проще. Если их найдет.

Один из них нашел его сам.

Диф уже углубился в лес на четверть мили, когда на него выпрыгнул оборванный, вонючий старик с изуродованной ногой. Он напал столь неожиданно, что у Дифа шансов не было. Попытка сопротивления была пресечена ударом кулака в лицо. От удара Диф прикусил язык в середине сангарийского проклятия и спросил, теперь уже на языке животных:

— Что вы делаете?

Старик снова его ударил. Диф успел только простонать — больше ни на что он не был способен, — как старик набросил ему на голову мешок, натянул

его до самых лодыжек и туго завязал. Секундой позже Диф висел в жалком положении головой вниз на костлявом плече.

Так Диф стал трофеем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:

3052 год н.э.

У моего отца была весьма необычная философия — запутанная, пессимистическая и фаталистическая. О содержании ее можно судить по тому, что он каждый день перечитывал Екклезиаста.

Он верил, что наше существование — подстроенная игра. Добро тщетно борется со Злом. Время от времени оно выигрывает тактические бои местного значения, но лишь потому, что Зло, уверенное в конечной победе, с ним играет. Зло не знает ограничений. В конце, когда подсчитают очки, Зло окажется в большом выигрыше. Все, что в силах человека, — смело смотреть правде в глаза, биться, зная, что обречен на разгром, и оттягивать час поражения до последней капли крови.

Его понимание Добра и Зла отличалось от общепринятого. Он считал, что все зависит от точки зрения. «Я» всегда на стороне ангелов. «Они» — всегда злодеи. Исламо-иудео-христианское абсолютное понятие Зла он считал неудачной и неразумной шуткой.

Энтропия — вот приблизительный словесный эквивалент для того, что Гней Юлий Шторм называл злом. Энтропия антропоморфного свойства, со злоградской жадностью пожирающая любовь и дух созидательства, которые, как я думаю, он считал главными составляющими Добра.

Довольно необычные взгляды, но прежде чем пройти за ним по тому лабиринту, что зовется Теневой Линией, тебе придется понять, что он это видел так.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:

3031 год н.э.

Шторм, Кассий и собаки сгрудились в кабине лифта. Он рванулся вниз, в самое сердце планетоида, к Центру Тактической Информации и Транспортной Службы.

Бенджамен, Гомер и Люцифер пришли в полное смятение, когда их отец вошел в Центр. Шторм мрачно взглядывался в их лица, озаряемые вспышками на дисплее тактического компьютера и карте звездного неба. Все молчали.

Сыновья Шторма стояли потупившись, словно дети, пойманные с запретными спичками в руках. Шторм повернулся вполоборота к Кассию, глядя на вахтенного офицера. Кассий склонил голову. Вахтенному офицеру предстояло объяснить, почему он

не доложил об обнаруженных кораблях. И вспомнить, чем он обязан Гнею Шторму. Разнос ему предстоял ураганный.

Для Кассия подобный проступок был непостижим. Он бы никогда не позволил своей ненависти к семейству Ди влиять на выполнение своего долга. Ди были презренной шайкой лицемерных жуликов, рвачей, информационных дельцов. Беспольной тратой жизненной энергии. Но... Кассий подавлял свои чувства, потому что верил в безошибочность суждений Шторма. А этот вахтенный офицер служил в Легионе не так долго, чтобы приобрести эту веру.

Случись Шторму когда-нибудь ошибиться, явно и жестоко... Кассий не знал, как бы он поступил. Он так долго прослужил вместе со Штормом, что — не исключено — упрямо следовал бы уставу.

Шторм снова оглядел сыновей и удостоил Люцифера одной из своих столь редких улыбок. Этот дурак пытался убить собственную жену.

Шторм подумал о Поллианне и передернулся.

На этот раз придется их простить. Он сам виноват в этом карманном мятеже. Надо было рассказать про женщину.

Тогдашние свои действия он теперь не слишком высоко оценивал. Просто поступил как обычно, не ставя никого в известность, что делает и почему. Последнее время он стал часто ошибаться. Наверное, стареет. В его ремесле выживают те, кто не оставляет места для ошибки.

Он встретился взглядом с Люцифером, и сын его отшатнулся, будто его толкнули.

Люцифер был всего на шесть лет старше Мауса. Высокий, хорошо сложенный, по складу ума он пошел в мать.

Леди Пруденс Гэльская славилась среди небесных сейнеров как поэтесса и музыкантша в ту пору, когда ее народ, загадочные ловцы звезд, еще не скрылся окончательно в межзвездных глубинах. Она явилась в Крепость в качестве эмиссара, жалуюсь на Префектлас и умоляя спасти ее малозаселенный далекий мир от сангарийской тирании.

Шторма тронуло ее беззащитное доверие. Никто не знал, как найти неуловимых сейнеров. Она выдала ему эту тайну в наивной надежде, что это побудит его прийти на помощь. Она метнула кости, поставив все на один бросок.

И выиграла.

Шторму не пришлось потом раскаиваться.

Пруди ему запомнилась лучше всех остальных женщин. Наедине с ним — горячий, ненасытный комочек плоти. На людях — женщина холодная, знающая свое дело, порою властная, а еще — дерзновенная. Ошеломляюще дерзновенная. Никогда прежде и никогда после нее никому не удавалось втянуть Железный Легион в битву наугад.

Он очистил ее мир от сангарийцев. Она подарила ему сына. А потом пути их разошлись.

У Шторма было без счета женщин, родивших ему десятки детей. Родители его тоже не знали понятия «верность». Трое его братьев родились от разных матерей. Майкл Ди — от другого и притом неизвестного отца.

У Фриды Шторм тоже случались измены. К похождениям Гнея она относилась спокойно.

А потому Люцифер родился художником. И хорошим. Его стихи были на уровне таких гигантов, как Моро и Чижевски. Визуалист Бороба Тринг создал калейдоскопическое шоу на основе Люциферовского эпоса «Зольдатен», воспевающего Легион, а в качестве музыкального сопровождения воспользовался симфонией Люцифера в вагнеровском духе.

Однако Люцифер считал для себя поэзию и музыку не больше, чем хобби.

Он твердо решил стать солдатом. Тщетная надежда. Для этого ему не хватало инстинктов убийцы.

Солдат удачи обязан действовать без тени угрызенной совести. Ему противостоят профессионалы, действующие быстро и беспощадно. Они не оставляют противнику времени на рефлексии и сожаления по поводу варварской сущности войны.

Шторм прощал Люциферу его недостатки охотнее, чем сыновьям, не обладающим талантами. На этого мальчика он надеялся. Быть может, когда-нибудь Люцифер одумается и найдет свой путь.

Бенджамен и Гомер были близнецами. Единственные дети Шторма от Фриды, они теоретически и по собственной своей оценке были его любимцами. И бунтовщиками. Мать же всегда защищала их, как злоющая старая кошка — своих котят.

«Может быть, моя вина, что они бунтуют, — подумал Шторм. — Они уже десятки лет как мужчины, а я с ними как с мальчишками. У них же у самих внуки, черт побери!»

От такой долгой жизни у человека смещается временная перспектива.

Близнецы были разными, как день и ночь. Шторм временами сомневался, что оба — его сыновья.

Бенджамена — светловолосого Аполлона — легионеры помоложе, считающие его отца исторической реликвией, просто обожали. Но в трудных ситуациях обратятся ли они к Бенджамену? Нет. Бенджамен Шторм мог и не выдержать давления.

Его мать и друзья видели в нем кронпринца Легиона. Отец так не считал. Если Железный Легион переживет Гнея Шторма, то из всех детей Шторма лишь любимец Кассия обладает тем, что нужно, чтобы править наемниками и бросать их в битву.

Бенджамен умел завоевывать сторонников одним словом, одним жестом. Он обладал этим редкостным даром — внушить любому, что тот — единственное человеческое существо во всей вселенной, до которого Бенджамену есть дело. Но способен ли он привить людям веру?

Не исключено, что Бенджамен однажды возглавит Легион, если отец его сам не назначит себе преемника. Но только до первого дела. У Шторма не вызывало сомнений, что сын его, будучи сильной личностью, возьмет верх над другими претендентами. Но он с трудом представлял себе успехи Бенджамена на полях сражений.

Бенджамен мог повести за собой людей, как гамельнский крысолов, но доведись ему столкнуться с такими противниками, как Хоксблад и ван Бреда

Колффс, они пропустят его харизму через мясорубку и намажут себе на бутерброд.

Гомер был антиподом Бенджамена. Слепец от рождения, погруженный во мрак умственно и физически, неловкий, уродливый, он вызывал отвращение у всех, кроме своего близнеца. Бенджамен был его единственным другом. Гомер ходил за братом повсюду, будто лишь Бенджамен мог рассеять мрак в его душе.

Как бы в компенсацию за свою жестокость природа наделила Гомера слабыми псионическими способностями, но и те не приносили ему пользы. Он был желчен, и не без причины. Не уступая в остроте ума остальным членам семейства, он томился в теле, которое было лишь чуть лучше трупа.

Люди Шторма считали близнецов самой наглядной иллюстрацией двойственности их отца. Бенджамен унаследовал от него внешность и обаяние, Гомер — ярость, боль и мрак души.

Бенджамен встретился с отцом взглядом, и на лице его заиграла торжествующая улыбка. В незрячих глазах Гомера не было раскаяния. Он ничего не боялся. Нельзя было наказать его суровее, чем это сделала сама жизнь.

Он ожидал для себя только зла. И заранее с ним смирился.

У Шторма болела душа за него. Он знал ту тьму, что управляла Гомером, — знал давно и близко.

По меньшей мере раз в день обращался Шторм ко всеми забытой книге, задумчиво перечитывая по-

слание такого же Шторма, что умер четыре тысячелетия назад.

«Суета сует, сказал Экклезиаст, суета сует — все суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?»

Гней Шторм не меньше Гомера видел, как реки текут в моря, и знал, что моря не переполняются. Наоборот, они век от века мельчают и когда-нибудь исчезнут совсем. И что пользы человеку от всех трудов его, если все деяния его — томление духа? Этот Враг несокрушим. Его силы неограниченны и вечны, и Шторм знал, что в этой долгой борьбе обречен на поражение за поражением.

Но в отличие от Иерусалимского Проповедника Шторм не желал сдаваться. Вопреки всему, возможна победа в битве духа. Сохранив мужество, он сумеет оставить свою отметину на жестоком лице поражения. Сдаться — или пойти навстречу судьбе с улыбкой на устах. Это единственный реальный выбор, который ему — как и любому другому — предоставила жизнь.

— К нам приближается корабль, — заговорил он наконец и стряхнул с руки вороноящера. Птица метнулась в тень. Никто не обратил внимания.

Спорить никто не стал. Истина явно выступила на звездных глобусах дисплеев.

— Это корабль Майкла Ди, как я полагаю. Установите с ним связь. Дайте ему проход через минные поля.

Солдаты ринулись выполнять команду раньше, чем успели рывкнуть «Есть, сэр!». Каждый старался показать усердие. Похоже, наказание откладывалось до конца вахты.

— Служба движения, свяжитесь и вы с этим крейсером. Я хочу поговорить с капитаном. Привести все защитные системы в состояние готовности.

— Контакт с Ди, прямой визуальный канал, — доложил сотрудник службы движения.

— Благодарю.

Гней уселся возле аппарата. Кассий встал у него за спиной. Через несколько секунд на экране высветилась лисья физиономия Майкла Ди. Гримаса беспокойства моментально сменилась ослепительной улыбкой.

— Гней, до чего ж я рад тебя видеть! Я уже думал было, что ты не ответишь на мой сигнал.

— Я должен был обдумать и это. — Ди уже не улыбался. Теперь его лицо было простодушно-честным, словно у проповедника. И лишь в приподнятых уголках глаз притаилась хитрость. — Я даже сейчас могу передумать. Ты привез мой груз?

Теперь Ди предстал в своем собственном обличье. Без грима. Без маски. Темные глаза, узкое лицо, нос в крапинках и острые, выступающие зубы придавали ему отчетливое сходство с лисой.

«Вот он — подлинный Майкл», — подумал Шторм.

Ди был многолик. Обладая почти сверхъестественным даром менять обличья, он редко отказывался от маскарада. Имея время на изучение, он мог

усвоить особенности речи и поведения практически любого человека. Ди находил этот талант весьма полезным в своем ремесле. Он был репортером-ландскнехтом.

— Конечно, я ведь обещал, да? — произнес Ди с глумливой улыбкой, уверенный, что брат не бросит его на съедение волкам Хоксблада.

— Покажи мне ее, Майкл.

Майкл резко отодвинулся от камеры, и на экране показалось смазливое личико Поллианны Эйт. По центру управления пробежал легкий вздох.

— Ладно. Даю проход. Конец связи. — Шторм подтолкнул локтем офицера связи. Тот понял намек и блокировал канал прежде, чем Ди вернулся к аппарату.

За его спиной шумно заерзал Люцифер. Шторм повернулся к нему и, предупреждая любые замечания, произнес:

— Люцифер, подготовь входные шлюзы. Не позволяй Майклу бродить где попало. Сними его с корабля и обыщи корабль.

Ди славился своим коварством. Еще в детстве он научился разжигать раздоры с выгодой для себя. Кровная вражда между Ричардом Хоксбладом и его братом была его шедевром.

Ди просто ничего не мог с собой поделаться. Его непреодолимо тянуло лгать и влезать в чужие дела. Когда-нибудь эта страсть его погубит.

Наверняка Майкл явился сюда не только ради того, чтобы доставить Поллианну домой. Не такой он человек, чтобы хоть что-то делать без задней мысли. У него всегда была пара карт в рукаве.

Шторм считал, что разгадал намерения Ди. Хоксблад выдал его, проявив интерес к Черному Миру.

Майкл попытается втравить в это дело Легион. Меркурианские войны оказались потрясающим материалом для развлекательных передач голосети. На этих репортажах Майкл разбогател. Некоторые из этих войн он сам инспирировал, чтобы было что показывать.

Однако просто знать намерения Майкла — этого мало. Слишком он хитроумный. Его работу можно и не заметить.

Сотрудник диспетчерской службы уже связался с кораблем, преследующим Ди.

— Кассий, кто он такой?

— Лоренс Абусси. Один из лучших капитанов Ричарда. Должно быть, Ричард заставил его действовать вслепую. Он удивился, когда увидел меня.

— Характерно для Ричарда.

Хоксблад был помешан на секретности.

Шторм включил звук.

— Капитан Абусси, вы вторглись в чужое пространство.

— Мы заметили ваши предупредительные сигналы, полковник, — ответил командир корабля. — Но мой приказ ясен: захватить яхту.

— По крайней мере он вежлив, — шепнул Шторм.

— И напуган.

Легион каленым железом выжигал неуважение к себе со стороны Хоксблада и его людей. Те тоже в долгу не оставались.

— Я знаю этот корабль, капитан. На его борту находится моя невестка. И мне придется взять ее под свою защиту. Почему бы вам не уладить вашу ссору с капитаном яхты потом, когда он покинет наше пространство? Если корабль угнали, то я пропущу сюда небольшой экипаж, который вернет его обратно.

Абусси побледнел. Оборонные сооружения Шторма были превосходны.

— У меня совершенно ясный приказ, полковник Шторм. Я должен вернуть судно и всех, кто находится на борту.

— Становится горячее, — буркнул Кассий.

— Я знаю вашего работодателя, капитан, — кивнул Шторм. — Он поборник строгой дисциплины, но, если вы объясните ему, по какой причине упустили яхту, он сделает для вас исключение. — Шторм снова убрал звук. — Я пытаюсь найти для него выход, Кассий.

— Он знает.

На этот раз командир корабля ответил не сразу. В конце концов он включил звук и сказал, глядя в сторону:

— Очень сожалею, полковник Шторм. У меня нет выбора.

— Проклятие, — прошептал Кассий.

— Мне тоже очень жаль. Прощайте, капитан. — Шторм прервал связь. — Служба управления огнем, ввести в действие средства пассивной обороны. Не накрывайте крейсер огнем, пока не увидите, что он нагоняет Ди.

Он поднялся и направился к лифту. Собаки вскочили.

— Отец, — окликнул его Бенджамен. — Подожди. Они перешли в нормальное пространство. — Шторм обернулся. — Абусси набрал скорость и сейчас приближается к яхте. За девять тысяч километров от нас он ее нагонит.

— Компьютер? — спросил Шторм в эфир.

— Включен, — ответил голос Кассия.

— Компьютер, ведется слежение за оперативной обстановкой?

— Подтверждаю.

— Прошу анализ.

Машина подтвердила оценки Бенджамена. И добавила:

— Меньшая цель движется к шлюзам по траектории торможения. Диспетчерская служба контролирует посадку. Большая цель наращивает скорость. Намерения с вероятностью девять-ноль, рост: переход в гипер после захвата меньшей цели сферой ее влияния.

— Пустить ракеты! — приказал Шторм. — Этот Абусси умен как дьявол.

— Он цепляется за единственный шанс.

Накрыв Ди своим более мощным полем, Абусси мог нейтрализовать двигатель яхты и вытащить ее за пределы действия ракет Шторма. А затем снова выйти из гиперпространства и спокойно разделаться с Майклом.

Это была тактика старая, как сами звездные войны, хотя и довольно опасная. Если хоть один двигатель выйдет из синхронизации, оба корабля погибнут.

— Этот человек раньше служил у Мак-Гроу, — предположил Кассий. — Только у пирата хватит духу на такую попытку.

— Орудиям на форпостах — готовность! — приказал Шторм. — Начинаем операцию. Ты прав, Кассий, — храбрости ему не занимать. Жаль только, что он не нашел ей лучшего применения.

— Есть люди, которые боятся Ричарда Хоксблада больше, чем Гнея Шторма, — заметил Кассий. — А потом, он может знать что-то, чего ты не знаешь. Ты еще не проанализировал его шансы. А он просчитал их, пока говорил с тобой.

— Ты прав. Компьютер! Просчитать вероятность успеха операции, которую предположительно планирует большая цель, отныне обозначаемая как Противник, Угроза-один.

Ответ компьютера последовал незамедлительно:

— При полном контроле диспетчерской службы над дружественным объектом вероятность шестьдесят пять сотых, рост. Без такого контроля — сорок семь сотых, рост. Анализ случайных минных полей не завершен.

— Класс, — заметил Кассий. — При таких шансах и я бы рискнул.

— И победил бы. Он берет наскоком. Диспетчер, снимите Ди с контроля! Кассий, возьми на себя управление артиллерийским огнем!

Сам Шторм уселся за командный пульт, взяв на себя управление минами и ракетами, защищающими подступы к планетоиду.

— Компьютер! Шансы Противника при новых операторах у пультов!

Машина была криокиборгом. При расчете шансов она умела учитывать квалификацию известных ей операторов.

— При свободе дружественного объекта от контроля диспетчера вероятность — тридцать одна сотая, рост.

Шторм был польщен. Едва они с Кассием вошли в игру, и шансы изменились.

Вот только неизменный рост Шторму не нравился. Компьютер предсказывал изменения вероятности в пользу Абусси.

Шторм снял показания с приборов на пульте. Ни одна из активных мин или самонаводящихся ракет не пройдет достаточно близко от Абусси, чтобы сдетонировать. Оружие вдоль траектории подхода не задействовали, чтобы не зацепить Майкла.

Несколько ближайших к крейсеру мин Шторм подорвал. Вдруг удастся слегка встряхнуть Абусси.

Он догадывался: компьютер предсказывал рост потому, что Абусси действовал искуснее, чем среднестатистический командир корабля, моделируемый компьютером. Ричард никогда не вербовал средних. Ни один глава кондотьеров их не вербовал.

Шторм нажал еще пять кнопок. Это не помогло. Абусси постепенно заползал в безопасную тень Майкла. Оставался лишь один верный способ обновить его — активизировать оружие на траектории подхода.

— Угроза-один, вероятность успеха — сорок две сотых, рост, — объявил компьютер и почти тут же повысил оценку до сорока трех, потом до сорока пяти. Шторм тихо и длинно выругался.

— Ну что, пора ему прыгать? — спросил он.

— Оптимальный вариант — через двадцать три секунды, — ответил компьютер и тут же добавил: — В районе дислокации дальней станции номер двенадцать по объекту выпущен луч. Магнитные аномалии отражают временное снижение эффективности двигателей Угрозы-один. Вероятность успеха для Противника тридцать одна сотая, плато.

— Отличная стрельба, Кассий, — улыбнулся Шторм.

Кассий был слишком занят, чтобы реагировать на комплименты. Склонившись над пультом, он с самозабвенностью пианиста-виртуоза оплетал Абусси паутиной разрушительных лучей.

Шторм отключил и заблокировал свой пульт. Ему так и не удалось зацепить крейсер.

Откинувшись в кресле, он принялся наблюдать за Кассием, отгоняя от себя видение Поллианны, испепеляемой лазерной установкой Абусси. Пока посланец Хоксблада стрелял только в целях самообороны, но у него мог быть приказ убить тех, кого не удастся захватить живьем.

Их шансы против Абусси снизились. Шторм спокойно заерзал. Он не очень-то доверял компьютерным анализам. Сам он когда-то одержал победу при шансах пять к одному в пользу противника. Даже лучшие машины-киборги со встроенным моз-

гом не в состоянии учесть всех человеческих факторов, влияющих на исход боя.

— Лучевой удар, — доложил компьютер. — Аномалии в работе двигателя. Угроза-один, ускорение прекратилось. Вероятность повреждения генератора — семьдесят сотых, рост.

— Время до встречи целей? — спросил Шторм. До сих пор Абусси удавалось сокращать это время, опережая прогноз компьютера.

— Одиннадцать секунд.

Шторм улыбнулся. Абусси карабкался по склону, который становился все круче. Еще один точный выстрел Кассия — и все будет кончено.

И снова Шторм отдал должное своему начальнику штаба. Он не просто бил на поражение, но хирургически точными ударами лишал крейсер возможности вытащить яхту в нейтральное пространство. И это в момент, когда одной ракетой мог уничтожить самого ненавистного врага.

Шторм схватил микрофон и вызвал на связь персонал шлюзов.

— Снарядите спасательную лодку. Пусть стоит в полной готовности и ждет инструкций. Люцифер уже у вас? — Он прервал связь, не дожидаясь ответа, — у компьютера опять прорезался голос.

— Лучевой удар по крейсеру. Серьезные аномалии двигателей. Вероятность повреждения генератора — девяносто сотых, рост. Вероятность успеха Противника — тринадцать сотых, убывание.

— Дайте связь с крейсером, — приказал Шторм вахтенному.

— Угроза-один совершает маневр ухода, — продолжал компьютер. — Вероятность намерений Противника выйти из боя — девяносто пять сотых, рост.

Абусси признал свое поражение.

Установление связи заняло, казалось, больше времени, чем сама операция. Абусси сейчас было не до болтовни — он старался спасти свою шкуру.

Когда на экране наконец появилось бледное лицо командира корабля, Шторм спросил:

— Сами наладите генераторы, капитан? Есть пострадавшие, которым нужна помощь? У меня спасательный катер наготове.

Абусси ответил, судорожно глотая воздух:

— Справимся сами, полковник. Раненых у нас нет.

— Вас понял. — Шторм вышел из эфира. — Прекратить огонь.

В приказе этом не было необходимости. Кассий уже отключил орудийный пульт.

Правду ли сказал Абусси? Такой человек скорее обречет своих подручных на смерть без воскрешения, чем отдаст их в руки противника, способного использовать их против его босса.

Шторм снова вызвал на связь входные шлюзы.

— Отмените готовность на катере. Он не понадобится.

И Кассию:

— Пойдем-ка встретим Майкла. Интересно будет его послушать. Может быть, он даже правду скажет.

— Хорошая работа, джентльмены, — сказал Кассий вахтенным. — Перед сдачей вахты — пол-

ную проверку всех систем. И дайте знать в арсенал — где нужно поставить новые мины и ракеты.

Его острый взгляд пробежал по лицам, и никто не осмелился встретить этот взгляд.

Шторм вглядывался в тень. Вороноящер затаился. Он был встревожен.

— На этот раз мы чисто сработали, — сказал он Кассию, пока они в сопровождении собак шли к лифту. — Вот такой бой — по мне. Даже раненых нет.

— Хорошо бы все бои были, как в шахматах.

Едва они ушли, как в сумраке дальнего угла центрального поста шевельнулась тень. Вороноящер Шторма не сводил горящих глаз с Гомера и Бенджамена. А тем временем Гомер забрался в еще не остывшее кресло перед пультом управления минами и ракетами и принялся ощупывать кнопки и переключатели своими чуткими пальцами. Прислушиваясь к спорадически возникающим пси-образами, он привел в действие пульт, помедлил и щелкнул кнопкой огня.

Огромные огненные клинья раскололи ночное небо на расстоянии двух световых секунд от Крепости. Густой рой ракет-искателей, способных переходить в гиперпространство, нащупывал крейсер капитана Абусси.

Тот не успел далеко уйти.

На корабле взвыли сирены. Загремели автоматические системы ответного огня.

Созвездия скрылись за огненной завесой. Инженеры Абусси ухватились за единственный шанс. Они форсировали поврежденные генераторы. Крейсер

ввинтился в гиперпространство, теряя на ходу отдельные куски. Ракеты, потеряв его местонахождение, принялись обыскивать квадранты со стороны в половину светового года.

Пси-рецептор Гомера, слабый и ненадежный, уловил вдали короткий вскрик. Слепец откинулся в кресле и улыбнулся застывшему в ужасе Бенджамену:

— Сделано!

— Ах, Гомер... — Бенджамен не знал, что сказать. Он избегал смотреть в сторону вахтенных.

Лица офицеров вытянулись и посерели. За то, что они не успели остановить Гомера, Шторм им печень вырежет.

Вороноящер содрогнулся всем телом, уловив псионический вскрик и омерзение вахтенных. Он завернулся в крылья и собственную тень, закрыл глаза и стал ждать возвращения хозяина.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:

3020 год н.э.

Операция по спасению Фрога обрела драматический накал. Экипажи Блейка сумели добраться до него, лишь когда он заглушил двигатель и держался на внутривенных вливаниях и наркотиках, спасаясь в глубоком сне от депрессии и боли лучевой болезни. Цистерны с кислородом уже опустели.

Спасателям пришлось прорыть туннель под его краулер, чтобы добраться до люка на днище. Оказалось, что люк облеплен какой-то чешуйчатой коростой. Тогда раскаленным буром проткнули обшивку краулера и дошли до главной кислородной цистерны. Двое водителей соскребли коросту с люка. Остальные распылили на стены туннеля быстросхватывающуюся эпоксидную смолу. Потом в туннель сунули ствол компрессора и закачали дыхательную смесь.

Работать пришлось в каторжном темпе. Предчувствуя скорый конец, обезумевший от боли Фрог снова сбросил теплозащитный костюм. Эта глупость едва не стоила ему жизни.

Спасательные работы компания Блейка оплатила из своего фонда рекламы. На место происшествия слетелись репортеры голосетей, жужжа камерами. Руководство компании усмотрело в случившемся возможность дешевой рекламы. Название «Горнодобывающая и металлургическая корпорация Блейка» теперь прогремело по всей Конфедерации.

Старый Фрог получил гораздо больше, чем рассчитывал. Он потряс не только маленькую девочку и жителей родного городка. В течение целой недели он стал героем всех выпусков новостей. Его приключения шли из Эджворда в прямом эфире. Съёмочные группы смело перли в Теневую Линию, чтобы отснять спасательные работы для последующей передачи.

Знай об этом Фрог, он бы усмехнулся, плюнул и вырвался. Это была не та слава, которой он искал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ:

3031 год н.э.

На приеме, устроенном по случаю возвращения Поллианны, Маус не лез в середину. Его влекла атмосфера веселья, но противно было видеть Бенджамена и Гомера и вспоминать, что они пытались сделать. Жизнь в Академии — это серые дни дисциплины и полного отсутствия веселья. Сейчас Мауса тянуло петь и танцевать. Молодежь успевала и то, и другое, при этом закладывая фундамент завтрашнего похмелья.

Старшие хмуро толпились по краям залов как грозовые тучи, рокошующие на сером горизонте. На лицах их читалась напряженность, граничащая со страхом. «Стоят как сторожевые идолы в храме бронзового века, — подумал Маус. — Или безгласные вороны смерти».

Он тут же высмеял себя за дурные предчувствия. Похоже, отцовский пессимизм становится заразителен.

Шторм, Кассий и остальные старшие только что возвратились с совещания руководящего состава. Мауса туда не пустили. Он догадывался, что на первом месте стоял вопрос о близнецах. Инстелльная связь стонала от нагрузки. Очевидно, они консультировались с Хоксбладом. Маус понятия не имел,

что в результате решили. Кассий едва успел шепнуть ему, что крейсер спасся. Еле-еле.

На этой же встрече вице-президент по поставкам «Горнодобывающей и металлургической корпорации Блейка» из Эджворда в Черном Мире представил на рассмотрение некий контракт.

Маус догадывался, что дело серьезно. Участники совещания пребывали в мрачных раздумьях. В них ощущались злость и горечь. Ричард не захотел проявить понимание. И теперь человек Блейка пытается выкрутить им руки.

В зале то и дело слышался скрипучий смех Ди. Добрый старый дядюшка Майкл был душой вечеринки.

Его шумное и назойливое присутствие раздражало всех. Среди суровых аскетично одетых солдат этот разряженный павлин с хриплым голосом попугая был инородным телом. Он взял на себя неблагодарную роль клоуна, безуспешно пытающегося развеселить подчиненных своего брата. Язвительные, угрюмые, иногда подозрительные, иногда ненавидящие взгляды Шторма, Кассия, Вульфа и Гельмута Дарксордов несколько его не смущали. А сыновей Шторма он просто не замечал, лишь изредка удостаивая недоуменным взглядом Люцифера и Мауса.

Люцифер выглядел еще угрюмее, чем отец. Его напряженные движения выдавали с трудом сдерживаемый гнев. Он смотрел на Майкла беспощадным взглядом. Время от времени он угрюмо ворчал, словно грозящая взрывом бомба с непредсказуемым ме-

ханизмом. Похоже, радость от возвращения жены выбила его из колеи.

Присутствие Мауса для всех смотрелось загадочной аномалией. Его это всеобщее замешательство забавляло. Все знали, что он должен быть в Академии. Все знали, что даже старшекурсник, даже имеющий такого известного и уважаемого отца, как Гней Шторм, отпуска не получит, если только не задействовать рычаги на уровне стратосферы. Майкл снова и снова возвращался к нему беспокойным взглядом.

За клоунской маской, которую нацепил на себя Ди, прятался внимательный наблюдатель. Его острые глаза так и бегали по залу. А Маус, в свою очередь, неусыпно следил за ним.

Майкл нервничал.

И Маус это чувствовал. Улавливал он и сотни других эмоциональных волн. И потому ощущал всеобщее давящее ожидание неотвратимой судьбы, тяжелой как само время.

Ненависть к Майклу Ди. Недоверие к вице-президенту Блейку. Беспокойство по поводу Ричарда Бенджамена, почти одержимый страхом перед тем, как оценит отец его роль в атаке на крейсер. Люцифер на грани психоза, запутавшийся в собственных чувствах к жене, отцу, Ди, Хоксбладу, Бенджамену, терзаемый бесконечными подозрениями, ревностью, отвращением к самому себе. Гомер... Ну, Гомер есть Гомер.

Маус подумал, не ошибается ли отец, оставляя Бенджамена в неизвестности. Он ведь не настолько

уравновешен, насколько хочет выглядеть. Его постоянно мучили ночные кошмары. А теперь, кажется, тот же сон преследует его наяву.

Бенджамену снилась собственная смерть. Годами он со смехом гнал от себя этот сон. Но нападение на корабль Хоксблада заставило его поверить в предчувствия. Теперь он испугался по-настоящему.

Маус снова взглянул на брата. Он никогда не обманывался насчет Бенджамена. Бен — всего лишь броский фасад. Он достоин только жалости.

Братьям Дарксорд тоже передалось всеобщее сумасшествие. Они готовы были кинуться на любого. Подобно Шторму, они считали сражение на Сломанных Крыльях своей последней кампанией и собирались провести остаток жизни в качестве уважаемых фермеров в пасторальном мире, далеком от тягот и забот в Железном Легионе. Их срок службы в Крепости давно кончился, но связи, уходящие в глубину двух столетий, не так-то легко оказалось разорвать.

Маус посмотрел на отца.

До этого Шторм почти час просидел недвижимо, погруженный в раздумья. А теперь он встряхнул головой, как большая собака, вылезающая из воды. Он искоса метнул недобрый взгляд на представителя горнодобывающей корпорации. Маус вдоль стены подобрался за спиной отца поближе, чтобы лучше слышать.

— На этом можно выиграть немного времени. Гельмут! Вульф! Кассий!

Маус заметил, что Майкл Ди наклонился в их сторону и наострил уши.

— Убейте посланника из Черного Мира, — сказал Шторм. — Аккуратно. Труп подбросить Хельге Ди. Так, чтобы она не знала источника.

Приговоренный был слишком ошеломлен, чтобы протестовать.

— Ты говорил, Кассий, что Мир Хельги упоминается в бумагах, которые нашел Ричард. Так?

— Да.

— И в бумагах на корабле Майкла. — Шторм пронзительно посмотрел на Майкла Ди, и на виске у того выступила капелька пота, а лицо слегка побледнело.

Майкл Ди был той финансовой силой, что стояла за его дочерью Хельгой. Именно он управлял холодным религиозным княжеством Фестунг Тодесангст*, расположенным в Мире Хельги. Им с дочерью принадлежала собственность, размеры которой способны смутить кого угодно.

Маус уставился на спину отца. Нет, даже он не способен так хладнокровно приказать убить человека!

— И корабль Майкла тоже взорвите, — распорядился Шторм. — Изобразите все так, будто Абусси подошел слишком близко и задел их силовые поля. Пусть Бенджамен и Люцифер этим займутся. Пора им платить долги.

Братья Дарксорд схватили посланца Черного Мира под руки и с невозмутимыми лицами потащи-

* Крепость Страху Смерти (нем.).

ли навстречу смерти. Со стороны могло показаться, что два пожилых джентльмена ведут своего приятеля проветриться.

У Мауса свело живот от напряжения.

А Шторм в это время повернулся спиной к Ди и шепотом произнес:

— Кассий, посади его под арест на одной из орбитальных станций. Официально его здесь не было. Передай приказ дальше.

— Так мы выиграем от силы месяц, — предупредил Кассий. — Ричард взбесится. А компания Блейка никогда не бросает своих людей в беде.

Маус облегченно вздохнул. Оказывается, не такой уж монстр его отец.

— Они мыслят реально. Мы им дьявольски нужны. Так вступим в игру и заставим их повысить ставку. Я потребую место в совете директоров и процент с того дела, что они затевают на Теневой Линии.

— Ты хочешь заломить такую цену, чтобы нас вышибли с рынка?

— Не думаю, что мне это под силу. Не своди глаз с близнецов. Хватит с нас их выходок.

— Угу... — пробормотал Кассий и направился вслед за Дарксордами и их жертвой.

Мгновение спустя ушел и сам Шторм, оставив своего сына Терстона, собак и вороноящеров присматривать за Майклом Ди.

Глаза его сузились от гнева, когда он проходил мимо Мауса. Он даже чуть помедлил, словно раздумывая — не объяснить ли ему несколькими точными словами, что такое сыновнее послушание. Но

передумал и пошел дальше. Отказ Майкла вернуться в Академию — сущий пустяк по сравнению с остальными его проблемами.

Маус вздохнул. Потребуется время, чтобы отец созрел для этой идеи. Чтобы Кассий смог Мауса отстоять.

Он нахмурившись глядел, как уходит отец. Что дальше? За минуту до этого в коридор прошмыгнула Поллианна. Интересно, зачем это отец за ней пошел?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ:

2844 год н.э.

Старика звали Джексон, но Диф должен был называть его хозяином. Он считался изгоем даже среди потомков беглых и списанных рабов. Жил он в зловонной пещере в трех милях от поселения животных. Овладев несколькими несложными трюками и зачаточными знаниями по медицине, он сделал карьеру знахаря. Приступы безумия в сочетании с разными фокусами держали в благоговейном страхе его жертв-клиентов — таких же убогих, дегенеративных существ, как он сам.

Не прошло и недели, как Диф понял: Джексон — чистой воды обманщик, одинокий старик, обзлившийся на весь мир, который, как он верил, только и желал ему зла. Его знахарство было лишь попыткой вернуться к людям. Это была жалкая, слабая,

напыщенная тварь, совершенно безумная и в своем безумии беспощадная. Дня не проходило, чтобы он не истязал Дифа за какие-то вымышленные обиды.

В глубине пещеры старик варил из злаковых зерен свое зловонное пиво. Он уже припас не одну сотню галлонов, примерно столько же находилось в процессе изготовления. В обязанности Дифа входило следить, чтобы кружка старика всегда была полна. В результате Джексон постоянно находился в состоянии подпития. Однако это нисколько не смягчало его необузданный нрав. Но что казалось Дифу особенно отвратительным, так это полное пренебрежение Джексона к гигиене.

Первые дни он с трудом сдерживал рвоту. Опорожняя мочевой пузырь, старик удосуживался лишь подняться на ноги и направить струю в сторону. Он никогда не мылся. В пещере воняло гораздо хуже, чем в логове любого зверя.

Дифа он держал на десятифутовой веревке, петля у него на шее затягивалась туго, стоило только дернуть. Очень скоро мальчик обнаружил, что старик душит его совершенно независимо от его поведения. Он дергал за веревку просто ради потехи.

Ничто не забавляло его больше, чем конвульсии задыхающегося мальчика.

Усвоив, что никакой причинно-следственной связи в данном случае не существует, Диф не старался больше ублажать Джексона. Он просто выполнял все, что приходилось, а свободное время проводил в угрюмых раздумьях или в попытках что-нибудь стянуть у старика на скорую руку.

Джексон вообще его не кормил. А если заставлял мальчика за кражей из своей скудной кладовой, то приходил в неопишемую ярость. Почти каждая еда оборачивалась для Дифа удушением или побоями.

Он научился выдерживать жестокую школу. И начал понимать смысл наставлений отца и Рафу, призывающих его быть дальновидным и сначала думать, потом действовать.

Самым болезненным, унижительным и действенным оказался первый урок. Им стала неудавшаяся попытка побега, вызванная чисто животным стремлением покончить с муками.

На третью ночь своего плена, когда он уже оправился от психологической травмы разрушения станции, но еще не свыкся с жестоким обращением, Диф долго лежал, не сомкнув глаз, на куче прелых листьев, ставшей теперь его постелью. А Джексон, сидя в грубом самодельном кресле, все пил и пил, пока не погрузился наконец в хмельное забытие.

Диф терпеливо выжидал, заставляя себя лежать неподвижно, хотя сердце подпрыгивало в груди от нетерпения. Минуты маршировали мимо него стройными полками, складываясь в часы. Последние крохотные язычки пламени угасали в очаге, оставляя после себя тлеющие угольки.

Он поднялся, быстро и тихо, и попытался развязать узел на шее. Руки не слушались. Он так и не смог развязать ни одной петли на удавке. Тогда он осторожно пополз к креслу старика. Другой конец веревки был привязан к его ножке.

Этот нехитрый узел, каким обычно связывают бельё, отнял у него несколько минут. Близкое присутствие Джексона вызывало у него оцепенение. Пальцы превратились в трясущиеся неловкие отростки.

Диф напоминал себе, что Рафу в его годы уже ходил в рейды, что сам он — сын-первенец Главы, прямой наследник одного из старейших и достойнейших Семейств. И следовательно, должен превосходить мужеством обычных, неимущих сангарийцев вроде тех, что нанимаются к ним в поместье. Он твердил это снова и снова, как заклинание.

В Метрополии его учили конкретизировать страх, превращать его в объект для противоборства. В данном случае выбор был очевиден. Старик для него — средоточие зла, постоянный источник опасности...

Узел поддался. Диф бросился к лазу из пещеры, веревка волочилась за ним...

Петля на шее затянулась рывком. Дыхание прервалось, Дифа бросило на колени. Он судорожно схватился за горло.

Здоровой ногой придавив к земле веревку, Джексон бешено заливался надтреснутым смехом. А потом схватил посох и принялся что есть мочи избивать Дифа, останавливаясь лишь для того, чтобы дернуть за удавку, когда мальчику удавалось чуть ослабить петлю и глотнуть воздуха.

В конце концов силы старика иссякли, да и само развлечение ему наскучило. Тогда он связал Дифу кисти рук, а затем пропустил веревку через дыру в потолке пещеры и вздернул мальчика на дыбу.

Два дня он болтался под каменным сводом слово боксерская груша. Джексон подверг его всем мучениям, которые только способен был изобрести его замутненный разум, даже опробовал на нем грязные гомосексуальные штучки — тот суррогат любви, которым пользуются педерасты. И все это бесконечное время то и дело хныкал:

— Значит, хотел бросить бедного старого Джексона? Заруби себе на носу, сангарийское отродье: тебе ни жизнь не облапошить настоящего человека.

Диф пришел в ужас. Как старик узнал?

Позже он понял, что Джексон — выбракованный раб и в ту ночь смог понять слова Дифа, сказанные в испуге и отчаянии.

Сквозь пелену боли и безнадежности он осознал: чтобы выжить, ему придется пасть еще ниже. Он станет пресмыкаться перед стариком, лишь бы тот не выдал его в деревне.

Конечно, если Джексон и проявлял иногда доброту, он делал это ради выгоды или по недосмотру. Но как бы то ни было, старик ни разу не обмолвился о происхождении Дифа.

Даже болтаясь в подвешенном состоянии, изнывая от боли и отчаяния, Диф не забывал о поучениях старших. Именно сейчас он понял, как важно для человека сохранять терпение.

Старик так и не сломил его. Возможно, Диф не поддался, потому что сама идея эта казалась ему абсолютно чуждой. Он просто не знал, что это такое — сдаться.

В Метрополии была поговорка: «Он — сангариец». Это означало: он — настоящий мужчина, и даже больше. Это значило тонны каменной решимости и абсолютную нестигаемость.

Диф был сангарийцем.

Наконец старик устал. Он снял Дифа с дыбы и, схватив за волосы, швырнул на кучу листьев. А потом, еще раз вытянув напоследок посохом, связал руки за спиной, пропустил другой конец веревки через отверстие в камне и закрепил на достаточной высоте, так чтобы Диф до нее не дотянулся. И снова взгромоздился в кресло, усмехаясь в свалившуюся бороду.

Диф не спал ночами, лелея свою ненависть и оскорбленное самолюбие. Он возвращал в себе терпение и решимость.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:

3031 год н.э.

Гней! — выдохнула Поллианна. — Ты меня избегаешь.

— Вовсе нет. Просто у меня работы было много.

Каждый изгиб тела этой женщины, каждый сантиметр ее нежной, гладкой кожи кричал о неутоленной похоти. Такой ненасытный взгляд бывает лишь у молодых влюбленных женщин и проституток высшего разряда. Глаза ее, как глаза уличных шлюх,

становились пустыми, холодными, змеиными, как только она сходила со сцены. Сейчас она позировала, выставив вперед одно бедро, как манекенщица. И дышала коротко и часто.

Шторм сегодня не стал играть в эти игры.

— Я хочу слышать все о твоих странствиях, юная леди.

Он открыл дверь ее комнаты. Она, входя внутрь, попыталась задеть его грудью как бы случайно. Но от Шторма повеяло таким холодом, что легкая тень беспокойства промелькнула на ее слишком красивом лице.

Едва затворилась дверь, как она прильнула к Шторму всем телом.

— Я соскучилась по тебе, — шептала Поллианна, прижимаясь к нему лобком. — Я скучала по всем. И по Крепости. Но по тебе особенно, Гней. Ни с кем мне не было так хорошо.

— Сядь! — приказал он. От его резкого голоса Поллианна отпрянула, встревоженная уже всерьез. — Давай послушаем твой рассказ.

Мало было мужчин, которых Поллианна не могла увлечь постелью и сделать своей игрушкой. Хоксблад. Кассий, при виде которого у нее стыла кровь. Дарксорды. Майкл Ди — этот ей особенно дорого обошелся. Но Шторм... Он всегда казался таким податливым. Так, значит, это он использовал ее, а вовсе не наоборот. Самолюбие ее и так было в синяках и ссадинах после путешествия с Ди. К новому удару оно не было готово.

Шторм явно был угрюм.

Все эти старики, утратившие под воздействием времени и опыта юношескую чистоту и душевную ранимость, стали для нее совершенно неуязвимыми. Она инстинктивно угадывала царившие внутри них беспроглядный мрак и всепоглощающее зло. И оно вызывало отклик в темном начале ее души. Их черное пламя вырывалось наружу и манило ее к себе, словно зажатая свеча — мотылька. Она их боялась.

— Гней, я ведь никому не желала зла! Честно! Я только хотела встретиться с Ричардом Хоксбладом.

— Ты ведь не в детском саду, Поллианна. В обществе, в котором мы живем, нет места старомодной учтивости. Мы играем по жестким правилам. У нас и без тебя полно неприятностей. Твои действия неотделимы от наших. Ты — член семьи. И Ричард не собирается списывать наши грехи на твою глупость. Ты виновна в смерти людей, которых не воскресить. Смерть порождает смерть. Одному Богу известно, сколько людей погибнет теперь по твоей милости.

Он знал, что и его вина здесь есть. Ему надо было ее просто списать. Не следовало выслеживать Майкла и лететь за ним на Большую Сахарную Гору. Но такая логика с тем же успехом позволит обвинить и Майкла, и Ричарда, и Люцифера. Нет, главная ответственность лежит на Поллианне. Первой приняла решение она.

— Расскажи мне все, Поллианна. Ничего не добавляя и ни о чем не умалчивая. Не пытайся себя обелить. Мне нужны точные факты. Я хочу, чтобы ты пересказала все слово в слово, передавая тон, выражение лиц, все, что ты слышала. Особенно раз-

говору Ричарда с Майклом или кого-то из них с другими людьми. На любые темы. Есть призрачный шанс, что мы еще сможем выбраться из этой переделки или по крайней мере смягчить удар.

— На это уйдет не один час.

Поллианна решила заплакать. Шторм не обратил внимания. Взаимодействуя с реальным миром, Поллианна прибегала к испытанному набору поз и ролей. Настоящая мисс Эйт пряталась за кулисами, направляя действие, нажимая на кнопки, дающие подходящую к случаю реакцию.

«Я выиграла время, — подумала Поллианна. Перепуганное лицо пришельца из Черного Мира всплыло у нее в памяти. Бедняга ни на секунду не сомневался относительно своей участи. — Нужно выиграть еще немного».

Она уняла слезы так же быстро, как вызвала их. И заговорила приглушенным, тихим голосом, лишенным эмоций. Поллианна повела рассказ с самого начала, не утаивая горькой правды ни о чем, кроме собственных мотивов.

Она соблазнила Ди и уговорила его взять ее с собой на Старую Землю. Теперь-то она понимает, что он согласился по собственным соображениям. На старой родине пришлось несладко. Ее больше всего тяготила бедность, царившая на этой полностью выпотрошенной и перенаселенной планете. А Майкла — полное безразличие руководства голосетей к его репортажам о боевых действиях на Сломанных Крыльях.

— Со Старой Земли мы отправились в Черный Мир. Все то время, что мы там находились, он держал меня взаперти на своем корабле. Я кое-что знаю, потому что он часто разговаривал во сне. Наяву он слова не сказал. Я чувствовала — он взволнован, даже напуган. Что-то у него там не ладилось. Постепенно у Майкла развилась легкая форма паранойи — ему все казалось, что за ним кто-то гонится, хотя уверен он не был. Из Черного Мира мы улетели на встречу с Ричардом Хоксбладом. Лично он — не такая уж большая шишка, ведь так?

Большую часть времени ее держали в отдалении от Ди и Хоксблада. Поллианна знала, что разговор идет о Черном Мире. Она выудила свои скудные сведения у разных мелких сошек из окружения Ричарда.

А потом Майкл исчез. Никто не знал, куда он подевался. Одни поговаривали о Трегортгарте, другие — о Большой Сахарной Горе.

— Он был на Горе, Полли. Продолжай. Пока что ты хорошо говоришь.

— Мне пришлось слоняться без дела и ждать. Тоска смертная. Хоксблад почти не показывался на глаза. Он сидел над каким-то проектом по Черному Миру. Мне раньше и в голову не приходило, насколько у вас тяжелая работа. Это ведь не то что на ринге боксировать, да?

Шторм едва заметно улыбнулся. Ну что же, по крайней мере Поллианна подтвердила данные его разведки относительно Ричарда. Значит, Хоксблад точно нацелился на Черный Мир.

— Майкл вернулся лишь спустя два месяца. То есть пару недель назад. Он был по-настоящему счастлив. Не то что раньше, когда от его видеозаписей все отказывались, — в то время он был просто невыносим, особенно когда у него началась мания преследования. Мне Майкл сказал лишь, что встретился с одним человеком и теперь все образуется. Он даже перестал разговаривать во сне.

«Кого он имел в виду? — подумал Шторм. — Явно не меня. А кто еще побывал на Большой Сахарной Горе? И зачем понесло туда Майкла?»

— После возвращения он пробыл там с неделю, а потом схватил меня и эту яхту и двинул сюда. Раз в два дня он выпроваживал меня из командирской рубки. А когда впускал обратно, я каждый раз обнаруживала, что инстел еще теплый. Уж не знаю, с кем он разговаривал. Потом мы попали сюда. Остальное ты знаешь.

Остальное он знал.

Шторм проверил время. Рассказ ее занял около часа. Правда, у него еще осталось несколько вопросов. Но вряд ли Полли сможет на них ответить.

Поллианна, подумал он, сплошная загадка. Она вся — поверхность без глубины. Даже когда спишь с незнакомой женщиной, она и то приобретает форму, сложенную из каких-то мозаичных обрывков постельного разговора. Любая женщина — но не миладша Поллианна. Она всегда остается сугубо одномерной. Ее неизменными атрибутами остаются лишь красота и влагалище и внимание к тому и к

другому. Рассказывая, она успела восстановить грим.

Просто андроид, построенный для демонстрации красоты и для постели! Можно проникнуть в ее тело, но нельзя узнать, что кроется за ее фасадом.

Даже Люцифера она сбивала с толку. Кажется, смысл ее жизни лишь в том, чтобы ценили ее красоту, как классическую картину или поэму. Весьма любопытный феномен.

Раньше он о ней не думал. Она была для него не более, чем картиной. Ею или любят, или просто ее не замечают. Но теперь настало время пошарить в окружавшей ее дурацкой тени.

Нужно было бы заставить ее открыться, нарушив обычный порядок вещей, но он не знал чем.

Разговор с Поллианной кое-что прояснил. В Черном Мире дело было серьезнее, чем он думал. Перспектива торговой войны за радиоактивные запасы, стоившие триллионы, не особенно волновала Майкла. Судя по словам Поллианны, он вряд ли собирался снимать репортажи с войны. Ему все это было важно по каким-то иным причинам.

Значит, Большая Игра.

Так Ди окрестил кровную вражду между Хоксбладом и Штормом, которую он сам и создал. Он не знал, что Шторму об этом известно. Конечная цель этой Игры — взаимное уничтожение. Игра эта ведется с самого возникновения обоих отрядов.

Шторм до сих пор не мог взять в толк почему.

Он пытался у Поллианны:

— С кем Майкл виделся на Большой Сахарной Горе? Зачем?

Ответ должен был быть важным.

У Поллианны ответа не было.

— А, черт! Черт!

Шторм позволил поцеловать себя, потом осторожно высвободился из ее объятий и тут же ушел. Вернувшись в кабинет, он послал вызов Кассию и обратился к Экклезиасту. Но утешения в нем не нашел. Мысли в голове беспорядочно роились, мешая следить за фразой. Гней взялся за кларнет.

Настали дни душевных испытаний.

Незаметно вошедший Кассий молча слушал, а потом сказал:

— Никогда еще ты не играл так печально, Гней. Вздрыгнув от неожиданности, Шторм пояснил:

— Это погребальная песня. Думаю, мы уже дошли до конца. Я допросил Поллианну. Она отличный наблюдатель. Никогда бы не догадался по ее пустоголовому поведению.

— Я сам иногда удивлялся.

— Ты тоже? Значит, я ничего не придумываю. Такая пустота в голове достигается только путем неустанного самосовершенствования.

— Возможно. А потом, поглощенность сексуальными контактами вырабатывает маску, которую мужчины, будучи эгоистами, в большинстве своем не хотят срывать. Ты меня вызывал?

Шторм отметил про себя — надо бы расспросить Фриду и свою дочь, что женщины думают о мисс Эйт.

— Мы с тобой стареем. Дни наши идут к закату. Жизнь проскальзывает мимо нас. Словно мы угодили в обратный временной поток...

Кассий удивленно приподнял бровь. Шторм не привык обнажать свои чувства.

— Наш Легион на краю заката. Может быть, как и все отряды. Думаю, мы станем одновременно причиной и следствием нашего разрушения, и выхода я не вижу.

— Пока существуют корпорации и богачи, которые нуждаются в нас и не боятся правительства, мы без работы не останемся.

— Время уже наступает нам на пятки. Конфедерация накачивает мускулы. Это исторический процесс. Неизбежный. Демократические режимы, регулирующая роль правительства — все это надвигается быстрее, чем отодвигаются границы. Очень скоро нас нагонят.

— Ты слишком пессимистичен.

— Вспомни историю, Кассий. Гадючники вроде Старой Земли своими голосами забьют любой разумный подход. Это старая история. Восходит еще к Риму. Зачем самому работать, если достаточно проголосовать за того парня, который ограбит других ради твоего блага?

Полковника поразила горечь в голосе Шторма. Тот сам не осознавал, насколько сильны его чувства.

Потом Шторм рассказал Кассию то, что узнал от Поллианны.

— И что ты предлагаешь?

— Во-первых, надежно изолировать Ди в крепости. Если мы свяжем ему руки, все пойдет медленнее. Пусть этим займется Терстон. У него не хватит воображения, чтобы поддаться на уговоры Майкла. Ты отправишься на Гору. Мауса возьми с собой. Ты не хочешь возвращать его в Академию, и ты мне говорил, что он мечтает о разведывательной работе. Вот пусть и выяснит с тобой на пару — с кем Майкл там встречался. И с Сета Беспредельного глаз не спускай.

— А ты мягкосердечнее, чем пытаешься выглядеть, друг мой.

Шторм пожал плечами.

— Если он начнет мешать, отправь его домой. А Вульф и Гельмуту передай: пусть собираются на Черный Мир.

— Зачем?

— Похоже, что нам все равно придется туда лезть, хотим мы или не хотим. Надо быть готовыми. Да, и пусть сержанты, из тех что постарше, найдут работу Бенджамену и Гомеру. Чтобы от них не было хлопот. А Люцифер пусть поднимет архивы и проследит весь жизненный путь своей пустоголовой жены. Начиная с даты и места рождения. Ясно?

— Ясно. Насколько я понимаю, сам ты тоже здесь не останешься?

— Нет. Ты встретишься со мной на обратном пути с Горы. — Он осмотрелся по сторонам, будто рассчитывая увидеть притаившегося в тени Майкла. — А где мы держим Феарчайлда? У меня к нему есть вопрос.

— Куда ты собрался?

— В Фестунг Тодесангст, — тихо ответил Шторм. — Это единственный след в бумагах Майкла. Поллианна упоминала об этом. И Ричард тоже.

Кассий удивленно приподнял бровь — у него это было самым заметным проявлением чувств.

— В логово льва. Повидаться с Валери? А может быть, с самой Хельгой?

— С Валери. Майкл наверняка собирается использовать ее способности на полную катушку. А уж Хельга обеспечит, чтобы Валери взялась за дело. Валери может знать, что происходит.

— Я не стал бы предполагать... Хотя, с другой стороны... Гней, но ведь это слишком опасно, черт возьми. Если ты попадешь в лапы к ней...

— Опасность я осознаю. Но у меня есть одно преимущество — она меня не ждет. Есть одна посадочная площадка возле заброшенного шлюза, за которой не ведется слежение. К тому же я знаю ее коды. Когда их укрепления только начинали строить, я потратил целое состояние, чтобы обеспечить себе эту лазейку.

— Гней, я не думаю...

— Ты все равно меня не отговоришь, Кассий. Это необходимо. Так что давай не терять времени — отправимся в путь в один и тот же день и вернемся прежде, чем нас хватятся. Мы не можем вечно контролировать Майкла, даже если прикуем его к стене.

— Я отправляюсь.

И вновь Шторм уединился среди любимых вещей. Он расхаживал по кабинету, любовно прикасаясь то к одной из них, то к другой, что-то припоминая, пы-

таясь вызвать в себе давние чувства, наполовину стертые временем. В эмоциональном плане они с Кассием были не вполне нормальны. Слишком много суровых решений, слишком много жестоких потерь превратили их в людей заскорузлых и равнодушных.

Лишь судьба младших беспокоила его. Особенно Мауса. Пойдут ли они по тому же самому пути обреченных? Он надеялся, что нет.

Сегодня он обходил кабинет не так, как обычно. Ясно осознавая опасности, поджидавшие его в Мире Хельги, Шторм вовсе не был уверен, что выберется оттуда.

— Ну что же, придется рискнуть, — проворчал он. — Нельзя не попытаться. Ключ к разгадке спрятан где-то там. Если он вообще есть.

Побыв несколько минут с женой, он достал снаряжение, что держал наготове с тех пор, как построили Фестунг Тодесангст. И отбыл, ни с кем не попрощавшись.

Кассий и так знал, что делать, если он не вернется.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:

3020 год н.э.

Фрог очнулся в госпитале Корпорации. Над ним склонилось три лица. Одно принадлежало врачу Блейка, с которым он когда-то имел дело. Для холуя корпорации Смит был вовсе не так уж плох. Второе лицо было маленькое, свет-

локожее, с лисьими чертами и жадным взором. Незнакомое. Третье — лицо Мойры. Милой крошки Мойры. Он попытался улыбнуться.

При этом он вяло, но с некоторым удивлением отметил, что в палате нет ни одного чиновника.

Фрог попытался заговорить, но язык не слушался. Он сделал вторую попытку и смог прохрипеть:

— Катился бы ты к чертям собачьим, Смит. Пятьдесят лет я без тебя обходился. И сейчас Блейк меня на липовые больничные счета не расколет.

— Компания платит, Фрог.

— Поцелуй меня в задницу — Компания платит! Блейк использованного гондона никому даром не даст.

Фрог перевел взгляд на Мойру, своего белокурого ангела. Она старалась скрыть волнение. Фрог, приняв ее озабоченность за смущение, слабо улыбнулся.

— Ладно, потом поговорим, — сказал он.

И взглянул на Лисью Морду. Тот присел на низкий столик, одной ногой упираясь в пол.

— А ты кто такой будешь?

— Я — Август Плейнфилд, из «Стимпсон-Храбоски ньюс». Штатный репортер. Буду статью о вас писать.

— Ах, вот как...

Чем-то пакостным веяло от этого газетного коршуна. Или стервятника, точнее. Эта порода всегда слетается туда, где человечьи трупы.

Он снова посмотрел на Мойру. Та выглядела взволнованной, испуганной и усталой. Просто от беспокойства? Или ее довели журналисты?

Фрог, хоть и не очень часто, но смотрел голови-зор и знал, с какой целеустремленной бесчеловеч-ностью журналисты добывают материал.

Он с самого начала знал, что эти ребята подни-мут шум вокруг его отчаянного пробега, но не пред-видел, что они будут гоняться за Мойрой. Сам-то он заранее придумал, как будет их посылать. Но Мойра... Она ведь еще ребенок. С таким натиском ей не справиться.

Разве спокойствие ребенка значит что-нибудь для такого стервятника, как Плейнфилд? Этим типам все и вся представляется съемочным матери-алом, который они скармливают своим плотоядным зрителям.

— Мойра, выйди на минутку. Я этому типу пару слов скажу.

От боли Фрог плохо соображал. Он заметил, что Смит, выходя в соседнюю комнату проверить свои медицинские мониторы, был не в своей тарелке. Во-обще-то док мужик нормальный, только слишком се-рьезно все воспринимает.

Ладно, пусть себе поволнуется.

Мойра соскользнула с кресла и молча ушла. Во всем подражая Фрогу, она сохраняла необычайную сдержанность на людях. Это своеобразное выраже-ние привязанности несколько озадачивало Фрога. Подобно многим людям, не дающих волю собствен-ным чувствам, Фрог жаждал проявлений этих же чувств у других — это давало ему повод чуть при-открыться самому. Хотя, делая это, он каждый раз боялся обнаружить свою ахиллесову пятю.

Оставшись с глазу на глаз с репортером, Фрог сказал ему некоторые из заранее подготовленных слов. Потом добавил экспромтом еще несколько, более красноречивых и с угрозами. Плейнфилд выслушал все это с невозмутимостью скалы, по которой хлещет очередной шторм.

— Что вы там нашли? — спросил он, когда Фрог затих.

— Что нашел? Да ни хрена. Все та же Теневая Линия. И Солнечная Сторона все та же. А если бы и нашел, шелкоперу вроде тебя не стал бы рассказывать!

— Казалось бы. Вы много наговорили, пока были без сознания. О желтом и оранжевом. Доктор Смит говорит — вы галлюцинировали. Я так не думаю. От галлюцинаций не бывает лучевой болезни. А желтым еще с незапамятных времен помечают радиацию.

Лицо Фрога прорезали глубокие морщины, сделав его похожим на сушеную сливу с черными глазами.

— Я плохо помню. От кислородного голодания мозги сдали. Ты бы лучше посмотрел мой путевой журнал.

Фрог ухмыльнулся про себя. Плейнфилду близко не подойти к вездеходу, пока люди Блейка не изучат его по винтикам. А это может растянуться на годы.

— Уже смотрел. Нет там ничего. Настолько ничего нет, что даже забавно стало. И вот интересно: зачем человеку приказывать компьютеру забыть все, связанное с местом, где он принял половину смертельной дозы радиации? Интересно, зачем человеку официально регистрировать на себя участок в самом

конце Теневой Линии, когда он ждет смерти? Тем более человеку, который раньше вообще ни одного участка не застолбил. И еще интересно: почему он пересмотрел свое завещание, как только заявка была утверждена?

— Просто захотелось, чтобы меня там похоронили, — с ходу сочинил Фрог. — Кто-то когда-то обязательно повторит мой пробег. Так пусть закопает мой прах на единственной за всю мою жизнь заявке.

— У вас дикция и построение фразы улучшаются на ходу. — Плейнфилд ухмыльнулся, теперь уже не по-лиси, а скорее по-волчьи. — Ваши слова могли бы быть правдой. Например, для людей из Корпорации, которые думают, что знают этого «сумасшедшего карлика». Или они могли бы решить, что вы состряпали план, как заставить их выбросить деньги на ветер и тем одержать какой-то дурацкий реванш. У меня нет этих предвзятых мнений. Вас я не знаю, но знаю людей. И я думаю, что вы там что-то нашли.

— Всего лишь место для своей могилы, — нервозно повторил Фрог. Он не думал, что интервью может оказаться допросом.

Плейнфилд оскалился еще шире.

— Вы можете туда попасть раньше, чем хотели. Когда мечты об Эльдорадо становятся явью, они иногда пожирают самого мечтателя.

— Ты какой-то странный репортер. Кто ты такой вообще?

— Можете называть меня исполнителем грез. Я воплощаю сны в жизнь. В основном собственные;

но иногда и чужие. Эти, правда, иногда оборачиваются кошмарами.

Теперь Фрог испугался не на шутку. Он уже озирался по сторонам в поисках оружия.

Кажется, он здорово влип. Поднимать шум бесполезно, а напасть первому, как он привык поступать, физическое состояние не даст.

Отчаяние породило злость. Всегда его тело предавало дух! Всегда он был слишком низкорослым, слишком шуплым, слишком слабым. Почему его допрашивают не люди Блейка?

— Так зачем вы это сделали? Я имею в виду ваш маршрут. Свершившемуся факту можно найти много объяснений, но я прежде всего хочу знать, что заставляет человека пытаться сделать невозможное? Я изучил все, что известно о Солнечной Строне и Теневой Линии. Вы никак не могли знать, что там что-нибудь найдете.

Что заставляет человека броситься в авантюру без причины и резона? Фрогу за время пути пришлось много передумать. И ни разу, пусть даже отдаленно, не смог он понять, что им движет. В большинстве случаев он отвечал себе, что делает это ради Мойры, но временами подозревал, что делает это ради самого Фрога, что он лечит свое израненное самолюбие, показывая всему человечеству, как неверно было считать его просто шутом. Но при таком толковании не принималось в расчет одно обстоятельство: неудача лишь подтвердила бы, что он просто дурак.

Так почему? Хотел утереть нос Блейку? Или было у него подспудное сумасшедшее убеждение,

что он что-то найдет? Нет. Ни одной из этих причин не было достаточно.

Столько времени наедине с собой, и все же Фрог не смог себя понять.

Человек, который прячется от самого себя, прячется надежнее всех.

— Что вы нашли?

Фрог присмотрелся к Плейнфилду повнимательнее. И понял, что его первое впечатление оказалось ошибочным. Нет, перед ним не стервятник, не лис и не волк. Это змея. Хладнокровная, бесчувственная, смертельная. Хищник, не ведающий жалости. Никому не подвластный. Охота за сенсациями — лишь прикрытие. Он — кинжал в своей собственной руке.

Плейнфилд подошел ближе. В ладони его появился шприц. Фрог слабо отбивался, но игла уже вонзилась ему в руку.

Нет, подумал Фрог. Это хуже змеи. Это человек.

— Что ты нашел?

Фрог знал, что на этот раз ему не выстоять. Этот человек, эта тварь, называющая себя Август Плейнфилд и выдающая себя за репортера, лишит его победы, а потом убьет. Даже Бог на небе не поможет ему удержаться от болтовни, когда подействует наркотик, а потом — чего будет стоить его жизнь?

И Фрог заговорил. И говорил. И говорил. А потом, как он и знал, что будет, умер. Но перед смертью, когда еще мог чувствовать и понимать, он увидел в темном дверном проеме другого человека.

Смит ворвался в палату, встревоженный показаниями мониторов. За доктором, как на коротком поводке,

вбежала Мойра. Смит бросился на Плейнфилда, открыв рот, еще только собираясь крикнуть.

Маленький бесшумный пистолет разнес ему сердце прежде, чем какой-либо звук успел сорваться с его уст. Мойра отпрянула назад, словно марионетка, выдернутая со сцены кукловодом. Плейнфилд выругался, но не погнался за ней.

Жалость к себе самому и к Смицу захлестнула Фрога.

В Черном Мире, как и в большинстве миров, мертвых не воскрешали. Даже Блейки после смерти оставались мертвыми. Воскрешение было слишком дорогим, слишком трудным и неоднозначным по своим социальным последствиям. Да и к чему оно? Людей наплодилось столько, что отдельная жизнь давно обесценилась.

Прикончив Фрога, Плейнфилд бесследно исчез. Оба убийства остались нераскрытыми. Полицейские Корпорации искали репортера, но так и не напали на след.

За ним числилось многое. Его разыскивали за воровство, за порчу муниципальной и корпоративной собственности, за подкуп сотрудников муниципалитета и Корпорации. Но главное — за убийство Фрога и Смита.

У Блейков была долгая, очень долгая память.

В редакции «Стимпсон-Храбоски ньюс» им сказали, что в первый раз слышат фамилию Плейнфилд. Но почему тогда, настаивали полицейские, он прибыл в Черный Мир на корабле, зафрахтованном

«Стимпсон-Храбоски»? Как неизвестный человек выбился в штатные сотрудники?

«Стимпсон-Храбоски» ответила молчанием почти презрительным.

Отказ от дачи показаний — тоже своего рода информация. Очевидно, за пределами Черного Мира Плейнфилд обладал немалым весом.

В пылу преследования о мотивах убийцы как-то забыли. Лишь горстка людей знала о заявке и завещании Фрога, и эти люди получили взятки от Плейнфилда. Их судили, они дали показания, которых никто не слушал. Их отправили в изгнание, то есть, одев в скафандры, выбросили за городские шлозы, предоставив собственной судьбе.

Блейк еще раз напомнил: он всегда платит долги, даже если на это уходят десятилетия.

По завещанию Фрог оставил Мойре больше, чем кто-либо мог себе представить. Солидное состояние обеспечило ей достойное место среди жителей Эджворда.

И жизнь пошла своим чередом.

ГЛАВА ДВАДУАТАЯ:

3052 год н.э.

Нас не назовешь сплоченной и любящей семьей, но в отдельные моменты мы объединяемся. Как правило, это выглядит несколько странно.

Масато Игараши Шторн

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ:

3031 год н.э.

Безликий Человек улыбнулся и протянул руки к Бенджамену. Он был без одежды, безволосый и бесполой. Бенджамен съезжился от страха и жалобно всхлипнул. Безликий Человек медленно и уверенно приближался к нему.

Бенджамен повернулся и побежал прочь с истошным воем, с трудом отрывая ступни от клейкого тротуара. Он напрягался из последних сил, но ноги едва двигались — словно два поршня, мерно качающих воздух.

Улицы и стены города были одинаковы и ослепительно белы. В зданиях — ни одного окна. Двери почти неразличимы. Он бежал между домами, колотил в двери и кричал: «Помогите!»

Никто не отозвался.

Он оглянулся назад. Безликий Человек шел за ним по пятам все с той же улыбкой, той же уверенной поступью, выставив вперед руку и не ускоряя шага.

Бенджамен побежал дальше.

Теперь, заслышав стук, люди выглядывали в «глазки». Выглядывали и смеялись. Он метался от двери к двери. Смех сливался в хор.

Слезы бежали по щекам. Тело покрылось потом. Мышцы сводило от перенапряжения.

Он снова оглянулся. Безликий Человек находился на том же расстоянии, шел той же поступью, выставив вперед руку.

Бенджамен побежал по прямой, стараясь оторваться от своего преследователя. А они смеялись, наблюдая за ним с крыш домов. «Бенджамен! Бенджамен! — неся крик азарта. — Беги, крошка Бенджамен, беги!»

Задышавшись, он бросился за угол и оказался в тупике. Застонал от страха, забился об стены, и тут... Безликий Человек надвигался, протягивая руки.

Он бросился на стены. Отчаянно искал опору для ног, способ взобраться по этой белой глади.

— Нет! Не надо!

На его плечо легла рука. Ладонь и пальцы были ледяными. Пальцы стали сжимать его тело. Мышцы вспыхнули огненной болью.

Он вывернулся и бросился на Безликого Человека, вцепился ему в горло ниже застывшей улыбки.

Невидимая рука наотмашь хлестала его по лицу, но он не ослабил хватки. Маленький кулачок несколько раз ткнул его в нос и в щеку.

И вдруг сквозь страх пробилась настоящая боль. Бенджамен дернулся всем телом, как эпилептик в первые секунды припадка.

Веки его раскрылись. Он смотрел в искаженное ужасом лицо Поллианны. Руки его были у нее на горле. Разбросанная постель, пропитанная потом. Лицо Поллианны усеяли царапины, на горле высту-

пили пунцовые пятна — будущие синяки. Она продолжала колотить его слабыми ручками.

— О Господи... — пробормотал Бенджамен, отдернув руки. — Господи Иисусе!

Он соскользнул с кровати, склонился над Поллианной. Его била дрожь. Влажное от испарины тело озябло. Бенджамен набросил халат. Не помогло.

— Полли, милая, прости меня. С тобой все в порядке? А мне такой кошмар снился... хуже всех прежних. В этот раз он меня догнал. Прости меня. Это я ведь с ним дрался. Принести тебе что-нибудь? — Он говорил и не мог остановиться.

Сердце стучало в груди молотом. Страх не проходил. Бенджамен почти ждал, что Безликий Человек вот-вот войдет в спальню.

Поллианна кивнула.

— Воды, — попросила она хрипло.

Он вышел в ванную, отыскал стакан, попытался налить. Он ронял стакан два раза, прежде чем отнес его Поллианне, полный лишь наполовину.

Поллианна сидела на кровати, съехившись, одной рукой потирая горло, и испуганно на него смотрела.

— Тебе нужна помощь, — прошептала она. — Нет! Не подходи!

— Это был сон... Представляешь — я бегу по улице, зову на помощь, а надо мной все потешаются. А он все идет и идет... А потом как схватит меня... Полли, я не знаю, к чему мне все это приснилось. Мне страшно. Милая, пожалуйста, не бойся меня. Я ведь не хотел тебе плохого. Мне казалось, что я с ним дерусь.

Поллианна пришла в себя, но отодвигалась каждый раз, когда Бенджамен пытался придвинуться к ней, чтобы как-то успокоиться вблизи ее тепла.

— Полли, прошу тебя...

Внезапно дверь в спальню распахнулась.

Железная Крепость уже погрузилась в ночь. Лампы в коридоре горели вполнакала. На пороге стоял черный силуэт с широко расставленными ногами и руками, скрещенными на груди. Он него исходили волны гнева.

— Ах ты шлоха! — взвизгнул Люцифер на октаву выше своего обычного голоса. — Грязная шлоха! Ну что, уже легла под моего братца?

Он бросился в комнату. В свете ночника мелькнуло его лицо — лицо убийцы. Он схватил Поллианну за руку, вздернул на ноги и ударил кулаком в живот. Она сложилась пополам, и он ударил в подбородок. Со всего размаха. Бенджамен услышал хруст и ахнул — Люцифер сломал ей челюсть!

Оказалось, что Люцифер сломал себе руку. Вскрикнув от боли и изумления, он растерянно устоял на свой кулак.

Бенджамен схватил брата за плечи, отбросил от Поллианны. Люцифер, упираясь, споткнулся о стул и рухнул на пол. Ругаясь, встал.

— Ах ты гад! С мой женой? Я убью тебя!

Он бросился на Бенджамена. В здоровой руке у него был нож.

Кто-то мельком заглянул в дверь и тут же убежал прочь.

Растерянный и напуганный, Бенджамен едва успел пригнуться. Он заблокировал удар ножа, ударил Люцифера и попытался схватить его за запястье. Люцифер пригнулся и отступил, пританцовывая.

Обоих тренировали в отцовских школах. Оба выросли профессиональными убийцами. Для стороннего наблюдателя их бой был бы захватывающим зрелищем.

Люцифер сделал обманный выпад, потом еще один, потом вдруг ударил. Бенджамен увернулся, но недостаточно проворно — этого удара он не ожидал. По его бедру побежала струйка крови.

— Я тебе устрою, — прохрипел Люцифер, кивком показывая брату на его пах. — Ни с чьей женой больше спать не будешь. Даже со своей, красавчик, сволочь!

Он кружил вокруг брата, а Бенджамен ждал, обливаясь потом, его нападения.

Неожиданно он поддал ногой подушку, метя брату в лицо. Люцифер увернулся и бросился вперед.

Удар ледяной воды бросил его через всю комнату. Бенджамен обернулся. Удар струи был как сотня кулаков. Его прижало к стене.

— Хватит, черт бы вас побрал! — взревел он.

Струя прекратилась.

В дверях стояли два легионера с пожарным шлангом. Мимо них с искаженным от гнева лицом протиснулась Фрида Шторм. Сейчас она выглядела не менее грозно, чем ее отец Кассий.

— Бенджамен, сейчас же оденься. И ты, женщина, — тоже. Люцифер, поднимайся. Живо! — Она

с остервенением, совсем не по-женски, пнула его ногой.

Фрида не спросила, в чем дело. Это было очевидно.

— Что с тобой творится, черт возьми? — накинулась она на Бенджамена. — Тебе жить надоело? Сначала дурацкая история с крейсером Ричарда, а теперь еще и это.

— Мама, я...

— Ну да, я знаю, это сделал Гомер. А кто у нас отвечает за Гомера? Кто не уследил за ним? Генрих, проводи Люцифера в госпиталь. У него рука не в порядке.

Она подошла к Поллианне. Девушка одевалась в такой спешке, что даже крючки застегнула наперекосья. Фрида взяла ее за подбородок, повернула голову в одну сторону, потом в другую. Поллианна стыдливо отводила взгляд.

— А что у тебя с горлом?

— Это я сделал.

— Что ты сказал?

— Это моя работа, мама. Мне тут приснилось... он меня поймал, и я с ним дрался.

Что-то дрогнуло в лице Фриды. Не то чтобы оно смягчилось, нет, скорее по нему проскользнула тень испуга.

— Надо поговорить с мадам Андор. Истолковать заново. Она и раньше чего-то такого боялась.

— Мама...

— Бенджамен, у тебя осталась хоть капля достоинства? Ты хоть что-нибудь соображаешь? Это жена твоего брата. Это дом твоего брата. Заткнись! Я

знаю, она давно превратилась в общественную собственность. Я знаю, что она дает каждому, кто попросит. Но неужели у тебя не хватает мозгов не просить? Неужели ты не знал: сегодня вечером муж захочет с ней повидаться? Ведь завтра он покинет Крепость.

— Покинет Крепость? Но я не знал...

— Мой отец отсылает его с каким-то заданием. И если бы тебя волновало что-то, помимо собственной драгоценной персоны... — Она обернулась к Поллианне. — Прибери здесь как следует. Я пришлю кого-нибудь тебе помочь. И имей в виду: это все я доложу мужу, и он будет принимать решения. Бенджамен! — Она схватила его за руку. — Пойдем отсюда.

Оказавшись в цитадели собственных комнат, Фрида прижала сына к себе и прошептала обесиленно:

— Бен, мальчик мой дорогой, ну зачем тебе все это? Я ведь не смогу вечно тебя вытаскивать из неприятностей. У отца может лопнуть терпение, когда он все узнает.

— Мама...

— А он узнает. Уже завтра новость облетит всю Крепость, можешь не сомневаться. Бен, держись от нее подальше. Она как течная кошка. Ей на все плевать.

— Мама...

— Сядь. Вот сюда. Вот так. Я хочу, чтобы ты обо всем подумал, Бен. Как следует подумал. О себе самом. Об этой женщине. О Люцифере. Обо всем,

что здесь происходит. О проблемах, что стоят перед твоим отцом и дедом. Но в первую очередь о Майкле Ди. Майкл здесь, Бен. Ты не интересовался почему? На то есть причина. Он ничего не делает без задней мысли. А твой отец и дед допустили большую ошибку: отбыли, оставив его здесь.

— Мама...

— Сиди и молчи. Только думай. А я налью тебе выпить.

Фрида налила, и пока он пил, позвонила в несколько мест. Вначале — мадам Андор, оккультистке, выписанной ею с Новой Земли. После этого разговора, довольно долгого, Фрида заметно побледнела.

Вторым звонком она подняла на ноги начальника арсенала. Фрида приказала ему подобрать для Бенджамена один из легких бронированных «исподних» костюмов, из той партии, что «Межзвездные Технологии» пытались продать ее мужу. Эти костюмы носили под обычной одеждой.

— Мне плевать, что мы их еще не купили, капитан. Я заплачу сама, если Легион откажется. И подгоните все как следует. Утром он явится к вам на примерку, — сказала она непреклонным тоном.

Фрида подошла к сыну, села напротив него и долго, пристально его рассматривала. В конце концов он поднял глаза и спросил:

— Ты звонила мадам Андор?

Фрида кивнула.

— Насчет моего сна? Что она сказала? — Фрида молчала. — Сон не к добру?

— Вот что, Бен: завтра ты первым делом спустишься в арсенал. Капитан Фергюс выдаст тебе костюм, из тех, что прислали «МТ».

— Мама...

— Сделай это, Бенджамен.

— Но, мама...

— Я сказала, Бенджамен.

Он тяжело вздохнул.

Вдруг его охватил страх. Первый раз страх охватил его не во сне. Он невольно оглянулся — посмотреть, насколько уже близко Безликий Человек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ:

май 2844 года н.э.

Сангарийское умение носить в себе ненависть так, как несут в ночи пылающий факел, помогло ему перенести суровые месяцы плена. Иногда Джексон был близок к тому, чтобы его сломить, и даже думал, что сломил, но каждый раз мальчик лишь принимал покорный вид, словно защитную окраску, а в душе вскармливал ненависть, закаляя свое терпение, размышляя и строя планы.

Спустя неделю после неудавшегося побега Джексон взял его с собой в деревню. Этот визит потряс мальчика еще больше, чем то, что старик знает о его расовой принадлежности.

Сама деревня вполне оправдала его ожидания. Она состояла из дюжины грязных, убогих хижин.

Жители вели полукочевой образ жизни, занимаясь охотой и собирательством. Их насчитывалась примерно сотня, включая множество детей и горстку стариков.

Вождю было около тридцати префектласских лет. По цивилизованным меркам он едва достиг совершеннолетия. Здесь же этот человек был одним из старейших. Жизнь в лесу коротка и сурова.

Примерно тридцати рабочим и племенным особям из хозяйства Норбонов удалось добраться до деревни. Дифа поразили условия их содержания.

Дикие животные тут же обратили своих двоюродных братьев в рабство куда более жестокое, чем у Норбонов. Жители деревни до сих пор потешались над их глупой доверчивостью.

В поисках новых пациентов Джексон ходил по домам и таскал за собой мальчика.

Всюду Диф видел одно и то же: норбонских животных подвергали самым жестоким истязаниям. Он видел девочку, не старше его, брошенную в яму за отказ удовлетворить домогательства вождя. Он видел стонущего и харкающего кровью рабочего, распятого на грубо сколоченном кресте, — он пытался дать сдачи. На площади валялся разлагающийся труп, скрытый слоем мух. Этого человека зажали живьем.

Дифа весь день выворачивало наизнанку. За что эти звери так мучают своих собратьев? Он не видел никаких причин.

Не оттого ли старшие в его семье столь презрительно относились к людям?

Пожалуй, сорвав его побег, Джексон оказал ему невольную услугу. Он мог влипнуть в куда худшее.

В доме Джексон вонючими припарками лечил опухоль на шее вождя. Диф остался снаружи и сел на корточки в пыли неподалеку от ямы, где сидела девочка. Она затаилась в тени, спрятав лицо в волосах, некогда светлых, а теперь облепленных сгустками запекшейся крови. Плечи ее покрылись струпами. Вокруг тучами роились насекомые. Судя по всему, она была из породы рабынь для удовольствия нордического типа — дешевый продукт массового потребления.

Спрос на нордических особей держался стойко. И Семейство Норбонов успевало их выращивать, удовлетворяя рынок. У Семьи был хороший племенной материал.

Семья Норбонов вывела несколько превосходных линий. «Кофейная мулатка номер три» брала премии на всех выставках.

Диф пожал плечами. Это была другая жизнь, она осталась за миллион световых лет отсюда и на тысячу лет в прошлом. Где-то далеко отсюда остался другой Диф, с ранних лет умевший гордиться успехами Семьи.

— Эй, ты... — позвал он.

Девочка не ответила. Диф продолжал сидеть на корточках, и солнце, проплывая по небу, соединило их тени в одну. Он почувствовал, как в девочке просыпается любопытство.

Она перевела взгляд кверху и заметила веревку у Дифа на шее. Тень страха и надежды пробежала по ее избитому лицу.

Дифу девочка показалась незнакомой. Но она его явно знала. Мальчик улыбнулся ей ободряюще.

В Дифе шевельнулось сострадание, немного неуклюжее, искусственное, скорее привитое в школе, а не замешенное на живых чувствах. Ему всегда внушали: нужно беречь семейное добро. Жестокое обращение с рабами, нанесение им увечий считались тяжким грехом. Метрополия — довольно бедная ресурсами, суровая планета. Ее материальные ценности, в том числе и живые организмы, следовало беречь.

При необходимости Диф приказал бы убить тысячу рабов без малейших угрызений совести. Но никогда не позволил бы себе убить или покалечить хоть одного просто так, из злобы. И не простил бы этого другим.

В таком духе воспитывали будущего Главу.

Теперь он стал старшим Норбоном на Префект-ласе. И отвечал за сохранность норбонской собственности.

— Потерпи, девочка, — прошептал он. — Прдержись еще немного. Будет и на нашей улице праздник.

Сказав это, он почувствовал всю глупость ситуации. Кому нужны его пустые обещания? Ведь он не может ни защитить, ни покарать. А его отец или Рафу — что они сделали бы на его месте?

То же самое. Терпели бы все, лишь бы выжить.

Его размышления прервало одно из животных. Оглашая деревню диким воем, оно показывало в ту сторону, откуда только что примчалось. Площадь

мигом заполнилась его сородичами. Они хватали все самое ценное, в первую очередь новых рабов, и тащили в укромные места. У мужчин в руках появились луки и копья.

Джексон ухватился за веревку и побежал, ругаясь вполголоса и волоча за собой Дифа.

На другом конце деревни показались два бронетранспортера космической пехоты. Над площадью завис самолет. Послышались крики и взрывы. Старик припустил быстрее, и шум остался позади.

«Уж не меня ли ищут? — подумал Диф. — Знают, что я спасся?» Он надеялся, что нет. Иначе бы они охотились за ним, пока не нашли бы. Люди никогда не останавливаются на полпути.

Добравшись до пещеры, Джексон избил мальчика с такой жестокостью, словно налет был его виной.

Диф вытерпел.

Месяц за месяцем проходили в мучениях, медленно, словно раненый левиафан.

Вот уже три четверти префектласского года Диф был рабом Джексона. Каждую неделю они наведывались в деревню. После рейда животные стали держаться ближе к дому — они боялись стать добычей более сильных племен.

Рабыня Эмили была единственной из норбонских животных, кого не увели с собой пехотинцы. Диф навещал ее при первой же возможности. И каждый раз обещал спасти.

К ненависти добавился долг. И вместе они давали Дифу силы держаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ:

3031 год н.э.

В 3031 году далеко не все умершие оставались таковыми навсегда.

В результате бурного развития промышленности по изготовлению криокиборгов повысился спрос на человеческий мозг. Всего несколько килограммов нервной ткани человека, очищенной от личностных признаков и пересаженной в компьютеры и блоки памяти, заменяли многотонные специализированные системы управления и принятия решений.

Но в те времена еще не было средств от деградации нервных тканей. И иногда системы криокиборгов вдруг начинали разваливаться.

Продолжительность жизни нервной ткани стала препятствием для людей, подобных Гнею Шторму, имеющих власть, богатство и доступ к самым совершенным технологиям омоложения и оживления организма.

Число мозгов, которые можно было встроить в криокиборги, всегда было меньше спроса. Дефицит восполнялся по-разному. Старая Земля продавала мозг преступников за твердую межпланетную валюту. Часть товара поступала по подпольным каналам. А основное количество — с разбитых кораблей.

Десятки предпринимателей рыскали, словно шакалы, в зонах катастроф и вооруженных конфлик-

тов, подбирая трупы для перепродажи органов. Военские части Конфедерации зачастую бросали погибших нижних чинов на поле боя. Солдаты относились к судьбе собственных тел с полным безразличием. Большинство из этих отчаявшихся людей шли на смертельный риск в надежде обеспечить себе безбедную старость и навсегда покинуть трущобы, где родились.

Агенты Гнея Шторма тоже осматривали места недавних сражений, выбирая находящихся в хорошем состоянии мертвецов. Трупы замораживали, затем оживляли и предлагали им вступить в Легион.

Большинство соглашались на это с ребяческим восторгом. Для них угодить из зловонных трущоб в привилегированный, покрывший себя неуывдаемой славой Железный Легион, да еще вырвавшись, по милости Шторма, из лап Костлявой, было все равно что вознестись в рай. Вот почему головидение называло их Легионом Мертвых.

Хельга Ди использовала в своем деле сотни мертвых голов. Лишь члены семейства Ди знали предельные возможности «хранилища данных» Мира Хельги. Публично же Хельга признавала за собой лишь то, что она приобрела официально.

Шторм не сомневался — реальные ее возможности вдвое больше.

Мир Хельги был мертвой планетой. Лишь однажды на ее поверхности завелись люди: когда возводили и осваивали гигантское сооружение под названием Фестунг Тодесангст. Здесь, в недрах огромной

скалы, стиснутой в ледяных объятиях энтропии, находилось сердце огромной корпорации. Никто не входил туда, кроме членов семьи, мертвецов и людей, которых Ди обрекли на исчезновение. Никто не выходил оттуда, кроме самих Ди.

О системе обороны Фестунг Тодесангст ходили легенды. Они были странными и неестественными, как сама Хельга.

Люди, вступающие в этот мир, пропадали навсегда, словно прошлогодние мухи. Гней Шторм намеревался проникнуть в этот ад под ледяной корой.

Он не рассчитывал на радушный прием у Хельги. Ненависть к Шторму была у нее в крови, в подсознании. Дети Майкла ненавидели Шторма ничуть не меньше. Каждый из них постоянно напоминал о своем существовании, вынуждая принимать контрмеры. Главная вина Шторма заключалась в том, что каждый раз он одерживал верх.

Отпрыски Ди были еще хуже своего отца.

Та заварушка, что устроил Феарчайлд, стоила Кассию руки. Теперь Шторм и Кассий держали его в заточении, а где именно — не знал никто, кроме них. Он стал заложником, призванным умерить пыл остальных. Но, к сожалению, Ди были людьми страстными и иррациональными и в горячке борьбы не помнили ничего.

В свое время Хельга, мстя за Феарчайлда, захватила дочь Шторма, Валери, и сделала ее частью Фестунг Тодесангст.

В ответ Шторм захватил Хельгу и отправил ее в собственную крепость настолько изувеченной, что

она выжила лишь благодаря срашиванию с одной из своих машин. Навеки обреченная на полумеханическую жизнь, она теперь лелеяла планы мщения, ожидая подходящего случая отплатить Шторму за его жестокость.

И Сет Беспредельный тоже часто наносил удары. Он был везде и в то же время нигде, он мог открыто появиться даже на Луне Командной и исчезнуть раньше, чем самые быстрые охотники могли бы к нему подобраться. Большинство из его вылазок были для Штормов обидными щелчками по носу. Подобно отцу, он был скользок и увертлив и всегда имел несколько запасных планов. Как и Майкл, он никогда не действовал прямолинейно. «Было бы недурно, — подумал Шторм, — чтобы Кассий на Горе застал Сета Беспредельного врасплох».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:

2854—3031 годы н.э.

Радостные моменты были для Майкла Ди крохотными островками в безбрежном враждебном океане. Жизнь его протекала стремительно и напряженно. У Майкла было столько дел, что, когда он находил время оглянуться вокруг, ему казалось — он очутился в совершенно незнакомой вселенной. В год Теневой Линии он был полностью поглощен своими планами.

В семье он всегда держался немного особняком. Самые ранние его воспоминания были о драках с Гнеем — из-за того, что он был другим.

В конце концов Гней принял его таким, каким он был. Гораздо труднее оказалось для Майкла принять самого себя.

В глубине души Майкл Ди сильно недолго любил Майкла Ди. Что-то было не так у этого человека.

Что он не такой, как другие, Майкл понял из отношения к нему его собственной матери. Слишком она за него боялась, слишком его оберегала.

Борис Шторм, которого Майкл считал своим отцом, появлялся редко. Всецело поглощенный своей работой, он почти не находил времени побыть с семьей. У Майкла не было с ним контакта.

А Эмили Шторм дрожала над своим первенцем, без устали одергивая и защищая, защищая и одергивая, пока он вконец не уверился: в нем сидит зло, пугающее его мать до одури.

Но что представляет собой это заключенное в нем темное начало? Майкл часами мучительно копался в себе, но так ни в чем и не разобрался.

Другие дети тоже это чувствовали. Они сторонились Майкла. Он стал изучать людей, старясь разглядеть в них собственное отражение. Постепенно он научился манипулировать окружающими, но главный секрет все время от него ускользал.

Лишь Гней принимал его. Бедняга Гней — этот упрямец готов был снести любые побои, лишь бы не признавать, что брат его — со странностями.

Хилое здоровье еще больше отравляло его детские годы. Борис извел на докторов целое состояние. Но те, не найдя никаких серьезных болезней, ссылались на дурную наследственность.

Он рос слабым, бледным и болезненным. За него всегда дрался брат. Он был так силен и так упорен в бою, что другие дети его боялись и, не желая нарываться на драку, стали просто избегать Майкла.

А Майкл, чтобы завладеть их вниманием, принялся сочинять разные небылицы. И удивительное дело — ему верили! Так он обнаружил неожиданный талант. Осознав в себе силы перекраивать правду на собственный лад, Майкл начал этим пользоваться.

Постепенно он научился взвешивать каждое свое слово, каждый жест, просчитывая заранее их воздействие на аудиторию. И достиг в своем развитии той точки, когда прямота становится невозможна, когда даже к простейшей цели идут извилистыми путями.

Он так и не смог выбраться из изобретенной им самим ловушки.

То ли на счастье, то ли на погибель, природа наделила его блестящим умом и феноменальной памятью. И он пользовался этими инструментами, опутывая всех тугой и прочной паутиной лжи. Он стал непревзойденным мастером интриг, обмана и лжи. Он жил в центре урагана фальши и раздоров.

В те дни в Академию принимали лишь с четырнадцать стандартных лет. Когда Гней приблизился к этому возрасту, Борис Шторм стал добиваться,

чтобы к его сыну и пасынку отнеслись при приеме по-особому.

Борис происходил из старой военной семьи. Предки его служили еще в Палисарианском Директорате, одном из государств—учредителей Конфедерации. Сам он давно оставил службу, но для своих потомков не представлял цели более высокой, чем стать военными. И готовил обоих к службе с самого раннего детства. Образование они получили в частной школе с военным уклоном. Эту школу их отец основал для детей офицеров Префектлассской Корпорации.

Именно там Майкл и Гней впервые столкнулись с Ричардом Хоксбладом. В то время его звали Ричард Ворацек. Имя Хоксблад он взял, когда стал кондотьером.

Ричард был сыном бизнес-консультанта, которого Борис ввел в состав руководства, надеясь повысить доходность предприятия. Семья его не имела военных традиций. Ричард стал белой вороной среди ребятишек, которые считали всех штатских представителями низших форм жизни. Ричард тогда был еще более тщедушным и болезненным, чем Майкл. И потому стал его излюбленной жертвой.

Ричард выдерживал тучи ядовитых стрел со спокойным достоинством, никогда не поддаваясь на провокацию. Невозможность его приводила одноклассников в бешенство. Он же отвечал тем, что стал лучшим абсолютно во всем. Лишь Гнею удавалось время от времени вознестись в те заоблачные выси, в которых парил Ворацек.

Блестящие оценки лишь добавили ему проблем в общении с товарищами. Гнея, самого близкого его приятеля, тоже выводило из себя то, что Ричард не дает сдачи.

— Когда-нибудь я сравняю счет, — пообещал однажды Ворацек.

Так оно и вышло.

Настало время, и начались конкурсные экзамены в Академию. Юноши, словно выпущенные меткой рукой дротики, устремились туда, куда нацеливали их родители всю жизнь. Туда, где был шанс стать полноправными членами военной элиты.

Шесть дней продолжались изнурительные тесты. Одни выявляли уровень физической и психологической подготовки претендентов. Другие — общую эрудицию и способность принимать решения. Все знали: здесь с Ричардом никому не тягаться. И вдруг, ко всеобщему удивлению, оказалось, что Майкл идет почти вровень с ним.

И вот, на последнем экзамене, сдав свою работу, Ричард спокойно заявил, что нарочно давал неправильные ответы. Почему? Да потому, что кое-кто списал у него часть ответов. Есть ли возможность протестировать его заново, изолировав от остальных?

Компьютерный анализ выявил подозрительное сходство ответов Ворацека и Майкла Ди. Ричарда допустили к переэкзаменовке. И он получил самый высокий балл за всю историю Академии.

Майкл, хотевший добиться всего без труда, прощитался. Мечты его рухнули словно замки, возведенные на песке.

Он понимал, что сам во всем виноват. И все-таки его извращенный ум возлагал часть вины и на Ричарда. А при взгляде под соответствующим углом виноватым вообще становился Ворацек.

Случай этот стал в жизни Майкла Ди переломным. С тех пор он начал обманывать сам себя. Последний оплот реальности рухнул, и его понесло по течению. Теперь он жил в своем обособленном мире, связанный со всей остальной вселенной узами лжи и ненависти. Майкл заковал себя в цепи столь незаметные, что сам порой не мог их обнаружить.

Отброшенный назад, он пошел по другому пути, вступив на то поприще, где ценность человека определялась его способностью преобразовать реальность. Он стал журналистом.

Голосети, ставшие для сильных мира сего главным средством воздействия на умы, еще за много лет до этого оставили всякие попытки передавать объективную информацию. Когда Майкл занялся этим ремеслом, драматический поворот событий был необходимой приманкой для зрителей. Чем обильнее лилась в репортаже кровь, тем охотнее его смотрели.

Майкл хотел работать независимо. Многие годы он провел в упорной борьбе. А потом разразилась Улантская война.

Он проявил редкостный дар оказываться в нужном месте в нужный момент. Он интереснее всех освещал события. Коллеги его снимали катастрофу за катастрофой, следя за молниеносным наступлением улантидов во внутренних мирах. Майкл же выискивал светлые моменты, восхищаясь крошечными

победами и конкретными примерами героизма. И в результате проложил себе путь наверх.

Пока Борис, Гней, Кассий и Ричард рисковали своими жизнями в казавшихся безнадежными попытках преградить путь Уланту, Майкл с увлечением снимал их на пленку. В результате улантской оккупации Префектласа семейство Штормов почти разорились. Он же, наоборот, набил себе карманы. Теперь Майкл сам диктовал цену за материал. В годы войны среди всеобщей неразберихи он виртуозно уклонялся от налогообложения и с умом вкладывал деньги, приобретая акции инстелной связи еще тогда, когда связь на сверхсветовых скоростях казалась несбыточной мечтой. Он получил доступ в межзвездный банк данных, от которого позднее отпочковалась Фестунг Тодесангст.

Все, к чему бы он ни прикасался, обращалось в золото.

Ричарда он так и не простил. Нажив огромные богатства, он тем не менее остался выскочкой, не допускаемым в высшее общество. Без диплома Академии он был человеком второго сорта. В то время подлинными аристократами считали лишь офицеров.

Война закончилась. Но вызванный ею хаос длился. Адмирал флота Мак-Гроу продолжал каперство. Сангарийские пираты грабили всех подряд на космических дорогах. Значит, всегда было на кого свалить вину. И Майкл занялся пиратством.

Он был осторожен. Вряд ли его кто-нибудь мог заподозрить. Имея свежую информацию от своего

инстела и от банка данных, он смог из пары разбитых эсминцев сделать еще одно состояние.

Разбойничьи авантюры завели его в очередную ловушку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ:

3031 год н.э.

Орбита Мира Хельги была сильно удалена от центральной звезды. На поверхности планеты завывали метановые ветры, холодные, как сердце ее хозяйки, такие же безграничные в своей свирепости. Шторм искал, где выходит на поверхность тепло. Крепость Фестунг Тодесангст лежала глубоко под корой, вбирая в себя остатки тепла из ядра планеты.

Передав в эфир украденные опознавательные коды, Шторм перешел на низкую полярную орбиту. Сделав три витка, он обнаружил наконец тепловую аномалию. Затем определил свое точное местонахождение и вошел в метановый слой.

Автоматические наблюдатели сверху и снизу не обратили на него внимания. Ни одна ракета не взлетела ему навстречу.

Значит, коды правильные.

Шторм криво улыбнулся: выбираться будет труднее.

Он с сожалением подумал о только что использованном преимуществе, которого больше уже не .

будет. Такие преимущества Шторм накапливал с жадностью скряги. Теперь, после его визита, Хельга законопатит дыры в своей оборонительной системе.

Он посадил корабль. Заранее надев скафандр для внешних работ, он выпрыгнул в ревуший метановый ветер. На мгновение его охватил нестерпимый холод — от задержки нагревателей скафандра.

— Хреново определился, — буркнул Шторм себе под нос. Дверь, к которой он целился, была примерно за километр от места посадки. И не факт, что он сможет пройти этот путь и холод ветра его не прикончит.

Но плакать было поздно. Лететь на корабле значило чересчур искушать судьбу. Выбор между виселицей и плахой.

Шторм пошел пешком.

Шлюз этот соорудили во время монтажа как порт доступа для рабочих, а потом не заварили. Там, внутри, должна стоять одна из сторожевых тварей Хельги, но уже полстолетия ее бдительность ничем не испытывается. Шторм рассчитывал застать ее врасплох.

Он шел, стараясь не обращать внимание ни на бурю, ни на жгучий холод. Через каждые сто шагов Шторм проверял защитную перчатку на левом рукаве скафандра. Он не был уверен, что она выдержит такой мороз.

Его одиссее не было видно конца. Ветер и кислородный снег злорадно выли, готовя ему катастрофу. Но буря стала слабеть. Шторм глянул вверх и увидел, что находится под козырьком корпуса шлюза.

Внешний люк был чуть приоткрыт. Шторм протиснулся в зазор и запустил механизм.

А вдруг из-за этого беспечно открытого люка обледенел механизм шлюза? Створка дрогнула и протестующе закричала. Потом пронзительно взвизгнул освобождающийся от льда механизм, и створка со стуком захлопнулась. Тут же скафандр Шторма и стекло его шлема покрылись инеем — в камеру стал поступать пригодный для дыхания воздух.

Стряхнув изморозь со стекла, Шторм оказался лицом к лицу с одним из самых гротескных продуктов генной инженерии.

Путь к Хельге преграждала амазонка, тощая как скелет, с полупрозрачной кожей, безволосая и не дышащая. Лишь пупок и девственная щель между тонких, как ходули, бедер указывали на ее человеческое происхождение и пол. Да еще замешательство при неожиданном появлении Шторма из люка.

Было несколько секунд, когда Шторм оказался совершенно незащищенным из-за заиндеветшего смотрового стекла, но она упустила эти секунды. Опомнившись, амазонка включила инфразвуковые генераторы, вызывающие у приближающегося к ней нарастающий ужас.

Ничего человеческого не было в этом мертвенно-бледном лице. Ни единый мускул не дрогнул под этой тонкой кожей. Шторм сопротивлялся гипнотической атаке инфразвука, заставляя страх работать на себя.

«Она мертвая», — сказал он себе.

На короткий миг в нем шевельнулось сочувствие, хоть он и знал, насколько оно неуместно. Против-

ница его была менее живой, чем сто раз воскрешенный солдат.

Шторм приближался к стражнице, выставив вперед левую руку.

Она казалась хрупкой и беспомощной. Но это впечатление было ложным. Ни один живой человек не справился бы с ней без специального снаряжения. Ни боль, ни раны, ни пределы человеческой силы для нее ничего не значили. Эта порода была выведена для одной-единственной цели: нападать до победы или смерти.

Перчатка Шторма слегка коснулась ее руки. Ударил разряд. Шок должен был внести путаницу в ее нервные импульсы и сделать ее послушной.

Средство оказалось не настолько действенным, как он ожидал. Ярости у амазонки поубавилось, но послушной она не стала. Шторм перехватил на себя управление, сорвал с нее инфразвуковые генераторы и потащил ее за собой вниз по ступенькам. Каждые десять минут он пропускал через нее разряд, тратя все больше энергии батарей.

Шторм нервничал. Он терял самое эффективное оружие. Если батареи сядут слишком рано, пленницу придется убить. А ему, чтобы преодолеть следующее препятствие, нужна живая приманка.

Коридор этот, как и все коридоры, тянувшиеся от поверхности, выводил в темный, огромный как стадион зал с естественными каменными сводами. Пол был выглажен и засыпан полуметровым слоем песка.

Шторм нагнулся в конце туннеля и подумал, что здесь и находится настоящий вход в Фестунг Тоде-

сангст. Вот здесь и есть истинная охрана. Тут его самое лучшее оружие просто бесполезно — здешний страж по размерам не уступал своей будке.

У Хельги Ди было специфическое чувство юмора и странная точка зрения на вселенную. Ее привратник был пресмыкающимся размером с тиранозавра, пришедшем из мира столь огромного, что здесь он двигался с ловкостью и проворством котенка. Лишь Хельга, растившая это чудовище, с тех пор как оно вылупилось из яйца, и любовно называвшая его «мой щеночек», могла с ним управиться. «Потому что, — говорила она, — он меня любит». Шторм считал, что она вживила в него управляющие электроды.

Питалась эта тварь мясом мозговых доноров и врагов Хельги.

Как средство защиты эта тварь была примитивна, груба и неодолима. И служила точным отражением одной из граней характера Хельги Ди. Использование такого примитива для страховки современной системы обороны — таково было ее представление о шутке.

От рева твари Шторм покачнулся. Уши заболели. Что-то огромное, бесформенное заколыхалось в сумраке пещеры.

Но он пришел сюда не в зоопарк с диковинными зверюшками. Этот предмет — не зрелище, а препятствие. И его нужно сдвинуть с пути или устранить. Шторм достал из монтажного пояса килограммовый сверток и прилепил его на спину пленнице. А потом посветил в глубь пещеры, чтобы привлечь внимание зверя, и швырнул туда амазонку.

Из темноты выскочила огромная чешуйчатая голова, и женщина-скелет тут же исчезла в клыкастой пасти. Желтый глаз величиной с арбуз уставился на Шторма.

Голова взметнулась вверх. Из темноты послышался звук движения огромного тела, неясное шептание и хруст ломающихся костей.

Шторма перевернуло. Женщина встретила смерть без единого звука.

У Шторма мелькнула мысль: надо было убить Хельгу, когда была возможность.

Он выжидал. Чавканье затихло. Да, Хельга наверняка выбрала чудовище, которое пережевывает пищу.

Зверь взревел. Шторм выжидал. И вскоре зверь захрапел, как действующий вулкан. Шторм подождал еще немного, досадуя на задержку.

Казалось, он провел здесь уж полжизни, а сделать так ничего и не успел. Впереди — крепость.

Шторм рассчитывал, что наркотик подействует сразу, но от долгого хранения он, видимо, выдохся. А примешанный яд был медленным. Чтобы действовать наверняка, приходилось ждать.

Шторм рассчитал дозу так, чтобы, пока он находится внизу, монстр только заснул, а смерть наступила, когда он выберется на поверхность. Вполне возможно, что Хельга следит по мониторам за состоянием своего любимца.

Он прошел три четверти расстояния, отделяющего его от монстра, когда тот, отбросив притворство, стал надвигаться на него, громадный, как древний дредноут из мяса и костей.

Движения его утратили прежнюю легкость. Наркотик все-таки подействовал. Шторм не потерял голову, хотя и чувствовал, как страх стискивает его стальными когтями. Он принял вызов.

Этот бой он репетировал годами. И сейчас действовал автоматически.

Шторм завел руку за спину и стал сближаться со своим противником. Перчатку он поставил так, чтобы ее закоротило в одном мощном выбросе энергии. Огромная голова с саблевидными зубами пошла вниз. Для зверя это движение было медленным, но в субъективном восприятии Шторма — неимоверно быстрым.

Он вильнул в сторону, перчатка мелькнула в воздухе, как когтистая лапа орла. На секунду пальцы Шторма коснулись внутренней поверхности влажных гигантских ноздрей. Перчатка взорвалась. Воздух наполнился едким запахом паленого мяса. Чудище вскрикнуло и, отпрянув назад, со всего размаху плюхнулось на пол, раздирая тупоносую морду когтями.

Шторм пополз дальше. Потом, еще под действием выброшенного в кровь в минуту опасности адреналина, он вскочил с поразительным для человека его лет проворством. И тут же пригнул голову, готовый увернуться от следующего выпада и рассчитывая в этой игре в кошки-мышки добраться до выхода.

Но тварь была слишком занята собой. Она яростно сопела, словно собака, ужаленная пчелой, и терла лапами нос, еще больше раздирая когтями собственную плоть. Увидев, что она уткнулась мордой в

песок, Шторм истерически захохотал. И рванулся ко входу.

Неприступные ворота были взломаны. Он проник в Фестунг Тодесангст.

Шторму пришлось остановиться, чтобы овладеть собой, справиться со своими чувствами. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы можно было все бросить и вернуться в безопасную тишь кабинета.

Сдаться или нет — безразлично. Он все равно не может победить. Во всяком случае — надолго. Зачем тогда сражаться? Не лучше украсть несколько мгновений покоя, пока не наступило неизбежное?

Но было в нем что-то, не дающее сдаться. И Шторм продолжил спуск, углубляясь в недра Фестунг Тодесангст.

Глубины Мира Хельги были стерильны и безжизненны. Нескончаемые коридоры с безликими металлическими полами и стенами, залитые бело-голубым сиянием. Единственным запахом был слабый аромат озона, единственным звуком — едва уловимый гул. Казалось, он идет по бездействующей, но хорошо сохранившейся больнице.

Жизнь крепости Фестунг Тодесангст была скрыта за этими безликими стенами. Мозги тысяч и тысяч людей. Кубические километры микрочипов и магнитных ячеек, перекачивающих миллиарды мегабитов информации. Мир Хельги стал хранилищем данных о всей человеческой вселенной.

Какие неожиданные тайны здесь хранятся? Какую власть дадут они тому, кто приберет к рукам Хельгу Ди или лишит ее этого достояния?

Неизмеримую. Но ни у кого, даже у Конфедерации, не достаточно сил, чтобы ограбить империю Хельги. Отец ее не раз предупреждал: она скорее вызовет Готтердаммерунг, чем сдаст свои позиции. Любому завоевателю придется тайком деактивировать десятки смертоносных термоядерных зарядов и капсул с ядами, готовых убить мозговую ткань в цистернах. Ему придется деактивировать и Хельгу, к которой сходятся все нити управления.

Для всех Ди эта черта была главной. Что мое — то мое навеки. Торговаться можно только о своем. Вряд ли кому по силам ограбить это семейство, особенно какому-нибудь скупому правительству.

Шторм собрался обокрасть женщину из рода Ди. Самую холодную, самую злобную, самую завистливую из Ди. И это он намеревался сделать с помощью того, что было украдено у него. Самый ценный трофей королевы мертвых будет ее самым уязвимым местом.

Он собирался причинить ей боль и собирался сделать это с радостью.

За много километров от поверхности, в тех глубинах, где скафандру пришлось переключиться с подогрева на охлаждение, он нашел тот терминал.

Терминал, с которого подавались команды небольшой полуавтономной системе, созданной для единственной и жестокой цели — отомстить Гнею Юлию Шторму. Здесь хранилось все, что было известно о Шторме и Железном Легионе. Шторм подзревал, что даже ему не все из этого известно. Сюда приходили любые намеки на информацию,

самые далекие отголоски слухов, хоть как-то с ним связанных.

Сюда обращался Майкл Ди, когда разрабатывал очередной план.

Когда-то Хельга была безудержной распутницей и металась от страсти к страсти, выбирая самые странные объекты с отчаянием обреченной. Заточение в бесконечной скуке Фестунг Тодесангст было самой страшной для нее казнью, которую она только могла бы придумать. Но каждая минута работы самой глубокой системы этой крепости давала ей возможность сквитаться, терзая душу Шторма.

Ядром этой системы, ее мозговым центром была дочь Шторма, Валери. Ее встроили в киборга, не лишив при этом индивидуальности. Каждую секунду субъективного, неимоверно растянутого времени, в котором она существовала, Валери осознавала, кто она такая и что с ней случилось.

За это Хельга Ди поплатится жизнью. Когда придет время. Когда момент созреет.

Всякому овощу свое время.

Он долго не сводил глаз с терминала, стараясь забыть на время о том, что душа машины — это его дочь, которую он любил слишком сильно.

Возраст, говорил Шторм, когда об этом заходила речь, не прибавляет мудрости — только опыта, из которого мудрый может извлечь уроки. И даже у мудрейшего есть слепые зоны, в которых он ведет себя по-дурацки и столь непреклонен в своей глупости, что превращает ее в самодельную удавку для себя же.

У Шторма такими зонами были Ричард Хоксблад и Майкл Ди. Он был готов приписать Ричарду любое зло, а брату был готов излишне верить и многое прощать.

Когда-то, очень давно, Валери совершила то же самое, что недавно — Поллианна. Она тайно покинула Железную Крепость. Шторм до сих пор не был уверен, но подозревал в этом происки Майкла Ди. Он не знал также, что побудило Валери к бегству, хотя незадолго до этого она часто говорила о примирении с Ричардом.

Воспоминания о Валери наложили отпечаток на его действия в случае с Поллианной. Он очертя голову помчался ее спасать — возможно, не слишком мудро.

Валери полюбила Хоксблада.

Слухи об их романе просочились в Крепость. Шторм пришел в ярость. Он обвинил Ричарда во всех преступлениях, в которых только способен обвинить отец любовника дочери. Майкл организовал их встречу. А Шторм, как самый последний дурак, отрекся от Валери, когда она отказалась вернуться домой.

Он пожалел об этом в ту же минуту, но упрямство помешало ему отказаться от сказанных слов. И еще сильнее пожалел, когда Хельга, обманув собственного отца, похитила Валери и заточила в Фестунг Тодесангст.

Бедняжка Валери. Она попала в церебрально-механическое рабство, думая, что отец ее бросил, что он ее хладнокровно разыграл, как карту в игре.

С тех пор Шторм никогда не забывал про Хельгу. Мсть, которую он сейчас планировал, была только задатком полной расплаты за его поруганную любовь к дочери.

Они были суровыми, безжалостными и архаичными, все эти Штормы, Ди, Хоксблады и те, кто им служил.

«Хватит!» — приказал себе Шторм. Он и так слишком часто распинает себя на этом кресте. Дрожащей рукой он переключил переговорное устройство на прямой речевой контакт.

— Валери?

Он почувствовал, как взбудоражилось нутро системы, ответившее ему электронным потрескиванием. А потом пришел сигнал, который его прибор преобразовал в вопрос:

— Кто это?

В голосе были обертоны удивления.

Шторм был готов дать лишь один ответ, тот единственный, который не должен был вызвать взрыв злости.

— Ричард Хоксблад.

— Ричард? Что ты здесь делаешь?

Он почувствовал ее неуверенность, надежду, страх. И покачнулся от удара, подавляя в себя тошноту. Какой-то гнусный червь грыз его внутренности, прорываясь наружу.

Если у них с Ричардом и возможно согласие, то лишь в одном — Хельга должна за это заплатить.

Ричард любил Валери. Эта любовь стала еще одной непреодолимой пропастью между ним и Штормом.

— Я пришел повидаться с тобой. Освободить тебя. И узнать, что Хельга замышляет против меня и твоего отца.

Наступило долгое, тягостное молчание. Шторм уже испугался, что потерял ее окончательно.

— Кто говорит со мной? — раздался ее голос. — Я спала здесь так долго, так спокойно.

Он тут же уловил фальшь в ее словах. Никакого спокойствия для Валери Шторм здесь быть не может. Уж об этом Хельга позаботилась.

— Ричард Хоксблад, — снова ответил Шторм, жалея, что никогда не слышал их интимных разговоров, ласковых прозвищ, которыми они называют друг друга ночью, всех этих милых пустяков, имеющих значение лишь для двоих влюбленных. — Валери, что это за новый комплекс, который я видел по дороге сюда?

Между логовом монстра и камерой Валери он мало что видел, кроме стерильной тишины, но на последних уровнях ему пришлось тихо, как котенку, проскользнуть через зону строительства.

Шторм опасался, что рабочие-зомби заметили его. Очищенные от личностных признаков, они мало чем отличались от роботов. Но кто знает — вдруг этих роботов запрограммировали на фиксацию всех аномалий.

— Это склепы-морозильники для сыновей моего отца. С их смерти моя повелительница начнет свое мщение.

Шторм подавил гневную реакцию.

— Как? И почему?

— Хельга и ее отец решили, что мой отец будет воевать в Черном Мире. А потому хотят взять в плен нескольких моих братьев и держать их здесь, пока бой не закончится.

— Хельга никогда их не отпустит.

— Нет. Но ее отец этого не знает.

— Как это будет сделано?

— Их захватит Майкл Ди.

Шторм вспомнил о мучивших Бенджамена кошмарах. Неужели это истинные предчувствия? Неужели оба близнеца наделены даром пси-контактов и Безликий Человек — это Майкл Ди?

— А как они убьют Бенджамена? — невольно сорвалось у него с языка. И он тут же скривился, будто надавил на больной зуб. Хоксблад не мог знать о подобных планах. И вычислить их не мог бы.

— Кто ты? Ты говоришь не так, как Ричард. В твоих словах столько холода... Он не мог бы... Шторм. Мой отец. Это ты. Только он мог подозревать...

Она была слишком ошеломлена, чтобы поднять тревогу, а может быть — не захотела. Может быть, она отчасти его простила.

— Прости меня, Валери. Я поступил как дурак.

Слова застревали в горле. Шторм не привык признавать ошибки.

Теперь он должен был действовать быстро. Наверняка Хельга позаботилась, чтобы у Валери не было от нее секретов.

— Рыжик... прости. — Он должен был это сделать. Узнав о том, что Валери в плену, они с Ричардом согласились, что это необходимо.

Был только один способ освободить Валери Шторм. И никакого другого.

Его плоть от плоти, кровь от крови... Перед глазами все расплывалось. Они были влажны.

Дрожащей рукой он потянулся к большому красному рубильнику в центре терминала. Червь, копошившийся внутри него, превратился в злобного дракона с когтистыми лапами.

А он-то думал, что слишком состарился и загрубел, что такой боли ему уже никогда не испытать.

Всего лишь на какой-то миг он заколебался. А потом снял ручку с предохранителя и резко дернул на себя.

И тут же шлем его наполнился стоном — словно кто-то умирал от удушья. Рука дернулась к переговорному устройству, он заставил ее остановиться. Он должен слушать и запоминать. Потому что этого страшного момента никогда бы не было, не будь он таким идиотом.

Человек должен до конца распробовать горечь собственной глупости, как и сладость собственной мудрости, поскольку мудрость рождается из хорошо запомненной глупости.

Валери умирала.

— Какой покой... — еле слышно пролепетала она. — Папа, скажи Ричарду... Пожалуйста, скажи Ричарду, что я... что я...

— Скажу, Валери. Рыжик. Обещаю тебе.

— Папа... сыграй мне что-нибудь... как раньше.

Одна слеза скатилась у него по щеке — он вспомнил мелодию, которой убаюкивал ее в детстве. Шторм

снял рюкзак, моля Бога лишь об одном — чтобы инструмент его остался целым после стужи и схватки с часовым Хельги. Он смочил слоной мундштук, потом закрыл глаза и заиграл. Кларнет чуть сипел, но послушно вытягивал мелодию ее детства.

— Вот эту, рыжик?

Безмолвие. Жуткое, кричащее безмолвие смерти.

Он дал волю ярости, заглушающей другое, более глубокое и пронзительное чувство. На одну бесконечную минуту скорбь захлестнула его без остатка. И мелодия оборвалась, уступив место надрывному вою.

Валери была не первой из тех, в чьих жилах текла его кровь и кого он убил. И, быть может, не последней. Но привычность не унимала боль. И плакать бессонными ночами ему придется всегда.

Такого Шторма, Шторма слез, скорби и ярости, не видел никто и никогда, кроме Фриды. Это она обнимала Шторма в моменты, когда он сотрясаясь от рыданий.

Он взял себя в руки. Есть еще работа. Кое-что он узнал, но нужно торопиться.

Безжизненное лицо Хельги маячило перед ним, пока он выбирался из недр Фестунг Тодесангст. И он шел прямо на него с целеустремленностью убийцы-фанатика.

Раньше он думал, что ненавидит Ричарда Хокблада. Однако ненависть эта была мимолетной ребяческой обидой по сравнению с тем, что он испытывал сейчас. Эти чувства станут факелом, до конца дней освещающим ему дорогу в крошечной тьме.

Он не спрашивал себя, что привело его в Мир Хельги. Но в том, что он узнал, неявно содержался ответ.

Игра, затеянная Майклом, подходит к концу. Ди шел ва-банк, ставя на карту все, что имеет, чтобы получить то, что хочет. Легион и Хоксблада толкали в Черный Мир, как бойцовых петухов в яму, — на бой и на смерть без воскрешения.

Чем бы ни был одержим Майкл, его мечта вот-вот станет явью. Скоро он получит свое Эльдорадо. Будет война, и война, замешенная на чувствах. Взаимная ненависть постоянно кем-то подпитывается, и Армагеддон неотвратим.

Сумерки Легиона уже близко. Это может означать конец для всех армий наемников.

И Шторм дал обет. Пусть будет война с Ричардом, пусть они оба погибнут. Но они уйдут во тьму, унося с собой победу, которая осветит им путь в Преисподнюю.

Ди спустятся туда вместе с ними. Все до последнего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ:

2845 год н.э.

Последний снег таял в лесных зарослях, когда Диф решился на повторный побег. Он готовился к нему месяцами. Вначале мальчик положил все силы на то, чтобы убедить Джексона: он окончательно смирился со своей участью. Он стара-

тельно делал все, что ему говорили, и ублажал старика даже больше, чем тот требовал. Он не пытался сбежать даже в самых подходящих для этого ситуациях. Он не восставал против жестокого обращения и сексуальных домогательств. Он сносил все молча и терпеливо ждал.

Надев на себя личину заботливости, Диф кропотливо подготавливал свою месть. Осенью он устилал пол пещеры листьями. Когда настали холода и огонь в очаге горел постоянно, он собирал хворост и складывал его в кучи. Запасаясь дровами, он попутно подбирал небольшие камешки с острыми краями и рассовывал их по укромным местам.

В заране выбранную им ночь Диф начал перетирать веревку острым камнем, изо всех сил стараясь не зашуршать листьями. На это ушло несколько часов. Закончив, он сбежал не сразу.

Зажимая концы перетертой веревки, так чтобы она по-прежнему обвивала шею, Диф поднялся и подбросил веток в огонь. Старик проснулся, как всегда, когда Диф шевелился, и стал ругаться. Диф покорно склонил голову и продолжал работать. Джексон снова захрапел.

Пламя взметалось все выше и выше. Вскоре оно загудело, всколыхнув воздух в пещере.

Возле костра Диф заранее спрятал вещи, которые собирался взять с собой: одеяло из шкур, стальное огниво, сверток с сушеными фруктами. Сейчас он выбросил их наружу.

Джексон проснулся, подозрительный и раздраженный. Он дернул за веревку. Она ударила его по лицу. Старик тупо уставился на обтрепанный конец.

Диф схватил рогатину и передвинул костер к сухим, рассыпающимся листьям. Потом отпрыгнул и опрокинул здоровенную кучу хвороста, тщательно сложенную для такого случая. Ветки полетели в огонь. В ту же секунду пламя охватило их, взметнулось вверх и громко загудело.

Диф опрокинул остальные кучи.

Испуганный и разозленный старик соскочил с кресла и хотел было броситься к выходу, пока огненная завеса не стала непроницаемой.

Диф сбил его наземь брошенным камнем.

Его рукой двигала сила ненависти. Камень ударил Джексона в грудь с такой силой, что послышался хруст ребер.

Джексон поднялся и снова бросился к нему. Но ловушка уже захлопнулась — ему пришлось отступить.

Диф с наслаждением наблюдал, как Джексон вопит и приплясывает в огне. В конце концов, обезумев от боли, старик снова ринулся через завесу огня и, выскочив с другой стороны, пополз, извиваясь всем телом, к своему мучителю.

Отступая каждый раз, когда Джексон подползал ближе, Диф собрал вещи, но не уходил, пока Джексон не умер.

Впоследствии, вспоминая об этом эпизоде, он не испытывал никаких чувств. Это была даже не казнь — просто избавление от мерзости.

А потом он направился в деревню.

В пещере Дифу словно отсекли часть души, оставив на ней глубокий рубец. Он потерял способность испытывать подлинные чувства, присущие

простым смертным, и превратился в ужасного монстра, прагматичного, начисто лишённого совести и сострадания. Отныне он будет лишь по необходимости симулировать эти свойства характера, словно принимая защитную окраску, уверенный, что точно так же поступают и остальные. Только собственные прихоти, фантазии и ненависть будут иметь для него значение. А окружающих он будет рассматривать лишь как объекты для своих манипуляций.

Диф решил действовать именно в эту ночь, потому что вождь приговорил Эмили к заточению в яме еще на одну неделю, дав возможность вызволить девочку, не забираясь к нему в дом.

Вход в деревню сторожил часовой — жители опасались ночных набегов соседних племен. Диф застал часового спящим, осторожно прополз мимо и направился к хижине вождя, выбирая самую непроглядную тень.

Яму, где сидела Эмили, прикрывала крышка из шкур, натянутых на деревянную раму. Диф убрал камни, придавливающие крышку, и сдвинул ее в сторону, а потом лег на живот и прошептал:

— Эмили! Пора! — В яме была непроглядная темень, но по испуганному дыханию, доносившемуся из глубины, Диф понял — девочка не спит.

Рядом храпело какое-то животное из тех, что жители деревни обратили в своих рабов. Оно чуло Дифа, но шума поднимать не стало. Похоже, оно не собирается выдавать мальчика.

— Эмили! Пойдем! Это я — Диф.

Из ямы опять никто не отозвался.

— Пойдем! — Время уходило, и тратить его на испуганную рабыню было некогда. Диф свесился вниз и попробовал на ощупь ухватить ее за волосы. Но яма была слишком глубока.

— Пойдем, девочка. Давай мне руку. Надо нам поторапливаться.

И тут она всхлипнула.

Диф знал, что девчонка немало выстрадала, но вряд ли больше, чем он. Что же с ней такое? Неужели этих животных так легко сломить?

— Руку! — рывкнул он шепотом, снова нагибаясь. И почувствовал, что девочка ухватилась за него. Он уперся и потянул. Извиваясь и хныча, голая девчонка вылезла из ямы.

«Ну и что дальше?» — спросил он себя. Без одежды она ни холода не выдержит, ни по лесу бежать не сможет — ее кусты раздерут.

— Добудь себе что-нибудь из одежды, — приказал он, показывая на хижину вождя.

Она замотала головой.

— Живее! — прохрипел Диф.

И снова качание головой.

— Да иди же, черт бы тебя побрал! — Диф больно ущипнул ее за голую ягодицу. Девочка тихо пискнула и скрылась в доме.

Диф пригнулся возле хижины, закусив губу, ловя за дальними холмами признаки надвигающегося рассвета.

Они таки подняли шум. Не услышал ли кто-нибудь?

В урчании животного уже слышалось любопытство. Не будь оно заперто в клетке, давно бы уже

отправилось посмотреть. В лесу то и дело фыркали, стрекотали, ухали какие-то ночные твари.

А с ними как быть? Он не слышал, чтобы в местных лесах водились крупные хищники. Однако это не значит, что их там нет. Он знал о Префектласе только то, что видел собственными глазами. А Джексон немного дал ему повидать.

Наконец девочка вернулась, завернутая в меха.

— Это одежда Юлоа, — прошептала она. Девочка обворовала сына вождя.

Диф хмыкнул едва слышно, стараясь скрыть свою тревогу.

— Пора нам отправляться. До рассвета совсем чуть-чуть осталось.

— А куда мы пойдем?

Диф и сам не знал. Его планы не простирались дальше того, чтобы вытащить девочку из ямы. Его знаний об этом мире было недостаточно.

— Вернемся на станцию, — ответил он ей. И пошел, прежде чем она успела что-либо возразить. Идти куда-нибудь, лишь бы выбраться отсюда. Помедлив какое-то мгновение, девочка двинулась следом.

Часовой пересел на другое место, но уже опять спал. Они осторожно прокрались мимо.

Пройдя с сотню ярдов, Диф остановился. Он не знал дороги. Направление — да, но не дорогу.

Гордость не позволяла ему сознаться в своем неведении перед животным. Он пошел дальше, пока Эмили не успела ни о чем спросить.

Часом позже, когда они продирались сквозь густые заросли вверх по крутому склону, она спросила:

— Почему бы нам не пойти по тропе — вон по той? — И добавила, задыхаясь: — А то потеряем время. За нами ведь скоро пустятся в погоню.

Диф нахмурился. Похоже, эта девчонка замучит своей трескотней.

Хотя что здесь такого — она ведь может высказать свои соображения? Тем более что ничего при этом не навязывает.

— Ладно, может быть, ты и права.

Они двинулись в направлении, выбранном девочкой. И наткнулись на узкую тропинку. Теперь все пошло легче. Лесная опушка показалась, когда рассвет уже принялся энергичными мазками перекрашивать темно-синие облака в малиновый и золотой цвет.

— Здесь мы отдохнем, — сказал Диф, привалившись спиной к подножию огромного дерева. Два гигантских корня стали на несколько минут подлокотниками его трона.

Впереди простиралась равнина, расчищенная Норбонами во время первой экспедиции на Префектлас. Теперь она стала безжизненной, если не считать навозных жуков да утренних птиц, скачущих за насекомыми. На месте норбонского комплекса лежала груда развалин. Даже их дом — настоящую крепость — и то сровняли с землей. Трава и мох зеленели на обугленных руинах.

От других построек осталось и того меньше. Космические пехотинцы поработали на славу.

А потом ушли, даже не оставив поста. Черные проплешины, выжженные их штурмовыми кораблями, уже едва проглядывали под молодой порослью.

Он смотрел и размышлял. Что он здесь забыл? Позади не было ничего, кроме мучений и смерти. Нужно идти дальше.

Куда? Любые животные из тех, что обитают поблизости, станут обращаться с ними ничуть не лучше, чем те, от которых они ушли. А что, если они забредут в район, где орудуют люди Конфедерации? Девчонка тут же его выдаст.

Но завтра — это завтра. Сейчас — сегодня. Проблемы надо решать, когда они возникают. Сейчас надо идти.

— Диф, не стоит здесь задерживаться. Наверняка нас уже хватились.

Диф встал и пошел к развалинам. Кто знает — вдруг там найдется что-нибудь полезное?

Солнечный диск уже показался одним краем, осветив горизонт. Они шли по узкой тропинке между десятков скелетов и беспорядочно разбросанных костей — здесь уже поживились мародеры. На костях болтались обрывки сангарийской одежды. На одном из маленьких скелетов с разможенным черепом Диф увидел нарядные светлые панталоны, в которых выводили в свет Дарвона в Пафа.

Диф постоял возле останков своего заклятого врага. Не так должен умирать наследник Семейства.

Он искал место, где была кухня, — здесь он в первую очередь рассчитывал найти что-нибудь полезное.

Около часа он рылся в обломках. Без толку. Руины обобрали так же чисто, как и кости сангарийцев. Эмили сказала, что жители окрестных деревень хлынули сюда, едва ушли пехотинцы.

Диф вернулся с покоренной алюминиевой чашкой и кухонным ножом без ручки. И то, и другое он отдал Эмили. А себе оставил остроконечный осколок стеклостали длиной около фута. Такой можно насадить на древко или приделать к нему рукоятку.

Сходил и к месту бывшего арсенала, в надежде, что там завалилось хоть какое-нибудь оружие. Но налетчики побывали и там и все разграбили. Ему досталась лишь бутылка с охлаждающей эмульсией для лазерного орудия, которую он решил приспособить под флягу.

В тот момент, когда он выливал жидкость из бутылки, девочка вскрикнула и, запрокинув голову к небу, замахала руками, прислушиваясь к слабому стрекотанию.

Вертолет Конфедерации летел к югу. Диф упал возле валуна и потянул за собой Эмили. Она визжала и брыкалась.

Патруль растаял в глубине неба. Диф помог Эмили подняться с земли.

— Зачем ты это сделал? — накинута на него Эмили. — Они бы нам помогли! То есть... меня бы могли с собой забрать.

— Ты — Норбон, — ответил Диф.

Он отвернулся. Задумчиво поковырял ногой щебенку, что-то припоминая.

Он провел на Префектласе около недели до прилета рейдеров. Не такой уж долгий срок, но достаточный, чтобы полюбить всей душой станцию и людей, работавших на ней. В первый раз он вырвал-

ся за пределы Метрополии, и потому от всего здесь отдавало романтикой. Особенно от старика Рафу.

Что теперь стало с зоотехником? Он был настоящий мужчина. Наверняка утащил за собой в могилу достаточно животных.

— Нам пора, Эмили. Нужно уйти с равнины, пока следы не выведут их сюда. — Он направился в ту сторону, куда только что улетел вертолет. Им оставалось лишь одно — все время продвигаться на юг.

Сейчас он не готов к борьбе с завоевателями Префектласа, но, когда будет готов, он должен быть возле их главной базы. Диф догадывался, что их штаб-квартирой стало имение Сексонов. Оно — самое обширное на этой планете, самое удобное для обороны, с лучшими системами связи. Идеальный плацдарм для оккупантов-людей. Совсем поблизости расположен главный космопорт планеты с дока-ми, пригодными для обслуживания самых тяжелых лихтеров.

Вот его конечная цель. Только попав туда, он сможет покинуть планету.

Оставалась лишь маленькая проблема. До имения Сексонов было больше тысячи миль.

Путь этот занял у подростков три года. Их странствия перемежались с периодами рабства такого же беспросветного, как и в первый раз. Перенесенные тяготы соединили их прочнейшими межэтническими узами, срастили в единый организм, отчаянно борющийся за выживание.

У Эмили пропало всякое желание покинуть его или выдать своим.

Они прибыли на место, и потянулись тягостные годы. Они попрошайничали. Перебивались случайными заработками. Их насильно запикивали в школы и приюты. В конце концов Эмили устроилась уборщицей в офис Префектласской Корпорации. И они выжили. А Диф почти забыл прощальное напутствие отца.

А когда им было шестнадцать, произошло нечто невероятное — Эмили забеременела.

Мир Дифа соскочил с привычной оси. Диф пробудился от летаргии и стал думать о том, о чем раньше не приходилось. Ему не под силу вырастить ребенка. Но он — сангариец. И у него есть обязанности по отношению к этому малышу, хочет он того или нет.

В это время работа Эмили свела ее с президентом корпорации. Тот увлекся девочкой и стал добиваться ее благосклонности мелкими подношениями.

После долгих, мучительных размышлений Диф решил самоустраниться. Да, за Эмили ухаживал человек, руководивший нападением на его семью. Именно по его приказу пехотинцы сеяли смерть на норбонской станции. Этот человек — его самый заклятый враг. Но этот же человек — единственная надежда для его будущего ребенка.

Сангарийцы всегда гордились своим прагматизмом.

— Ступай к нему, — сказал Диф Эмили. — Пусть он станет твоим мужчиной. Не спорь. У него есть то, что тебе нужно. Вчерашний день уже позади. А завтра мы оба начнем новую жизнь.

Она сопротивлялась. Она дралась с ним. Она плакала.

Диф вытолкнул ее из лачуги и удерживал дверь до тех пор, пока она не ушла прочь. А потом привалился спиной к косяку и зарыдал.

ГЛАВА ДВАДУАТЬ СЕДЬМАЯ:

3031 год н.э.

Братья Дарксорд походили на штатных архивариусов. С лица их не сходило выражение оскорбленной невинности — словно столкновение с реальным миром неизменно заканчивалось для обоих увесистой оплеухой. Эти кудесники, правившие в банке информации, выглядели легкой добычей для ужасных монстров, рыскающих в человеческих джунглях.

Оба — худосочные, низенькие, с вытянутыми лицами и водянистыми глазами. Бледные, с волосами столь редкими, что их впору заносить в Красную книгу. Гельмут предпочитал носить пенсне. Вульф, более решительный, исправил зрение хирургическим путем.

Два суетливых человечка, которые просто не способны оставаться в неподвижности. Первое, что бросалось в глаза стороннему наблюдателю, — это их пристрастие к трагическому заламыванию рук: любой, даже самой мелкой неприятности коротышки ожидали с трепетом старой девы, приговоренной к участию в разнузданной оргии.

Они так долго играли на публику, что сами вжились в образ.

На самом же деле они состояли из стали и льда в такой же степени, как Кассий или Шторм. Прикажи им тогда Шторм, и они не задумываясь, без всяких угрызений совести прикончили бы эмиссара горнодобывающей компании. Ослушание было для них незнакомым понятием.

Это были старые, слаженно действующие, неотвязные убийцы.

Их жизни, их чувства, их пристрастия вот уже на протяжении двухсот лет имели один центр притяжения. Они неотступно шли за Борисом Штормом еще будучи мальчишками, в старом Палисарианском Директорате. Вместе с ним учились в военной школе и вступили во флот Конфедерации, вместе с ним основали Префектласскую Корпорацию. Когда Улант начал войну, вместе с ним вернулись на службу, а затем помогали формировать Железный Легион. После смерти Бориса оба стали верой и правдой служить его сыну.

Они родились на Старой Земле и хотя еще в юности ее покинули, но планета-мать дала им достаточно суровых уроков в худших трущобах Европы.

Лишь две вещи имели значение в этом мире. Примкнуть к банде, у которой самые большие пушки. И служить ей с абсолютной преданностью до тех пор, пока она отвечает тебе взаимностью.

Два столетия чуть подправили эту истину. Теперь им уже не уйти из Легиона, найдись даже у кого-то пушки побольше. Время от времени кто-то из них вспоминал, что, судя по некоторым признакам, пора вы-

ходить из игры. Но ни один, ни другой ничего для этого не предпринимали. Братья продолжали служить Шторму с непреклонностью законов природы.

Шторм оставил их командовать в Крепости. Как утверждал Вульф, сам факт его отсутствия создал столько проблем, что под их бременем и святому недолго спутаться с дьяволом.

Дарксорды были весьма занятыми существами еще в одном смысле. Они были из редкой породы истинно верующих в эпоху неверных. Только они сами понимали, как их действия совмещаются с христианскими заповедями.

Майкл Ди был оживлен как кипящая ртуть. Поллианна, вынужденная в присутствии Люцифера соблюдать хоть какую-то осторожность, теперь, кажется, задалась целью дать работу всем действующим мужским членам в Крепости. Имя ее стало излюбленным предметом грубых шуток.

Не прошло и двух дней после отбытия Люцифера, как она снова затащила к себе в постель Бенджамена, да еще с такой беспечностью, что об этом узнала вся Крепость. И теперь Фрида напоминала вулкан перед извержением.

Традиционные нормы морали мало что значили для обитателей Железной Крепости, но здесь старались избегать ненужных трений между собой.

Поллианну же, казалось, это нисколько не волнует. Она пошла вразнос чуть ли не сознательно.

Заклювались пари. Взбесится ли Люцифер после возвращения настолько, чтобы повторить недавнее кровопролитие? А может быть, жена Бенджамена

решит, что с нее довольно, и отрежет ему яйца? Такая взрывоопасная обстановка как нельзя лучше подходила для планов Майкла Ди.

Приготовления к экспедиции в Черный Мир затянулись. У Легиона не было снаряжения для боевых действий в безвоздушной среде. Для действий в отравленной атмосфере — было, но не для безатмосферных планет.

Оставалось утешаться тем, что Ричард Хоксблад наверняка бьется над той же проблемой.

Улечение Фриды оккультизмом к этому времени уже приняло форму легкого помешательства. Она проводила долгие часы, запершись с мадам Андор, окончательно уверовав в вещий характер ночных кошмаров Бенджамена. В своих попытках уберечь сына от беды Фрида стала просто невыносима. Она то и дело ощупывала Бенджамена, чтобы убедиться: защитный костюм на нем.

Шашни с Поллианной были для него единственным убежищем и единственной защитой от невыносимой материнской опеки.

В войсках началось брожение, которое можно было объяснить лишь одной причиной — присутствием Майкла Ди. Разного рода слухи буквально наводнили казармы. То и дело вспыхивали потасовки, доходило и до поножовщины. Вражда между различными ротами и батальонами уже не имела ничего общего со здоровым духом соперничества.

Вот уже десять дней, как Шторм оставил Крепость, и его уравновешивающего воздействия явно не хватало.

Отчаявшиеся Вульф и Гельмут предписали всем, кто свободен от вахты, являться в спортивный зал для изнурительных тренировок. Измученные бесконечной муштрой, legionеры уже не выказывали в стычках прежнего пыла.

Вульф не отставал от Гельмута ни на шаг. Зайдя в спортивный зал, он пробурчал:

— Достаточно этому паразиту просто побыть здесь, чтобы все изгадить. — Он показал на Майкла Ди. — Ты только посмотри на него. Расселся, будто Соломон на троне.

Гельмут кивнул, соглашаясь.

— А интересно, поднимет кто-нибудь шум, если выкинуть его через шлюз?

— Не раньше, чем полковник вернется домой. Ух ты, погляди-ка! И Поллианна здесь. Не пособишь мне с ней?

Поллианна застыла у входа в зал, оглядывая людей, обступивших Ди. А потом ее похотливые глаза остановились на Майкле и внезапно загорелись ненавистью.

Рядом с Бенджаменом стояли Гомер и Фрида. Увидев Поллианну, Фрида сделала ей знак подойти. Бенджамен руководил тренировкой. Солдаты выполняли упражнения без энтузиазма.

Майкл молча смотрел, не чувствуя обжигающего взгляда Поллианны. С лица его не сходила задумчивая улыбка.

— Ты сам с ней разберись, — процедил сквозь зубы Гельмут. — А с меня довольно будет Бенджамена и Ди. — В голосе его сквозило такое отвра-

щение, словно Вульф предложил поплескаться в сточной канаве.

При приближении Вульфа Поллианна, к его удовольствию, густо залилась краской. Видимо, она заметила на его лице признаки надвигающейся бури.

Кассий, с его механическим голосом и полным отсутствием эмоций, был единственным человеком, которого боялась Поллианна. Тех, кто побывал у нее в постели, она бояться переставала.

Поллианна уже не раз делала авансы обоим Дарксордам. Но ни тот, ни другой не клонули. И потому их Поллианна тоже иногда побаивалась. Сейчас Вульф старался выглядеть угрюмым, как пилот-камикадзе. На то, что он собирался сделать, требовалась определенная решимость. Распушенность Поллианны озадачивала и пугала его.

— Пойдем-ка прогуляемся! — резко сказал он, схватив Поллианну за руку. Она вздрогнула. Оказалось, что Вульф гораздо сильнее, чем кажется на вид, и хочет, чтобы она это поняла.

— Заруби себе на носу, — процедил он сквозь зубы, подталкивая ее вперед по коридору. — Играть в игры Майкла Ди здесь можно только Майклу Ди. И ему все сойдет с рук — у него есть индульгенция от самого Шторма. А у тебя нет ничего. Ты — всего-навсего одна из невесток.

Слова Поллианны застряли у нее в горле. Его гнев обрушился на нее, как захлестнувший волно-резы вал, и смыл все, что она хотела сказать.

— Я мог бы посадить тебя под арест. Я так и сделаю, если ты не станешь вести себя как мона-

щенка. Держись подальше от Бенджамена. И Гомера. Я видел, как ты к нему клеишься. Если захочешь снять штаны, сделай это лучше для Люцифера. Ясно тебе? А если вздумаешь поиграть, обзаведись лучше колодой карт. Потому что эту игру мы хорошо знаем — еще с тех времен, когда твоя бабушка наложила в свой первый подгузник.

Они уже подходили к каюте Поллианны. Вульф протолкнул ее внутрь.

— Так вот, девушка: еще один номер, и не выйдешь отсюда до возвращения полковника. Это я тебе обещаю.

У Поллианны чуть отлегло от сердца. И Вульф это сразу же почувствовал.

— Тебе кажется, что ты его знаешь? Да? Ошибаешься. Для него Легион всегда на первом месте. Человек, которому приходилось убивать собственных детей, не задумается отправить в Мир Хельги любительницу, решившую поиграть в игры Ди. И в таком же виде, в каком отправил эту собирательницу железок.

Он настолько непоколебимо верил в своего командира, что заразил своей верой и Поллианну. Вульф оставил ее, надеясь, что ее хорошо проберет страхом и она ужаснется, что связалась с такими страшными людьми.

Гельмут подошел к небольшой группе, наблюдавшей за тренировкой. Он был лишь чуть менее отталкивающим, чем его брат. Улыбка на лице Ди

стала неуверенной. Теплая аура обаяния Бенджамена рассеялась. Гомер повернул к нему свои незрячие глаза, мрачные и бездонные, как глаза смерти. Во взгляде Фриды промелькнула настороженность.

Фрида была костлявая пышноволосая блондинка, похожая на своего отца, но без его уверенности в себе. Ее встревожила решимость, проглядывавшая в походке Гельмута. Гнея Шторма она понимала и умела с ним справляться. Отцом тоже могла манипулировать. Но Дарксордов ей так и не удалось прибрать к рукам.

А братья любили производить такое впечатление. Гельмут плюхнулся в пустое кресло с видом, явно не предвещавшим ничего хорошего, и медленно обвел взглядом зал.

— Капитан Цейслак! Руководите занятиями. Бенджамен, я нашел для тебя дело. Будешь проводить тренировки в вакууме. Начнешь завтра, после утренней проверки. Свяжись с Вонгом — он даст тебе программу тренировок.

Они друг друга поняли. Бенджамена решили убирать от греха подальше. На проведение тренировок в вакууме потребуется не одна неделя.

У человека, когда он остается один на один со своими мыслями в космическом скафандре, достаточно времени на раздумья. Именно этим руководствовался сейчас Гельмут.

— Но ведь он может... — начала было Фрида.

— Пораниться? — перебил ее Гельмут. — Чуть. Снаружи для него сейчас безопаснее. Он ведь не самоубийца, правда? — Гельмут бросил взгляд на Майкла Ди и скривил губы в ядовитой усмешке.

Бенджамен покраснел.

— А как же несчастные случаи?! — У Фриды уже начиналась истерика.

— Успокойся, мама, — сказал Гомер язвительно. — У тебя ведь останется еще один предмет обожания — это я.

Фриду передернуло. Стараясь скрыть свои чувства, она улыбнулась — якобы виновато.

Мертвые глаза Гомера смотрели вниз. Он все прекрасно понимал — даже мать выражает ему любовь лишь по принуждению.

— Несчастные случаи? Ну конечно, без них не обходится, — процедил Гельмут и снова посмотрел с улыбкой на Ди. — Я в свое время размышлял на эту тему и пришел к выводу: несчастные случаи похожи на мутации. Один из очень многих бывает благоприятным. Мы с Вульфом как раз только что говорили о таких возможностях.

Теперь от улыбки Ди не осталось и следа. До него дошло. Он увидел следы, оставленные на лице Гельмута мучительными сомнениями. И с вдруг проснувшейся наблюдательностью Ди понял: Гельмут принял решение. Его слова, пусть и не прямо, но утверждали, что впредь он не намерен отождествлять интересы Гнея Юлия Шторма с интересами Легиона. Намек, что они с братом готовы убрать Ди, означал революцию в умах, которая грозила распространиться на всю организацию. Когда даже комнатные собачки вдруг встают на дыбы и ощериваются...

А Гельмут сидел рядом и улыбался, словно читая мысли Майкла.

Фрида все продолжала причитать, и в конце концов Гельмут взорвался.

— Вам не по душе мои приказы, мадам? Жалуйтесь полковнику, когда он вернется. А пока что прошу помолчать.

Так сурово он еще не выговаривал ни одной женщине. Фрида заткнулась. Шторм всегда вставал на сторону того, кого наделил властью проконсула.

Высказав все, что хотел, Гельмут отправился будить Терстона Шторма. Терстон — вот его верный помощник. Вначале ему поручили единственную задачу: стеречь Майкла. Но по мере того как напряжение нарастало, Дарксордам пришлось переложить на него часть своей нелегкой ноши. Теперь все трое несли дежурство по шестнадцать часов. Пока один из них спал, двое других отбивали наступление хаоса.

— Он сегодня на редкость дружелюбен, а? — заметил Майкл, когда Гельмут удалился. — Такой на свадьбе уныние наведет. Отправит жениха на работу раньше, чем пир начнется.

В словах его таился тонко рассчитанный намек, но Бенджамен, не заметив этого, тут же попался в ловушку.

— Пир, говоришь? А что, неплохая мысль, Майкл. Пора нам всем немного встряхнуться. Устрою-ка я отвальную.

Майкл кивнул, улыбаясь.

Стараниями Бенджамена атмосфера на вечеринке постепенно становилась все более веселой и непринужденной. Несколько глотков спиртного помо-

гали молодежи забыть о гнетущем чувстве, так внезапно и совершенно необъяснимо овладевшем всеми в последнее время. Все чаще в зале раздавались чьи-то неуверенные смешки.

Мать Бенджамена держалась в тени, угрюмая, словно старый ворон. Она с самого начала встретила идею в штыки — что-то ей не нравилось. Но Бенджамен остался непреклонен. Даже мадам Андор не удалось его переубедить. Материнская опека порядком ему опротивела. И Бенджамен решил: довольно с него непрошенных спасителей.

Порой в своем упрямстве он нисколько не уступал отцу.

Теперь Фрида просто места себе не находила. Где же ее муж и отец? В Крепости черт знает что творится, а они там гоняются за какими-то женщинами или еще что-то в этом роде.

Ди разглядывал гостей с презрительной, насмешливой улыбкой.

Терстон Шторм занял наблюдательный пост возле двери. Этот мрачный рыжеволосый детина казался совершеннейшим простачком, неспособным даже на самые примитивные хитрости. Однако внешность его была обманчивой. Это был опасный человек.

Терстона не включили в список приглашенных, поскольку считали его слишком шумным и необузданным. Он хоть и обиделся, но не допускал даже мысли, что можно забыть о своих обязанностях и присоединиться к гостям. Сейчас он стоял на пороге, скрестив руки на груди, ни на минуту не отрывая взгляда от Майкла Ди, сжимая игольчатый пистолет, казавшийся игрушкой в его огромной ладони.

Терстон оставался загадкой для всех. Он казался совершенно бессодержательным существом, одной лишь видимостью человека. И это так же настораживало, как и пустота Поллианны Эйт. К тому же его видимые оболочки сменялись, противореча одна другой. Изредка он казался отражением своего отца, но большую часть времени он выглядел тем, за кого его и считали: здоровенным, туповатым, довольным собой и жизнью парнем, который всегда пьет, как в последний раз, ест за четверых, любит прихвастнуть, поспорить и во всем идет напролом. Словом, обычная гора мускулов, лишенная мозгов.

Вульф не пришел на вечеринку, сославшись на занятость. Обиженная Поллианна отсиживалась в своей каюте. Гельмут спал. Все остальные явились.

Бенджамен великолепно смотрелся в форме собственного покроя. Правда, отец вряд ли бы его одобрил — для легионера такой мундир выглядел слишком щегольским. Бенджамен и сам уже не рад был, что устроил этот маскарад. Лишь защитный костюм, выпиравший из-под мундира, немного убавлял ему помпезности.

Это были лучшие доспехи из всех существующих. Лучевое оружие лишь подпитывало его щиты. Все, летящее на высокой скорости, рассыпалось, попав в силовые поля. Эти же поля блокировали и отбрасывали назад любой металлический клинок. А если становилось совсем жарко, он мог наглухо застегнуться и жить долгое время на собственном воздухе, воде и питательном растворе. Никто не мог к нему прикоснуться. Мать то хвасталась перед всеми, что

теперь Бенджамен совершенно неуязвим, то вдруг пугалась мысли, что он и в костюме найдет свою погибель.

А Бенджамен придумал новую игру. Он заставлял друзей по очереди стрелять в него, рубить и колоть ножами. Они изодрали в клочья его форму, но не оставили на нем даже царапины, рассмешив его до слез.

Бенджамену просто хотелось пощекотать нервы матери.

Гомер, как всегда отторгнутый обществом из-за своей слепоты и уродства, сидел в полном одиночестве и размышлял. Что ему за дело до этой вечеринки, до этого звонкого женского смеха — красавицы всегда льнули к легионерам. Наверное, это опять над ним насмехаются. Все женщины над ним потешались. Даже эта чокнутая Поллианна. Наверняка она и соблазняла его с единственной целью — еще раз над ним посмеяться. А Фрида — эта сучка, назвавшаяся его матерью... Она ведь только об одном и мечтает — спихнуть своего сына куда-нибудь подальше, чтобы не краснеть за него. Конечно, она строит из себя любящую мать, но его ведь не проведешь — во время озарений он все отчетливо различает.

Никто не хочет его понять. Никому нет до него дела, кроме Бена, его отца да еще этого чудака Мауса, самого молодого из братьев. А отца он никогда не простит за то, что по его милости появился на свет. Наверняка с его властью и деньгами он мог бы что-то сделать. Хотя бы дать ему зрение. Исправить хирургическим путем его физические недостатки...

Он знал, что отец предпринимал такие попытки. Но человек в приступе отчаяния редко внимает разумным доводам.

Иногда Гомер, дойдя до полного иступления, начинал ненавидеть Гнея Юлия Шторма.

— А ты что приуныл, Гомер? — раздался вдруг рядом чей-то голос, заставив его вздрогнуть. В голосе этом слышалось больше сочувствия, чем ему приходилось слышать. А уж он-то умел извлекать преимущества из людского участия.

Странно — он даже не почувствовал, как говорящий к нему приблизился. Глаза его мертвы, но зато другие органы чувств обострены до предела. Неужели к нему подкрался призрак?

— Кто это? — Он не узнал голоса.

— Майкл.

Ну конечно. Он должен был догадаться по этой вкрадчивой манере, этой привычке говорить разными голосами.

— Что тебе нужно?

— Ничего, просто хотел тебя подбодрить. А то в Крепости как-то совсем тоскливо стало.

Гомер кивнул. Конечно, он не поверил ни единому слову. Ведь перед ним Ди — Князь Лжецов, который просто не способен говорить без околечностей. Ну что же, может быть, он и вправду решил его подбодрить, вопрос только — ради чего.

Подозрения Гомера были вполне обоснованны. Вот только глаза его подвели — он не разглядел той зловещей решимости, которая всего на мгновение промелькнула на лице Майкла. И не разгадал, что у Майкла на уме.

В конце концов Ди нашел-таки ахиллесову пяту Бенджамена. Он добыл эту информацию у самого рьяного его защитника — у матери, просто прислушиваясь к ее хвастливой и одновременно встревоженной болтовне.

— А ты не хочешь сыграть, Гомер? Бенджамен там со всеми дерется на дуэли. Может быть, он и с тобой сразится.

— Дуэль со слепцом? Да ты полный дурак, Ди.

— Брось ты, я тебе помогу. Идем. Бенджамен! Гомер тоже хочет попробовать.

Ди украдкой посмотрел через плечо, и капелька пота выступила у него на виске. Он по-прежнему на мушке у Терстона.

— А почему бы и нет, черт побери! — воскликнул Бенджамен. — Давай, Гомер. Чем черт не шутит — вдруг у тебя получится, не в пример этим клоунам?

Согласно неписаному закону, здоровый предоставил калеке право ударить первым.

Ди что-то доверительно зашептал на ухо Гомеру, заставив его встать, потом вложил ему в руку нож и поставил его напротив брата-близнеца. Публика заулыбалась в предвкушений потехи. Чувствуя, что над ним глумятся, Гомер распалялся все больше.

— Считаю до трех, — произнес Майкл, отступая назад, стараясь укрыться от Терстона за чьей-нибудь спиной. — Раз...

Бенджамен, чтобы позабавить зрителей, сам подставил грудь под нож Гомера. Он знал — в таком костюме его не достать никаким оружием.

— Два...

Прислушиваясь к дыханию Бенджамена, Гомер резко выбросил руку вперед. Ему хотелось ткнуть Бена как следует, чтобы тот сел на задницу.

Жуткая тишина установилась в зале, когда отравленный кончик деревянного лезвия прошел сквозь доспехи, о которые разбивался прочнейший металл. Все застыли в неподвижности, словно в остановленном кадре старого кино. А потом Бенджамен и Гомер закричали в один голос. Их пси-поля столкнулись. Ярость и боль вырвались наружу и заполнили собой всю Крепость. Бенджамен скрючился и медленно осел на пол. Гомер, потеряв сознание, рухнул на Бенджамена. Его разум не выдержал давления пси-поля, усиленного в два раза за счет братаблизнеца. Женщины истерично завизжали. Мужчины заорали.

А Майкл, воспользовавшись тем, что даже Терстон на какое-то мгновение растерялся, выскользнул из зала так же тихо, как он до этого подошел к слепому брату.

В зале начался хаос.

Подоспевший Вульф увидел, как Терстон в ярости расшвыривает в разные стороны молодых офицеров, пытающихся отомстить Гомеру за Бенджамена. При этом он орал, чтобы кто-нибудь, Господа Бога ради, отправил близнецов в госпиталь.

В конце концов кому-то из нападавших удалось проплыгнуть мимо него и прикончить Гомера, уже пришедшего в сознание, тем самым злополучным ножом. Терстон тут же развернулся и размозжил ему голову.

Гомер встретил смерть с улыбкой. Эта мрачная леди была единственной женщиной, способной его полюбить.

Сама драма оставила Вульфа безучастным. До госпиталя несколько минут, и смерть без воскрешения не грозила никому. Он смотрел, не исчез ли с места происшествия кто-нибудь, чье отсутствие сразу бросилось бы в глаза.

Чуть позже в зал ворвался Гельмут в нижнем белье. В каждой руке он держал по пистолету.

— Что случилось?

— Найдите Ди! — приказал Вульф. — Убейте его! Разрежьте на куски и выбросите их через разные шлюзы. На этот раз полковник нас не остановит.

Гельмут посмотрел на мертвые тела. Ему все стало ясно.

Они разделились на поисковые группы и попытались напасть на след. Легионеры рыскали по Крепости словно волкодавы, которые не утомятся, пока не вымажут пасти кровью своей жертвы.

Вульф был слишком взбешен и не заметил главной пропажи. Фриды не было. Ей бы полагалось быть здесь и биться в истерику возле тела своего сына, мешая остальным сделать хоть что-нибудь разумное.

Через несколько минут вся Крепость была на ногах. У людей была единственная цель: найти Майкла Ди. И все-таки, несмотря на ограниченное пространство планетоида, ему каким-то непостижимым образом удалось уйти от погони.

Немного успокоившись, братья Дарксорд отправились в оперативный штаб, чтобы оттуда руководить поисками.

Они прибыли в тот момент, когда офицер связи заканчивал распечатывать послание от разъяренного Шторма. Прочтя его, Вульф понурил голову.

— А ведь дело было на минут на двадцать.

— Передайте, что слишком поздно. Что мы опоздали на двадцать минут. И подпишите рапорт моим именем, — приказал Гельмут.

— Мне нужен Ди, — прорычал Вульф.

— Спустим на него псов?

— Да.

Через несколько минут сирианские волкодавы Шторма уже рыскали по Крепости. След, на который собаки напали на уровне жилых помещений, привел их к шлюзам. Своими вопросами Вульф поставил вахтенных в тупик. Они не видели никого, кроме жены полковника, которая с двумя санитарями грузила на борт катера пару медицинских колясок...

— Тыфу ты, черт... — не сдержался Вульф. — Так ты думаешь...

Гельмут кивнул и схватился за рацию.

Очень скоро самые худшие опасения подтвердились. Как только Гомер нанес свой смертоносный удар, Ди схватил Фриду и поволок в ее каюту. Там он раздел ее, связал, заткнул рот кляпом и забрал ее одежду. Оттуда он отправился в медицинскую часть и, разыгрывая из себя Фриду с ее истеричной заботой о Бенджамене, убедил дежурных санитаров, что мертвецов необходимо перевести в госпиталь с

планетарным обеспечением. Ди настолько удалась роль, что незадачливые санитары помогали ему грузить на корабль гробы-морозильники.

Даже те, кто знал Дарксордов не один десяток лет, оторопели от их гнева.

— Майкл не мог уйти далеко, — заметил Гельмут, когда немного совладал с собой. — Затевая все это, он ведь не знал, куда отправился полковник. Давай-ка свяжемся с центральным постом — послушаем, что они скажут. А вдруг его еще можно зацепить?

Опираясь на возможности центрального поста, они начали контригру.

— Он удаляется по прямой, — сказал Вульф, показывая на изображение корабля Ди, скользящее по экрану радара. — И набирает скорость — готовится перейти в гипер. — Дарксорд взял указку и обвел с полдюжины других точек — это были корабли, преследующие Ди. — Быстро они припустились.

— Я отправил туда всех, кто находился на маневрах, как только прояснил ситуацию у офицера связи, сэр, — доложил старший вахты.

Это был тот самый офицер, который разочаровал Кассия и Шторма во время инцидента с Абусси и Ди.

— Очень хорошо, — одобрил Гельмут. — Вот теперь вы на высоте.

— Я также поднял все корабли из доков, сэр. Я полагаю...

— Правильно полагали, — перебил его Вульф. — Все, что может летать.

Лежные следы стали веером расходиться от корабля Ди. Вульф повернулся к другому экрану.

— Тактический компьютер контролирует ситуацию?

— Так точно, сэр. Вводите все, что потребуется.

— Наша общая стратегия?

— Создаем за ним непроницаемый плоский щит. А самые быстроходные корабли располагаем по его краям, готовя мешок.

— Отлично. Гельмут, похоже, что мы его достанем. Но на это уйдет время.

— Мы собираемся вывести из боя командный корабль. Отсюда мы не сможем долго его направлять.

— Я веду «Роберта Ноллиса», сэр, — доложил вахтенный офицер. — Даю им информацию напрямую. У них запараллелена та же программа. Вы можете взять управление на себя.

— Ну что ж, начало неплохое.

— Думаю, мы его накроем, — сказал Гельмут, не отрываясь от объемного дисплея. — Если только он не сядет где-нибудь совсем близко. Катер его еле ползет.

— Какая ближайшая посадочная планета на этом направлении? — спросил Вульф. Если Ди посадит корабль прежде, чем ловушка захлопнется, найти его станет невозможно. Прежде чем его выследят, Ди успеет пристроить свой груз и осесть где-нибудь под видом местного жителя.

— Мир Хельги, сэр.

— Ах вот оно что... — Вульф не смог скрыть улыбки. Ну что же, на этот случай у них с полковником припрятано по тузу в каждом рукаве.

— Связь и управление — вот в чем проблема. Расстояние-то огромное, — задумчиво сказал Гельмут.

— И что?

— Пора нам напомнить кое-кому о старых долгах. Посмотрите, смогут ли звездолеты ретранслировать наши сигналы. Они любят Майкла не больше нас.

Вульф вернулся к инстелу.

— Передайте вызов в тридцать седьмом диапазоне: Гейлам от Шторма.

— Если они там, то должны отозваться, — сказал Гельмут.

— Может быть. — Вульф пожал плечами. — Люди бывают на редкость неблагодарны. Как только получите ответ, дайте нам знать, — сказал он радисту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ:

3052 год н.э.

Я уже говорил — у моего отца были враги, о которых он даже и не подозревал. И друзья тоже. Он был суровым человеком, но с острым чувством справедливости. Чувство это не так часто побуждало его к действиям, как могло бы, но, когда это случалось, он обретал друзей, преданных навеки. Такими друзьями были небесные сейнеры — звездолеты, которых он спас от порабощения на планете Гейлов.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ДВАДУАТЬ ДЕВЯТАЯ:

2973 год н.э.

Шанс оставался один из квадриллиона. «Глоуворм» и сопровождающие его рейдеры прыгнули в залив и затаились, пытаясь ускользнуть от кораблей Флота. Одного из их шайки уже подбили. Погоня длилась долго, и капитаны почти отчаялись выбраться из этой переделки. Когда приборы «Глоуворма» уловили приближение кораблей, командир группы едва не запаниковал.

И все-таки в нем теплилась слабая надежда. Корабли с отключенными двигателями не так-то просто обнаружить, пока не подойдешь совсем близко. Он решил посмотреть, как будет действовать Флот.

— Это не они, сэр, — доложил минуту спустя оператор обнаружения. — Объекты слишком крупные. Мы засекли их с дальнего расстояния, да и движутся они медленно.

Командир присмотрелся к изображениям. Ничего подобного он раньше не видел.

— Боже правый... — пробормотал он, — такими огромными могут быть только...

Только траулеры звездоловов.

О Флоте тут же забыли.

— Не выпускайте их из виду. Проследите за курсом. И чтоб никто ничего не делал, что может нас им выдать. Ясно?

Последовав собственному совету, он стал передавать сообщения другим кораблям лишь через курьеров, одетых в специальные скафандры, пока траулеры не вышли за пределы обнаружения.

Восемь огромных кораблей, выстроившихся в шеренгу, проплыли мимо на минимальных скоростях... У командира возникло сильное искушение расплываться со своим боссом прямо тут же на месте. Человек, сделавший такую находку, может сам назначить за нее цену.

Звездоловы контролировали производство элемента, без которого не могут работать системы интеллигентной связи. Другого источника не было, и этот был невероятно скуден. Тот, кто завладеет флотом траулеров, получит сказочное богатство и власть.

Но в конце концов страх побудил командира держаться за хозяина.

Майкл выбрал самый очевидный план. Он собрал корабли и двинулся следом за траулерами. Эту операцию он держал в строжайшем секрете. Для него это был верный способ не только нажиться, но и стать хозяином собственной судьбы.

Майкл собирался рискнуть, полагаясь на фактор внезапности. Для лобовой атаки на восемь траулеров его сил было мало. Он рискнул и проиграл. Рейдеры он потерял и еле ускользнул живым. В ярости от неудачи он оставил за собой три подбитых траулера и нацию, которая будет рада насолить ему при любой возможности.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ: 2878—3031 годы н.э.

Этот мир носил имя Бронуэн. Лежал он в стороне от главных путей. Известен он был тем, что стал первым из людских миров, оккупированных Улантом. Впоследствии он одним из последних воссоединился с Конфедерацией, а перед этим стал на какое-то время пристанищем для разношерстной пиратской братии — как гавани североафриканского побережья в восемнадцатом столетии. Здесь сангарийцы, люди Мак-Гроу и флибустьеры всех мастей отдыхали после долгих перелетов и пускали с молотка свою добычу. Торговые бароны придирчиво осматривали товар, отбирая тот, что окупал расходы на межзвездную транспортировку. Владельцы транспортных судов искали клиента, что поплотнее забьет их трюмы. Живущие особняком звездоловы спускались из своих течений в ночи для редких переговоров с мирами людей. Ежедневно миллионы монет меняли здесь хозяина. Государство не вмешивалось в дела вольницы. Это были грубые и крутые времена, но правители Бронуэна внакладе не остались — ведь деньги липнут к деньгам.

Майклу Ди не стоило показываться в этом мире — иначе его имя связали бы с именами негодаев, которых он нанимал. Но успехи вскружили ему

голову. Майкл уверовал, что удача никогда его не покинет.

Этот сангариец пришел на его флагман, старый «Глоуворм», — корабль, который он выкупил через подставных лиц в послевоенные годы, когда сотни устаревших кораблей выбросили на рынок. Держался он просто и уверенно. Майклу он показался смутно знакомым. Где и когда он мог видеть этого человека? Наверное, во время войны, на какой-нибудь пресс-конференции. А может быть, когда-то в детстве.

Ди не любил загадок. И не любил, когда не мог что-то отчетливо вспомнить. Ведь память служила ему главным оружием. Но этот человек, кажется, никогда не играл в его жизни серьезной роли...

В самом начале сангариец назвался покупателем. Майкл смотрел, как он проходит через защитные экраны, и думал. Человек этот не похож на покупателя. Слишком тучный, слишком уверенный в себе, с тем неуловимым налетом, что отличает имеющих власть людей. А ведь скупка краденого — это занятие для мелких сошек последнего разряда.

Ди выключил экран слежения и стал ждать.

Посетитель зашел в салон, протянул руку и представился:

— Норбон в'Диф. Глава Норбонов.

Подпольные связи Майкла не простирались в сангарийскую сферу космоса. Непосредственный контакт с представителями этой расы бывал у него лишь от случая к случаю. Они были проницательны, осторожны и в бизнесе — тщательно честны. В своих усилиях уберечь от чужаков тайны Метропо-

лии, Семейства и Главы они доходили буквально до паранойи.

Это — Глава! А название его Семейства в последнее время постоянно всплывает куда ни сунься. Всюду, где действуют сангарийцы, прорезается имя Норбонов.

— Честь для меня. — Он пожал протянутую руку. — Чем могу быть полезен?

Майкл умел скрывать свои мысли. И сейчас он ничем не выдал ни ошеломления, ни любопытства. По его реакции могло показаться, что он действительно принял Норбона за очередного бизнесмена.

Но этот человек чертовски молод для Главы, мелькнула мысль у Майкла. Правда, в эпоху бесконечных омоложений и воскрешений это еще ни о чем не говорит. Тем более что на лбу и в уголках глаз кожа у незнакомца собиралась в складки. Так что если этот человек и молод телом, то мысли у него наверняка вполне зрелые.

— Как поживает ваша матушка? — спросил Норбон, не сводя с него глаз.

Вопрос застал Майкла врасплох — вот уж чего он никак не ожидал.

— Думаю, что неплохо. Я уже давно не поддерживаю связей с семьей.

— Да, война многое разрушила, не правда ли? Но кому-то и принесла немалый барыш.

Тень тревоги пробежала по лисьему лицу Майкла. Он почувствовал, что начинается поединок нервов.

— А как прочие ваши родственники?

— Тоже хорошо. Нас, Штормов, не так-то просто убить.

— Я это давно заметил.

Майкл придавил носком ботинка кнопку сигнализации. В следующее мгновение надежный человек, находящийся за непроницаемой с виду переборкой, навел на незваного гостя игольчатый пистолет и стал следить за каждым его движением.

— А особенно нелегко убить меня, сэр. Знаете, какой-то странный разговор. Давайте мы наконец перейдем к делу.

Майкл сам себе удивлялся. С каких это пор он стремится к прямоте? Выходит, сангариец задел его за живое.

— И вы, и мы занимаемся Семейным Делом. С большой буквы «С». Ваша Семья и моя. Между Норбонами и Штормами остались кое-какие нерешенные вопросы. Не сомневаюсь, что вы слышали об этой истории. И вот я пришел сюда узнать, какова ваша позиция.

— Простите, не понял? — Собеседник окончательно поставил Ди в тупик. Недоумение теперь отчетливо читалось на его лице.

— Кажется, мне придется вернуться к самому началу. Итак — 2844 год. По наводке, полученной от сангарийских предателей, командор Борис Шторм и полковник космической пехоты Тадеуш Иммануил Вальтерс вторглись на Префектглас. Они разрушили семейную станцию и перебили всех сангарийцев, которых там застали. Среди погибших — мой отец, мать и сотни клиентов семьи Норбонов. Спаслась лишь горстка, в том числе и Норбон в'Диф.

Майкл недоуменно пожал плечами, словно спрашивал: «Ну и что из этого?», а вслух произнес:

— Когда занимаешься бизнесом, случается всякое.

— Согласен. Таково отношение людей к риску и награде. Не слишком отличается от нашего, но в этот раз это был не налет, а бойня. И тогда это перестало быть бизнесом, а стало вендеттой. Я выжил. Моя обязанность — взыскать долг крови.

Постепенно Майкл начал понимать, куда клонит собеседник. И успокоился.

— На вас наведен игольчатый пистолет, — сказал он.

— А я в этом и не сомневался, — улыбнулся гость. — Ведь вы — человек предусмотрительный.

— Так, значит, вы не собираетесь меня убивать?

— У меня и в мыслях такого не было. Я здесь для того, чтобы перетащить вас на свою сторону.

У Майкла отвисла челюсть.

Норбон расхохотался.

— Я в первый раз вижу такое в буквальном смысле.

— Что именно?

Норбон махнул рукой, как бы говоря: «Не важно».

— Вы сидите между двух стульев, Майкл. А я хочу, чтобы вы передвинулись ко мне.

— Вы ставите меня в сложное положение. Я никогда не питал особой привязанности к своему семейству. Это общеизвестно. Но, с другой стороны, у меня нет никаких причин желать его гибели. Тем более что иногда контакты с ним бывают полезны.

— Да, я вас понимаю. Возможно, я слишком туманно выражаюсь. Просто я полагал, что вы все зна-

ете. Давайте-ка вернемся к вашей матери. Люди говорят, что она рождена в рабстве. Это вам известно?

— Да. Ну и что?

— Она родилась и получила образование на норбонской станции в Префектлассе. Была единственной уцелевшей самкой. Десять лет мы с ней сражались против варваров, конфедератов, приспешников корпорации, болезней и просто невезения. И пробились. Наши отношения стали настолько глубоки, насколько только могут быть между мужчиной и женщиной. Мы даже зачали ребенка.

Майклу показалось, что перед ним вырисовываются очертания какого-то косматого монстра. Так вот оно в чем дело... Ну что же, это ответ на многие мучившие его загадки.

И этот ответ даже слишком прост.

— И вы хотите, чтобы я поверил в эту чушь?

— Такое уже случалось прежде. Генетики доказали, что люди и сангарийцы отпочковались от одной и той же ветви когда-то в доисторические времена. Обе расы с негодованием это отвергают, но факт есть факт. До нас были другие расы, Майкл. И кто знает, какие они проводили эксперименты и зачем, прежде чем сошли с исторической сцены?

— А кому это интересно?

Диф пропустил его замечание мимо ушей.

— Если посмотреть на Метрополию повнимательнее, то вырисовывается один любопытный факт. Она идеально подходит для жизни людей. Очень похожа на Старую Землю до Индустриальной Революции. Мы, сангарийцы, заполняем там экологическую

нишу, предназначенную для людей. Но — и это самое любопытное «но» — до сих пор нет ни одной археологической или антропологической находки, подтверждающей наше присутствие здесь до того времени, как на Старой Земле появился кроманьонец. Эволюционная цепочка не прослеживается. Одно не вяжется с другим. Никаких приматов не обнаружено. А ведь мы иногда скрещиваемся с людьми. Так какой из всего этого напрашивается вывод?

Вывод этот казался совершенно неуместным в эмоциональном плане. А Майкл в данном случае руководствовался именно чувствами, а не здравым смыслом.

Он вырос с твердым убеждением, что сангарийцы — расовые враги. Их следует уничтожить — за исключением тех отдельных случаев, когда непродолжительные контакты сулят прибыль или какие-нибудь преимущества.

«Не могу же я враждовать с самим собой», — подумал Майкл.

— Пока что у меня все, — сказал гость. — Подумайте об этом. Разжуйте как следует — такой кусок сразу не проглотить. И не забывайте: сколько вы мне поможете, столько и я вам помогу. И еще. Как бы вы к этому ни отнеслись, фактически вы — мой наследник. Вы мой единственный ребенок.

Потерявший дар речи Майкл нажал на кнопку. Дверь каюты открылась, и сангариец ушел.

После этого они не виделись много лет. Прошло достаточно времени, чтобы забыть о Норбоне. Но

Майкл так и не смог этого сделать. Характер брал свое. Он уже строил хитроумные планы, прикидывал, как лучше использовать сангарийца.

При этом Майкл до самого последнего момента не подозревал, что используют его самого. Норбон в Диф оказался мягким, вкрадчивым пауком. Он плел сеть интриг вокруг своего сына с такой осторожностью, что Майкл, уже сидя в этом невидимом коконе, долго не осознавал своей обреченности. Лишь когда случилась история с Теневой Линией, с его глаз чуть спала паутина. И он зарыдал. К тому моменту он мог лишь следовать инструкциям, тщетно стараясь забыть о том, кто дергает за ниточки.

Самые тщательно разработанные его планы обернулись против него.

Фрог смеется в своей могиле. Майкл поставил на карту все, чтобы убить карлика, сохранить его секрет и впоследствии самому им воспользоваться. Богатства, найденные у окончечности Теневой Линии, должны были вызволить его из-под гнета. Они купили бы ему безбедную жизнь под чужим именем, избавив от опеки сангарийца и его семейства.

Но Норбон узнал об этом. Бог весть как. И дал приказы, готовящие уничтожение семейства Штормов.

Ди задергался. Он извивался и пытался уползти. Но Норбон сжимал его все крепче, то устраивая соответствующие браки для детей Майкла, то пуская в ход экономические рычаги. Майкл так и не смог вернуться. Возможно, окончательное поражение наступило, когда Диф заставил его отказаться от имени Шторм и назваться обрывком его имени — Ди.

Майкл пытался найти способ. Он думал даже обратиться за помощью к брату. Но отказался от этой мысли. Он знал, как ответит брат. Если вообще поверит. Гней скажет, чтобы он встал на ноги и действовал, как положено мужчине. Он просто не поймет.

А продолжая игру, он сможет расквитаться с Ричардом. Этим проклятым Ричардом. Вот тогда, в кратком приступе злобы, все это и началось.

Вначале Майкл плел паутину, а потом сам в ней запутался и угодил в лапы к еще более крупному и отвратительному пауку. В год Теневой Линии он уже не мог выйти из этой кошмарной скачки к пропасти. Он лишь надеялся, что не слишком сильно разобьется в конце.

И не верил этой надежде. Он был так же уверен в своей обреченности, как Шторм — в своей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ:

3031 год н.э.

Магазин игрушек был первоклассный. Здесь даже подавали кофе и чай в крошечных чашечках и с забавным фигурным печеньем. Кассию здесь было хорошо.

— Не слишком захватывающе? — спросил он.

— Так себе, — пробормотал Маус, с трудом разлепляя веки. На Большой Сахарной Горе они были уже четыре дня, и Кассий не много дал ему шансов

поспать. — Только и делаем, что слоняемся повсюду и задаем все те же старые вопросы.

— Такова разведывательная работа, Маус. Ты стучишься во все двери подряд и задаешь все те же старые вопросы, пока не добьешься правильных ответов. Или сидишь в штаб-квартире и скармливаешь компьютеру все те же старые ответы, до тех пор пока он не сформулирует правильный вопрос. — Кассий снова завел пружину в музыкальной шкатулке с незнакомой им мелодией. Крошечная фарфоровая мышка завертелась в танце. — Ну разве не прелесть?

— Вряд ли она стояла таких хлопот.

— Мистер Руссель, я беру шкатулку. Вы отправите ее на мое имя?

Кое-какие следы они отыскивали. Кассий располагал на Горе обширными связями, тянувшимися до самого верха, причем по обе стороны закона. Так что вопросы задавал не он один.

Майкл не очень-то старался скрыть свое присутствие. Они отыскивали с дюжину людей, которые видели его то тут, то там, обычно с Гнеем Штормом. Некоторые встречали его с парочкой каких-то незнакомцев довольно сурового вида.

Когда улетел Шторм, Ди перестал показываться на людях, хотя сам он задержался здесь еще на несколько дней.

— Данные весьма ценные. Теперь кое-что уже вырисовывается.

— Что именно? — Маус подал знак продавцу-официанту. — Будьте любезны — еще чашечку кофе.

— Пока не берусь сказать наверняка — контуры слишком расплывчатые. Но мы недаром потратили такую уйму денег — теперь у нас повсюду есть глаза и уши. Очень скоро что-нибудь да всплывет.

— Кстати, о глазах: твой друг, капитан, сейчас подсматривает за нами через дверь. И вид у него не очень-то веселый.

Кассий чуть нахмурился. Повернувшись, он посмотрел на дверь соседнего магазина, торгующего хрусталем, и заметил там полицейского. Их взгляды встретились. Офицер глубоко вздохнул, пожал плечами и направился к ним. Лицо у него было злое и в то же время смущенное.

— Ты бы раньше к нам подошел, — сказал Кассий. — Так было бы проще. Что там стряслось, Карл? И зачем это вдруг понадобилось за нами следить? — Кассий опустил на корточки и вставил выпуклый пластиковый диск в чрево карикатурного локомотива. Машинка стала описывать круги по комнате, насвистывая старую детскую мелодию. — Одна беда с этими игрушками — если хочешь, чтобы они еще и ездили, приходится специально заказывать со Старой Земли батарейки старого образца. Руссель! Вы уверены, что это не подделка? У вас есть сертификат?

Продавец-официант принес кофе для Мауса и для полицейского. Повертев чашку в руках, офицер сказал:

— А может быть, я слежу за вами ради вашей же защиты. Чем ты тут занимаешься, Кассий? Ты просил меня сделать одолжение — ладно, тем более я был у тебя в долгу. А ты меня поставил под перекрестный огонь.

— У нас кое-что случилось.

— Кое-что случилось, говоришь? Ты чертовски прав. Ты такую кашу заварил, что мне и не снилось.

— И все-таки: что стряслось, Карл?

— Этим утром мы подобрали пять трупов, друг мой. Пять. Вот что стряслось. И мне это не нравится. Гора — спокойное место. Люди отправляются сюда, чтобы забыть обо всем. Они снимают особнячки на окраине, уверенные, что до ближайшего соседа — пятьдесят кмэ. А раз в месяц облетают почти половину планеты — чтобы зайти в бакалейную лавку или посидеть за кружкой пива со старым приятелем. Но вовсе не ради того, чтобы поллюбоваться на мафиозные разборки. Тогда бы они сидели дома.

— Карл, ты можешь все рассказать по порядку?

Маус энергично встряхнул головой, стряхивая сон.

— На улицах говорят, что ты попросил Клементина кое-что разузнать. А кому-то это не понравилось. Очень не понравилось. В результате четырех его парней заваляли. Про пятого никто ничего не знает — какой-то тип с другой планеты. Документов нет. За ухом дырка от пули — автограф Клементина.

— Любопытно, — сказал Кассий.

— Да уж любопытнее не придумаешь, мать вашу. У нас здесь неписанный уговор, приятель. Мы не трогаем Клементина. А он ведет себя прилично и не распутивает туристов. Мы вылавливаем достаточно шлюх и картежников, чтобы успокоить праведников, а судьи отпускают их после чистосердечного раскаяния. Ведь именно эта шушера и привлекает сюда туристов. Клементин платит за них

штрафы — и все довольны. При этом он не вяжется в торговлю «звездной пылью», «стеклом» и тому подобной отравой, а мы не цепляемся к нему.

— Вполне цивилизованные отношения, — согласился Кассий, поигрывая игрушечной лопаткой для паровозной топки. — Как ты считаешь, Маус? Маус пожал плечами.

— Кассий, — сказал офицер, — вот уже четыре года, как мы не знали никаких разборок, никакой конкуренции между группировками. Клементин обеспечил своим людям вполне сносное житье. И вот теперь ко мне заявляется старый приятель, просит об одолжении, а в результате по всему городу валяются трупы.

— Прости, Карл. Я, честное слово, не ожидал такого. Я сам ничего не понимаю. Ты уверен, что это из-за меня?

— Так считает моя агентура. Некоторым гостям из других миров, довольно могущественным, не очень-то понравились всякие там расспросы. Вот они и дали Клементину это понять.

— Кто именно?

— Мы не знаем. Скорее всего какие-то важные шишки из Большого Картеля. Наверное, они решили устроить встречу на нейтральной территории. Ни у кого из местных духу не хватит переть на Клементина. А он сам никого не трогает.

— Да-а... Я понимаю, куда ты клонишь. Руссель, сколько с меня за лопатку?

— Знаешь, приятель, мне что-то не по себе, — сказал полицейский. — Клементин парень мирный.

Но если его довести, он может не выдержать. И будет драка. А если это Большой Картель... Я так скажу: у нас тут порядок, и мне это нравится. Все тихо, все довольны. А если они ввяжутся...

Раздалось негромкое стрекотание. Офицер достал из кармана радиотелефон.

— Геллер слушает.

Он прижал аппарат к уху, и через несколько секунд лицо его посерело.

Убрав телефон, он пристально посмотрел на Кассия и сказал:

— Еще трое. Двое — из их команды, один — человек Клементина. Значит, это Большой Картель. Один из чужаков похож на сангарийца.

Кассий нахмурился. У Мауса сон как рукой сняло.

— Сангариец? — озадаченно переспросил он. — Кассий, кажется, мы во что-то вляпались.

— Очень похоже на то. Карл, я сам не возьму в толк, что значит вся эта чертовщина. Мы искали одно, а напоролись на совсем другое. Надо мне поговорить с Клементином, попробовать его успокоить.

— Сделай это. И держи меня в курсе. Не нравится мне все это. Эти типы здесь совсем ни к чему. — Геллер залпом допил кофе и направился к двери. — И поосторожнее, друг. Не хотелось бы собирать тебя по частям.

— Ну, что скажешь? — спросил Маус, глядя на удаляющегося полицейского. Скука и сонливость прошли — их сменило нарастающее чувство тревоги.

— Думаю, нам лучше вернуться в отель и там залечь. Похоже, дела наши дрянь.

— Ключи от двенадцатого номера, пожалуйста, — сказал Кассий, остановившись возле портье. — Сообщения для нас не поступали?

Облокотившись о конторку, Маус с надеждой посмотрел на клерка. Вдруг отец что-нибудь прислал?

Нет, ничего, кроме короткой радиограммы из Железной Крепости. Кассий прочел ее вслух.

И в этот момент Маус заметил, как с улицы в вестибюль вошел худощавый старик с каким-то странным взглядом.

— Кассий! Ложись!

С этими словами он бросился под ближайшее кресло, на лету доставая крошечный контрабандный пистолет. Кассий откатился в другую сторону.

Старик с совершенно невозмутимым видом открыл огонь.

Хозяин отеля вскрикнул и упал, извиваясь, на плюшевый палас. Молния ударила в защитный костюм Мауса, и в воздухе заструился дымок.

Кассий попал в нападавшего со второго выстрела. Но старик не упал. Сохраняя на лице чуть удивленное выражение, он поливал вестибюль огнем из лучевого пистолета военного образца. Кричали люди. Горела мебель. Выла сирена. Рассеянные лучи, отражаясь от зеркальных стен, не давали ничего разглядеть.

Маус, кашляя от дыма, выстрелил и лучом опалил убийце волосы. Но тот, казалось, даже не заметил этого.

Потом Кассий попал в него еще раз. Старик повернулся и выскочил на улицу словно ни в чем не бывало.

— Маус! — крикнул Кассий. — Вызови Геллера. Я иду за ним!

Маус позвонил в полицию и через несколько секунд тоже выскочил из отеля.

Старик лежал на тротуаре, скрючившись, словно эмбрион, прижав пистолет к груди. Кассий стоял возле него с озадаченным видом.

Геллер примчался на место происшествия еще раньше, чем собралась толпа.

— Что тут у вас за чертовщина? — раздраженно спросил полицейский.

— Этот человек пытался нас убить, — пробормотал Маус. — Просто вошел в отель и открыл пальбу.

Кассий опустился на колени возле старика и теперь рассматривал его глаза.

— Карл, посмотри-ка. Думаю, это один из них.

— Ого! Да это же Кассий, кондотьер, — сказал кто-то в толпе.

— Ерунда, — отрезал его приятель.

Но слух уже подхватили.

— Проследите, чтобы здесь все привели в порядок, пока не нагрянули репортеры, — бросил Геллер полицейскому в униформе. — Тело доставьте в морг. Кассий, мне придется забрать вас обоих — дальше так продолжаться не может.

Через десять минут они сидели в полицейском участке. Снаружи уже толпились репортеры — имя Кассия произвело должный эффект.

— Посидите-ка тихо, пока мы не распутаем это дело, — сказал Геллер, когда Кассий напомнил о своем намерении встретиться с Клементином. — Если понадобится, вызовем его сюда для беседы.

В то утро перестрелка стала главной новостью. Журналисты пытались выявить взаимосвязь между различными убийствами. Активно прорабатывалась версия с Легионом, поскольку раньше ничего подобного на Горе не случалось. Маус слушал репортажи вполуха, наблюдая за действиями Кассия.

Вальтерс пустил в ход все доступные средства. Воспользовался всеми связями. Но воскресить стрелка не удалось — тот оказался слишком старым. Тогда Кассий переключился на интеллигентные сети, потратив на это целое состояние.

— Карл, ты готов к тому, что этот материал про сочтется наружу? Я уже связался со своим человеком на Луне Командной.

Это произвело на Геллера впечатление, хотя и против его воли.

— Нажми на красную кнопку. А потом я выпущу направленный пучок.

— Уже нажал. Если за стариком что-то числится, у Бэкхарта это есть. Он как раз заведует сангарийским отделом. Классный работник. Был моим студентом, много лет назад.

— Слышал про такого, — сказал Геллер.

В последние несколько часов у него голова кругом шла. Он чувствовал, что увязает все глубже. Кассий раздул местное происшествие в инцидент вселенских масштабов. Конечно, офицеру такой поворот событий не нравился, но как остановить все это, он понятия не имел.

Маус наблюдал за ним с вялым интересом, пока не заснул.

Когда Кассий разбудил Мауса, солнце уже было высоко.

— Давай, Маус. Мы отправляемся домой.

— Куда?

— Домой.

— Но...

— Мы раздобыли то, за чем прилетели сюда. Корабль поведешь ты. Мне нужно поспать.

Геллер сопровождал их в порт, который полиция закрыла до окончания кризиса. Теперь любой корабль мог подняться в воздух лишь по особому разрешению.

— Кассий! — окликнул Геллер полковника, когда тот уже поднимался по трапу. — Сделай мне одолжение: не спеши возвращаться.

Кассий ухмыльнулся, и в лице этого немолодого, утомленного жизнью человека промелькнуло что-то мальчишеское.

— Карл, если ты вынуждаешь меня извиниться еще раз, меня может просто стошнить. Теперь я тебе должен услугу. И не маленькую. Договорились?

— Ладно, в конце концов, не ты ведь их сюда притащил. Только отчаливай побыстрее — пока я не вспомнил тебе ношение оружия без разрешения.

Маус обернулся на Кассия, устраивающегося в противоперегрузочном кресле.

— Дай курс к Миру Хельги, — сказал полковник. Маус начал программировать.

— Почему именно туда? — Этот приказ окончательно сбил Мауса с толку. — Кассий, что все-таки случилось вчера вечером?

Вместо ответа Кассий захрапел.

Он проспал девять часов. Нетерпение Мауса все нарастало. Кассий обычно спал не больше пяти часов и то никак не мог смириться с такой пустой тратой отведенного ему срока жизни.

Выведя корабль в открытый космос, Маус считал орбиту к Миру Хельги и поставил корабль в режим набора силового поля для перехода в гипер.

— Не сбрасывай ускорение, — сказал Кассий, тем самым заявив о своем пробуждении. — В таком режиме ты недоберешь около тысячи километров в секунду в момент выхода из гипера, а там нам может понадобиться лететь быстро.

— Так, может, ты все-таки расскажешь, что там стряслось, пока я спал?

— Установили личность стрелка. С помощью моего друга, Бэкхарта. Вряд ли кто-то еще мог бы для нас это сделать. Так вот, считалось, что старик помер еще двести лет назад.

— Что?

— У Бэкхарта стоит компьютер, который помнит все. Получив параметры старика, он стал копать глубоко — вплоть до тех архивов, что мы захватили на Прёфектлассе. И отыскал там старика. Зовут его Рафу. Он работал на семейство Норбонов. На той станции мы их и взяли всех, тепленькими.

Маус постарался отнестись к услышанному внимательнее, чем оно того заслуживало на первый взгляд. Если Кассий так подробно на этом останавливается, значит, находка действительно важная.

— И что все это значит?

— Вот на этот вопрос Бэкхарт так и не ответил. Он продолжает рассчитывать возможные варианты.

Пока, чисто теоретически, существует следующая вероятность: Рафу — не единственный, кто уцелел на станции. В живых остался также наследник, что-то вроде кронпринца. Им удалось убежать с Префектласа и позже заявить о своих внутрисемейных прерогативах. Это крайне загадочные люди. Сородичи знают о них не больше, чем мы, но при этом боятся и уважают. Перед нами что-то вроде сангарийской знати. Они превратили норбонское семейство в одно из самых влиятельных. Их экономическая база — Мир Первой Экспансии, только благодаря им и прославившийся.

— Но к нам-то это какое имеет отношение? Старик ведь охотился за нами не из-за цвета глаз. Он хотел убить лично нас.

— Сугубо лично. Но увидеть, что здесь личного, можно только сангарийскими глазами.

— Не понимаю.

— Они считают — с момента, когда мы с твоим дедушкой высадились на Префектласе, начались личные счеты. Никто не скажет в точности, по каким принципам они разграничивают бизнес, войну со всеми ее превратностями и личную вражду. Перед нами самобытная культура с суровыми и сложно-постижимыми традициями. Похоже, Норбоны решили, что рейд на Префектлас вышел за рамки обычной войны.

— Ты хочешь сказать, что мы стали объектом кровной мести?

— Именно так. Это единственное разумное объяснение. А то, что мы спалили этого Рафу, только рас-

галит их ненависть. И не спрашивай меня почему. Они ведь тоже не задают подобных вопросов. Им никогда не понять, что заставляет нас их уничтожать.

— Я совершенно запутался, Кассий. Какая тут связь с Майклом Ди? И есть ли она? Должна быть, чтобы заставить старика сюда прилететь?

— Возможно, такая связь существует. Но прежде чем сказать что-то определенное, мне нужно как следует пораскинуть мозгами. Смотри-ка — на твоей рации красно-желтый сигнал. Узнай, кто это захотел с нами пообщаться.

Послушав с несколько секунд, Маус сказал:

— Кассий, это звездолеты ретранслируют послание от Вульфа и Гельмута.

— Тогда заткнись и слушай.

Через пятнадцать минут они знали самое худшее.

— Нарастит силовое поле до красной линии, — приказал Кассий. — И прибавь обычной скорости. Я хочу, чтобы мы свалились им как снег на голову, когда перейдем в нормальное пространство.

Спокойно и деловито изучал он схемы, выданные компьютером на главный навигационный экран. Кассий ввел в электронный мозг все данные, которыми его снабдили Дарксорды, и теперь выбирал гипердугу к Миру Хельги.

— Но...

— Он выдержит. И больше выдержит, если надо будет. Загляни-ка в каталог. Мне нужны данные на корабль, который угнал Ди.

Маус ввел параметры.

— Ох и хитрец же он, этот дядя Майкл. Смылся на одном из самых тихоходных кораблей. Но все-

таки не на самом. Есть еще парочка учебных лодок, которые он сможет перегнуть.

— Значит, у хороших парней есть шанс. И скоро мы им воспользуемся. Возьмем его за час до того, как он нырнет под ракетный зонтик Хельги. Или еще раньше, если он начнет маневрировать, чтобы проскочить мимо твоего отца. Проверь-ка оружейные системы.

Маус заерзал.

— В чем дело?

— Ты думаешь, начнется стрельба?

Кассий хищно осклабился.

— Ты чертовски прав, мальчик. Стрельбы будет квантум сатис. Ты первый раз в бою, верно? Просто сиди и делай, что я говорю. Все будет как надо.

Маус не испытывал страха. Лишь ожидание его тяготило. Час проходил за часом, не принося никаких перемен...

— Ну, вот и начинается, — сказал наконец Кассий. — Я видел на экране твоего отца. И твоего идиота-дядю, он так скачет, будто забрел босиком в крапиву. Так что тебе будет в кого пальнуть.

Теперь часы проносились как минуты. Кассий шел на сближение.

— Ах ты черт! — внезапно воскликнул он. — Гней, за каким дьяволом тебе понадобилось это делать?

— Что? — переспросил Маус, отстегнув ремни и перегнувшись к Кассию. — Что он сделал?

— Сядь, кретин! Сейчас нам туго придется.

Пришлось туже, чем Маус мог себе представить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ:

3052 год н.э.

Отец мой не был религиозным человеком. Тем не менее он непоколебимо верил в предопределение. До самого конца он считал, что бьется с непобедимыми силами Судьбы. Те, кто был с ним, могли чувствовать, что он не рассчитывает на победу, но никогда не впадали в отчаяние. Они знали — Гней Шторм не сдастся.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ:

3031 год н.э.

Сейнер ворвался в эфир, как только Шторм вышел из атмосферного слоя Мира Хельги.
— Его здесь уже нет?

Кошмарное напряжение постепенно сошло на нет. Гней почувствовал себя эмоционально истощенным, выжатым до предела. Правой рукой он дотянулся до рации и отключил ее.

Однако это состояние продолжалось недолго. Теперь гнев и раскаяние захлестнули его, подмяв, словно лавина. Чувство это было столь мощным, что какая-то крошечная, перепуганная частичка его от-

прянула и с изумлением наблюдала за происходящим со стороны.

Здесь, в укромной каюте, отгороженный от людских глаз, он мог, ничего не опасаясь, открыть створки и выплеснуть наружу свои чувства. Так он и поступил, дав выход накопившемуся отчаянию — не только из-за провалившейся попытки спасти Бенджамена и Гомера, но из-за всего, что случилось с тех пор, как он впервые услышал о Черном Мире и Теневой Линии. Он рыдал, сыпал проклятиями, вопрошал богов — есть ли справедливость во вселенной, где человек не хозяин собственной судьбе.

И конечно же, ни вселенная, ни боги не ответили ему.

Можно ли помыслить о справедливости, вращаясь в этом безумном водовороте? Ее никогда не было и не будет. Каждый человек вершит собственную справедливость, если вообще в ней нуждается.

Шторм знал об этом. Но порой даже самые уравновешенные умы срываются, отказываясь мириться с реальностью. И тогда им кажется, что вселенские боги должны вмешаться.

— Я добуду для себя хоть сколько-нибудь справедливости! — поклялся Шторм. И тут же отметил, что в последнее время уже принес немало клятв. Проживет ли он достаточно долго, чтобы выполнить хоть одну из них?

Рыдания его стихли. Слезы высохли. Голос уже не звучал так сдавленно. Он снова подключился к интелу.

— Звездоловы, вы меня слышите? Почему вы влезли в это дело?

Обычно этот народ предоставлял чужакам самим расклебывать собственные беды.

— Из-за леди Пруденс Гэльской, полковник, — раздалось в эфире после долгой паузы. — И по некоторым другим причинам, связанным с человеком, за которым вы гонитесь. Это не подлежит обсуждению. Вы хотите ретранслировать депешу?

— Да, в Железную Крепость.

— Говорите, когда будете готовы, полковник.

— Вульф, слышишь меня?

— Да, полковник, — послышалось через некоторое время.

— Соединись с Кассием.

— Он закончил операцию и сейчас движется заданным курсом. Я нацелил его на преследование.

— Очень хорошо. Еще какие-нибудь новости?

— Ди направляется в Мир Хельги. Сейнеры дали нам его предположительный курс. Он попадет прямо вам в пасть. Я держу его плоскостью и мешком, загоняя к вам. Кассий готов к перехвату в момент, когда Ди обнаружит вас и отклонится от курса. Ловушка захлопнется раньше, чем он ее заметит.

Горловина мешка вокруг Ди сжималось медленно. Даже на скоростях, во много раз превышающих скорость света, театр военных действий лишь за много дней сузился настолько, что можно было вывести корабль Шторма из-под автоматического управления. Какое-то время он лежал в дрейфе, неподвижно от-

носительно ближайших звезд, слушая сводки сейнеров. Силовое поле он держал включенным, чтобы иметь возможность нанести Майклу молниеносный удар из гиперпространства. По сути дела, он притворился сингулярностью, черной дырой.

Майкл не клюнул на эту приманку. Он не мог знать, кто поджидает его в засаде, но знал, что в районах, прилегающих к миру его дочери, сингулярностей нет. А потому просто изменил курс, проскользнув в оставленную для него брешь.

И напоролся на Кассия, который выполнил почти тот же трюк, что и Шторм, но оставаясь в нормальном пространстве, двигаясь с околосветовой скоростью.

Ди метнулся к крошечному зазору, все еще остававшемуся между стенами ловушки. Он выжал из своего корабля все, на что тот был способен.

Шторм двинулся ему наперерез, а Кассий прыгнул в гиперпространство. И начался размеренный танец, который мог, но, кажется, не должен был закончиться пальбой из орудий. Шторм не знал, потеряет ли его брат самообладание настолько, чтобы ввязаться в бой. Конечно, это не его стиль, но он может впасть в панику, не зная, кто перекрыл ему путь.

Маневр. Контрманевр. Обманный выпад. Еще один. Ди пытался выманить Шторма с его позиции и на те драгоценные секунды, которые нужны были ему, чтобы проскользнуть мимо и нырнуть в безопасный Мир Хельги.

Ловушка Вульфа захлопнулась, когда Ди сбросил скорость, готовясь к следующему маневру.

Кассий помчался наперехват — его корабль был самым быстроходным из всех в этой игре. Его рывок должен был вывести его точно на Ди, если бы тот проскользнул мимо Шторма. Даже разделенные несколькими световыми часами, лишенные прямой связи, Кассий и Шторм действовали как одна команда.

Шторм невольно почувствовал гордость за то, что на своем космоскафе работает лучше брата. Он мог маневрировать, не думая о точности, и при этом не терять преследуемого. Когда имеешь дело с Майклом, каждая секунда на вес золота — на случай неожиданного поворота событий, но Гней не думал больше о своей безопасности. Он знал только одно — ему нужен Ди, и прямо сейчас. И потому решил поставить на карту свое преимущество.

Включив всю мощность, которую только мог выдержать корабль, не сломавшись под напряжением гиперпространства, он бросился туда, где должен был появиться Майкл. Шторм до предела нарастил свое силовое поле. Он знал — вначале Ди подомнет его поле, потому что у него мощнее генератор, но затем, в нормальном пространстве, Майкл потратит драгоценные минуты, чтобы расцепить поля. А за это время подоспеет Кассий. Их поля перекроют друг друга, и Вульф успеет захлопнуть крышку.

Разгадав его замысел, Майкл вильнул в сторону. Но опоздал. Трассы кораблей продолжали сходиться.

Шторм стремительно надвигался на него, медленно сбрасывая релятивистскую скорость, и вот уже силовые поля их соприкоснулись.

Корабль Шторма заскрежетал. Взвыли сирены. Корабли задержались, устремившись в несуществующие направления, и произвели эффект, который можно описать только как пятимерное возмущение. Бортовой компьютер Шторма бесстрастным голосом предсказывал аварию.

С быстротой молнии и так же зигзагообразно стены рубки покрылись трещинами. И еще прежде, чем пришел звук, Шторм понял, что в машинном отделении треснула станина из сверхпрочной стали, а генераторы сошли с фундаментов. Рука его метнулась к ручному управлению — отменить программу сближения, но он знал, что уже поздно. Какой-то из двигателей — то ли у него, то ли у Майкла — полностью десинхронизировался.

Ди опять выиграл.

И теперь — смерть без воскрешения. И хилая надежда только на оживление клона. А то, что Майкл разделит его участь, — слабое утешение.

Рука сменила направление и дернула рычаг катапультирования.

Он еще успел увидеть мельчайшие кристаллы и туман, а потом зрение исчезло. В кожу впились тысячи горячих иголок. Вакуум жадно поглощал содержимое рубки. Намертво сцепившиеся корабли выдавило в нормальное пространство, и разность скоростей разбросала их в стороны.

Прежде чем провалиться в темноту, он пожалел, что был недостаточно хорошим мужем и отцом. И что у него не хватило ума надеть боевой скафандр, отправляясь на боевую операцию.

ГЛАВА ТРИДУАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:

2853—2860 годы н.э.

Раньше Диф думал, что уже недоступен душевной боли. Черт возьми, ведь эта девчонка — даже не сангарийка...

Он шел и шел вперед, не разбирая дороги. Ноги шагали, повинаясь какому-то инстинкту, требовавшему отдать старые долги. И принесли его в космопорт.

За время человеческой оккупации порт сильно разросся. Префектласская Корпорация вела куда более оживленную торговлю, чем в свое время сангарийцы. Порт кипел. Корпорация потрошила планету.

Диф остановился посмотреть, как портовые рабочие разгружают огромный лихтер «Звездной Линии». Корпорация нанимала местных жителей и бывших рабов, потому что мускульная сила людей обходилась дешевле, чем импортное разгрузочное оборудование.

И вдруг к нему повернулось чье-то знакомое лицо.

— Боже правый! — прошептал он, резко отворачиваясь. — Да быть этого не может.

И снова посмотрел в ту сторону. Выдубленное лицо Рафу все разрасталось в размерах, пока не зашло за весь остальной мир. Зоотехник страшно постарел, но Диф ни на секунду не усомнился, что это именно он.

Старик, казалось, совершенно не замечал любопытного паренька. Такие постоянно слонялись здесь, приходя с окраин поглазеть на чудо-порт.

Диф собрал в кулак всю свою волю, чтобы не броситься к Рафу на шею, не схватиться за этот единственный осколок своего погубленного детства.

Вместо этого он бросился вон из порта в полном смятении. Что это может значить?

Само существование Рафу вызывало тревогу. То ли он агент людей, то ли сам человек, то ли действует с ними заодно. Кто-то ведь предал Префектлас. Столь удачно выбранное для атаки время не оставляло сомнений — они получали подробнейшую информацию изнутри сангарийской общины.

Но если во всем виноват Рафу, то почему он не выбрался из низов общества и остался обычным работягой? Люди либо убили бы потерявшего для них ценность предателя, либо нашли способ его вознаградить.

Диф заперся в жалкой лачуге, в которой они жили с Эмили. Где он теперь живет. Эмили больше не делит с ним нищету. И он ее уже никогда не увидит.

И вот в тот момент, когда Диф пытался побороть свои страхи и подозрения, кто-то постучал в дверь. Знакомых у него было немного. Полиция? Эмили?

Он открыл дверь, заранее приготовившись к очередному удару судьбы.

Рафу ввалился в комнату, схватил его за левое запястье и нашел там татуировку. И тут же каменное лицо его ожило. Он захлопнул дверь и стиснул Дифа в объятиях.

— Слава всем святым, слава всем святым... — бормотал он.

Диф вырвался и отступил назад. В глазах у старика стояли слезы.

— Диф, я глазам своим не поверил, когда увидел тебя возле доков. Подумал, что у меня уже ум за разум заходит. Мальчик мой, да как же ты спасся? И где ты был все это время?

Они обнялись снова.

Все вернулось на круги своя. Теперь он снова Норбон в Диф. Сангариец. Глава... Вот только чего? Семейства из одного человека?

— Ну все, успокойся, — сказал Рафу. — Давай-ка все по порядку. Сначала ты рассказывай, потом я.

— Боюсь, у меня не хватит терпения, — посетовал Диф.

— Вот поэтому постарайся говорить кратко. А потом я отвечу на все твои вопросы, — ответил Рафу.

Диф начал свое повествование. Когда он дошел до эпизода с останками дарвонского наследника, Рафу хмыкнул, но от комментариев воздержался.

— А теперь что касается девочки, — сказал он, когда Диф закончил. — Ты уверен, что ей можно доверять? Достать ее для нас не проблема.

— Она будет молчать. — Диф прочел по глазам Рафу, что тот уже помышляет об убийстве.

— Самое разумное — не рисковать.

— Она ничего не скажет.

— Ты ведь Глава Норбонов. — Рафу пожал плечами, словно показывая — он не станет перечить Дифу, но остается при своем мнении.

— Ну а теперь расскажи мне свою историю, старый плут. Как тебе удалось спастись во время налета?

— Благодаря приказу твоего отца. Он потом пожалел, что отправил тебя одного. Сказал, что тебе нужен телохранитель и советчик в трудные времена, которые наступят после рейда.

— И все-таки как ты выжил?

— Конечно, это было непросто. Космические пехотинцы высаживались по периметру. Мы убили всех производителей и полевых рабочих, которые меня знали. Я оделся как дикое животное. Первые из десантников застали меня во главе толпы, атакующей коттедж для гостей. Я выл, улюлюкал и швырял копыя, словно пещерный человек.

Диф нахмурился.

— Это был коттедж Дарвонов, Диф. К тому времени отец твой определил, что рейд устроили с их подачи. Им обещали десять процентов от прибылей Префектласской Корпорации и все владения Норбонов. Таким путем они собирались заполучить Осирис. Вполне возможно, что животные не нарушили бы уговора. Борис Шторм — достойный человек. Полагаю, прикончив его сангарийских партнеров, я избавил Шторма от душевных метаний.

— А все из-за того, что отец мой не желал никого пускать на Осирис.

— Кто сеет ветер, тот пожнет бурю. Твой отец слишком ревностно оберегал свои богатства, подлинные или мнимые. Хотя он правильно оценивал Дарвонов, предвидя, что они бездарно растратят этот Хулар.

— Ну а если говорить о нашей семье, какие у нее перспективы?

— Вендетта против Дарвонов. Я восстановил связь с твоим Домом в Метрополии. Дарвоны оправились после удара, младшие сыновья уже обзавелись потомством. А в Доме Норбонов — раскол. Существует группировка Дифа, хотя и малочисленная. Ее члены до сих пор надеются, что ты вернешься и поведешь их на Осирис. Другая фракция, укрепляющаяся день ото дня, требует провозгласить нового Главу — им хочется прибрать к рукам то, чем Дом уже владеет сейчас. Очень скоро люди столкнутся с Улантом. А потому они хотят создать сильный флот и заняться рейдами.

— Понятно.

Дифу вспомнились обрывки разговоров, услышанных в детстве. То, о чем рассказывал Рафу, вполне соответствовало его представлениям о внутрисемейной политике. Ни одна фракция не придет в вос-торг от его возвращения.

— Но давай все-таки поговорим о твоём спасении. Наверное, это было непросто. Ведь животные — не такие уж кретины.

— Конечно, я пережил трудное время. Они подвергали перекрестной проверке каждого пленного, чтобы убедиться — никто из нас не спрятался среди рабов. Я долго находился в бегах, а в конце концов осел здесь. Если не считать нескольких агентов с других планет — они изредка сюда заглядывают, — ты первый из наших, кого я встретил за последние девять лет.

— Значит, кроме нас, никто не уцелел?

В таком случае Префектлас был потерян безвозвратно.

Диф уже давно это заподозрил. Планету потеряли в тот момент, когда Дарвоны снюхались с людьми. И все-таки он избегал делать окончательный вывод. Отрицание факта стало одним из кирпичей в стене, что он возвел, прячась от возложенных на него отцом обязательств.

— Чем ты жил все это время, Рафу? И есть у нас что-нибудь, с чего начать? — Он больше не мог уклоняться от своего долга.

— Я не пропал, — улыбнулся Рафу. — Солдат нигде не пропадет. И пусть тебя не обманывает моя работа. Я стал настоящим богачом. То, что из наших работников я остался единственный, в определенном смысле даже сыграло мне на руку. Я стал здесь чем-то вроде теневого владыки. Скажу не хвастаясь — на Префектласе есть только один человек могущественнее меня. Это Борис Шторм. Никто не знает, кто я такой, но все обо мне слышали.

— Значит, ты — Змей?

— В его чешуйчатой плоти.

— С ума сойти, — расхохотался Диф. — И как это мы не столкнулись раньше? Ведь столько лет пропало даром, Рафу...

Смех его оборвался. Итак, у Рафу теперь собственная империя. И он может счесть старые обязательства ненужной обузой.

— Будь это так, — сказал Рафу, когда Диф спросил его напрямик, — я не пришел бы сегодня к тебе.

Я покинул бы Префектлас, как только наладил здесь работу. Улетел бы в безопасное место, стриг бы купоны и лишь изредка поигрывал мускулами, чтобы держать своих вассалов в узде. Но я не сделал этого, потому что хотел выполнить до конца свой контракт с Норбонами.

Диф ухмыльнулся. Рафу был сентиментален, как только может быть сангариец.

— И что мы теперь будем делать, Рафу?

Старик ухмыльнулся в ответ.

— Ну, это очень просто. Мы восстановим твое положение в семье и подчиним себе главную базу в Метрополии.

— Да ведь на это потребуются деньги и мускулы, друг мой. У тебя все это есть?

— Нет, сейчас мне это не по плечу. Придется свернуть все дела здесь и на вырученные деньги снарядить корабль с надежным экипажем. Мы станем разрабатывать Осирис, пока не накопим достаточно сил. Нужно жить вдалеке от Метрополии, но при этом держать Семейство в курсе всех дел, чтобы там не забыли о твоём праве наследования. Осирис станет нашим главным козырем, он поможет привести их всех к послушанию. Давай-ка прикинем: на это уйдет года два. Потом самое меньшее еще два года, чтобы объединиться и обосноваться всем Семейством на Осирисе. Еще пять лет, чтобы разобраться с Дарвонами, отстоять свои права в суде, примириться с новыми врагами, которые у нас появятся во время усобиц, и завершить проект на Осирисе. Накинем еще годик-два на всякий случай. Значит,

только через десять лет мы твердо встанем на ноги и сможем взяться за то настоящее дело, завещанное твоим отцом: за уничтожение животных, которые убили твоих родителей.

— Это чертова уйма лет, Рафу.

— У тебя есть другие планы на эти годы? Может быть, ты в пещере уже проделал столько работы, что можешь уходить на покой?

Годы катились мимо, скрываясь в пыльных закоулках времени. Диф и Рафу обращали в быль мечту за мечтой. Они подчинили себе Норбонов в Метрополини, добрались до Осириса, возвеличили имя Норбонов, внушив другим сангарийцам страх перед своей мощью. Пустив в ход коварство и обман, они проглотили несколько мелких Домов, которых пособники врага Дарвоны склоняли к лжесвидетельству. Насытив свою алчность, Норбоны решили раз и навсегда покончить с Дарвонами. И тогда друг Дифа извлек на свет Божий документы из архивов Префектласской Корпорации.

Эмили была одним из многих свидетелей, представших перед комиссией из Глав Первейших Семейств. К тому времени она превратилась в сногшибательную женщину. У Дифа защемило сердце, когда он вспомнил о годах, проведенных вместе. Затосковала и Эмили. Но...

Жизнь с Борисом Штормом здорово ее пообтекала. Она не была уже прежней Эмили, беглой девочкой для удовольствий. Она превратилась в леди,

внушающую уважение даже сангарийцам. Перед Дифом предстала совершенно новая женщина — от прежней маленькой Эмили, когда-то принадлежавшей Норбону в Дифу, остались лишь отрывочные воспоминания.

Да и Диф не был больше мальчиком-сиротой, влачившим жалкую жизнь в трущобах враждебного мира.

Они провели целый день, безмятежно разгуливая в садах норбонских владений, вспоминая прежнюю жизнь, стараясь понять друг друга заново — такими, какими они стали.

Это был ритуал прощания, эмоциональное завершение расставания, которое случилось гораздо раньше — в ту пору, когда они еще были другими. Своим уважительно-сдержанным отношением друг к другу оба как бы подчеркивали: между ними не осталось ни долгов, ни вражды, и общего завтра тоже нет.

Когда Эмили ушла, Диф прослезился. Больше он никогда ее не видел.

Но дети, которых она выносила в себе, ее сыновья, снова и снова оказывались на его пути.

Книга вторая
ВЕЩАТЕЛИ

**Кто выбивает скамейку,
когда вешают палача?**

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ:

3052 год н.э.

Один из самых неприятных моментов в нашей жизни — тот, когда приходится осознать, что наши родители всего лишь люди, и притом смертные. На меня эти откровения обрушились лавиной. Я был по-настоящему потрясен, хотя думаю, что смог тогда это скрыть.

Я вырос, веря, что отец мой — полубог. В глубине души я понимал, что он смертен, просто мне никогда не приходило в голову, что его могут убить. Полагаю, мне следует благодарить дядю за снятие с моих глаз этих шор.

И лишь моего отца должен я благодарить или винить за то, что он вынудил меня понять: даже мудрый и благородный Гней Юлий Шторм может быть мелочным, высокомерным, слепым, неоправданно жестоким и, возможно, даже чуточку глупым. Последнее открытие потрясло меня гораздо глубже, чем все остальные. В конце концов, все мы вступаем в жизнь уже приговоренными к смерти. Но где записано, что в ожидании смертного часа мы должны

коротать время, приобщаясь к идиотизму и страданиям соседей по камере?

И хотя впоследствии я любил его ничуть не меньше, но после их стычки с дядей я утратил бывшее благоговение к отцу. А какое-то время даже присутствие отца причиняло мне боль.

Терять иллюзии — всегда больно.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ: 3031 год н.э.

Гней Шторм выплывал во вселенную, где не было ничего, кроме грызущей боли.
Где он? Что с ним случилось?

Его слабеющая рука успела дотянуться до рычага. Или автоматика сработала. Так или иначе, он успел оказаться внутри спасательного кокона прежде, чем вакуум до него добрался.

Шторм знал, что не умер. При воскрешении почти не испытываешь боли. Умершего доктора, прежде чем вернуть к жизни, собирают нацело. И вот ты появляешься на этом свете, жизнерадостный, полный сил, даже не представляющий, что бывает внутренняя боль, — как в молодости. Но если ты не умер, лечение проходит довольно обыденно, и приходится играть по старым правилам, установленным Природой. Тогда ты приходишь к здоровью через боль.

Не раз Шторму хотелось одного — чтобы ему дали спокойно умереть. Или чтобы Кассий наконец отправил его в Железную Крепость для настоящего лечения.

При одном из пробуждений Шторм увидел склонившегося над его коляской Мауса с выражением тревоги и безмерной усталости на лице.

— Маус, — прохрипел он, — что ты здесь делаешь?

— Кассий приказал мне остаться, — ответил юноша. — Это — часть моих тренировок. — Он натянуто улыбнулся.

— Он меня упросил. — Пропущенный через интерком голос Кассия казался еще более механическим и далеким.

— Сынок, ты должен вернуться в Академию, — упорствовал Шторм, забыв, что этот спор он уже проиграл.

— С этим я все уладил, — сказал Кассий.

Может быть, подумал Шторм. Он точно не помнил. Последний месяц прошел в страшной суматохе. Наверное, Кассий действительно воспользовался своим влиянием на Военный Колледж.

Он попробовал засмеяться, и наградой ему стал приступ невыносимой боли. Вакуум все-таки подпортил ему легкие.

— Кассию нужен был кто-то, чтобы присматривать за тобой и Майклом, — пояснил Маус, забыв, что отец не вполне понимает, что происходит. — Одному человеку тут не управиться, даже если Майклу впрыснуть успокоительное.

Шторм стал кое-что припоминать. Он улыбнулся. Похоже, Майкл произвел на Кассия сильное впечатление. А ведь Ди — всего лишь человек. Он одерживал верх не чаще, чем проигрывал. Его главный талант — слагать о себе разные легенды.

— Он тоже остался жив? — Теперь Шторм вспомнил почти все.

— Он отделался легче, чем ты, — сказал Кассий. — Потому что принял хотя бы элементарные меры предосторожности.

— Это его лодка сбилась с ритма, — добавил Маус. — Он нарочно ввел ее в противофазу. Этому трюку он научился у Хоксблада. Хоксблад так выставляет свои генераторы, что они работают в синхронном режиме друг с другом и в диссонансе с любым другим.

— Это его первый успех как разведчика, — вставил Кассий. — Конечно, любой, имея компьютер и немного соображения, до этого додумался бы. Но, значит, соображение у него есть.

Маус чуть покраснел.

— Мы летим к астероиду? — спросил Шторм. Маус кивнул.

— Да, — подтвердил Кассий. — У нас еще остались вопросы к Майклу и Феарчайлду. — Помолчав, он добавил: — Мы не смогли расколоть Майкла обычными средствами. Ему поставили защиту от наркотиков и детектора лжи. Возможно, примитивные методы окажутся более действенными.

— М-да... — Шторм очень в этом сомневался, хотя и знал — Майкл, несмотря на свою браваду и дерзость, в душе трус.

Каким образом Ди выработал иммунитет к самым изощренным методам выколачивания правды? Ведь эта процедура очень сложная, дорогостоящая и к тому же засекреченная. Конфедерация предоставляла такую привилегию лишь особо доверенным генералам и чиновникам, занимающим ключевые посты. Среди известных ему людей лишь Маус, пожалуй, удостоится такой чести, лет этак через сорок, если не погибнет и дослужится до высших чинов.

— Да, любопытно... — пробормотал он.

— Даже более любопытно, чем ты можешь себе представить.

Интонации механического голоса Кассия трудно было различить. Но в этот раз Шторм уловил в голосе полковника некоторую приподнятость.

— Ты что-то нашел?

— Думаю, мы узнали почти все. Интересно будет смотреть на Ди, когда мы будем с ним это обсуждать.

— Ты можешь рассказать мне сейчас?

— До астероида — пятьдесят один час лету. Ты пока восстанавливайся. Ты еще дезориентирован. А разговор этот будет напряженный.

— Не сомневаюсь.

Следующие два дня Шторм либо спал, либо довольствовался туманными, интригующими намеками его сына относительно их с Кассием находки на Большой Сахарной Горе. Он даже пробовал вернуться к Библии и кларнету. Один из сержантов с риском для жизни вытащил его личные вещи из обломков космоскафа с разрегулированными двигателями.

Но зрение его ослабло, а пальцы плохо слушались. Иногда Маус читал ему, но все равно время не двигалось. Он старался побольше спать.

Один раз Маус разбудил его, чтобы показать, как Кассий размазывает их гиперпространственный след вокруг звезды. Вальтер собирался описать полный виток, затем резко перейти в гиперпространство, скрываясь в собственном поле звезды, потом с день дрейфовать на околосветовой скорости. Астероид находился в кометном поясе этой звезды.

Такой маневр имел целью стряхнуть любой возможный хвост. Преследователь должен будет работать на грани разрешающей способности следящей аппаратуры и очень быстро потеряет контакт.

Когда они вышли на околосветовую орбиту, Шторм попросил Мауса перевезти его в рубку.

— Кассий, поверни его так, чтобы она светила сверху, пока мы движемся по орбите, — сказал он.

— Как прикажешь.

Звезда в иллюминаторе покачнулась, когда Кассий переменил положение корабля, а потом выросла до размеров солнца. Кассий нырнул к звезде, проскользнув так близко от нее, что кривая горизонта куда-то пропала и показалось, что корабль проплывает под бескрайним огненным потолком. Языки пламени величаво тянулись к ним, словно хотели увлечь в это яростное небо Армагеддона. Даже солнечные пятна поменьше казались гигантскими черными континентами, омываемыми еще более гигантскими океанами огня. Кассий поставил все фильтры, дав Шторму возможность задумчиво всматриваться

в это гигантское пекло, единственный источник всех остальных видов энергии.

— До чего же жизнь наша сложна со звездой, — произнес Шторм. — Она пульсирует, она борется, стараясь сохранить себя в бескрайнем океане холодного отчаяния. Каждый атом содрогается до самого ядра, сражаясь с вампиром ночи, грозящим высосать из него жизнь. Так же сражаются и звезды, зная, что борьба их безнадежна, что им по силам лишь одно: умереть несломленными, вспыхнув новой в последнем величественном жесте на этой сцене.

Маус наклонился вперед, внимательно слушая. Казалось, его отец пытается привнести некую стройность в свою туманную философию.

— Энтропия и Хаос, смерть и зло не могут быть побеждены звездой или человеком, но в поражении всегда таится торжество несломленного духа. Это солнце говорит мне: Гней, плоть смертна, но дух, мужество, заключенные внутри нее, вечны. Они не сдадутся. И в этом единственная победа, которую ты сможешь одержать.

Маус не сводил с отца наполненных слезами глаз. Утомленный усилием, затраченным, чтобы облечь чувства в слова, Шторм заснул. А сын его продолжал смотреть на огонь, стараясь разглядеть в нем то же, что и Гней Шторм. Но не нашел этого. Он встал и снова переложил старика на каталку.

От встряски Шторм вернулся в полусознательное состояние.

На протяжении всей своей взрослой жизни Шторм предчувствовал последнюю, отчаянную скватку, в ко-

торой невозможна обычная победа. Он верил почти с религиозной истовостью, что когда-нибудь неведомые силы, манипулирующие нами, загонят его в угол, не оставив другого выхода, кроме смерти. Он не сомневался также, что орудием его уничтожения станет Ричард и что они с Ричардом, уничтожив друг друга, исполнят проклятие судьбы, лежащее на них.

Пламя Улантской войны зажгло огонь пангуманизма, который Конфедерация продолжала эксплуатировать на всю катушку. Она захватывала относительно самостоятельные районы, и процесс этот шел по тем же законам, что и рост живых организмов и видов. Наемнические армии попали в число институтов, дни которых были сочтены.

Ни одно правительство не будет добровольно терпеть частного конкурента, особенно такого, который смеет открыто бросать вызов его декретам. Даже у самого либерального правительства, которое только вообразить можно, есть глубочайшее убеждение, что у него есть право применять силу к отдельным индивидуумам. И с момента своего возникновения любое правительство последовательно стремится расширить сферу применения этого права.

Шторм не сомневался — если их с Ричардом втянут в кровавый Армагеддон, это станет последней войной между наемниками, на которую Конфедерация посмотрит сквозь пальцы. Правительственные службы достаточно сильны и организованны, чтобы разоружить флибустьеров. Им только нужен предлог.

Корабль Кассия подлетел к крупному планетарному обломку, который Шторм еще много лет назад

оборудовал под тюрьму для Феарчайлда Ди. Феарчайлд угодил в этот ад, расплачиваясь за свое вероломство в том мире, где Кассий потерял руку.

Потому что в данном случае речь шла не о превратностях войны.

Феарчайлд был тогда необстрелянным капитаном-наемником, он возглавлял силы, которые его отец надеялся превратить в армию Семьи. Легион заставил его испытать унижение в самом начале ратного пути. И, чтобы отыграться, он попробовал пустить в ход папашину тактику.

Войны наемников велись с соблюдением установленного ритуала. По окончании их подписывались Условия Капитуляции, после чего побежденный капитан свертывал боевые знамена. Феарчайлд же тайком пронес на эту церемонию бомбу, надеясь уничтожить командный состав Легиона, а потом внезапно возобновить военные действия.

Но его собственные офицеры в возмущении отвернулись от него и предупредили своих противников. Из всех легионеров ранило одного лишь Кассия. Он до сих пор отказывался от замены руки.

Увечье напоминало ему, что во вселенной есть бесчестные люди. А также постоянно подогревало ненависть к Ди.

У Кассия и Мауса ушло два часа, чтобы перевезти Шторма и Майкла в каталках в единственное жилое помещение на астероиде. Они разбудили обоих раненых, лишь когда закончили транспортировку.

Очнувшись, Майкл тут же захныкал. А заметив Кассия, взвыл во весь голос:

— Гней, этот человек меня убьет.

Кассий хмыкнул. Из-за искусственной трахеи звук этот прозвучал особо зловеще.

— Убью, конечно. Если смогу.

— Ты ведь обещал мне, Гней. Ты давал слово.

— Ты прав, Майкл. Но Кассий-то ничего тебе не обещал. Так же как и Масато, а он, мне кажется, просто в бешенстве из-за того, что ты сотворил с его братьями.

Маус попытался напустить на себя свирепый вид, но тщетно. Ди просто его не замечал. Он был слишком занят собой и Феарчайлдом, которого только что увидел.

— Боже мой! — простонал он. — Что вы делаете?

— А ты думал, что его сейчас ублажают райские девы? — поинтересовался Кассий.

Майкл в ужасе посмотрел на сына. Все же он был человеком, любил своих детей, и сейчас отцовская забота возобладала над страхом за свою шкуру.

— Феар... что они с тобой сделали?

— Можешь приниматься за него, Кассий, — сказал Шторм. — Сейчас он станет поговорчивее.

Маус с Кассием швырнули беспомощного Майкла на операционный стол.

С Феарчайлдом, на первый взгляд, обошлись не так уж жестоко. Его приковали цепями к стене и надели на голову шлем, соединенный пучком проводов с каким-то прибором.

Прибор ограничивал функции Феарчайлда настолько, что живым его можно было считать лишь с большой натяжкой. Как Валери в Фестунг Тоден-

сангст, он полностью сохранил самосознание. И впасть в безумие, избавившись от непрерывной пытки, он тоже не мог. Прибор стимулировал рациональное мышление при помощи богатого арсенала психотропных препаратов. Через произвольные интервалы прибор раздражал его болевой центр, вызывая целую гамму мучительных ощущений.

Они были жестоки.

Маус действовал словно во сне — это место казалось ему нереальным, разум отказывался мириться с тем, что отец способен создать нечто подобное.

Кассий настроил прибор так, чтобы Феарчайлд чувствовал все, что происходит с его отцом.

Маус и Кассий пристегнули Майкла к столу, а затем развернули его вертикально. Шторм наблюдал с невозмутимым видом, как Кассий перемещает и настраивает хирургический агрегат. Агрегат этот включал в себя то же устройство, которое сохраняло Феарчайлда в разумном состоянии, а также систему анестезии, запрограммированную так, чтобы не заглушать боль, а, наоборот, многократно ее усиливать.

— Неужели нам без этого не обойтись? — прошептал Маус.

Кассий кивнул. Похоже, он получал от происходящего удовольствие.

Да, они были жестоки.

— Я держу свое слово, Майкл, — сказал Шторм. Голос его звучал мягко, устало. — Что бы ни случилось, я не стану тебя убивать. В свое время, на Горе, я попытался договориться с тобой. Но ты не

пожелал меня понять. Я добыюсь того же самого здесь, но теперь уже придется на тебя поднажать. Надеюсь, хоть в этот раз до тебя дойдет.

Он помолчал с минуту, собираясь с силами.

— Майкл, я сделаю так, что ты станешь выманивать у меня смерть. Но я выполняю свое обещание и оставляю тебя в живых. Кассий, у тебя все готово?

Полковник кивнул.

— Дай ему попробовать.

Прибор загудел, и крошечный скальпель срезал с носа Ди кусочек кожи в несколько квадратных миллиметров. И тут же вторая механическая лапа обработала оголенное мясо йодом. А третья наложила крошечный кусочек пластыря. Потом сработала антианестезия, и жжение усилилось многократно. Ди пронзительно взвизгнул.

— Пока хватит. Ну как тебе, Майкл? Эту игрушку я установил здесь не случайно. У меня было предчувствие, что в один прекрасный день ты вынудишь нас ею воспользоваться. Ты уже понял: она будет снимать с тебя кожу — по нескольку миллиметров за раз, то в одном месте, то в другом, оставляя достаточно времени, чтобы старые надрезы заживали. Таким образом освежение твое никогда не закончится. Ты только представь — боль будет сопровождать тебя все оставшуюся жизнь.

Ди всхлипнул. Глаза его словно остекленели.

Маус отвернулся, с трудом сдерживая спазмы в животе — завтрак так и просился обратно. Кассий мягко дотронулся до его плеча.

— Легче, — шепнул он.

— Ах, Майкл, Майкл... — проворчал Шторм. — Ты ведь сам затеял эти игры. И попробуй сказать, что тебя не предупреждали. Ты прекрасно понимал, чем рискуешь. — Слабеющей рукой он помахал Кассию. — А теперь займись веком.

Лицо Ди стало мертвенно-бледным.

— Господи, мое лицо...

Настоящие звери. Кассий рассмеялся — ни один речевой механизм не в состоянии издать столь зловещего звука.

— Сейчас у тебя появятся шрамы, — пообещал Шторм мягким, вкрадчивым голосом. — А для тебя это страшнее, чем сдирание кожи, ведь так? Кассий, подкорректируй программу так, чтобы получше его разукрасить. Отнесись к делу творчески.

— Проклятие! — вскричал Ди. — Гней...

— Да, Майкл, ты не на курорте. Ты в аду. В маленьком персональном аду. И ты сам в этом виноват. Ты ждал, что мы будем жалеть тебя до бесконечности. Но дальше так дело не пойдет. Мы уже не дети. И ты не одурачишь нас, как привык это делать. Мы знаем тебя как облупленного.

— Гней, только не лицо...

— Значит, ты расскажешь, почему Черный Мир так много для тебя значит?

— Для меня это способ избавиться от... — Ди умолк. И больше не проронил ни звука.

— Кассий, прежде чем мы уйдем отсюда, расположи их так, чтобы они видели друг друга. И раздели звуконепроницаемым экраном, чтобы они не могли переговариваться. А пока Расскажи мне, что ты нашел на Горе.

Кассий выложил ему все, что знал. Шторм изредка прерывал его вопросами или замечаниями. Когда Кассий дошел до старика-убийцы, он спросил:

— Сангариец?

Кассий кивнул.

Шторм повернулся к напуганному и красивому Майклу Ди.

— Так, значит, не зря распускали эти слухи. Ты стоворился с ними. Но этим ты не приобрел себе друзей, Майкл. — Он укоризненно помахал пальцем. — Давай, Кассий. Это становится все интереснее.

Через минуту Шторм пробормотал:

— Боюсь, после оплаты твоих переговоров мне останется только обратиться в отдел социального обеспечения.

— Очень может быть. Человека этого звали Рафу.

Шторм бросил озадаченный взгляд на Майкла. Ему показалось, что Ди чувствует разочарование и одновременно облегчение.

— Не вижу в этом всем смысла, Кассий.

— А он есть. Слушай дальше.

И он пересказал то, что узнал от друга с Луны Командной.

— Но почему этот таинственный сангариец ждал столько времени, чтобы расквитаться с нами?

— Думаю, он привык действовать очень скрытно. И прежде чем предпринять какой-то шаг, тщательно к нему готовится. Наверное, он за нами долго следил.

Шторм посмотрел на Ди.

— Это многое объясняет. Но не все. Я по пути это все обдумывал. И постоянно наблюдал. Путь

был долгов, поговорить было не с кем. В первую очередь я пытался представить, по какой причине человек может желать гибели для собственного брата, да еще настолько сильно, что готов ради этого снюхаться с сангарийцем. Но так ничего и не придумал. Каждый раз я возвращался к одному и тому же. Все, что я предпринимал против Ди, было ответом на его враждебные действия. Наш друг — изрядный сукин сын и все свои шишки набивал вполне заслуженно. Но ведь раньше он не питал к кому-либо личной вражды.

Итак, я вернулся к самому началу и еще раз все хорошенько обмозговал, старясь подобрать ключик к этой загадке.

Думаю, все началось с того, что ему хотелось расчитаться с Ричардом Хоксбладом. Ты же был той подачкой, которой он задабривал эту тварь Дифа. Другими словами, это не совсем личная вражда. Здесь скорее сделка. Диф помогает ему добратся до Ричарда. А он помогает Дифу расправиться с тобой и с Легионом.

Шторм посмотрел на брата. Майклу явно стало не по себе.

— А какого черта он вообще связался с этим Дифом?

— Вот тут-то мне и пришлось как следует поварить котелком. Чтобы понять все, нужно вспомнить кое-что о твоём отце и матери. Ты ведь знаешь эту семейную историю. Они встретились на Префектлассе. Когда они поженились, мать твоя уже была беременна. Борис так никогда и не докопался, кто на-

стоящий отец Майкла. Эмили упорно молчала. Так-то вот.

А теперь послушай мою версию. Эмили была от рождения сангарийской девочкой для удовольствий. Генотип не оставляет сомнений — ее вывели у Норбонов. Мы знаем, что она провела несколько лет в скитаниях и жила при этом с юпошей, от которого, возможно, и родился Майкл. Он бесследно исчез после того, как твоя мать сошлась с Борисом.

В то же самое время исчез еще один человек, гораздо более известный. Король префектласского дна, которого мы называли Змей. Так вот, мой друг Бэкхарт утверждает, что Змей и Рафу — одно и то же лицо. Ну как, у тебя что-то вырисовывается?

— Кое-что — да. — Шторм провел рукой по носу. — Не нравится мне все это. Значит, Майкл не просто заключил с ними сделку, он — один из них. Ведь он — сын этого самого Дифа. Невероятно, но факт. На Префектласе встречаются ведь подобные гибриды, не так ли?

— И довольно часто. А судя по реакции Майкла, мы попали в самую точку.

— Да, пожалуй.

— Гней, я... — начал опять Ди и тут же затих. Слишком поздно — ему уже не могли помочь ни ложь, ни правда.

Нависло тягостное молчание. Маус принялся нервно рассказывать по комнате, поглядывая то на одного, то на другого.

— Да, вот теперь все встает на свои места. Мы знаем — кто, знаем — зачем и даже частично

знаем — как. Нам известно достаточно, чтобы нанести ощутимый удар, отбив у них Бенджамена и Гомера. Но, по сути дела, это ничего не меняет. Вероятно, нам уже не выкарабкаться.

— Мы могли бы прикончить нескольких Ди, — предложил Кассий. — Я выведал у Бэкхарта все относительно этого Дифа. До него нам не добраться. Он уже улетел из Метрополии и забрал все снаряжение на планету Первой Экспансии. Теперь во всей вселенной лишь один сукин сын знает его местонахождение — это он сам. Вряд ли мы сможем подкупить какого-нибудь дурака-сангарийца, чтобы тот перерезал Дифу глотку. Единственный способ — заманить его к нам.

— Майкл останется жив. Я дал ему слово. Но, может быть, вина его не так тяжела, как кажется.

— Хватит его оправдывать, Гней.

Шторм пропустил замечание Кассия мимо ушей.

— Здесь он и Феарчайлд будут в полной сохранности. Ты помнишь легенду о троянском коне? Я прикажу начать охоту за Сетом Беспредельным. Если мы и его прихватим, этому Дифу придется вылезти, если он захочет, чтобы мы не вышли из игры.

— А Хельга? — спросил Маус.

— Хельга уже не та, что прежде, — сказал Шторм. — Разогрей-ка инстел, Маус. Мне нужно переговорить с Ричардом.

— У нас его нет. Волноводы полетели — спасибо другу Майклу, — сказал Кассий. — И с сейнерами контакт потерян. Придется подождать до возвращения в Крепость.

— Так что же мы здесь дурака валяем? Везите меня домой.

Маус развернул отцовскую коляску и протолкнул в узкий проход, который вел в корабельный трюм. За спиной у них доносились вопли Майкла.

Кассий снова запустил пыточную машину.
Жестокие люди. Безжалостные.

Маленькая яхта плыла в нормальном пространстве. Пилот терпеливо следил за гиперсканером. Они упустили свою жертву, но еще не потеряли надежду.

Кассий перешел в гипер, оставляя позади едва уловимую рябь.

Яхта повернулась, как игла компаса, и стала резко набирать скорость.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ:

3028 год н.э.

Мойре исполнилось семнадцать, когда она получила приглашение. Ей стало страшно. Девушка уже наслушалась разных историй... Нет, даже Блейк ее не заставит... Или заставит?

У Мойры не было покровителя. Ей приходилось отбиваться от всех самой с тех пор, как погиб Фрог. Нрава она выросла сурового даже для эджвордской девушки. Но Блейк... Сражаться с полубогом?

Упряму Фрогу это по-своему удалось.

Она оглядела крошечную комнату, служившую когда-то пристанищем этому карлику и ставшую домом для девочки, брошенной теми, кто мог бы дать ей гораздо больше.

— Что мне делать, Фрог? — Она застыла на месте, ожидая ответа от призрака.

«Ступай туда, девочка. А если этот ублюдок попытается, врежь ему так, чтобы нос через задницу выскочил».

Выбора у нее не оставалось. Блейк в Эджворде — хозяин. Если не подчиниться, ее уволочут силой.

Готовясь к встрече, по возможности делая свою внешность непривлекательной, Мойра еще раз оглядела комнату. Охваченная безотчетным страхом, она смутно предчувствовала, что видит эту комнату в последний раз.

Мойра превратила ее музей, святыню, хранящую память о сумасбродном карлике, которого прозвали Фрог* — настоящего его имени она не знала. При жизни его Мойра не могла открыто выразить свою любовь. Она знала, что подобное проявление чувств лишь смутит Фрога. Зато сейчас, достигнув самого романтического возраста, когда воспоминания ее становились все более смутными и идиллическими, она все больше его обожествляла.

Мойра не вписывалась в черную общину Эджворда. Ее воспринимали как местную экзотику или «приблудное чадо» старого Фрога. Последнее обстоятельство, если добавить к этому, что призрак без-

* Фрог — лягушка (англ.).

умного карлика постоянно заглядывал ей через плечо, больше всего отпугивало от нее людей.

Старик Фрог стал городской легендой. Эджвордцы хвастались перед чужаками Человеском, Покорившим Теневую Линию. Они отбуксировали назад его краулер и сделали из него мемориал. И все-таки на его имя реагировали нервно.

Сумасшедший был мертв и канонизирован. Но ум его был болен, и они боялись, что у Мойры та же болезнь.

Они не знали, как с ней разговаривать, как вести себя в ее обществе, а потому просто шарахались от нее. Она выросла изгоем, не получившей общественного признания затворницей, предоставленной собственным мыслям. И та атмосфера опасливого ожидания, которую создали вокруг нее горожане, породила то, чего они так боялись.

Портреты Фрога на стенах. Вещи Фрога, разбросанные по комнате. Груда лохмотьев, оставшихся от его теплозащитного костюма. Карты Солнечной Стороны со штампом Фрога — здесь он помечал свои открытия в terra incognita. Дневник, которому Мойра поверяла самые важные мысли, чаще всего вращавшиеся вокруг ее тезки, первой в Эджворде женщины-краулерщицы. Та относилась к той же разновидности канонизированных чудаков, что и сам Фрог. Фрог утверждал, что их связывали какие-то отношения. Мойра так и не узнала, каковы они были. Она просто боялась вторгаться в эту тайну. Несколько раз она начинала исследование в городских архивах, но останавливалась, еще не нащупав

нить, боясь обнаружить, что предмет ее почитания — колосс на глиняных ногах.

Мойра колебалась. Если Блейк говорит: «В самое раннее удобное для вас время», это означает «немедленно», и это было самое пугающее.

А может быть, все обойдется? Девушка тяжело вздохнула, взъерошила волосы и отправилась.

Главные офисы горнодобывающей корпорации Блейков располагались в огромном старом здании в центре Эджворда, под самой прочной секцией антиметеоритного экрана. Когда-то здесь сидели только городские власти. А теперь Блейк все прибрал к рукам. Эджворд стал городом-корпорацией. Так что офис Блейка с полным основанием можно было назвать Муниципалитетом.

Мойра прибыла туда к началу запрограммированного дождя. Легкий бриз обдувал ее, принося запахи, которые вызывали в памяти туманные образы детства. Вот она бежит по пестреющей дикими цветами равнине, под ласковыми лучами солнца, а потом резвится с другими детьми на племенной ферме. Зоотехник обращался с ними мягко, с оттенком родительской заботы. Детям невдомек было, что они — собственность, которую следует обучить и продать. Да и знай Мойра об этом, ей было бы все равно. Она была счастлива.

На ступеньках Муниципалитета девушка остановилась и задрала голову кверху, стараясь разглядеть черного и недостижимого врага с веснушками звезд, взявшего в осаду целый город. И не увидела ничего, кроме солнечных бликов и труб, из которых лился

дождь. Эджвордцы очень старались не пустить ночь в город.

Дождь усилился. Мойра торопливо прошла в радужную дверь — если бы купол рухнул, эта дверь стала бы плюзом.

Она очутилась в маленькой, уютной приемной, застав там лишь одного человека — худощавого пожилого джентльмена, который напомнил ей Фрога, только сильно подростшего. Судя по выдубленной коже, он всю жизнь проработал водителем вездехода, пока не стал негоден. Мойра занервничала. Иногда списанные краулерщики бывали дерганными и неприятными.

Но этот мужчина оказался совершенно нормальным. Он вскинул глаза на Мойру, нервно покусывающую губу, и лицо его расплылось в улыбке — могло показаться, что он ждал этой встречи много лет.

— Мисс Эйт? Мойра Эйт? Несказанно рад вашему визиту. — Он протянул ей темную, сморщенную руку. Мойра дотронулась до нее, преодолевая страх. И обнаружила, что рука теплая и мягкая. Ей чуть полегчало. Она судила о людях на ощупь. Мягкая и теплая рука означала, что против нее не замышляют зла. Холодная, влажная, жесткая предупреждала о недобрых намерениях. Зная, что температура тела у всех людей примерно одинакова, она полагалась на различные ощущения от рук — а впоследствии от губ — и была уверена, что наделена каким-то шестым чувством, способным их правильно истолковывать.

Чаще всего чутье ее не подводило.

— Зачем... зачем меня сюда вызвали?

— Не знаю. Я ведь просто заменяю старику ноги. Так вот, значит, какая ты стала — малышка Фрога. Да, растут дети. Тебе бы почаще появляться на людях. Разве это дело — прятать такую красоту? — Он подвел раскрасневшуюся Мойру к лифту. — Мистер Блейк в домике на крыше. Он ска- зал проводить тебя прямо туда.

Мойра закусил губу, стараясь придать своему лицу как можно более бесстрашное выражение.

— Ну что ты, не стоит так пугаться. Он ведь не людоед. Мы не даем ему глотать девочек уже три — нет, четыре года.

«Вот так же меня в детстве успокаивал Фрог», — подумала она. Солнечная Сторона — место крутое, но почему-то краулершики, там работавшие, были более чуткими к людям. Все считали Фрога старым черствым брюзгой — возможно, даже он сам так о себе думал, — но на самом-то деле он был совсем другим.

Мало кто удосуживался приглядеться к водителям вездеходов чуть повнимательнее. Они и сами не рассчитывали долго прожить. Такая близость к враждебному Демону-Солнцу даром не проходит. Люди, которые, подобно Фрогу и этому джентльмену, состарились в экспедициях на Горы Грома и Теневую Линию, уже стали редкостью. Большинство же считали невыносимой ту жесткую самодисциплину и состояние непрерывного напряжения, без которых выжить на Краю Мира просто невозможно. В самом конце даже Фрог сломался, но ему повезло. Его вытащили из этой переделки. Для того чтобы потом убить. Быть может, этот

человек тоже на чем-нибудь споткнулся, а потом встретился со своей удачей.

Постепенно ее охватывал гнев. Они даже пальцем не пошевелили, чтобы раскрыть убийство Фрога. Ну да, кое-кого выслали из города, но сам-то убийца до сих пор гуляет на свободе. Девушка твердо решила, что поймает его сама. Через год она станет совершеннолетней. Того, что Фрог ей завещал, плюс деньги, оставшиеся от продажи уцелевших частей его снаряжения — Блейк уже вычел из этой суммы то, что он потратил на спасательные работы, — вполне хватит, чтобы купить пропуск в другие миры и отыскать там Августа Плейнфилда.

Эта навязчивая идея овладела ею с тех самых пор, когда она заглянула через дверь в больничную палату и поняла, что сделал Плейнфилд. Суровая реальность не пугала ее. Мойра была еще достаточно молода, чтобы верить в магическую силу справедливости.

Этот ее замысел стал единственным случаем, когда она взбунтовалась против философии карлика. Язвительный и ворчливый Фрог не был ангелом всепрощения, но вряд ли ему понравилось, чтобы жизнь Мойры была подчинена ненависти.

— Ну, вот и приехали. Это самый последний этаж. Обязательно попроси провести тебя на смотровую площадку. Очень немногим выпадает такая возможность. А вид того стоит.

Вместе со своим провожатым Мойра прошла в холл — именно так она и представляла штаб-квартиру Блейков. Здесь пахло большими деньгами. Какое расточительное использование пространства!

Как и во всех городах, возведенных под куполом, в Эджворде старались использовать каждый кубический сантиметр. Даже пришлось в районах, что находились под открытым небом, начать колоссальный проект, который должен был дать людям облегчение от тесноты квартир.

Здесь же избыточное пространство преследовало одну-единственную цель — продемонстрировать богатство и мощь хозяев.

— Наверное, он сейчас в личном кабинете, — сказал спутник Мойры. — Пойдем, я тебя проведу.

— Здесь так просторно...

— Большому человеку с большими обязанностями нужно место, где с ними справляться.

— Спасибо вам, мистер... Простите, не знаю вашего имени.

— Ну, это не так важно. Зачем оно вам?

— Затем, что вы очень добры ко мне. Я должна знать, кого мне вспоминать с благодарностью.

Она не смогла выразить мысль более точно.

— Ну хорошо, зовут меня Альбин Корандо.

— Как странно...

— Для Черного Мира — пожалуй. Мой народ пришел сюда уже после войны.

— Нет, я о другом. Фрог часто мне о вас рассказывал. Как раз вчера я старалась вспомнить ваше имя.

— Бьюсь об заклад, он травил обо мне разные байки, — усмехнулся Корандо. И унесся мыслями куда-то далеко. А потом внезапно погрузился. — Да, разные байки. Ну, вот мы и пришли. И вот что, мисс...

— Да?

— Не надо бояться. Он — всего-навсего человек. И, если уж на то пошло, очень неплохой человек. Не верьте тому, что болтают на улицах.

— Ладно.

Но, остановившись у двери, за которой ее ждал человек, слывший почти всемогущим, она снова упала духом.

— Мисс Эйт, сэр, — объявил Корандо, проходя вперед.

Мойра робко последовала за ним.

Человек, развернувший к ней свое кресло, вопреки ее ожиданиям, не был клыкастым циклопом. К тому же он оказался вовсе не старым. Мойра дала бы ему лет тридцать пять. А то и меньше. За легкостью манер скрывалась неукротимая мощь профессионального бойца. Он широко улыбнулся, обнажив безупречно ровные зубы. Это первое, что ей бросилось в глаза.

— Простите, что не приветствую вас стоя, — сказал он, протянув одну руку, а другой показывая на обрубленные по колено ноги. — Несколько лет назад я попал в аварию на одной из станций Теневой Линии. И еще не успел нарастить нижние конечности.

— О, какое несчастье...

— Да бросьте вы. Поделом мне — лезть под за-
сбоившего раба с гаечным ключом! Есть же люди, которым я за это плачу. Альбин, принеси даме что-нибудь. Коктейль не желаете, Мойра? Хотя не

стоит. Пойдут слухи, что я спаиваю девушку. Может быть, кофе?

Мойра кивнула, и Корандо вышел из кабинета.

— Ну а теперь присаживайтесь. Да садитесь же! А отчего у вас такой растерянный вид?

— М-м-м... — Мойра покраснела. Оказывается, она его все это время в упор разглядывала.

— Я думала, вы старый.

Блейк рассмеялся. Смех у него был приятный, почти по-женски звонкий. Мойра пожалела, что так и не пожалла мельком предложенную руку — интересно, теплая ли она? Теперь рука эта показывала на портреты маслом, висевшие на противоположной стене.

— Вот они, настоящие старики. Мой отец. Отец моего отца. И старый пират, с которого все это пошло. Обадия Блейк. — Три смуглых, суровых лица смерили ее взглядами, характерными для всех семейных портретов, — не то раздраженно-оценивающими, не то коварно-алчными, как будто, пока художник рисовал их портрет, они раздумывали, не продать ли его в рабство. — Да, уж их-то молодыми никак не назовешь. Я называю их Древние Мари-нады. Они все воспринимали очень серьезно. И мариновались в собственном соку. — Он улыбнулся, как улыбаются старой шутке. — Жадины и хапуги — вот кем они были. Гребли все, что под руку попадется.

— Ну, наверное, человеку, которому все это досталось в наследство, очень просто грозить пальцем и говорить «ай-ай-ай», — выскочило у Мойры, и она тут же поразилась собственной дерзости.

Блейк расхохотался:

— Да, сразу видно, что ты дитя Фрога. Я с ним общался лишь мельком, но папа мой кое-что о нем рассказывал.

— Полагаю, не самое лестное.

Она благодарно улыбнулась Корандо, который принес фарфоровую чашку с кофе на серебряном подносе. Серебро и золото были побочной продукцией Блейков — месторождения этих металлов в избытке встречались вокруг Эджворда. Сам Корандо носил в ухе увесистую золотую серьгу.

— Именно так. Ни одна из этих историй не годится для ваших прекрасных ушек. Нет-нет, останься с нами, Альбин. Думаю, с таким компаньоном наша леди почувствует себя уютнее, хотя одному Богу известно, как бы я смог наброситься на нее, даже приди мне в голову такая блажь.

— Как вам будет угодно, сэр.

Мойра благодарно улыбнулась — теперь уже обоим.

— Ну а теперь, — продолжал Блейк, — позвольте признаться: как бы вы ни были прекрасны, как бы мне ни было приятно созерцать вас и вести с вами беседу, но я пригласил вас сюда по делу. Так давайте перейдем к главной теме. Что вы испытываете к человеку, который убил Фрога?

Отвечать не было необходимости. Все чувства мигом отразились на ее лице.

— Неужели настолько сильно? Альбин, поройся в той стопке на столе и передай мисс Эйт объемные портреты, о которых мы говорили накануне.

В кабинете Блейка все валялось как попало: Видимо, ему не хватало времени, чтобы наводить здесь порядок.

— Плейнфилд, — сказала она, держа в руках два куба со стороной примерно десять сантиметров.

— Эти мы получили вчера из Сумеречного Города. У меня там есть наблюдатель. Здесь он запечатлел какого-то типа, который ошивается возле рудников. Агенту показалось, что он его уже где-то видел. Этот агент — из тех, кого мы выслали после убийства Фрога. Выходит, ему повезло. Его подобрал их вездеход. Но он мечтает вернуться домой, к семье. И старается заслужить возвращение.

— А что с Плейнфилдом? — спросила она сдавленным голосом, с трудом сдерживая спазмы, — Мойра испугалась даже, что ее сейчас вырвет.

— Теперь он скрывается под именем Дайболд Амелунг, но и оно не настоящее.

— И что вы собираетесь делать?

— Пока ничего. — Он упредил жестом ее протестующий возглас. — Но это только пока. Потом — что потребуется. Я мог бы прикончить его сейчас, но тогда я не узнаю его дальнейших намерений. Я не узнаю также, зачем он убил Фрога и связано ли это с тем феноменом, что мы наблюдаем на Солнечной Стороне. Альбин, проектор готов? Очень хорошо. Так вот, Мойра, настоящее имя этого человека — Майкл Ди. Мы это уже давно знаем.

— И до сих пор ничего не сделали? — Мойра уже начала терять голову.

— Милая леди, корпорация Блейка сделала все возможное, не противоречащее ее интересам. А это

уже немало, клянусь вам. Этот человек, под каким бы именем он ни жил, — не стрелок со Старой Земли, не уголовник из-под треснувшего купола. Он может купить Эджворт со всеми потрохами. Он очень старый, богатый и могущественный человек. И с большими связями.

— Ну и что?

— Ну конечно, для вас все проще простого. Вы бы испекли его. Вам ведь терять нечего. А за мной стоит промышленная империя и сотни тысяч людей, о которых я обязан заботиться.

— Не может он быть настолько важной шишкой.

— Да? А вы знаете, что ему принадлежит целая планета? Межзвездная торговля почти полностью под его контролем. Он вложил деньги во все транспортные линии, по которым идет наш экспорт. Его брат, Гней Юлий Шторм, — кондотьер, имеющий собственную армию в двадцать тысяч человек и достаточно кораблей, чтобы перебросить ее куда угодно. Он связан с Ричардом Хоксбладом, другим кондотьером. А еще у него есть друзья на Луне Командной, которые наложат на торговлю с Черным Миром эмбарго, стоит ему только слово сказать.

— Понимаю. Но если он настолько крупная фигура, как его занесло в Сумеречный Город?

— В том-то и соль, юная леди. Теперь вы попали не в бровь, а в глаз. Давайте-ка посмотрим несколько клипов. Альбин...

Корандо уменьшил освещение и запустил голо-проектор.

— Это теневое облако, которое мы послали с внешней станции, чтобы обеспечить пробег от Уайт-

лэндсунда до Теневой Линии, — пояснил Блейк. Дальше на голокубе появилась темная громада, которая, как Мойра вскоре поняла, казалась темной только по контрасту с нестерпимо ярким свечением. — Мы отфильтровали свет до допустимых пределов.

На следующей голограмме перед ними вновь возник столб пыли, снимаемый против солнца, так что казалось — громада состоит из огромного роя светлячков.

— Эта запись сделана два года назад с чартерного краулера, когда он находился к северу от Теневой Линии, в четырнадцать часах пути от нее. Тогда она нам не пригодилась. Слишком удаленное место, чтобы проводить там разведку, к тому же это территория Сумеречного Города. Кое-кто решил, что это пыль, выдуваемая вулканом.

Третий клип запечатлел следы вездехода при искусственном освещении.

— А вот это снято всего месяц назад другим чартером, на двухтысячном километре от начала Теневой Линии. Водитель решил, что попал на след радиального выхода Фрога. Но не похоже — след слишком широк. Мы сверились с бортовым журналом Фрога. Это не его следы.

Что-то здесь было не так. Эта находка не давала мне покоя, как и все, что не поддается объяснению. Я поручил Альбину еще раз проверить все архивы, потолковать с водителями. И он обнаружил именно то, на что я рассчитывал. Единственный эджвордец, который заезжал так далеко, — это Фрог. Тогда я снова пустил Альбина по следу. Он отыскал не-

сколько чартерных вездеходов, которые видели компьютерный или визуальный образ пыльных столбов на севере, а особенно на северо-западе, где они просматриваются с самой Теневой Линии. Альбин...

Появилась голограмма с мелкомасштабной картой части Северного полушария к западу от Края Мира.

— Никто не посчитал нужным об этом докладывать. Подумаешь — еще одна аномалия на Солнечной Стороне. Но мы, заинтересовавшись, сопоставили все данные. По ним складывается впечатление, что все эти аномалии имели место вдоль черной линии.

— Черная линия — это затененная трасса от Сумеречного Города до Теневой Линии? — догадалась Мойра. — Но ведь это страшно дорого.

— Слушай, Альбин, а ведь она быстро соображает. Да, и это подтверждают следы краулера. Их оставил дальнобойный чартер Мичемов. Значит, Сумеречный Город вплотную занялся Теневой Линией, на нее потрачено немало денег и человеко-часов. Больше, чем можно потратить на пробную попытку. Выстроить сплошную двухкилометровую трассу с теневыми генераторами на Солнечной Стороне — это феноменальный проект. Представляю, какого количества оборудования и человеческих жизней он стоил. Я консультировался с инженерами. Они говорят, что подобный проект выполним, но отважиться на него может только сумасшедший. Так что их на это толкнуло?

За то время, что Блейк говорил, Корандо дважды менял клипы. Первый демонстрировал эскиз доволь-

но необычного трактора, выполненный художником, второй — его движущееся изображение, чуть отличное от рисунка. Все это было снято в таком ракурсе, что не оставалось сомнений — камера находилась в пределах Теневой Линии. На заднем плане возвышались горы с обрисованными светом контурами.

— Снимок сделан на этой неделе, недалеко от того места, где мы обнаружили таинственные следы краулера, — пояснил Блейк.

— Бессмыслица какая-то, — сказала Мойра. — Совершенно неприбыльная затея.

— Вы уверены? А по-моему, тут пахнет огромными прибылями. Мичемы — пираты еще похлеще Обадии. А я-то надеялся, что вы прольете свет на эту тайну.

— Я? Я знаю о Теневой Линии только то, что слышала от Фрога.

— Вот именно. От единственного человека, который прошел ее до самого конца.

— Вы хотите сказать, что он что-то там нашел?

— Мне самому хотелось бы это знать. Так нашел или нет?

— Он никогда не говорил ничего подобного. Но я ведь видела его всего с минуту, перед тем как Плейнфилд выставил меня за дверь. А потом...

— Да, знаю. — Блейк обвел рукой комнату. — Мы перерыли все архивы, надеялись найти хоть какую-нибудь зацепку. Даже просмотрели эти страшные репортажи, которые передавались еще до возвращения Фрога. Я не нашел ровным счетом ничего. Или, точнее говоря, я обнаружил много пустоты. Это что-то вроде

черной дыры. Ты знаешь — внутри что-то есть, хотя порой кажется, что там совершенно пусто. Вы понимаете, что я имею в виду. В большинстве архивных документов кто-то уже порылся. Трудно сказать, что именно интересовало Плейнфилда. Многое подправлено. Но создается впечатление, что в черной дыре скрывается что-то большое и опасное. Моя последняя надежда — это сбивчивые людские воспоминания о событиях, случившихся много лет назад.

— А как же ваш шпион?

— Для обстоятельного расспроса его нужно вернуть сюда. Я пытаюсь это сделать, но вряд ли у меня что-то получится. Последние несколько лет у Мичемов обострилась паранойя. Неудивительно — им наверняка есть что скрывать. Получать данные о Ди становится все сложнее.

— Вы можете внедрить туда кого-нибудь еще, сэр, — предложил Корандо. — Кто сможет курсировать туда-сюда на законных основаниях. Такого человека вы сможете расспрашивать здесь.

— Согласен, это проще, чем переправить сюда моего агента. Но я не уверен, сможет ли этот человек часто возвращаться сюда, будь у него легальная крышка, или нет. Судя по сводкам моего агента, за всеми чужаками там пристально следят.

— Тогда устройте засаду на Теневой Линии, — посоветовала Мойра. — Пусть вместо съемочных камер заговорят пушки. Схватите кого-нибудь из их людей.

— Я не хочу демонстрировать им нашу осведомленность. Это спровоцирует войну прежде, чем мы успеем к ней подготовиться.

— Войну? — переспросили Мойра и Корандо. У девушки даже голос сорвался.

— Ну да, конечно. Если они угрожали такую уйму денег, чтобы украсть этот секрет, значит, за него стоит и повоевать.

— Босс, вы смотрите на все эту чертовщину слишком субъективно, — вмешался Корандо. — А ведь на карте...

— Теневая Линия берет свое начало на территории Эджворда. Поскольку здесь затронуты мои интересы, значит, и вся эта чертовщина меня касается. И не важно, что линия уводит за южную параллель Сумеречного Города.

«Выходит, в этом Блейке тоже сидит пират», — подумала Мойра и улыбнулась. Да, делать деньги в Черном Мире могут только очень напористые люди.

— А какую роль во всем этом вы отводите мне? — поинтересовалась девушка. — Вы ведь знали заранее, что я не скажу ничего нового о находке Фрога. Так почему вы решили втянуть меня в это дело?

— Умница. Ты совершенно права. У меня есть одна хитрая задумка. Как тебе кажется — ты могла бы убить Ди?

— Плейнфилда? Да. Я думала об этом. Могла бы. Но не знаю, насколько вы могли бы располагать мной после этого.

— А ты могла бы не убивать его?

— Не понимаю вас.

— Ты могла бы находиться подле него, привлекать к себе его внимание и при этом не сводить с ним счеты?

— Не знаю. Может быть. Если на то будет веская причина. А к чему вы клоните?

— А ты могла бы завязать с ним приятельские отношения? Или даже больше, чем приятельские?

Она едва не исторгла наружу свой завтрак. С большим усилием Мойра подавила рвотные спазмы. А потом ее внезапно поразила мысль: если она заставит этого негодяя полюбить ее, а после этого убьет, то месть будет более полной. Такая жестокость принесла бы ни с чем не сравнимое сладостное чувство.

Только в этот момент она поняла окончательно, насколько ненавидит Плейнфилда. Это стало манией. Она была готова на все.

Девушка сама себя испугалась. Такая Мойра ей не очень-то нравилась. Это была не та личность, которой она хотела бы быть.

— Что вы хотите, чтобы я сделала? Я сделаю.

— Хм?

— Я буду делать все для вас, пока наша сделка включает в себя, что мы доберемся до Плейнфилда.

Блейк впился в нее взглядом.

— Только не позволяй превратить себя в одну из их женщин, — проговорил он с несколько разочарованным видом. — Ну хорошо, я выложу тебе свой план. Пока в нем много шероховатостей, но по ходу дела все отшлифуется. Во-первых, мы отправим тебя в Сумеречный Город. Билет у тебя будет до Старой Земли. Ни из какого другого порта ты не сможешь попасть туда без пересадки. По возможности мы устроим тебе там встречу с нашими

людьми. А потом ты улетишь на Землю первым же рейсом. Ты покинешь корабль на станции в Уэйдерендере, сдашь там билет и, доплатив, купишь новый, до Большой Сахарной Горы, уже на другое имя. С нашей помощью тебя зачислят в Моделмог. Они стали принимать детей из богатых семей, чтобы поправить свой бюджет.

Моделмог был самым известным в тридцать первом веке центром обучения молодых художников, актеров и писателей. Как полагал Блейк, для колледжа настали трудные времена. Туда стали принимать бездарных, но богатых, которые несли бремя расходов за обучение бедных, но талантливых, составлявших большинство слушателей. Внося благотворительные пожертвования, богач, по сути дела, покупал себе диплом престижнейшего заведения.

— Но какое отношение это имеет к Глейнфилду? — спросила Мойра. В голосе ее слышалась досада — до чего же все оказалось запутано.

— Терпение, дитя мое. Терпение. Сейчас дойдем и до этого. Нам нужно, чтобы в Моделмоге ты взяла в оборот одного поэта по имени Люцифер Шторм. Говорят, это очень одаренный молодой человек и очень красивый. Думаю, он не вызовет у тебя отвращения. Сойдись с ним поближе. Он станет тебе пропуском в Железную Крепость, штаб-квартиру наемников Гнея Шторма. Ди постоянно-к ним прилетает. Ты без труда установишь с ним контакт. И станешь его законной или незаконной супругой.

— Ясно. Жить с ним и шпионить за ним.

— Именно так.

— И как долго?

— Девочка, у меня есть другие заботы, помимо расплаты за Фрога. Есть Эджворд. Это здесь я крупная рыба, а там — просто мелюзга. И не могу себе позволить иметь врагами акул.

Мойра была умна. Она тут же все поняла и, хотя план ей претил, отказываться не стала.

— Я согласна. Но вы так все усложнили, что я наверняка перепутаю.

Блейк хмыкнул:

— Милая, я ведь не первый день приглядываюсь к Мойре Эйт. Она далеко не пустышка. Все знакомые находят ее очень неплохой актрисой, как на сцене, так и в обыденной жизни. Драматург Уайт считает, что она настоящий клад.

Мойра пожала плечами, втайне польщенная. Мистер Уайт никогда не высказывал ей ничего подобного.

— Мои папа и дедушка обошлись с Фрогом далеко не лучшим образом. На их месте я повел бы себя иначе. Фрог представлял для нас большую ценность. Он напоминал нам, что мы не боги. И еще вот о чем: что хорошо для корпорации, не обязательно хорошо для народа Эджворда. Фрог, сам того не понимая — лишь мой папа об этом смутно догадывался, — не давал сделать из Эджворда некое подобие Сумеречного Города. Если мы отправим тебя туда, ты поймешь, что я имею в виду. Блейк и вместе с ним весь Эджворд еще сохранили человеческие черты — несмотря на мой Совет Директоров. Впрочем, я, кажется, отвлекся и оседлал любимого конька.

— Лучше бы вы никогда с него не слезали, сэр, — заметил Корандо.

— Альбин — это моя совесть. Он сам родом из Сумеречного Города.

— Я знаю. Альбина выслали оттуда. А Фрог его подобрал. Он мне вроде брата. Все это случилось много лет назад.

— Да, много лет назад, — согласился Корандо. — Он всегда подбирал бездомных.

— Как жаль, что его нет сегодня с нами, — печально произнес Блейк. — Вскоре мне придется выступать с докладом перед Советом Директоров. Уж он-то заставил бы этих типов ходить по струнке. Они ведь всегда перед ним трусили. И, думаю, до сих пор побаиваются. Как будто его призрак может вернуться и являться им по ночам.

— А разве это не так? — спросила Мойра. — Кстати, когда мы начнем? И с чего?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ:

3031 год н.э.

Возвращение домой оказалось безрадостным. Железная Крепость встретила их дурными новостями.

Вульф и Гельмут посадили пилота на космоскаф, который утнал Ди. На обратном пути его вместе с эскортом атаковали. Судя по конфигурации, корабли были сангарийские. Лишь один из них уцелел. Вульф

и Гельмут были вынуждены дать ему уйти. Его экипаж сумел отбить у них каталки с Бенджаменом и Гельмутом. Небесные сейнеры проследили за кораблем и сообщили, что он совершил посадку в Мире Хельги.

— Ну вот, все придется начинать сначала, — простонал Шторм со своей каталки.

— Нет, — сказал Гельмут, болезненно поморщившись. — Мы теперь в гораздо худшем положении. Звездолеты говорят, что Майкл и Феарчайлд этим утром прибыли в Черный Мир.

— Это невозможно! — Сердце у Шторма заколотилось так, что системы, встроенные в коляску, тут же впрыснули ему дозу успокоительного.

— Возможно, как видишь, — сказал Вульф. — Его вытащила жена. Она в то время находилась в Мире Хельги. Майкл связался с ней по инстелу во время погони. И она взлетела и вела вас до самой тюрьмы. Во всяком случае, так рассказывают в Черном Мире.

— Он что, успел обзавестись новой женой?

— Мы знаем только то, что было в сводках, — пробурчал Гельмут. — Нет, это его прежняя жена. Я тоже считал, что она погибла. Но наш человек перехватил их разговор с Сетом Беспредельным. Он даже узнал, как она проследила за Ди.

— И как же?

— Широкополосный инстелный передатчик ограниченного радиуса. Майкл, перед тем как его схватили, проглотил одну маленькую штучку. Работала она недолго, но все-таки достаточно, чтобы привести жену Майкла в астероидную зону.

— Нам предъявили ультиматум?

— В ту самую минуту, когда рейдер совершил посадку, — ответил Бульф. — Конечно же, без подписи. Либо мы принимаем контракт, составленный в Черном Мире, либо никогда больше не увидим Бенджамена и Гомера. Полагаю, они попытаются затем с ходу подмять под себя корпорацию Блейков.

Шторм откинулся назад и неподвижно уставился в блеклый потолок. Никакой подписи и не требовалось, он прекрасно знал, от кого пришло это послание. От Хельги Ди. Она даже не потрудилась замести за собой следы. В первую минуту у него возникло сильное искушение наплевать на ультиматум. Конечно, Бенджамен и Гомер — плоть от плоти его, но на другой чаше весов — жизни тех легионеров, что погибнут в бою.

— Каков уровень нашей боеготовности?

— Готовы. Мы можем выступить в любой момент.

— Выставляйте троянского коня, — приказал Шторм.

Никто не стал ему перечить. Никто не выказал удивления. Шторм был поражен. Ведь в свое время, когда он предложил этот план на случай непредвиденных обстоятельств, его едва не подняли на смех. Никто не допускал возможности, что однажды им понадобится ворваться в Фестунг Тодесангст.

— Операция началась в тот день, когда сбежал Майкл, — сказал Вульф. — Мы уже засекли одного из воронов Хельги. Вчера Цейслак захватил этот корабль. Сейчас он на пути в Мир Хельги.

В первый раз за долгое время Шторм улыбнулся. Хейкс Цейслак — отличный молодой офицер, жаж-

душий крови, и с хорошим чутьем в десантных операциях. Если кто-то и способен проскользнуть в Фестунг Тодесангст, замаскировав десант легионеров под трупы, так это он.

— Сколько у него людей? И все ли они добровольцы? Не думаю, что Хельга взорвет планету, если не решит, что ей все равно конец, но я не хочу, чтобы люди рисковали вопреки своему желанию.

— Полный батальон. Все добровольцы. И еще тысячу пришлось отсеять. Бойцы думали, что вас тоже придется вызволять. Цейслак отобрал, кого хотел.

— Хорошо. Мы отправимся в Черный Мир. Устроим отвлекающую заварушку, чтобы Цейслак мог сделать свое дело. Цейслаку понадобится много времени на выжидание. Если он посадит ворона вне расписания, Хельга почует нашу работу.

— Ему потребуется почти пять месяцев. — Гельмут пожал плечами, словно оправдываясь. — Это единственный ворон, которого нам удалось отыскать.

— В Черном Мире нам будет очень не хватать Цейслака, — сказал Вульф. — Я изучал расстановку сил. Позиция у Блейка настолько сильнее, чем может создать себе Ричард, что Хоксблад пустит в ход всю свою хитрость.

— Еще бы, — согласился Шторм. — Иначе он не был бы Ричардом Хоксбладом. Он не стал бы ввязываться в это дело, если бы не верил в победу. Если станет туго, нам Цейслака будет здорово не хватать.

— Моего друга Бэкхарта можно подговорить, чтобы он взял дело в свои руки, — сказал Кассий. —

Если мы представим ему доказательства связи между Хельгой и сангарийцами.

Маус почувствовал, что он теряет нить рассуждений.

— А почему для него это так важно? — спросил он.

— Тогда у него появится предлог, чтобы вмешаться в войну между частными формированиями, — объяснил ему отец. — А когда он ввяжется в нее, мы сможем захватить Мир Хельги для Луны Командной. Сангарийцы дадут ему отличный *causus belli**.

— Я знаю, что они изучали ситуацию, прикидывали, во что обойдется вытащить ее оттуда и как использовать для этого нас, — сказал Кассий. — Основной план выглядел примерно так: забить ее оборону ракетным огнем, чтобы ничего живого не осталось. Они хотели бы, чтобы мы открыли им двери, а они заберут самый лакомый кусочек — всю информацию.

— Организуйте это дело, — приказал Шторм.

— А ты уверен, что это нужно? Он возьмет плату, и правительство получит возможность прижать к ногтю любую корпорацию в этом районе.

— Я знаю, — сказал Шторм. — Знаю. Но сейчас все ходы для нас заведомо проигрышные.

— А что с корпорацией Блейков? — спросил Гельмут. — Последние две недели они хнычут, как дети малые. У меня есть один парень в Межзвездной Связи, который их круглосуточно прослушивает.

* повод к войне (*лат.*).

— Пусть продолжает. А ты тем временем начинай подготовку. Застань их врасплох. А я подключусь, как только доктора меня отпустят.

— Да, и вот еще что... — начал Вульф, когда Маус уже увозил каталку с отцом.

— Ну? — Шторм даже дернулся на каталке. — Какую еще пакостную новость ты для меня припас?

— Пакостную или хорошую — кто знает? Так вот, пришло послание от Люцифера. Он сильно озадачен. По всем сведениям выходит, что его жена — агент. Работает на Блейка.

— Ну и какое это теперь имеет значение?

— Может быть, и никакого. Но все-таки ответьте мне, полковник: зачем ее к нам внедрили? Ведь она спуталась с Люцифером еще раньше, чем заварилась вся эта каша. Я так понимаю, что к Теневой Линии она никакого отношения не имеет.

— Все мы — колесики, — заметил Кассий и осторожно положил руку Маусу на плечо. — Колесо вращает колесо, а зачем — и само не знает.

— Э-эх... — простонал Шторм. — Маус, вези меня вниз.

Железная Крепость превратилась в цитадель уныния. Улыбки исчезли. Легион извивался, как червяк на крючке. И ждал поклевки большой рыбы.

— Скажи, отец, положение безнадежное? — спросил Маус.

— Похоже на то, Маус. Похоже. Но чем черт не шутит — вдруг мы обдурим их всех? Перед штормом темнее всего.

— Это что, каламбур?

— Шутить семейным именем? Упаси Господь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ: 3028—3031 годы н.э.

Мойра старалась привыкнуть к имени, которым ей предстояло назваться в Уэйдерендерс. Еще больше сил она прикладывала, чтобы стать художником-творцом. Но здесь ее ждал полный крах. Она обладала лишь одним талантом — актерским.

— Ну что ж, я думаю, сойдет, — буркнул Блейк.

— Сойдет? А разве что-нибудь не так? Все вполне легально. Да и драматург Уайт говорит, что Янос Касафирек...

— Я же сказал, что годится. — Блейк улыбнулся. — Он был ко мне еще придирчивее, чем вы, юная леди. И сказал, что это — ваше будущее.

Мойра вошла во вкус. Она получала возможность заниматься любимым делом... Девушка стала заучивать классические драмы, созданные на Старой Земле, особенно много — из елизаветинской эпохи. Она сходила с ума от Шекспира. А драматург Уайт, в свою очередь, просто терял дар речи от восторга, когда видел ее в роли Офелии.

У Мойры словно крылья выросли за спиной. Благодаря Блейку сбывались ее самые невероятные фантазии. Подумать только — она будет учиться у великого Касафирека.

— Небольшое изменение плана, — сказал Блейк незадолго до ее отправки. — В Сумеречном Городе опять ужесточили режим безопасности. Так что ты станешь Поллианной уже здесь, а не во время пересадки на Уэйдерендере.

В списке пассажиров ее записали как путешествующую дочь Аманты Эйт, помощницы министра торговли Конфедерации. Такая дама действительно существовала, но всегда оставалась достаточно незаметной, чтобы вызвать трепет у местных чиновников. Как правило, в тени старались держаться именно те, кто обладал на Луне Командной реальной властью. Совпадение фамилий оказалось даром Божиим.

Мойра ждала, что ей будет легче за пределами Черного Мира. Новая роль больше соответствовала ее реальной натуре, чем та, которую ей приходилось разыгрывать в Эджворде. Девушка снова и снова возвращалась мыслями к актерской карьере, она буквально грезилась наяву. Раньше она никогда об этом не думала — актрисе нечего было делать в Эджворде. А она не собиралась покидать дом. Разве что — чтобы найти Плейнфилда.

И вот настало время улетать. Нехотя побрела Мойра к шлюзу краулера. Старая жизнь ее на этом заканчивалась и начиналась новая. Сомнения вновь закрались в ее душу.

— Альбин! А ты что здесь делаешь?

— Босс приказал мне ехать с тобой.

Заметив Блейка, она подбежала к его креслу и быстро чмокнула в щеку.

— Спасибо вам за Альбина. Теперь мне не так страшно.

— Я так и подумал. И еще я думал, что мы можем выяснить что-нибудь в Сумеречном Городе, а Альбин знает его вдоль и поперек. Ну, будь умницей, Мойра. И будь осторожна. Тебе придется иметь дело с очень странным и опасным человеком.

— Все будет хорошо.

По дороге в Сумеречный Город она развеселилась. Мойра никогда прежде не была снаружи купола. Теперь она взглянула на мир, в котором жила, в совершенно новой перспективе.

Ночные ландшафты проплывали мимо бледными призраками. Под воздействием красоты Мойры и ее экзотического цвета кожи члены экипажа стали необычайно словоохотливыми и все время рассказывали о памятных местах дороги. Вот здесь случилось то, а здесь это. А вон в той стороне — потрясающая гора, уходящая вверх на тысячу метров, но ее не видно из-за темноты. Все эти люди были родом из Города Ночи и не знали ее. Девушка отработала на них свою легенду. Окончательно вжившись в роль Поллианны, она врала напрадую о жизни на Луне Командной.

В Сумеречный Город она прибыла бодрой и веселой.

Но очень быстро настроение ее испортилось.

На первый взгляд Сумеречный Город казался двойником Эджворда. Она только собралась сказать об этом Корандо, как проявился человеческий фактор.

Два мрачного вида полицейских начали проверку документов у пассажиров, едва сбросивших теплоза-

щитные костюмы. Особенно по-хамски они вели себя с эджворддами, хотя с экипажем из Ночного Города и гражданами Темных Земель тоже не слишком церемонились. Это были настоящие садисты, упивающиеся собственной властью, — именно благодаря таким полицейских повсюду недолюбливают. Когда они принялись за Корандо, у Поллианны лопнуло терпение.

— Эй ты! — рявкнула она, подбирая слова так же тщательно, как палач — ножички для пытки. — Да-да, ты, у которого свиная задница вместо лица. А нос — как раздавленное собачье дерьмо. И так всем ясно, что мать твоя крупно просчиталась, когда отказалась от аборта. Так зачем это лишний раз доказывать? Поколоти лучше свою жену, если хочешь почувствовать себя мужчиной.

Корандо бросил на нее отчаянный взгляд, будто хотел сказать: «Заткнись!» Она только усмехнулась.

Полицейские просто остоленели. Остальные пассажиры не знали, куда глаза девать.

А когда оцепенение прошло, субъект, которого она оскорбила, злорадно ухмыльнулся. Он нашел себе жертву.

— А ну-ка документы, сучка!

Но тут же злость сменилась неуверенностью. Он посмотрел на нее, на ее проездные документы. Белая. Значит, уроженка другого мира. Женщина, и молодая. Скорее всего дочь какой-нибудь шишки.

— Давай-ка их сюда, Хамп, — сказал его напарник. — И успокойся.

— А вы читать умеете? — удивилась Поллианна. — Вот уж не подумала бы!

Она не ожидала, что они ее так легко отпустят. Но, увидев печати на ее паспорте, офицер стал невероятно предупредителен.

— Спокойно, Хамп. Эта лапонька с самой Луны Командной.

Хамп выхватил у него документ, бегло просмотрел записи в нем, и глаза его округлились от удивления. Он швырнул паспорт Поллианне.

— Сильно умная, да? Ладно, я тут за тобой прослежу!

— Ты, наверное, в своего папашу таким уродился. — Девушка уже слегка напугалась. Ей пришлось пересилить себя, чтобы держаться с прежней дерзостью. — Он твоей мамаше тоже никогда не простил. — И прежде чем полицейский успел что-то ответить, добавила уже мягче: — Немного вежливости никогда не повредит, офицер. Как вы с людьми, так и они с вами будут.

Сказав это, она с решительным видом удалилась.

Корандо подошел, когда она уже перекусывала в станционном буфете.

— Это было не слишком разумно, Полли. Но я оценил твой поступок. Офицер обо мне даже думать забыл.

На случай слежки они изобразили дело так, будто только что познакомились. Корандо сказал, что будет контролировать ее пожестче, чем планировал вначале. Иначе она впутается в какую-нибудь историю.

Старик не просто усилил контроль. Он прилип к ней как банный лист. Он даже не нашел времени

опросить агента, внедренного Блейком, и не отходил от Мойры до тех пор, пока не убедился, что ее зачислили в Моделмог.

Путешествие туда стало захватывающим приключением — до сих пор для них обеих вселенная ограничивалась пределами Эджворда. Космический полет выглядел как визит под купол счастливого будущего. Огромные звездные лайнеры были настоящими летающими отелями.

Но от уэйдерендерской станции впечатление осталось несколько иное. Огромное, устремленное в небо круглое здание отпугивало своей необычностью. Почти все время, отпущенное на стоянку, Поллианна и Корандо провели в гостиничном номере.

Поллианна помнила Уэйдерендер. Она уже бывала здесь, правда, так давно, что лишь ощущение страха осталось у нее в памяти. Они спасались бегством от людей, которые собирались убить ее спутников. Сейчас ей казалось невыносимым ходить по всем этим туннелям, магазинам, забегаловкам, полным жителей других миров: токе, улантидов, звездоловов и прочего странного народа. Девушку тут же начинал колотить озноб, сердце наполнялось предчувствием чего-то ужасного.

Без Корандо она бы этого не вынесла.

Постепенно она отвела ему в своей жизни место, которое раньше занимал Фрог. Он принял эту роль.

Гора тоже ее пугала. В этом необычайно мягком по своим природным условиям мире не хватало того, что давало обитателям Черного Мира ощущение

безопасности, — купола. Ни она, ни Корандо так и не смогли привыкнуть к жизни под открытым небом.

Познакомиться с Люцифером Штормом оказалось делом простым. Не успела она опомниться, как уже спала с ним, а потом влюбилась и вышла за него замуж.

Яноса Касафирека способности девушки тоже впечатлили, к немалому ее удивлению и восторгу. Ведь он слыл суровым, зачастую даже беспощадным критиком.

Какое-то время такая жизнь ее вполне устраивала — вот только с Корандо ей хотелось бы видиться почаще. Альбин стал той ниточкой, что соединяла ее с прошлым и с домом.

А спустя год после их прибытия на Гору Альбин объявил, что возвращается домой. Мойра воспротивилась.

— Там неприятности, — сказал ей Корандо. — Стычки на Теневой Линии.

— А ты чем им можешь помочь?

— Не знаю. Но мистеру Блейку я наверняка пригожусь. Успокойся, Полли. Ты уже прочно здесь утвердилась. А я стал для тебя балластом.

Она плакала, просила, настаивала. И все-таки Корандо улетел.

Впоследствии, оглядываясь назад, Мойра пришла к выводу, что именно с того дня все пошло в ее жизни наперекосяк.

Во время ее пребывания на Моделмоге отец Люцифера и Ричард Хоксблад затеяли небольшую войну на Сломанных Крыльях. От этих новостей Люцифер заметно занервничал. Она пыталась его

успокоить, но очень скоро сама с головой окунулась в гущу событий и теперь с нетерпением ожидала обрывочных донесений из Железной Крепости и перепрыгивала с одной волны на другую, ловя выпуск новостей. В первый раз война между наемниками разворачивалась буквально у нее на глазах. Девушка была заинтригована: она видела сложные ходы, борьбу каких-то загадочных личностей. Люцифер же, напротив, вскоре потерял к боевым действиям всякий интерес и стал крайне неодобрительно относиться к ее новому увлечению.

Ее ждало разочарование — война закончилась слишком скоро.

Прошло еще несколько месяцев, и Люцифер объявил:

— Пора нам отправляться домой. Я получил шифrogramму от своего брата Бенджамена. Надвигается что-то скверное.

— В Крепость? — с волнением спросила она. Значит, теперь она еще на один шаг приблизится к Плейнфилду. И к наемникам, которые оказались такими интересными людьми. Отец Люцифера прилетал к ним на свадьбу. Какой странный, завораживающий старик. Ему ведь две сотни лет! Он — живой осколок истории. А Кассий — этот еще старше, — а братья Люцифера... Таких не встретишь в Черном Мире или на Горе.

Эйфория медового месяца быстро прошла, и ей самой тоже не очень-то хотелось здесь задерживаться, хотя, конечно, жаль было оставлять учебу и Яноса Касафирека.

— Я не хочу улетать отсюда, — объяснял ей Люцифер. — Но приходится. Я понимаю, это жестоко — прерывать твои занятия, ты ведь подаешь большие надежды.

— Ничего страшного. Правда. Янос стал слишком властным. Бюсь, у меня скоро лопнет терпение. Нам обоим нужно чуть поостыть.

Люцифер посмотрел на нее как-то странно, но ничего не сказал.

После возвращения в Крепость его как подменили. Куда только девались прежние веселье, молодой задор, поэтическое вдохновение? Он стал угрюмым, замкнутым и, стараясь подладиться под жизнь Легиона, все больше отдалялся от Поллианны. Легион, в свою очередь, старался привыкнуть к нему. Однако, как Люцифер ни старался, он так и не смог слиться с Легионом полностью.

Не созданный для войны, он мало чем мог помочь своим товарищам в это мрачное время. И Поллианна видела это не хуже других. Лишь сам Люцифер упорно этого не замечал, оказавшись кем-то вроде пескарика в стае акул, причем убеждавшим, что он тоже большой.

А все свои обиды он вымещал на Поллианне.

Понимание причин, по которым Люцифер мучает ее, не ослабляло боль. Ведь всякое понимание имеет свои пределы.

Одиночество, неуверенность в себе, тоска и дух противоречия толкнули ее в объятия другого мужчины. Потом еще одного, ещё... С каждым разом все упрощалось. С каждым разом она падала в соб-

ственных глазах. Наконец дошла очередь и до Шторма-старшего. Вначале это был вызов, а потом он стал напоминать ей Фрога. С ним она испытывала моменты подлинного спокойствия. Он был мягким, рассудительным и внимательным к ней, хотя и каким-то отчужденным. Порой ей казалось, что в моменты их близости она сжимает в руках тело, спроецированное из другой плоскости, некое живое воплощение божества. Это качество еще отчетливее выявилось у подручных Шторма — старого, похожего на призрак Кассия и Дарксордов.

В конце концов появился Плейнфилд, носящий здесь имя Майкл Ди. Их встреча вызывала у нее трепет. Поллианна не сомневалась — либо ненависть ее прорвется наружу, либо Майкл ее вспомнит.

Он не вспомнил и не почувствовал ее ненависти. И тут все стало развиваться столь стремительно, что вскоре события совершенно вышли из-под контроля. Поллианна сама не заметила, как оказалась вместе с Плейнфилдом на корабле, держащем курс на Старую Землю, и в конечном счете попала к Ричарду Хоксбладу.

Теперь жизнь напоминала ей старинное черно-белое кино — она была такая же порывистая и ошеломляющая. И хотя сюжет развивался по сценарию Блейка, ее не покидало чувство, что все рушится.

Брак, который так много значил для нее, превратился в пустой звук. Она испытывала к себе отвращение. Порой, когда Поллианна лежала подле спящего Плейнфилда, ей являлся призрак Фрога и говорил, что ничего не стоит той цены, которую она платит.

Дальше стало еще хуже. Шторм заставил ее вернуться в Крепость. Поллианна убила бы Плейнфилда еще тогда, не будь она связана обязательствами перед Блейком, Корандо и родным городом.

Она страдала от особого рода одиночества, неведомого ей в Эджворде. Появилось такое чувство, будто она затесалась среди людей совершенно чуждых ей по расе. Мужчины помогали забыться на несколько минут, но, уходя, каждый любовник забирал у нее частицу самоуважения.

А потом Плейнфилда было уже не достать — он сбежал с телами двух сыновей Шторма. Она едва не покончила с собой.

Лишь призрак Фрога образумил ее, назвав маленькой дурочкой.

Она вновь вспомнила о своем долге перед Эджвордом. Поллианна достаточно прожила среди солдат, чтобы почувствовать себя солдатом своего города. И это помогло ей выстоять.

ГЛАВА Сороковая:

3052 год н.э.

Насколько важно место само по себе? «Место — всего лишь место», — скажешь ты. «А вот и нет!» — возражу я. Ты либо соответствуешь месту, либо нет. Если да, то оно проникает в твое сердце, в твою плоть, пронизывает тебя до мозга костей, ты знаешь его, не задумываясь об этом, и оно

хранит в себе знание о тебе. Вам уютно вместе. Вы — партнеры. Ты знаешь все его причуды, все дурные привычки и знаешь, как с ними бороться. Если же ты чужак...

Та же разница, что между новыми и старыми ботинками. Надеть можно и те, и эти, но если не успеешь разносить новые, они могут тебе доставить неприятные минуты.

Такой вот парой новых ботинок и стал Черный Мир для моего отца и Железного Легиона.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ:

3031 год н.э.

Космопортовский краулер вполз на перевал в Белых Горах. Шторм впервые увидел Эджворд.

— Как будто полная луна поднимается, — мечтательно проговорил он. — Или камень упал в темную воду, а вокруг разлетелись алмазные брызги.

Половина городского купола, освещенного изнутри, выглядывала из-за окружавшей его стены.

Адъютант бросил на него озадаченный взгляд. Шторм почувствовал его, но не подал виду. Он потянулся было к футляру кларнета, но тут же убрал руку, решив, что в этой ржавой развалине, скрипучей и тряской, все равно толком не поиграешь.

Но надо было чем-то снять напряжение. Такой нервной нагрузки у него уже лет сто не было.

Он вернулся к изучению шифрограмм, лежащих у него на коленях. Они были выдержаны в сжатой, беспристрастной манере Кассия. Оперативные данные и аналитические расчеты подводили к совершенно невероятному выводу. На Блейка насажена корпорация Мичём. У них хуже было с обеспечением, но выигрыш во времени они использовали как надо. Мичемы запустили военные краулеры в производство еще много лет назад. И вот теперь двадцать четыре ползучих чудовища встали лагерем на Теневой Линии на тысячу километров западнее теневой станции Блейка. И скопынуть их оттуда будет трудно.

Линии снабжения Ричарда, обеспечивающие также все предприятие Мичемов на окончности Теневой Линии, из-под тени Блейка было не достать. Они были слишком далеко на Солнечной Стороне, и даже самый мощный чартер был бы неспособен нанести удар и скрыться.

По словам Кассия, между всеми сторонами действовала негласная договоренность — избегать конфликтов на Темной Стороне. А потому Блейк и слушать не желал о лобовых ударах. Он настаивал, чтобы зона боевых действий была ограничена Солнечной Стороной.

— Идиоты! — буркнул Шторм, на миг охваченный жадой крови. — Чего проще — дойти по прямой до Сумеречного Города, продырявить им купол, а потом, когда сдадутся, — дать чего-нибудь подышать. И все — дело в шляпе.

Он рассмеялся — наверняка Ричард подумал то же самое.

Конфликты между наемниками редко бывали просты. Корпорации хоть и рвутся в бой, но редко кто согласится рисковать синицей в руке. Вот журавлем в небе — это еще куда ни шло.

Он видел единственный положительный момент — сейнеры где-то рядом и всегда готовы помочь со связью. Ему крупно повезло, что однажды, поддавшись минутному порыву, он помог Пруди и ее народу. Звездолеты услуг не забывают.

Милая Пруди. Что-то стало сейчас с этой красавицей? Возможно, отыщи он ее сейчас, она даже и взглянуть бы на себя не позволила. Звездолеты не любят бороться с Природой. Она должна быть уже старухой.

Шторм снова принялся перебирать донесения, заставив себя вернуться мыслями к Теневой Линии.

Он обдумывал предложение Кассия нанести удар по плацдарму Ричарда, пока краулер не зарулил на стоянку в Эджворде. Шторм считал, что это вполне реальное решение, хотя для верности нужно провести его через инженеров заказчика, специалистов по Солнечной Стороне. Да еще через Совет Директоров. Этим сукиным детям обязательно надо высказать свои ценные соображения.

Блейк встретил его лично. Эта небольшая любезность произвела на Шторма впечатление, поскольку этому человеку трудно было передвигаться.

— Крейтон Блейк, — представился темнокожий человек и протянул руку. — Рад вашему прибытию. Вы окончательно поправились?

— Как новенький. Доктора у нас превосходные. — Он перевел взгляд на человека, расположившегося у Блейка за спиной. Тот показался ему смутно знакомым. — В Крепости оборудована перво-классная больница. Не хотите ли обратиться в нашу лабораторию по отращиванию конечностей?

— Знаете, пожалуй, нет. Я как-то привык без ног. Более того, это дает мне моральное преимущество над Советом Директоров. Каждый раз, измываясь над калевой, они потом чувствуют себя последними мерзавцами. — Он ухмыльнулся. — Против этих разбойников все средства хороши. Ах да, прошу прощения — знаете, я ведь не привык общаться с людьми извне, а мы здесь все друг друга знаем, — так вот, джентльмена, что меня сопровождает, зовут Альбин Корандо. Он и есть мои ноги. А также мой телохранитель, компаньон, моя совесть и мой камердинер.

— Мистер Корандо, — сказал Шторм, пожимая ему руку. — Мы уже встречались с вами на Большой Сахарной Горе. На свадьбе.

Корандо вздрогнул от неожиданности и посмотрел на Блейка. Тот легонько кивнул.

— Да, сэр.

Шторм улыбнулся:

— Ну вот, так я и думал. Отсюда мы пойдем пешком? Куда прикажете идти?

— А у вас хорошая память, полковник, — сказал Блейк. — Уверен, вы видели Альбина каких-то несколько секунд.

— А зачем?

— Простите, не понял?

— Зачем вы подослали ко мне Поллианну?

— Ах, вот оно что! Так вы все знаете... — хмыкнул Блейк. — Вообще-то говоря, я метил не в вас. В то время вы не представляли для меня интереса. Ваш брат Майкл — вот за кем мы охотились. Мы даже сумели их свести — но тут вы спутали нам все карты.

— Ну, раз уж разговор пошел начистоту, объясните, зачем вам это понадобилось?

Блейк объяснил. И еще прежде, чем он закончил свой рассказ, Шторм в очередной раз пожалел о так неосторожно данном обязательстве защищать брата. Похоже, здесь, в Черном Мире, Майкл превзошел самого себя.

— А теперь о Теневой Линии, — сказал он, стараясь не обращать внимания на сотни провожавших их любопытных глаз. — До какой степени мне позволено вмешиваться в местные дела? Я уже знаю от Кассия, что вы исключаете возможность прямых ударов в районе Сумеречного Города, а также боевые действия по эту сторону Края Мира.

— Все это должно выглядеть как война Блейка с Мичемами, а не Эджворда с Сумеречным Городом. Мы стараемся подчеркивать такое различие. И мирное население не должно пострадать.

Шторм окинул Блейка циничным взглядом и понял, что человек этот подразумевает именно то, что он сказал. Это его удивило. Когда ему последний раз приходилось работать на совестливого человека? Кажется, никогда.

Гуманные порывы Блейка могли привести к неоправданным потерям.

— Вы мне не ответили.

— Я не доставлю вам больших хлопот. Я не генерал и готов это признать. Но Совет Директоров вряд ли займет такую же позицию — ваш полковник Вальтерс это уже понял. Они не хотят делать машины для использования не на производстве. Наверное, думают, что вы станете воевать в пешем строю.

— Какой процент акций вы контролируете?

— Тридцать восемь процентов. А что?

— Среди директоров есть ваши люди?

— Обычно я могу найти к ним подход.

— Вы назначите меня своим представителем на время боевых действий?

— Простите?

— Одним из моих условий было пять процентов голосующих акций и место в Совете Директоров.

— Оно было отвергнуто. Единогласно, могу добавить.

— А где моя штаб-квартира?

— Позади депо. В старом ремонтном ангаре. Куда это вы собрались?

— Хочу забрать свои игрушки и податься домой. Контракта нет, и я зря теряю время.

— Домой? Полковник Шторм... Вы это серьезно? Хотите нас бросить?

— Еще бы не серьезно, черт побери. Или все будет делаться по-моему, или вообще никак. Я не Галахад и не Робин Гуд. Я — бизнесмен. Бухгалтеры подсчитают, сколько вы мне остались должны за транспорт, включая техобслуживание. Неустойку, так и быть, я с вас взыскивать не стану.

— Но...

— Или вы хотите попробовать на прочность ваш антиметеоритный экран? Посмотреть, устоит ли он под главным калибром тяжелого крейсера?

— Мы считали этот пункт несущественным.

— В контракте не было несущественных пунктов, мистер Блейк. Вам представили контракт и *предупредили*, что его можно либо принять, либо отвергнуть. На этом рынке командует продавец. Вы ведь армию нанимаете, а не какого-нибудь выжившего из ума зверобоя со Старой Земли. Вы хоть представляете, во что обходится содержать дивизию в готовности, даже в мирное время? Так вот, победит Легион, проиграет или закончит войну вничью, но он получит пять процентов, отсрочку платежей на двадцать лет, покрытие всех расходов, гарантии возмещения поврежденной техники...

— Сказать честно, полковник Вальтерс говорил то же самое. Но мы надеялись...

— Найдите кого-нибудь другого. Вот ван Бреда Колффс ищет работу. Но он возьмет ненамного дешевле.

— Полковник, вы нас убедили. Без вас нам не обойтись. Совет Директоров поплачет, но деваться ему некуда. Из-за их возни мы уже непозволительно отстали.

— У меня нет времени на эти игры, мистер Блейк.

— До этих кретинов уже стало доходить. Они видят, что Теневая Линия ускользает у них между пальцев как сухой песок. И хотят вернуть утраченное. Так что вы можете нас нагреть и на больше.

Шторм видел, что Блейк едва сдерживает зло-
радность. Чувствовалось — в Совете Директоров ему
приходится несладко.

Он понял почему, когда его представили этой
шайке старых разбойников в креслах. Каждый рад
был бы поставить подножку такому сопляку, как
Блейк, только за то, что он так рано получил власть.

Там Шторм повторил свое выступление разгне-
ванной примадонны, после чего с решительным
видом удалился. А после часа жарких дебатов к нему
вышел Блейк, чтобы сообщить: его компаньоны при-
няли контракт с достоинством девственницы, сми-
ряющейся с неизбежным изнасилованием. Шторм
вернулся в кабинет, лишь чтобы напомнить, что слу-
чилось с клисентами, нарушившими контракт с кон-
дотьером. Бандитские глаза директоров светились
гневом. Шторм знал — они так и не сдались окон-
чательно.

Казалось бы, какое ему до этого дело? Но он
уже не мог игнорировать свое предчувствие. Черный
Мир — это их погибель. Последняя страница его
истории будет написана на этой адской планете. Так
какая разница, что будет за контракт?

Крепость — вот что важно. Даже если весь Ле-
гион найдет здесь смерть без воскрешения, останут-
ся люди в Крепости. Отставники, женщины и дети,
нуждающиеся в поддержке. Остается лишь надеять-
ся, что Маус справится с астероидом. Да, отдать
такую империю в руки мальчика...

Он вошел в апартаменты, приготовленные для него
адъютантом. Следом трусили Гери и Фреки, вороно-

ящеры, нахохлившись, провожали его взглядом закрытых колпачками глаз. Разгуливая по комнатам, он заиграл на кларнете «Чужака на берегу». Он играл снова и снова, каждый раз все печальнее. Шторм валился с ног от усталости, но был слишком взвинчен, чтобы отдыхать. Мысли беспорядочно перескакивали с одного на другое словно рыбка, мечущаяся по аквариуму в поисках несуществующего выхода.

Бедная Поллианна. Что из нее сделали — а она ведь еще совсем молодая. Наверное, этот Фрог был крепкий орешек. Нужно сказать Маусу — пусть отправит ее домой. Нет ей смысла продолжать эту игру.

Бедный Люцифер. Им играли, как пешкой. Как бы не исчезло теперь его поэтическое зрение. Даст Бог, мальчик теперь вспомнит о своем таланте.

Бедный Гомер. Бедный Бенджамен. Ушли на муки в этот ад под названием Мир Хельги. Вызволит ли их оттуда Цейслак? Хейкс — лучший из офицеров-коммандос, но шансы его невелики. Фестунг Тодесангст — действительно Фестунг*.

Бедная Фрида. Она вот-вот потеряет мужа, которого у нее, в сущности, не было. Слишком уж мало хорошего она от него видела.

Шторм не мог думать о жене без чувства вины, хотя она и была дочерью солдата и знала, за кого выходит замуж. Несмотря на все ее причуды, Фрида была лучшей из всех его жен. По-своему.

Бедные все, подумал Шторм. На этот раз победителя не будет. Даже сангариец Диф им не станет.

* Фестунг — крепость (нем. Festung).

Этот мастер прятаться в тени очень быстро поймет: Теневая Линия — слишком горячая штука, ее долго в руках не удержишь. Бедный Маус. Рычаг в руках мертвеца, который обрушит безумие сангарийца на его собственный дом...

Наконец Шторм достаточно успокоился, чтобы забыться в тревожном сне. Но сны не приносили ему покоя. Покой обещала лишь смерть.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ:

3031 год н.э.

Шторм не донимал расспросами водителя вездехода и вообще старался его не отвлекать. На инструктаже было сказано, что от операторов потребуется предельное внимание. Зато он без усталости крутил головой, разглядывая приборы, дисплеи и любуясь точными движениями профессионала-оператора.

Когда колонна начала переход к Теневой Линии, у Шторма просто дух захватило. Никогда не доводилось ему видеть что-то подобное. Все описания Солнечной Стороны оказались пустым звуком по сравнению с адской реальностью. Он не мог даже представить себе, что творится по ту сторону интерфейсов приборов и фильтров. Мимо плыло километровое озеро расплавленного металла. Он взглянул на экран заднего обзора и увидел изморозь, образованную пылью тугоплавких металлов.

Жара, царившая здесь, просто не поддавалась осмыслению.

Колонна состояла из пятидесяти краулеров, везущих войска и груз. В идеале им следовало сложить груз у подножия Теневой Линии и дать legionерам продвигаться от теневой станции самостоятельно. Но Штурм и Кассий опасались, что вакуумная защита их техники не выдержит тяготы пути до Теневой Линии. И решили транспортировать эту технику до конечного пункта.

Таким образом, передислокация легиона затягивалась на несколько месяцев. После прибытия Кассия для перевозки использовался каждый выходящий из города краулер, и все-таки до сих пор лишь половину легиона перебросили к Теневой Линии.

Силы, которые Штурм вел к очагу конфликта, состояли из нескольких батальонов: саперного, артиллерийского, бронетанкового и пехотного. Вспомогательные части собирались рассредоточить по ходу следования. Он не собирался немедленно вступить в бой. Боевые части сопровождали колонну только для защиты саперов, подготавливающих удар по блок-посту Ричарда.

Кассий уже с самого начала принялся за технические работы. Он соорудил несколько главных баз через каждые сто километров, расставил между ними вспомогательные базы, возвел купола госпиталей, реабилитационных центров и тысячи небольших надувных убежищ, чтобы у людей, работающих в теплозащитных костюмах, в случае аварии оставался шанс выжить. Он также установил россыпь

ретрансляторов, расширил уже имеющиеся дороги и провел подробную топографическую разведку местности, нанеся на карту участки, наиболее пригодные для обороны.

И чем больше сужалось предполагаемое поле боя, тем тщательнее и всестороннее велась подготовительная работа. Кассий дотошно вникал в каждую мелочь. С помощью братьев Дарксорд и при наличии времени он проверил бы все, до последнего бризантного снаряда, которые Шторм выбрал основным видом тяжелого вооружения.

«Теневая Линия уже загромождена до предела», — думал Шторм, изучая изображения на дисплеях. У подножия ее занят каждый квадратный метр тени. А работа едва началась. Начать хотя бы ограниченные боевые действия можно будет не раньше, чем через месяц.

Интересно, насколько труднее пришлось Ричарду? Ведь протяженность его линий неизмеримо большая.

Разведчики Шторма наткнулись на передовые посты Ричарда в двадцати пяти километрах от его временного лагеря. Он остановился и стал окапываться, а тем временем пехота завязывала отдельные мелкие стычки. Он распределил артиллерию так, чтобы она могла отбить любую вылазку. А бронемашину оттянул с передовой, оставив в резерве, чтобы бросить их в бой в случае прорыва.

Теперь атаковать мог бы только Ричард. Но Шторм считал это маловероятным. Хоксблад выполнял оборонительную операцию. Его задача состояла в защите проекта Мичемов на оконечности Теневой

Линии от любого вмешательства. Ему надо было только сидеть и ждать развития событий.

Укрепив позиции, Шторм стал сосредоточенно размышлять, как ему обойти Хоксблада с фланга и атаковать с самого неожиданного направления.

Хоксблад мог предвидеть такой маневр заранее и наверняка установил свои самые тяжелые орудия так, чтобы накрыть огнем все, что покажется со стороны солнца.

Саперы Шторма подорвали в тылу, в пятидесяти километрах от передовой, заряды, уничтожив участок горного хребта шириной в сотню метров и выбросив в тень мегатонны каменной крошки. Они подсчитали, что на расчистку обломков уйдет месяц, а затем еще пять—десять дней на прокладку краулерной дороги вверх.

Шторм не был уверен, что движение пувэрху что-то им даст. Если Ричард догадается, что произошло, то это будет все равно что писать против ветра. А если он предвидел такой маневр заранее, то все обернется катастрофой.

Но эта альтернатива была лучше других. Атаковать со стороны солнца — дорого и опасно. Атаковать по самой Теневой Линии — самоубийство.

Позиционное и техническое преимущество было на стороне Хоксблада. И все же Шторм верил, что сможет победить. Один путь — пойти напролом, навалиться на противника всей мощью Легиона. Таким образом они навяжут противнику войну на истощение, при которой у обеих сторон быстро тают ресурсы. И тогда сам масштаб материально-техничес-

кого снабжения обернется против Ричарда, собственные машины обескровят его армию.

Но это означало устроить кровавую баню. Шторм ее не хотел. Так же, как и его противник. Их устраивала маневренная война, но не всеобщая бойня. Они занимались бизнесом ради прибыли, не ради крови или славы, не ради таких туманных понятий, как честь, долг, патриотизм или идеология. Их люди были хорошими солдатами. Они знали, когда пригнуть голову. Они знали, как выжить, и жизнь всегда была их главной ставкой в тотализаторе войны. Они делали свою работу с бесстрашием профессионалов и, взвешивая степень риска, всегда клали на другую чашу важность поставленной перед ними задачи.

Они были лучшими из лучших или, наоборот, худшими из худших — в зависимости от точки зрения. Их наниматель получал чистую и действенную работу, сделанную спокойно и быстро. Пусть распинаются и сотрясают воздух политики, пусть обвиняют и льстят, громоздят ложь на правду и взывают к душе — они глаз не поднимут от карточного стола.

Рельеф местности в районе Теневой Линии составлял мало места для традиционной тонкой игры наемников.

Приборы Хоксблада оказались достаточно чувствительны, чтобы выделить колебания взрывной волны из обычного температурного шума в планетарной коре. Он провел разведку боем в западном направлении и остановился, наткнувшись на артиллерию и минные поля Шторма. При отходе Ричард

оставил секции-рабы от разбитого военного краулера. Шторм изучил вездеход, сравнивая их с той горсткой машин, которые успел выпустить завод Блейка.

Больших различий он не обнаружил. Оба производителя придерживались примерно одного проекта управляющего модуля, а рабов модернизировали так, чтобы они могли нести на себе броню и выдвижные орудийные башни. Разве только в модификации Мичемов уделялось чуть меньше внимания безопасности и удобству боевого экипажа.

— Возможно, теперь он попытается обойти нас с флангов, — сказал Шторм Гельмуту Дарксорду, отвечающему за позиции к востоку от обрыва. — Следя, чтобы он не зашел со стороны солнца. Не давай ему обнаружить обрыв.

— Думаю, наши сейсмодатчики нас вовремя предупредят.

Они распределили силы так, чтобы Шторм с Касием могли по очереди контролировать направление главного удара, в то время как братья Дарксорд проводили бы по очереди операции в зоне поддержки. Командующие после дежурства возвращались в Эджворт и следили там за соблюдением интересов Легиона. Сын Шторма Терстон командовал подразделением связистов, поддерживающих с городом постоянную связь.

Костяком оборонных сооружений Гельмута стала батарея тяжелых лазерных орудий, снятых с крейсера. Из всего оружия, которым располагал Шторм, это было единственное, способное поразить вражескую

машину при дневном свете. Бризантные снаряды, столь эффективные в тени, попадая под солнечный свет, взрывались, не пролетев и нескольких метров. А у легких лазерных установок не хватало энергии, чтобы пробить теплозащитные экраны краулеров.

Как поступит Ричард, если обнаружит выемку в скале? Передвинет свой лагерь назад? Навряд ли. Это значило бы допустить возможность поражения. Ведь маневр можно повторять, оттесняя Хоксблада все дальше и дальше. На это могут уйти годы, но в конце концов Ричарду станет некуда отступать.

Ударит ли он с Солнечной Стороны крупными силами, чтобы изолировать силы Шторма, спрятанные в расщелине? Это может сработать, если он ударит, пока не убрали обломки, чтобы подразделения вне краулеров не могли отойти. Но такой бой — большая кровь.

Он может пока что ничего не делать, надеясь, что Шторм сам совершит роковую ошибку раньше, чем его план даст плоды.

Шторм больше склонялся к последнему предположению. Ведь в этом весь Ричард. Он — мастер в искусстве не делать ничего. Он любит выждать, пока неприятель сам подставится, и только потом вступает в бой.

Шторм вызывал к себе командира саперов.

— Дальгрэн, я слышал, у вас там появились проблемы?

— Простите, полковник, но я принес дурную новость. Строительство займет гораздо больше времени, чем планировалось.

— Черт поberi! Но почему?

— У нас не было хороших снимков того, что на вершине. И мы пробili дно озера из расплавленных металлов, оно теперь льется в провал. Попадая в тень, металл застывает. Мы ничего не можем делать, пока этот поток не остановится.

— Понял. — Шторм едва сдержал ярость. — «Проклятие на мне лежит», — пронеслось у него в голове.

— Посветите-ка наверх, Генри, — сказал инженер кому-то возле себя, — покажем полковнику, с чем нам приходится иметь дело.

И тут же лицо его растворилось в темноте.

Через несколько секунд в бледном освещении показалась громада скалы. Камера поднималась, панорамируя по склону хребта, потом показалась площадка, покрытая серой массой, из которой выглядывали огромные валуны, словно крапинки сажи в застывшем стеарине. Наконец камера дошла и до буйно плещущегося огненного озера, низвергающего потоки жидкого металла с вершины скалы.

— Да, зрелище величественное, — согласился Шторм. — Делайте что можно, пока приходится ждать.

Шторм отключил рацию и, откинувшись назад, устался в стену специально оборудованного командирского краулера.

Как и предполагал Шторм, Ричард стал выжидать. Или же этот зловредный полубог-полудьявол по имени Фрог призвал на помощь самую Судьбу, чтобы побольнее отомстить Легиону.

Попытка выстроить цепочку генераторов тени наперехват коммуникациям Сумеречного Города провалилась, когда экипажи Блейка натолкнулись на обширную зону тепловой эрозии.

Тепловая эрозия, обычно имеющая вид тончайшей пыли, сама по себе не была опасна. Она лишь скрывала находящиеся под ней реальные опасности. Провалы и острые камни, способные вспороть днище краулера, словно кухонный нож — рыбье брюхо.

А в Мире Хельги потерпела неудачу первая попытка Хейкса Цейслака проникнуть в Фестунг Тодесангст. Он смог только создать плацдарм на поверхности и захватить контроль над ракетными установками оборонительной системы. А друг Кассия на Луне Командной адмирал Бэкхарт явно не торопился посылать своих людей.

Проволочкам не было конца. Достать оборудование с вакуумной защитой оказалось почти невозможным. Конфедерация всерьез взялась за пиратов Мак-Гроу. Их службы поглощали все, что производилось. Да и Ричард отоваривался на том же самом оружейном рынке.

То, что Ричард испытывает те же самые трудности, утешало мало. Для Ричарда трудности были привычны, как дым для огня. Оставалось только пожелать, чтобы Ди, которых он пустил к себе на задворки, доставили ему побольше хлопот.

Шторм до сих пор находил странным, что война не перекинулась на Темную Сторону. Там, как и прежде, царил мир. Сообщение между Эджвордом и Сумеречным Городом осуществлялось практичес-

ки беспрепятственно. Они не вели друг с другом психологической войны, не засылали друг к другу убийц и шпионов. Оба города не желали втравливать своих граждан в это безумство. Хотя местные корпорации и занимали господствующее положение, однако процент населения, занятого в разработке ископаемых, был невелик, а тех, кого корпорации согласились бы подставить под пули, и того меньше. Война на Теневой Линии была рискованной операцией. Ни Блейку, ни Мичему не хотелось рисковать ничем, кроме денег.

Потому-то, думал Шторм, они и покупают солдат. Чтобы не терять своих людей.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ:

3031 год н.э.

Он вернулся в Эджворд, проведя два изнурительных месяца на Солнечной Стороне. Город, раньше казавшийся ему спрессованным до предела, теперь действовал на нервы своими просторами. Все зависит от выбранной точки зрения — сказал он себе, вытянувшись в расслабленной позе, свободный от ежеминутных тревог Теневой Линии.

Оказывается, здесь он сравнительно малоизвестен. Половина эджвордцев, похоже, вообще не подозревает, что Легион высадился в Черном Мире.

А второй половине нет до этого дела. Война не изменила повседневную жизнь.

Шторм не знал, радоваться ему или огорчаться. Блейк не стал нагнетать военную истерику. Обычно наниматели Шторма поступали наоборот.

У него было чувство, что Блейк слегка стыдится своей затеи.

В первый же день у него состоялось бурное объяснение с директорами корпорации. Те требовали решительных действий. Совершенно взбешенный, Шторм предложил им оружие и транспорт.

— Если вы разбираетесь во всем лучше меня, так отправляйтесь на передовую и возьмите дело в свои руки.

Постепенно успокоившись, он уже с удовольствием разглядывал их ошалелые физиономии. Вот сказать бы то же самое политическим пиратам из Конфедерации! Интересно, началась бы хоть одна война, если бы этим ястребам пришлось тащить в окопы собственные задницы? Полководец в кресле — самое гротескное порождение постфеодальной цивилизации. Темные Века были суровы, но не было тогда этих правящих классов, что лупят друг друга чужими руками...

Желающих совершить инспекционную поездку на Теневую Линию тоже не нашлось. Как выяснилось, из всех них только Блейк когда-то пересекал Край Мира.

«Типично для этой породы, — подумал Шторм. — Из плюшевого кресла не вылезают».

Спустя неделю после возвращения Шторма Блейк пригласил его на прием в здании Муниципалитета с

участием местной элиты. Там он и встретил очаровательную шпионку Поллианну. Еще ни разу после замужества он не видел ее в таком радостном оживлении. Родные места совершенно ее преобразили.

— Гней! — Она приветствовала его поцелуем и самозабвенным объятием. — Надеюсь, тебе там не очень туго пришлось?

— «Туго» — не то слово. Слишком мягкое. А достаточно резкого я и придумать не могу.

— Пойдем, я представлю тебя гостям.

— Я считал, что по контракту выжал из Блейка все. А теперь начинаю думать, что все равно он дешево отделался. Посещения приемов в контракте не было.

Гельмут, которого сменил на боевом посту брат, шел за Штормом, напоминая рокочущую грозовую тучу, выискивающую, кого бы ей осыпать молниями. За ним трусили сирианские волкодавы. Гельмут сурово косился на тех членов Совета Директоров, что особенно любили совать нос в помещения Легиона в нижних этажах здания. Кассий переместил туда штаб-квартиру, чтобы воспользоваться мощными средствами связи Корпорации.

Первым, кого Поллианна ему представила, был Альбин Корандо.

— Мы уже встречались, — сказал Шторм. — Как поживаете, мистер Корандо?

— Да потихоньку, полковник.

— Альбин мне в некотором роде брат, — сказала Поллианна.

— Очень далекое генетическое сходство, должно быть.

— Не по крови брат. Просто нас обоих когда-то подобрал Фрог. Альбина выслали из Сумеречного Города. Фрог привел его к себе и выучил на краулерщика. Тебе стоит как-нибудь поболтать с Альбином. Ему есть что рассказать о старых временах.

Корандо усмехнулся:

— Для этих юнцов старое время — все, что раньше прошлой недели.

— Ага. Может, сбежим отсюда и поговорим за бутылкой вина? Когда закончатся все эти церемонии.

— Ничего подобного, — решительно сказала Поллианна. — У меня есть на тебя планы.

Теперь Шторм начал опасаться, что ошибся и что Поллианна не изменилась вовсе.

— Люцифер...

— Мы расстались официально. Без особых переживаний. Все это было хорошо на время, когда каждый из нас мог оставаться самим собой. А когда мы попытались стать теми, кого из нас хотели сделать... Ну да ладно, не буду тебя утомлять. Скажем так, что я ни о чем не жалею. Или почти ни о чем.

Шторм сомневался, что дело обошлось без переживаний. В душе Люцифера останется отметина на долгие годы. Теперь-то мальчик окончательно окунется в солдатскую жизнь, с удвоенной энергией пытаясь стать тем, кем ему никогда не стать. Но Шторм не хотел переубеждать Поллианну, зная: если она поймет, что Люцифер страдает, ей тоже станет больно.

Далее он познакомился с женой Блейка, о существовании которой даже и не подозревал. Это была невысокая, хрупкая, застенчивая женщина, не при-

выкшая показываться на людях. Она выглядела гораздо моложе, чем должна была быть.

— Миссис Блейк... — Шторм галантно наклонился и поцеловал ей руку. Немножко старомодной учтивости может помочь ей держаться свободнее.

При этом часть его сознания следила за всем происходящим со значительной долей цинизма. «Как мы любим играть в паладинов, — подумал он. — Наемные убийцы строят из себя рыцарей Круглого Стола. Битвы с драконами. Спасение дев. Повержение людоедов... Нет, не от крови невинных потускнели старые доспехи. Просто пятнышко ржавчины».

— А он... он не опасен? — спросила миссис Блейк, не сводя глаз с воронойщера, сидевшего у Шторма на плече.

— Только если решит, что вы съедобны. — Шторм попытался изобразить ребячливую улыбку. — Не бойтесь. Он не любит сладкого.

Она вспыхнула от комплимента. Шторм подошел к Блейку, тот поздоровался с ним ледяным тоном. Он явно знал донжуанскую репутацию Шторма. Взгляд его метнулся на волкодавов.

— Я слышал, вы весьма искусно владеете древним инструментом под названием кларнет. Не порадуете ли нас своей игрой?

Шторм как-то внезапно ушел в себя. Предложение сыграть перед незнакомыми людьми не вызывало у него восторга. Он вообще редко играл для публики.

Блейк почувствовал это напряжение.

— Нет, конечно же, не для этой толпы. Для нас с Грейс, после обеда. И для Поллианны, конечно.

Грейс очень просила. Она сама играет. Особенно любит классическую струнную музыку.

— Ну что ж, в таком случае сочту за честь. Быть может, леди подыграет мне в паре этюдов?

Грейс Блейк потупилась и закусила нижнюю губу. Воистину робкое создание. Поллианна слегка сжала его руку и прошептала: «Пережимаешь».

Остальные приглашенные не сводили с них глаз. Шторм легко читал, что написано у них на лицах. Женщины глядели на него оценивающе. Мужчины воротили нос от его зверинца и прикидывали свои шансы в отношении Поллианны. При этом гости обоих полов завидовали его близости к трону.

И тут он заметил одно угрюмое лицо. Это Терстон продирался сквозь толпу, запросто топча чужие ноги и самолюбия. А ведь в это время ему полагалось нести вахту вниз.

— Похоже, обед и музыку придется отложить, — пробормотал Шторм.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ:

3031 год н.э.

— **О**тец, Кассий просит тебя прийти, — бухнул Терстон еще с десяти метров.

— В чем дело?

Терстон пожал плечами:

— Что-то вырисовывается.

Он явно не хотел говорить при штатских.

— Мистер Блейк, миссис Блейк, прошу прощения...

— Разумеется! — сказал Блейк. — Я и сам с удовольствием улизнул бы, будь у меня подходящий предлог.

— Полковник Шторм, — голосок Грейс чуть дрожал, — мы можем пойти с вами?

— Конечно. Ведь ваш муж — босс. Было бы глупо держать его в неведении.

— Альбин, передай гостям мои извинения, — сказал Блейк Корандо. — А потом спускайся к полковнику в штаб.

К их приходу в штабе уже кипела работа. Легионеры добавили к оборудованию центра связи Блейка множество специальных приборов. В самом сердце его установили огромный дисплей с компьютерной картой Теневой Линии. По этой нескончаемой темной реке плыли теперь светлые пятнышки. Каждое обозначало отдельную боевую единицу. Операторы принимали все переговоры на Теневой Линии, и эфир шелестел и шелкал. «Лисица», «Мираж-1», «Демокл» забрасывали друг друга вопросами — на линии огня происходило что-то непонятное. Разговор был отчетливо слышен, но велся на профессиональном жаргоне, непонятном спутникам Шторма.

Кассий ждал его на канале видеосвязи и явно нервничал.

— Резервный командный канал, зашифрованный, — сказал оператор. Шторм кивнул.

— Гней, — сказал Кассий, как только Шторм подошел к экрану, — они что-то затевают. Мы еще не знаем, что именно, но что-то масштабное.

— Что за информация? На большом дисплее пока ничего не видно.

— Их пехота и танки два часа назад произвели разведку боем. Оттеснили назад наших наблюдателей. Нам пришлось отойти за пределы надежной работы акустических приборов, так что теперь ничего нельзя сказать наверняка. Но компьютерный анализ позволяет предположить движение больших масс тяжелой техники.

Штурм посмотрел на изображения, передаваемые с орбитальных станций. Эти дурацкие спутники оказались почти бесполезны. Дьявольское солнце сожгло их за несколько дней, и в передаваемых изображениях было мало толку. Слишком силен был контраст между освещенными равнинами и мраком Теневой Линией.

— От разведки что-нибудь есть?

— В эфире с самого утра ни единого потрескивания. Похоже, они отключили всю связь. Вчера подтвердилось твое предположение, что Ричард вернулся в Сумеречный Город.

— Кого он назначил вместо себя?

— Доскала Меннике. Младшего.

— Ричард не мог начать наступление, а потом отбыть.

— Вот поэтому я и связался с тобой. Насколько мы можем судить, он отсутствовал какое-то время. На прошлой неделе, во время их диверсионных рейдов, его тоже здесь не было. Происходит что-то странное.

— До какого места они поднялись?

В это утро силы самого Шторма начали сниматься с лагеря, после того как саперы, на месяц позже запланированного срока, закончили сооружение дороги вверх по скалам Теневой Линии. Начни сейчас атаку Хоксблад, он застиг бы силы Легиона чрезмерно растянутыми.

— Почти до верха. Судя по последнему донесению, они уже занимают позиции.

— У тебя есть связь с Вульфом?

— Не очень надежная. Солнце искажает луч ретранслятора.

— Соедини меня с «Тактиком-2». — Ожидая, пока дадут связь, Шторм спросил: — Мистер Блейк, можем ли мы как-нибудь узнать, что сейчас происходит в Сумеречном Городе?

— У меня там есть человек, но я не могу установить с ним контакт прямо сейчас. Придется подождать, пока он переправит сюда микрозаписи.

— Это не выход. Мне нужно знать, что происходит там сегодня, сейчас, а не что происходило месяц назад.

— Зачем?

— Я чувствую, что пахнет жареным.

— Гней, связь установлена, — сказал Кассий. — Но на экране ты не увидишь ничего, кроме снега.

— Попробуем отфильтровать сигнал. Включайте. — Он подождал несколько секунд, и на экране промелькнул Второй. — Звездочет, Звездочет, говорит Андирон, перехожу на прием. — Молчание. — Звездочет, Звездочет, принимаете мой сигнал? Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Блэквуд. У Звездочета поврежден лазерный передатчик. Прием.

Ответ был едва слышен.

— Кто такой Блэквуд? — шепотом спросил Шторм у оператора.

Тот сверился с журналом.

— Это Билл Ален, сэр. Он сейчас в одном из краулеров полковника Дарксорда.

— Блэквуд, Блэквуд, говорит Андирон. Свяжитесь со Звездочетом. Уточните ваше местонахождение. Сообщите, можете ли вы ретранслировать видеogramмы из лагеря.

— Андирон, Андирон, говорит Блэквуд. Связываю вас со Звездочетом. У меня видимость четкая. Я нахожусь в точке Ромео Танго рентген, только что вступил в бой. Передаю видеogramму, прием.

— Сейчас пойдет картинка, — сказал Шторм. — Усильте импульсы.

На экране перед Штормом возникла черная масса. Она то проступала отчетливее, то расплывалась, забиваемая снежинками статических разрядов. Наконец компьютер нашел оптимальный режим и усилил импульсы.

И тут темноту вспороли лучи лазерных орудий и орудийные вспышки. Это был вид, открывающийся с вершины Теневой Линии. Лагерь Ричарда выглядел песочницей с разбросанными по ней игрушками. Короткие вспышки выхватывали из темноты самоходные орудия и бронемашины, снующие в разные стороны в поисках лучшего укрытия. Вокруг краулеров появилось свечение.

— Что это за иллюминация? — спросил Шторм.

Корандо, вставший у него за спиной, ответил:

— Они ставят солнечные экраны. От легких лазерных орудий они защитят.

Шторм наклонился к экрану.

— Эти машины выглядят помельче, чем их военные краулеры. Корандо, что это за техника?

— Это компрессоры и чартеры. В основном устаревшие. Думаю, на них подвозят боеприпасы.

— Блэквуд, Блэквуд, говорит Андирон. Запрашиваю: из какого класса оружия ведется заградительный огонь? Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Блэквуд. Огонь ведется из световых проекторов. Одно лазерное орудие выведено из строя. Прием.

— Вормдум, Вормдум, говорит Андирон. Вы меня слышите? Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Вормдум, — ответил Кассий. — Перехожу на аварийный передатчик. Вормдум, конец связи.

Перейдя на зашифрованный канал, Шторм сказал:

— Кассий, они заменили тяжелые самоходки устаревшими горнодобывающими машинами. Следи за Солнечной Стороной — возможно, они выскочат оттуда. Ты можешь выдвинуть артиллерию и несколько броневигов. Сделай резкий бросок. Все равно Вульф уже не сможет тебе помочь — слишком поздно. Постарайся заставить эту группировку сдаться. Если потери у тебя будут небольшие и ты сможешь пробиться глубоко в их расположение, то этот отряд, который прячется на Солнечной Стороне, не сможет потом попасть обратно к своим.

— Я уже действую по этим направлениям, — ответил Кассий. — Гней, если все пойдет, как мы предполагаем, крови прольется много. Что-то там не так. Это не стиль Ричарда. Атаковать сейчас нет необходимости. Да и Меннике не рвется к славе.

Вспомнив, каково там было, почти все время в тяжелом защитном костюме, когда природных опасностей не меньше, чем врагов, Шторм предположил:

— Может быть, он просто спятил.

— Может быть. Но я могу предложить более правдоподобную причину. У него там столько Ди, что они могут разнести целую галактику. Я должен вернуться к войскам. Продолжай наблюдать. До связи.

— До связи.

Шторм поднялся и оглядел комнату. Потом выставил стул на середину и уселся снова. Отсюда он мог следить за всеми мониторами. Полковник совершенно забыл про своих гостей. А Терстон удостоился лишь короткого кивка, когда принес ему кофе.

Острое как бритва Сейчас неумолимо понеслось вперед, превращая будущее в прошлое. Час за часом со скрежетом уходили в небытие, поворачиваясь на ржавых шарнирах. Вульф обрушил на лагерь противника огонь тяжелых орудий. Один из его краулеров ездил по вершине хребта, расставляя взрывные заряды, которые должны были взорвать скалы за спиной у людей Ричарда. Вульфу удалось подбить несколько мичемских краулеров. Противник снялся с лагеря. Большие машины с экипажем из не знающих дисциплины штатских рванули на свет, бросив всех, кто не успел забраться на борт. Кассий немед-

ленно усилил давление огнем своих бронемашин. Люди Хоксблада отступали до тех пор, пока им не преградил путь камнепад, устроенный Вульфом.

И тут боевые краулеры Сумеречного Города выскочили из солнечной зоны и стали наступать хорошо организованным фронтом шириной в двести километров из глубокого тыла Кассия.

— Можно было не сомневаться, — пробормотал Штурм, наблюдая за развитием ситуации.

— Отец... — позвал его Терстон.

— Там командует какой-то псих!

Тридцать вездеходов Мичемов принялись уничтожать все искусственные сооружения: госпитали, убежища, купола реабилитационных центров — на всех этих зданиях была различимая маркировка, явно говорящая о назначении. Операция шла в режиме радиомолчания.

— Выглядит так, будто они скрывают свои действия друг от друга, — заметил Корандо. — Не нужно быть военным гением, чтобы понимать: при нашей системе связи мы-то их видим как на ладони.

— Любопытно, не правда ли? — спросил Штурм.

Легион чуть подался, но, будучи предупрежден, не сломался нигде. Еще не стихла атака, когда Штурм сказал:

— Все, они у нас в руках. Они еще пожалеют об этой попытке. Может быть, война уже кончилась.

Очень скоро остальные поняли, что он имел в виду. Военные краулеры Хоксблада один за другим выходили из строя, либо их вынуждали возвращаться под солнце. Хитроумно сконструированные бое-

вые машины Ричарда были его самым действенным инструментом. Теперь он быстро терял их и мог потерять гораздо больше, если бы отступающие машины попытались вернуться на Теневую Линию.

Силами, противостоящими Кассию, командовал подполковник Гюнтер Хавик. В свое время он был курсантом Вальтерса в Академии, а потом служил вместе со Штурмом в подразделении космических пехотинцев Конфедерации. Это был типичный офицер-наемник. В тот самый момент, когда стало ясно, что его позиция безнадежна, он сдался.

Современные кондотьеры не станут биться в героическом обреченном Сталинграде. Если для того не будет явного стратегического или тактического обоснования. Слава — эпитафия дураков.

Кассий тут же принялся переправлять войска в обход обрыва. Переброшенные части окапывались, готовясь к возвращению боевых краулеров Хоксблада. Кассий знал, что вынудить их к капитуляции будет несложно. У большинства машин подходил к концу ресурс предельного пребывания на солнце и почти не оставалось боеприпасов. Они будут рваться в тень, но пробиться туда с боем не смогут.

Вульф вывел свои силы к Теневой Линии — они превысили все мыслимые нормы пребывания на дьявольском солнце и теперь нуждались в передышке.

Штурм взглянул на часы и понял вдруг, что провел в штабе двадцать четыре часа, не просто бодрствуя, но ни на минуту не ослабляя внимания. Даже железный человек Терстон не выдержал и вздрем-

нул. А теперь убеждал полковника последовать его примеру.

— Я как раз об этом думаю, — ответил Шторм сыну. — Все равно здесь уже мне ничего не сделать. Теперь все решает Кассий. Разбуди меня, если станет совсем паршиво.

На Теневой Линии сейчас если и можно заснуть, то только навеки. Люди там не сомкнут глаз, пока вопрос не решится.

Возвратившись, Шторм застал в штабе Блейка. Вид у него был очень недовольный.

— Еще что-нибудь случилось? — спросил Шторм у Терстона.

— Поступили сводки о наших потерях.

— Плохие?

— Да.

Шторм прочел последние донесения, и мрачная статистика постепенно внесла некоторую ясность в беспорядочную картину боя.

Первое большое сражение на Теневой Линии все еще продолжалось. Судя по всему, эджвордцев ожидала громкая победа. Лагерь был разгромлен. Но почти все боевые краулеры были выведены из строя. Кассий, собрав оставшихся людей и технику, встречая лишь слабое сопротивление, мчался к точке пересечения Теневой Линии и коммуникаций, протянутых из Сумеречного Города. Если Хоксблад его не остановит, он будет там на четвертый день. Тогда война может закончиться еще до конца недели.

Но тысячи легионеров постигла смерть без воскрешения. Еще больше пропало без вести. Уце-

левшие разгребали каменные обломки, отыскивая раненых и мертвых, которых еще можно было воскресить.

Шторм был потрясен. От страшных цифр у него голова пошла кругом. Разум отказывался принять такие цифры. Такого количества убитых не бывало со времен Улантской войны.

— Это сделал не Ричард, — несколько раз произнес он еле слышно. — Это работа сумасшедшего.

Отовсюду и ниоткуда выглядывало беззвучно смеющееся лицо Майкла.

Стратегию, предусматривающую столько крови, мог придумать лишь Ди.

Шторм ходил кругами, стараясь отыскать хоть что-то положительное в этих тяжелых новостях. Но единственным положительным моментом мог оказаться только дальний рейд Кассия.

И тут в монотонном потрескивании, доносившемся из мониторов, он уловил обрывки отфильтрованной фразы: «...слышите меня, Железный Легион? Я наткнулся на зону тепловой эрозии в четырнадцать километрах от точки девятьсот. Головная секция въехала в зону эрозии. Сбросить рабов не могу. У меня на борту тридцать два человека. Вы можете помочь? Мэйдэй, мэйдэй*, говорит двадцать девятый боевой краулер из главной группировки Солнечной Стороны, вы меня слышите, Железный Легион? Я попал в зону тепловой эрозии...

— Как он это передает? — спросил Шторм.

* сигнал бедствия.

— Пульсирующим лазерным лучом, сэр. Луч ricoшетит от поверхности скалы.

Шторм повернулся к большому дисплею. На нем отражалось нечто совершенно несуразное. У Шторма возникло подозрение, что теперь даже компьютеры не в состоянии следить за продвижением его войск.

Точка девятьсот находилась на девятисотом километре Теневой Линии, всего на пятьдесят километров восточнее наклонного пути, построенного Вульфом на склоне.

— Давно мы это принимаем?

Оператор сверился с журнальными записями предыдущей вахты.

— Около четырех часов, полковник. Полковник Дарксорд начал спасательные операции, как только получил эту депешу.

Шторм повернулся к Блейку:

— Каковы шансы их вытащить?

Блейк пожал плечами:

— Хреновые. Я не знаю ни одного случая успешных спасательных работ на Солнечной Стороне с тех пор, как Мойра Джексон вытащила оттуда своего отца. Это случилось сразу после Улантской войны. Каждый год нам несколько раз приходится этим заниматься. Самое трудное — отыскать место аварии. То, что нам сказали про точку девятьсот и отклонение в четырнадцать километров, почти ничего не меняет. Обыкновенное гадание на кофейной гуще. Аппаратура после нескольких часов на солнце дает сильное отклонение. Потом, наверное, появит-

ся технология, которая позволит ставить там радиомаяки... Но все равно, чтобы засечь подобный маяк, нужно залезть на крышу другого краулера. У чартеров — самые чувствительные приборы, и то они видят совсем недалеко. И все-таки мы всегда начинаем спасательные работы, хотя бы для того, чтобы набраться опыта.

Драма разворачивалась с душераздирающей медлительностью. Вульф бросил все свои машины в спиральный поиск с центром в точке предполагаемого нахождения застрявшего краулера.

Командир краулера смотрел, как нагрузка защитных экранов подходит к красной черте, и все больше терял надежду.

— Вижу! Вот он! — послышалось вдруг.

Шторм нервно хмыкнул.

Потом тот же самый голос произнес спокойно:

— Бесстрашный, Бесстрашный, говорит Белое Крыло Один. Есть контакт по азимуту триста сорок семь расстояние шестьсот десять метров. Прием.

— Белое Крыло Один, Белое Крыло Один, говорит Бесстрашный. Оставайтесь на этой позиции. Прием.

Бесстрашным был Вульф, когда разговаривал по своей собственной тактической сети.

— Король Бурь, Король Бурь, говорит Бесстрашный. Сосредоточиться вокруг Белого Крыла Один, выполнять немедленно, прием. — Вульф переключился на командную связь. — Вормдум, Вормдум, говорит Звездочет. У нас позитивный контакт. Запрашиваю инструкции, прием.

Ответа от Кассия не последовало. Вальтерс вышел за пределы связи.

Шторм склонился к микрофону:

— Звездочет, Звездочет, говорит Андирон. Продвигайтесь с осторожностью. Руководить спасательными работами дайте кому-нибудь из шахтеров. Андирон, конец связи.

Шторм снова перевел взгляд на большой дисплей. Его внезапно охватило дурное предчувствие. Но он не мог переступить через моральные обязательства по отношению к своим братьям — солдатам, не мог заставить себя отозвать Вульфа.

— Андирон, Андирон, говорит Звездочет. Подтверждаю осторожное продвижение в естественном направлении. Звездочет, конец связи.

— Не отходите от монитора, — сказал Шторм оператору. — Дайте мне знать, если появится что-то интересное.

Офицер связи вопросительно посмотрел на него. Шторм не стал объяснять.

Спасательная операция разворачивалась по правилам — к сожалению, почти полностью теоретическим. По словам попеременно дежуривших в штабе Корандо и Блейка, она шла гладко.

Чартеры заняли позицию со стороны солнца от застрявшего краулера. Они поставили портативные генераторы тени, защищенные сменными молибденово-керамическими абляционными экранами. Компрессоры — эти левиафаны, которые закачивали на борт жидкие металлы и затем отвозили на переработку, — вставили свои всасывающие трубы в пред-

назначенные для них аварийные шлюзы. Внутренний диаметр такой трубы позволял пролезть по ней не очень крупному человеку.

— Водитель чувствует себя увереннее, когда знает, что у него есть хотя бы теоретический шанс, — заметил Корандо. — Даже настолько ничтожный, что удача выпадает раз в сто лет. Когда ползешь по Солнечной Стороне, очень важно знать, что кто-то попытается в случае чего тебя спасти.

— Андирон, Андирон, говорит Звездочет. Из краулера никто не отвечает. Мы посылаем туда человека из боевого вездехода один. Прием.

Шторм повернулся к Блейку, нахмурившись, с немым вопросом.

— Боевые вездеходы — это модифицированные компрессоры, — сказал ему Блейк. — В первых нескольких есть видоизмененные рабы-насосы.

Не об этом хотел спросить Шторм. Но сейчас Вульф ждал его на связи.

— Звездочет, Звездочет, говорит Андирон. Слышу вас, прием.

У Вульфа был человек с переносной рацией, и Вульф и сейчас велел ему включиться в коммуникационную сеть. Начались споры о том, как лучше вскрыть аварийный люк. Вульф поторапливал всех, потому что генераторы тени не вечны.

— Я хотел спросить, — сказал Шторм Блейку, — почему вы не использовали этот метод для спасения этого человека, Фрога?

— Потому что его трактор сооружался на одной верфи с Ноевым Ковчегом. Его единственный аварий-

ный люк находился под кабиной. Мы прокляли все на свете, вскрывая его, и как раз поэтому в последующих моделях стали делать верхний люк. Мичему эта идея пришла в голову одновременно с нами.

— Теперь понятно.

— Я вижу только мертвых, полковник, — доложил разведчик Вульфа, проникнув внутрь. — Продвигаюсь к кабине управления.

Примерно минуту стояла тишина. Шторм напряженно ждал, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

— Невозможно понять, что здесь произошло, полковник. Они все посиневшие, с распухшими лицами. Защитные экраны в порядке, уровень кислорода не упал...

— Вульф! — заорал вдруг Шторм, забыв про правила кодирования. — Сейчас же выбирайтесь оттуда! Немедленно! — Предчувствия превратились в уверенность. — Это какая-то ловушка!

Он опоздал со своим приказом. Уже час, как было поздно.

В эфире послышались громовые раскаты, а потом установилась тишина, прерываемая лишь статическими потрескиваниями.

— Андирон, Андирон, говорит Улей. — Сдавленный голос нарушил тишину. — Мы обнаружили визуально и лазерным радаром атомный гриб, примерно в точке девятьсот двадцать, в пятидесяти километрах от нас. Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Сожженный Крест. Обнаружены сильные подземные толчки с

эпицентром примерно в точке девятьсот семнадцать, в пятнадцати километрах от нас. Они сопровождаются сильной гамма-радиацией. Прием.

Похожие донесения поступили от еще дюжины наблюдателей. Ни одному из них Шторм не ответил. Лишь оператор связи бесцветным голосом подтверждал прием.

Вульф погиб. А вместе с ним сотни его людей. Они проявили гуманизм и в результате попали в ловушку. Ди действовал наверняка, он заранее рассчитал, как поведут себя наемники и шахтеры.

— Это работа Феарчайлда, — сказал Шторм Терстону.

Тот печально кивнул:

— Да, его стиль. Что будем делать, отец?

Выждав какое-то время, Шторм сказал:

— Ты остаешься здесь за старшего. — В животе появилось такое ощущение, будто прародительница всех язв грызла его кишки. — Мне нужно сказать Гельмуту. Постарайся пробиться к Кассию. Ему тоже надо сказать.

Шторм сам себе дивился. Он должен был бы обезуметь от гнева, но вместо этого наступило какое-то эмоциональное онемение — он до сих пор пытался убедить себя, что все это произошло на самом деле. Какой-то частью сознания он ждал, что Вульф выйдет в эфир и скажет, что это была глупая шутка.

Уходя к Гельмуту, он обвел взглядом своих людей. И подумал, что лица эти — отражение его собственного. В них читалось потрясение и неспособность поверить в происшедшее.

Ядерные заряды не использовались на поверхности планет против живой силы даже в самые критические моменты Улантской войны. Они попали в список вооружений, еще много лет назад запрещенных джентльменским соглашением. Уж скорее можно было ожидать применения химического или биологического оружия — их эффект держался не так долго.

Он был прав. Война на Теневой Линии стала лебединой песней наемников. Теперь сюда введут войска Конфедерации, и их наверняка разоружат. Бурная реакция общественности не оставит правительству другого выбора.

Размышляя над всем этим, он не учел одного маленького обстоятельства. Средства массовой информации проявили полное безразличие к этой войне. Никто о ней не сообщал. Вряд ли о ней вообще слышали за пределами Черного Мира. На Темной Стороне о применении запрещенного оружия знали лишь он, его люди да еще горстка людей в Сумеречном Городе.

ГЛАВА. СОРОК ПЯТАЯ:

2860—3023 годы н.э.

Прошла лишь пара месяцев с победы над последним Дарвоном, как Диф сказал:

— Мне скучно, Рафу. Я, кажется, начинаю понимать, почему отец мой был такой дерганый. Стараться увеличить свою прибыль еще на одну десятую процента — это не работа для мужчины.

Рафу посмотрел на Дифа и подумал, быть может, что молодой Глава неискренен сам с собой.

— Твои коллеги наверняка бы с этим поспорили.

— Это их стиль жизни. Хауги и Гаабы никогда больше ничем и не занимались. Будь у меня обычное детство, я бы тоже, может быть, был сейчас доволен. Но его не было. От нормальной жизни я чувствую себя словно в клетке.

— У нас есть миссия, которую завещал нам твой отец.

— Она нам пока не по зубам. Сейчас мы увязли здесь во всякой рутине, а когда освободимся, животные уже будут воевать с Улантом, и нам придется ждать, пока война кончится. А она может затянуться лет на двадцать. Улантидам упрямства не занимать.

— Я что-то не припомню, что твой отец требовал осуществить месть немедленно. Хотя и меня тоже на что-то подмывает.

— Есть идеи?

— Кое-какие.

— Давай послушаем.

— Думаю, нам следует разделиться на два Дома: крупный и помельче. Один станет поддерживать традиции Норбонов, а другой — осваивать Осирис и вести нашу вендетту с животными. Такая двойственная структура позволит локализовать риск. Если кто-то один потерпит поражение, то он по крайней мере не потащит с собой все Семейство.

Диф недоуменно посмотрел на Рафу. К тому времени они уже создали вполне дееспособную, монолитную структуру, нацеленную на уничтожение Дар-

вонов. И теперь ему не хотелось расставаться даже с малой толикой своей власти.

— Твой кузен, Тааке, лишен воображения, но зато он толковый администратор. Поставь его управлять той ветвью семейства, что находится в Метрополии. А сам собери предприимчивый народ и отправляйся на Осирис. Там ты найдешь массу интересного. И работу, которая тебе по душе. Мы можем выстраивать марионеточные империи. Мы можем расширять рынок сбыта. Ставить ситлачные купола, строить племенные заводы. Мы, черт побери, даже сможем заняться обычной торговлей и промышленностью. Там целая планета, которую не надо с кем-то делить.

«Примитивный, средневековый мир, — подумал Диф. — Тут можно стать хоть самим Господом Богом. Чего еще желать?»

— Хорошо, я это обдумую. Другие предложения есть?

— Можно было бы погреть руки на этой войне. Мы собрали к себе множество новых вассалов, с тех пор как вернулись. Нужно их чем-то занять.

— Построить пиратский флот? Рафу... В детстве, на Префектлесе, я только о том и мечтал — вырасти и стать капитаном рейдеров.

— Только не думай, что там сплошная романтика да приключения, Диф. Даже пиратство — тяжелая будничная работа, если ты хочешь добиться успеха. Нужно купить или построить корабли. Раздобыть оружие. На все это уйдут немалые средства. Нужно создать надежные разведывательные источники. Собрать

команду, готовую работать в упряжке и не выпячивать гордость. Тех, кто не связан обязательствами с Семейей и будет хранить преданность лишь тебе и друг другу. С нашим народом это непросто.

— Да, я понимаю. Та же административная тягомотина. Но по крайней мере с перспективой заняться интересным делом.

В Дифе проснулось воспоминание об испытанных в детстве при рассказах о великих пиратах благоговении и восторге.

Если у сангарийцев была главная слабость, так это коренившееся в их культуре предубеждение против жесткого управления, отвращение к дотошному администрированию. Каждый сангариец ощущал себя человеком действия и вел себя соответственно. Громоздкий, удушающий, постоянно растущий бюрократический аппарат, характерный для людских предприятий, был им неведом. Они развивались в прямо противоположном направлении и иногда могли хватить через край — полное отсутствие административных органов становилось не меньшим уродством, чем их всевластие у людей. Самые важные записи представляли собой каракули на клочках бумаги и легко терялись. Знания, за исключением тех, что хранились в памяти Глав и их помощников, были эфемерными, и очень часто всякие проволочки и несуразности возникали из-за плохой связи, отсутствия четкого управления или надежных записей.

Самыми ценными вассалами Семейство считало тех немногих сангарийцев, которые проявили себя как толковые и дотошные чиновники. Другие Се-

мейства буквально охотились за ними, и стоили такие работники дорого.

Диф преуспел и в пиратстве, и в освоении Осиписа. Через некоторое время Норбонов нехотя признали одним из сангарийских Первых Семейств. Диф и Рафу завоевали себе репутацию людей, обращающих все в золото одним лишь прикосновением. Обычно новые проекты рождались в плодовитом мозгу Рафу. А тщательно подобранные Дифом агенты воплощали их в жизнь. Старик всеми силами старался оставаться в тени, ни в чем не отступая от прежней роли.

В известном смысле Рафу стал серым кардиналом Семейства, стоящим за тронем. Дифу оставалось лишь непосредственное действие.

Диф и не желал становиться мозгом Семейства. Он опасался, что не годится для этого. Несмотря на суровую школу Префектласа, он остался слишком порывистым в своих действиях. Как правило, Рафу смягчал последствия его горячности, но иной раз случалось и так, что благосостояние Семейства страдало из-за необдуманных поступков Дифа — он брался за какой-нибудь непродуманный проект, даже не посоветовавшись со стариком.

Хотя Норбоны и стали одним из Первых Семейств, но старая знать так до конца и не приняла этих нуворищей. Их самих считали грубоватыми, а способы, которыми они умножали свое богатство, — немного варварскими. К тому же Диф охотно нанимал к себе чужаков.

Он не использовал их традиционно — для шпионажа за их собственными народами. Он выискивал

дельных людей и вовлекал их в семейные операции на Осирисе, а порой и в Метрополии. Бухгалтеров. Экономистов. Компьютерщиков. И солдат — суровых людей, образовавших ударный кулак Семейства под командованием доверенных сангарийских вассалов.

Семейства, ориентированные на традиционные ценности, это шокировало. К тому же они завидовали богатству и ратным успехам Норбонов.

Диф мало получал приглашений в общество, но еще меньше было даже малейших знаков, которые можно было бы считать выражением недобрых чувств. Его же светская жизнь совершенно не привлекала. Он все так же терпеть не мог разных приемов и их завсегдатаев.

Во время войны ему не раз казалось, что наконец подвернулся случай малой кровью выполнить отцовские заветы. Он брался за дело, не посоветовавшись с Рафу, словно ребенок, который надеется преподнести родителям приятный сюрприз. Но враги его были хитры и увертливы. Они чуяли опасность за несколько световых лет. И каждый раз уклонялись настолько успешно, что ни разу не осознали приходу опасности.

Во время войны он снова нашел своего сына, хотя и держался на расстоянии, и не смог избавиться от сангарийского чувства Семьи. Он слегка подталкивал его вверх там, где Норбоны имели власть, и помогал ему обрести богатство. Еще он рассчитывал создать инструмент, с помощью которого надеялся распространить свое влияние на ключевые властные структуры людей.

Уже много лет спустя после того, как Диф открылся перед Майклом, он вывозил его в Метрополию и на Осирис, чтобы дать, хотя и с опозданием, подобающее для сангарийца образование.

Обнаружив в характере Майкла некоторую ущербность, Диф слегка разочаровался в нем, но никогда этого не показывал. Ведь Майкл был его единственным ребенком.

Диф так и не женился. Его полное равнодушие к различного рода искусительницам породило необоснованные слухи об их отношениях с Рафу и вопросы о том, кем ему приходится Майкл.

Лишь Рафу подозревал правду, но Диф отказывался обсуждать эту тему даже со своим самым старым другом.

В сердце Норбона в Дифа до сих пор пылала любовь к самке по имени Эмили Шторм.

Искусственно выведенной рабыне для развлечения.

Разоблачение этой страшной тайны могло в одночасье опрокинуть их империю. К физической близости с рабынями в обществе относились терпимо, добродушно подшучивая, но эмоциональное влечение считалось совершенно недопустимым ни при каких обстоятельствах. Тем более нетерпима была бы такая слабость со стороны Главы.

Он ни с кем не осмеливался поделиться своим чувством, потому что боялся, что оно, подобно франкенштейнову чудовищу, ослабит, а затем уничтожит его. Его собственная Семья от него отречется.

К тому моменту он добился преданности всех своих родственников. Стоило ему только приказать,

и они пошли бы за ним хоть в преисподнюю. Но даже за новый Хулар ему не простили бы такой извращенной любви.

И все-таки он шел по самому краю. Он осмелился ввести Майкла в сангарийское общество. Он заключил альянс с Гаабами, женив своего сына на одной из их дочерей. Он избегал любых вопросов относительно матери Майкла, говоря, что она погибла на Префектлассе.

Рафу, почуяв смутные подозрения со стороны Глав, распустил слухи о дружбе Дифа с сексонской девушкой. Он использовал подлинную историю, изменив только имя Эмили.

Шло время. Десятилетия уносились в прошлое. Порой Диф страдал от жесточайших, длительных депрессий — это случалось, когда он отвлекался от работы и понимал вдруг, что снова стал обычным администратором. А до выполнения обязательств перед отцом было еще куда как далеко. У него просто не оставалось времени на организацию заговоров против Штормов.

Совершенно внезапно ему подвернулась такая возможность в одном из миров, который люди называли Амон-Ра.

Майкл сообщил, что его брат, только что возглавивший Железный Легион, согласился помочь подпольному правительству людей изгнать оттуда сангарийцев-поработителей.

Сангарийские семейства на Амон-Ра были маленькими и слабыми. Шансов в борьбе с Легионом у них не было.

Диф решил им помочь. Не обращая внимания на протесты Рафу, не подготовившись как следует, он бросил в бой свои рейдеры. В рейдерах сидели квази-военные подразделения, созданные им на Осирисе.

Он потерял все, до последнего человека, до последнего корабля, до последнего орудия. Так он узнал горькую правду о своих офицерах. Сангарийцы, не имеющие Земли, Дома и Семьи, просто не были достаточно дисциплинированы, чтобы воевать по правилам людей.

Рафу прочел ему обширную лекцию о тех особенностях сангарийской культуры, которые не давали воевать со Штормами на равных.

— Ладно, — пробурчал наконец Диф. — Теперь я и сам вижу. И собираюсь поправить дело. Мы построим настоящий флот, создадим настоящую армию. А если наш народ для этого не годится, наберем животных. Одних только животных. — Они с самого начала использовали людей и улантидов, но никогда не доверяли им командных постов.

Амон-Ра уплыл у него из рук. Проходили годы и десятилетия. Угнетенный поражением, Диф, ни в чем не позволяя себе отступлений от самодисциплины, не оставлял усилий, пока Норбоны не оправились от последствий катастрофы на Амон-Ра.

А когда он решил перевести дух и оглянулся вокруг, то обнаружил, что нажил себе кучу неприятностей. Майкл и его дети... Они вели себя так, будто живут одни на свете и защищены от всех опасностей.

Снова и снова кто-то из них ставил под угрозу его планы относительно Штормов или какое-нибудь выгодное дело в сфере человеческих интересов. Они были наказанием своей матери — этой флегматичной женщины из Первого Семейства, совершенно не питавшей интереса к сомнительным приключениям. Она снова и снова обращалась к нему как к Главе Норбонов, умоляя вмешаться.

Но что он мог поделать? Он не решался слишком их одергивать, потому что не хотел терять ценный плацдарм для просачивания в мир людей.

При его финансовой поддержке они протянули щупальца в каждый уголок Конфедерации, и щупальца эти стали каналами, по которым распространялось влияние Норбонов. А когда Норбоны процветали, от этого выгадывали все сангарийцы.

После Амон-Ра Диф уже не пропускал ни одной межлюдской войны, особенно конфликтов Шторма и Хоксблада — в этом случае командиры придавали войне особенно ожесточенный характер.

— Рафу, думаю, это как раз то, что нам нужно. Мы станем потакать их собственным желаниям и втравим в такую войну, с которой живым не вернется никто...

— Они слишком умны, чтобы клонуть на это, и не пойдут на поводу у чувств, когда речь идет о бизнесе.

— И все-таки...

Диф пытался внедрить своих агентов в обе наемнические армии. У него так ничего и не вышло. Информацию из стана врага он получал только от

сына. Но Майкл отличался неустойчивой психикой и чисто сангарийским эгоцентризмом.

Создание Фестунг Тодесангст неизмеримо умножило мощь Норбонов. Семейство избавилось от старого сангарийского пугала — администрирования, к тому же Диф получил возможность перехватывать бесценную коммерческую информацию. Очень скоро Норбоны превзошли своими властью и богатством другие Первые Семейства настолько же, насколько Первые Семейства — среднестатистическую сангарийскую Семью.

Устройство слежения, установленное Дифом внутри Фестунг Тодесангст втайне от сына и внучки, сообщило ему об открытии Майкла в Черном Мире. Диф получил срочный интел в тот момент, когда Майкл впервые ввел цифры.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ:

3032 год н.э.

Новый год получился невеселый. Легион не праздновал. Эджвордцы старались, как могли, но события на Теневой Линии не располагали к оптимизму. Светские приемы и вечеринки протекали уныло.

Шторм провел Новый год и почти всю следующую неделю в одиночестве. Когда становилось совсем невозможу — с Гельмутом Дарксордом. Гельмут тяжело переживал смерть брата.

Кассий на Теневой Линии кромсал на куски армию Сумеречного Города. Войска Хоксблада, лишенные единого командования, распадались на отдельные группы. Шторма же больше не интересовали ни подвиги Легиона, ни загадочная уязвимость врага. Он играл на кларнете, читал Библию, разглядывал свой старый кольт сорок пятого калибра, поглаживая вороненый ствол.

Кассий у оконечности Теневой Линии отрезал мичемским машинкам путь к отступлению. Он без труда отбил войска, шедшие на выручку из тени, создаваемой генераторами Сумеречного Города. Его люди, в нарушение всех приказов, зачастую отказывались от обычной тактики быстрых ударов и маневрирования, принятой у наемников. Хотя сам Вальтерс сохранял хладнокровие и профессиональный подход, его подчиненные то и дело шли напролом, стараясь дать врагу урок, который тот запомнит навеки.

Терстон из кожи лез вон, чтобы заблокировать всю информацию о ядерном взрыве. Он напоминал того датского мальчика, который пальцем заткнул отверстие в дамбе. Однако Терстону повезло меньше. Весь Легион знал, как погибли Вульф и его люди. И все жаждали крови.

Шторм не вмешивался. Он считал, что операция все равно вышла из-под контроля. Она развивалась своим путем, как простуда.

Он выиграл еще одну войну. С треском выиграл. И, возможно, угодил ногой в капкан, поставленный Майклом Ди.

Он немало размышлял о своем брате и своем давнем обещании, данном с такой легкостью. Каждый раз, беря в руки старый револьвер, он вспоминал о Майкле... И жалел, что в свое время не догадался отвернуться, позволив Кассию или своим сыновьям довести дело до конца.

Верность слову слишком дорого ему обошлась. И все-таки даже теперь он не сомневался — попроси у него Майкл защиты, он бы его защитил.

Шторм вернулся в здание Муниципалитета, только когда в город доставили первую партию пленных. Ему хотелось потолковать с подполковником Хавиком.

Хавик заметил его первым. Он бросился к Шторму с обескровленным и усталым лицом.

— Полковник Шторм, я хочу принести свои извинения. Я знаю, что они гроша ломаного не стоят, и все-таки я обязан это сказать. Нас постоянно гложет чувство вины. Я хочу, чтобы вы знали: если бы кто-то из нас знал заранее, мы не подчинились бы приказу.

Шторм смотрел на Хавика с холодным безучастием. Он не сомневался — подполковник говорит правду, но трудно отделить действия противника от его личности...

— У меня было достаточно времени для разговоров с подчиненными, полковник. Один из капитанов предложил, а мы все поддержали: батальон предлагает вам свою службу, чтобы расплатиться с ответственными за это зверство, кто бы они ни были.

Шторм медленно наклонил голову, давая понять, что принял его слова к сведению. Хавик был про-

фессионал до мозга костей. Типичный продукт Академии — Кассий слепил его по своему подобию.

— Благодарю вас, подполковник. Если ваша помощь потребуется, поверьте, я обязательно дам вам знать. Причем так, чтобы вы не должны были изменять присяге. Но если удастся, я сам с этим справлюсь. Это личное дело.

— Гх-м...

Хавик кивнул. Может быть, он видел Ди возле Сумеречного Города. Может быть, он понял.

— А что же полковник Хоксблад? — спросил Штурм. — Я просто не пойму, как такое могло случиться в его организации.

Хавик нахмурился и пожал плечами:

— Никто не слышал о команданте с тех пор, как полковник Меннике принял командование. Мы уже начинаем подозревать, что он нарвался на грязную игру. В Сумеречном Городе у него была масса неприятностей. А теперь вот ваши люди нашли полковника Меннике.

Штурм вопросительно посмотрел на Терстона.

— Его нашли позавчера, — сказал ему сын. — В одноместном убежище возле входа дороги из Сумеречного Города в Теневую Линию. Он был недели две как мертв. Заколот ножом.

— Полковник Хавик, — сказал Штурм, — я не хочу, чтобы вы нарушали свою присягу, но ваша добровольная информация могла бы нам помочь.

— Слушаю вас, сэр.

— По каким каналам вы поддерживали связь с Сумеречным Городом?

Хавик ответил не раздумывая:

— На Теневой Линии мы использовали микроволновые ретрансляторы, полковник. Для передачи через Солнечную Сторону — импульсные лазерные репитеры. Система ненадежная. Лазеры весь месяц выходили из строя. Теневые генераторы слишком далеко разнесены. Мощность, необходимая для должной яркости луча, перегружает оборудование. Сообщение между выходящими из строя лазерными станциями велось с помощью посыльных.

Шторм пристально посмотрел на подполковника. Сообщение такой информации было очевидным предательством работодателя. Видимо, история с ядерным зарядом потрясла Хавика до глубины души.

— В таком случае может оказаться, что команданте Хоксблад жив и здоров и сейчас где-то переходит Солнечную Сторону, оставаясь в полном неведении относительно случившегося?

Шторм очень надеялся на это. Ему не хотелось, чтобы Ричард пал жертвой стратагем Майкла.

— Возможно. Мы стремились действовать как можно самостоятельнее от Сумеречного Города. И движение транспорта не должно быть интенсивным. Когда он вернется и обо всем узнает, головы полетят.

— Благодарю, полковник. Мы постараемся разместить вас с удобствами. Надеюсь, это долго не протянется.

— Не должно. Вы победили еще до того взрыва. Потому-то это так бессмысленно. Вы потеряли столько людей, и это ничего не изменило.

Шторм отправился в штаб просмотреть ежедневные донесения от Мауса и Хейкса Цейслака. В Крепости все оставалось спокойно. Поступили хорошие новости из Мира Хельги. Инженеры Цейслака прорыли туннель в Фестунг Тодесангст. Его люди уже заняли верхние ярусы.

Где же Бэкхарт, этот друг Кассия, обещавший высадить десант, как только Легион закрепится на плацдарме? Казалось, он вообще исчез из вселенной. А Цейслак был нужен Шторму в Черном Мире.

Он отправился на крышу, к Блейку.

— Мистер Блейк, я хочу нанести прямой удар по Сумеречному Городу.

— Я вам уже говорил, что это невозможно, полковник.

— Выслушайте меня. Тот взрыв кто-то подстроил. Бомбу доставили из их шахт. Это значит, что в сговор замешано какое-то высокопоставленное лицо из корпорации Мичемов. Хоксблад утратил контроль над ситуацией. Он бы не пошел на такое. Если он доберется туда с Солнечной Стороны, то либо умрет, либо попадет в тюремную камеру. Они уже играют без всяких правил. Говорю вам — нужно с ними покончить, пока они нас не проглотили. Я уже продвигу, по какому сценарию все пойдет. Ричарда сделают козлом отпущения. Его убьют при попытке к бегству, после того как он якобы прикажет сбросить бомбу, теперь уже на Эджворд.

Блейк выглядел озадаченным.

— Полковник, я категорически отказываюсь позволить вам подвергать опасности мирных жителей.

— Похоже, вы меня так и не поняли. Мирные жители уже в огромной опасности.

— Мистер Блейк, извините мое вмешательство... — Корандо откашлялся, — но вам лучше уделить больше внимания предложению полковника. Тот ядерный взрыв — предвестник настоящей бури. Мы не можем закрывать на это глаза. Лучше быть готовыми ко всему. По логике вещей, следующий шаг будет направлен против Эджворда. Им нужно будет избавиться от свидетелей. И к тому же для них это единственный способ завладеть Теневой Линией. Кто поручится, что они этого не сделают? Они и так уже зашли слишком далеко — месяц назад все это казалось просто невысказанным.

— Верно! — рыкнул Шторм. — Потом легавые из конфедератов из вас всю душу вытряхнут. И я лично заинтересован, чтобы вы остались живы и ответили на их вопросы. Мистер Блейк, поверьте, я знаю человека, который во всем этом повинен. Мы с ним десять лет спали в одной комнате. Если дать ему время, он всех вас перебьет, и ему это сойдет с рук. И вы это знаете. Ему что Фрога убить, что перебить весь Эджворд.

— Вы думаете, это Ди?

— Абсолютно уверен. А за его спиной стоит сангарийский Глава по имени Норбон в'Диф. Он — самая большая шишка у всех Семейств.

— Сангариец? — переспросил Блейк недоуменно. — А им-то что здесь нужно?

— Слишком долго объяснять. Поверьте мне на слово. Это столкновение организовано извне. Все началось с того, что Ди убил вашего Фрога. Если

мы сейчас не прекратим грызню, дело кончится тем, что сангарийцы полностью приберут к рукам горнорудную промышленность в Черном Мире. И не оставят в живых ни одного свидетеля.

Блейк медленно покачал головой.

— Я подумаю над вашими словами, полковник.

— Только не тяните с ответом. Они тянуть не станут. Сейчас они уже знают, что их наступление захлебнулось и они проиграли. Возможно, эта бомба должна была взорваться в другом месте, чтобы сработал весь их сложный замысел. Теперь они что-то предпримут — сначала чтобы выяснить, что она вообще взорвалась, а потом — чтобы скрыть этот факт. Если что-нибудь надумаете — я в штабе.

Шторм спустился обратно в штаб и устроился в кресле перед большим дисплеем. Неразбериха, царившая на поле боя всю прошлую неделю, постепенно улеглась. Территория, занятая Кассием, теперь освещалась его машинами. Полковник сконцентрировал значительные силы на сто километров западнее пересечения Теневой Линии с коммуникациями Сумеречного Города. Кассий планировал там обосноваться и ждать, пока люди Мичемов придут и сложат оружие.

Будь это обычная наемническая война, давно бы все закончилось обменом пленными. Ричард уже не мог выбить Кассия с занимаемых позиций. Его техника стала слишком ненадежной, к тому же у него не было тени, чтобы собрать достаточные силы.

Но если Мичемы послушаются Майкла, то война на Темной Стороне разразится, как только весть о

разгроме на Солнечной Стороне дойдет до Сумеречного Города. Майкл уже бросил жребий. У него нет другого выбора, кроме как повысить ставки.

Шторм приказал установить еще один дисплей, на котором просматривался участок Темной Стороны между Эджвордом и Сумеречным Городом, а потом отправил всех свободных от вахты ставить приборы слежения на подступах к городу.

Каким образом Майкл избежит бунта? А бунт неминуемо должен произойти, когда люди Ричарда узнают о случившемся на Теневой Линии.

Да очень просто. На обратном пути в Сумеречный Город он или кто-то из его сыновей разрушит теневые генераторы, перережет все коммуникации и бросит на произвол судьбы людей Хоксблада. Это, конечно, подлость, но для Ди вполне логичный шаг.

Следовало предупредить Кассия о возможных ядерных ловушках. Ди наверняка захотят побыстрее поубавить количество свидетелей.

— Уайтлэндсунд! — воскликнул он внезапно, и все повернулись к нему в изумлении. — Ну да, конечно!

Проход из Эджворда на Солнечную Сторону — вот ключ к решению проблемы. Майклу он просто необходим. Захватив его, Ди сможет поймать в ловушку любого, кто запросто раздавил бы его на Солнечной Стороне. Он может устроить настоящие Фермопилы в этих узкостях. Если Эджворд будет разрушен и он удержит проход в своих руках до тех пор, пока на Солнечной Стороне не останется ни

единого живого человека, кто тогда покажет против него? Только его соучастники.

Шторму было некого послать за защиту прохода.

Сколько займет путь от Сумеречного Города до Эджворда? А из Мира Хельги в Черный Мир? Он быстро произвел расчеты. В первом случае слишком мало времени, во втором — слишком много. Нет никакой причины отзывать Цейслака и прерывать его операцию.

— Терстон, пойдика разыщи Хавика. Приведи его сюда. А потом свяжись с Блейком. — Он снова погрузился в расчеты. Ядерный взрыв — наверняка часть какого-то более крупного замысла, вынашиваемого Ди. Он обязательно получит продолжение, потому что сам по себе взрыв не привел к перелому на поле боя. Так что это — попытка отвлечь внимание? Чтобы дать возможность Майклу спокойно заняться Эджвордом и Уайтлэндсундом?

Над этой идеей стоило как следует поразмыслить. Как Майкл все это устроил? Поставил часовой механизм? В таком случае движение с юга к Эджворду уже началось...

«Лис. Глупый лис, — подумал Шторм. — Мне следовало знать заранее — он не согласится ждать за кулисами, пока мы с Ричардом стараемся обдурить друг друга изощренными маневрами».

Быть может, Майклу и суждено выиграть эту игру, но, черт побери, надо сделать так, чтобы ему как можно дороже обошлась его победа.

Пришел Хавик.

— Подполковник, — обратился к нему Шторм, — у меня тут возникла одна чертовски заковыристая проблема.

Он вкратце изложил ему свои соображения.

— Вышлите вперед разведчиков, — предложил Хавик. — Укрепите подступы к проходу. Поставьте засаду у них на пути. Их должно быть не очень много, если они не привлекут кого-то со стороны. Почти все наши силы были стянуты к Теневой Линии. Снабжением занимались Мичемы.

— Легион сейчас находится в том же положении, подполковник, — сказал Шторм. — У меня здесь только радисты и связные. А Ди, как я предполагаю, привлечет своих собственных людей. Ему не нужны те, кто привык воевать по правилам.

— Ясно. — Примерно на минуту Хавик погрузился в раздумья. А затем сказал: — Я могу оказать вам лишь пассивную помощь. Пойти и занять проход. А если они атакуют, я расценю это как действия против моего работодателя и получу полное право воевать против них. Только вот... каким оружием? Свое мы сложили там.

Блейк давно уже был здесь и внимательно прислушивался к предположениям Шторма. Он все еще сомневался, но потихоньку начинал понимать, что назревает катастрофа.

— Полковник Шторм, вы действительно считаете, что Ди — такой дьявол?

— Да поймите же вы, — взорвался Шторм, — мы ведь выросли вместе. Я знаю, на что он способен — практически на все. — Он повернулся к Ха-

вику. — Не знаю, как нам быть с оружием. Легкое у нас еще найдется, но из тяжелых орудий — только то, что вернули сюда для ремонта.

— У нас есть тайный арсенал, — вмешался Блейк. — Правда, в нем лишь устаревшие виды. Этим оружием пользовалась во время войны Гвардия Дьявола.

Шторм поморщился. Он всегда гордился тем, что его люди оснащены лучше регулярных войск Конфедерации.

— Оно хотя бы действует?

— Мы поддерживали его в хорошем состоянии. У нас ведь есть что-то вроде милиции.

— Что скажете, подполковник Хавик?

— Оружие я осмотрю. — В голосе его не чувствовалось энтузиазма. — Но поймите, я должен как-то объясниться со своими людьми. Я не могу просто приказать им выступить на помощь Железному Легиону.

— Понимаю, подполковник. Вы просто попросите их удерживать Уайтлэндсунд до тех пор, пока мы не сможем прислать кого-то, чтобы их сменить. Ведь в эту западню там попали и ваши люди. Сомневающихся присылайте ко мне. Если я не смогу убедить такого человека, то не стану требовать его участия в операции. Мистер Блейк, в любом случае все это продлится несколько дней. У вас есть люди, способные работать на приборах в штабе?

— А что вы собираетесь делать?

— Выполнять свою работу. Защищать Эджворд. Вывести своих людей наружу и поставить засаду на

Майкла Ди. И мне нужны люди, которые будут поддерживать здесь порядок.

— У меня есть собственные операторы связи. Но вам придется ознакомить их с оборудованием.

— Я оставляю здесь Гельмута Дарксорда. — Гельмут еще не был готов восвать. — Терстон, как у тебя приготовления? — Сын его начал готовиться к вылазке, как только связался с Блейком и Хавиком.

— Потребуется еще полтора часа, отец. Сейчас нагружают краулеры.

Блейк вздохнул и нервно улыбнулся.

— Я почти надеюсь, что ваша догадка оправдается, полковник.

И тут Корандо вставил одно из своих нечастых замечаний:

— Лучше быть живым дураком, чем мертвым скептиком, сэр.

Шторм улыбнулся. Ему вдруг захотелось поближе познакомиться с Корандо. Интересный человек.

— Я буду держать с вами связь, мистер Блейк. А сейчас попробую найти полковника Дарксорда.

Снаряженный против Ди отряд был сшит на живую нитку. Три сотни людей, оснащенных в основном той техникой, что прислали для ремонта. Единственное надежное оружие — их личное, стрелковое.

И все-таки, если появится Майкл, то благодаря засаде Хавик выгадает лишние несколько часов и сможет как следует окопаться в Уайтлэндсунде. Хавик, в свою очередь, задержит Ди до подхода сил, вызванных Штормом с Теневой Линии.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ:

3032 год н.э.

Шторм в стандартном боевом костюме пехотинца стоял на вершине холма, оглядывая место предстоящей битвы. Безмолвие и мрак царили вокруг. В западном направлении слабо мерцали Горы Грома — подсвеченные ионы разносило порывами ветра. Прямо перед ним, невидимая человеческому глазу, простиралась длинная узкая равнина, зажатая между двумя огромными воронками от метеоритов. Склон холма, на котором он стоял, был стеной третьего, меньшего кратера, сужавшего ближайший к Шторму участок равнины до размеров обычной дороги. Это узкое место идеально подходило для обороны.

Этот район подвергался усиленной метеоритной бомбардировке в течение многих лет. Равнина, по которой пролегал обычный маршрут из Сумеречного Города в Эджворд, была единственным безопасным проходом через кратеры — если только Майкл не вздумал бы сделать крюк в сотни километров, пройдя мимо Ночного Города. Шторм не сомневался — Майкл слишком самонадеян, чтобы двигаться окольными путями.

И достаточно самоуверен, чтобы совершить бросок на юг незамедлительно. Видимо, Майкл рассчитывал: пока Шторм высвистывает на кларнете, упи-

ваясь собственной предусмотрительностью, он опередит брата, выбрав поле боя по себе.

«Мой брат, — подумал Шторм. — Вот к чему все идет. К схватке между мной и моим братом».

Он уже знал о приближении Майкла. Электронные разведчики на дальних подступах запеленговали колонну Майкла в десяти километрах отсюда, движущуюся с севера со стабильной скоростью восемь километров в час.

Шторм мрачно усмехнулся, увидев первые движущиеся огни на дальней оконечности равнины. Впереди ползли боевые краулеры. У Майкла было шесть таких чудовищ. Если бы их удалось подбить...

Понимая, что это совершенно бессмысленно, он обернулся, чтобы осмотреть собственную диспозицию. Конечно же, он не увидел ничего, хотя смутно чувствовал присутствие орудийного расчета впереди и Терстона рядом.

«Вот здесь мне и придется драться, — подумал он. — Так же однажды стоял Черный Принц на холме у Пуатье. Я знаю, что мои наемники — лучшие солдаты всех времен, но...» Шторм не знал, выстоит ли Эджворт. Из литературы он знал, что его предки из Англии справились во Франции с десятикратно превосходящим их противником, но все эти истории были написаны постфактум людьми, заранее знавшими, чем все кончилось, к тому же англичанами. Черный Принц тянул время несколько дней, пытаясь выговорить себе отступление.

Сегодня переговоров не будет. Да и противники его — вовсе не благородные мужи, отягощенные

рыцарскими традициями. Если, как он уже заподозрил по количеству войск, среди них были сангарийские отряды, доставленные в обход Сумеречного Города, значит, ему придется иметь дело с крепкими бойцами. Они не знакомы с местностью и техникой, зато так же упорны в бою, как и его люди.

Пятнадцать минут тянулись нескончаемо долго. Чтобы успокоить себя, Шторм поглаживал дуло лазерного пистолета, через перчатку чувствуя холодный металл. При этом он насвистывал «Чужака на берегу», удивляясь, что так и не привык до сих пор к этому томительному ожиданию. Он прожил долгую жизнь, закалился, и все-таки сегодня он нервничал ничуть не меньше, чем перед первым своим сражением.

— Время жить и время умирать, — прошептал он. Головная машина Мичемов уже добралась до узкого прохода между кратерами.

Его лазерное оружие испустило ослепительную вспышку и прожгло аккуратное отверстие в лобовой броне машины. Выстрел был сделан прямой наводкой. При второй вспышке Шторм увидел, как замерзший воздух струей ударил из раны.

И тут заговорила вся его артиллерия. Броневик, наводя по данным радара и огням вражеских машин, принялся разукрашивать смертоносными узорами бока вездеходов. В основном он метил в гусеницы. Пехотинцы, прыгающие по позициям на индивидуальных реактивных установках, тоже полностью сосредоточились на гусеницах. Их винтовки и ракетометы прочертили тысячи разноцветных трасс во встревоженном ночном небе.

Еще один меткий выстрел выпотрошил раба из третьего вездехода.

— Вот уж не ожидал... — прошептал Шторм радостно, спускаясь с холма стометровыми прыжками. От сжатого газа из реактивной установки костюм его сзади пузырился, кожу обжигало холодом. Справа от него Терстон перемещался мощными рывками, несмотря на тяжелый груз ранцевых мин. Терстон промчался мимо него, направляясь к застывшему на месте головному краулеру. Шторм пустился за ним вдогонку. Головная машина — их главная цель. Если ударить по ней как следует, то путь Майклу будет загроможден надолго.

Солдаты из Сумеречного Города открыли яростный ответный огонь. Шторм язвительно хмыкнул. Они, должно быть, ехали сюда с настроением туристов, пресыщенных однообразным пейзажем, сонных, совершенно безразличных к окружающему миру.

Один из танков Шторма подбили. Экипаж успел выбраться наружу прежде, чем подорвался боезапас, и тут же влился в ряды пехоты. Они повели атаку на растерянных солдат противника, только что высадившихся с десантных машин.

Лазерное орудие вывело из строя еще один боевой краулер и сдохло от собственной старости. Были подбиты уже три головные машины. Остальные подняли солнцезащитные экраны. Против них стрелковое оружие было бессильно.

Шторм держался поблизости от Терстона. Почти пятьдесят человек бросились добивать головной вездеход. Машина хотя и встала, но вовсе не собиралась

умирать. Она яростно плевалась снарядами и выпускала лазерные лучи. Ракетометчики Шторма старались подавить этот огонь.

Они с Терстоном подкрались к самому трактору. Терстон отключил реактивную установку и, бросив Шторму заряд, побежал вдоль корпуса монстра, прилепляя по заряду к каждому из рабов. Шторм швырнул свой заряд в дыру, пробуравленную лазерной пушкой, и тут же нырнул в укрытие.

Взрыв отдался у него в руках и ногах. Звук почти не было, и сотрясения поэтому тоже. Шторм выпрыгнул из укрытия и юркнул в проделанную им пробоину, поливая из оружия, как из пожарного шланга.

В кабине все было разнесено в клочья. Шторм разбил блок питания. Люди, забравшиеся следом за ним, бросились к люку, соединявшему кабину с первым трейлером. Шторм переходил от кресла к креслу, глядя в мертвые лица экипажа.

Он так и не нашел отличия. Все они выглядели как люди. Он подумал, не захватить ли с собой несколько тел для вскрытия.

Пошел бы Майкл на такой риск? Шторм не мог сказать наверняка. Ведь если доказать присутствие здесь сангарийцев, Флот и Армия примчатся сюда с такой скоростью, словно на день опоздали к Армагеддону. Ради этого стоит потаскать трупы.

И тут он наткнулся на синего человека.

— Что за черт?

Он видел синих людей когда-то, очень давно. Во время Улантской войны их попадалось гораздо боль-

ше, чем хотелось бы. В войсках Ричарда не было улантидов, и среди жителей Черного Мира тоже. Зато Кассий говорил, что сангариец Диф использует людей разных рас.

Вездеход трякнуло, потом еще и еще — это подрывались один за другим заряды Терстона. Его люди прорвались во внутренности первого раба. Послышались отрывистые очереди. Шторм не обратил на это внимания. Он вытолкнул труп из кабины и прервал молчание в эфире ровно настолько, чтобы вызвать вездеход подобрать мертвое тело. Потом отправился обратно за следующим.

Что сейчас творится в голове у Майкла? Озлобился на судьбу, как у него случалось всегда в тяжелые моменты? Или удивлен, что сопротивление оказалось столь слабым?

Он выбрал с полдюжины трупов. Солдаты погрузили их на тот же самый краулер, что недавно возил обычных пассажиров из Эджворда в Сумеречный Город. Водитель, видя, что пехота Ди подступает все ближе и ближе, заметно занервничал и все-таки продержался до тех пор, пока огненные стрелы не начали сверкать вокруг.

Отряд Шторма разбили вдребезги, как он и ожидал. Но даже его писари и связисты были по духу своему легионерами. Они нанесли врагу гораздо больший урон, чем получили сами. Когда Шторм собрал до конца свою коллекцию трупов и удовлетворился нанесенными головным машинам повреждениями, он отступил в полном порядке.

А вскоре целое вражеское подразделение из бронемашин и пехоты, захлестнувшее подбитый вездеход и затем погнавшееся за Штормом, в одну секунду перестало существовать, проглоченное минным полем. После этого Майкл продвигался вперед с такой осторожностью, что Шторм беспрепятственно вывел своих солдат с поля боя.

— Ну а теперь мы посмотрим, из какого теста слеплен Майкл.

— О чем ты, отец?

— Интересно, сможет ли он обуздать свой гнев? Если сможет, то пойдёт в Уайтлэндсунд. Если нет, то отправится в Эджворд, сводить счеты.

— Он возьмет город без особого труда.

— Да. Но потом ему придется потратить неделю на окончательное усмирение. А у него сейчас каждый день на счету. Отправляйся наверх и скажи водителю: пусть остановится на краю кратера. Мы подождем там и посмотрим, что решит Майкл.

Шторм просидел на том холме очень долго. Главную свою задачу он выполнил: преградил Майклу проход.

— Они идут, отец, — окликнул его Терстон.

Шторм ушел в кабину управления посмотреть на экраны и дисплеи. Один за другим краулеры ползли с севера, громяхая, проходили мимо них и поворачивали в западном направлении.

— Очень хорошо. У него было время подумать.

— Вот только Хавика жаль, — сказал Терстон.

— Мне тоже жаль, сын. Но сейчас у него больше шансов, чем несколько часов назад. Водитель, курс на Эджворд.

На автобазе его ожидал встревоженный Гельмут.

— Похоже, у них беда, — сказал Шторм Терстону.

— Гней, у нас беда, — сказал Гельмут, когда Шторм подошел к нему.

— Что на этот раз?

— Цейслак вляпался в кашу. Сангарийскую кашу. Они двинули против него целый флот. Нашим кораблям пришлось сматываться. Он держит их на расстоянии с помощью трофейных орудий, но говорит, что при желании они вполне смогут высадиться.

— Тогда похоже, что Кассий своего добился. Мы втянули большого паука в игру. Что-нибудь слышно от Флота или с Луны Командной?

— Ни звука. А Кассий уже едет сюда.

— Как? Почему?

— Он говорит: если Ди заранее подстроил все так, чтобы люди Ричарда попали в ловушку, значит, он перерезал сообщение с Сумеречным Городом и нам нет необходимости удерживаться на западе от теневой станции. Они сами придут сюда. Он оставил небольшой отряд, чтобы помочь им эвакуироваться.

— Интересно... А может быть, Майкл предвидел, что Кассий именно так и подумает, и бросок через Темную сторону — всего лишь отвлекающий маневр, чтобы втянуть его в бой?

— Нет. Ядерный взрыв...

— Ну да, конечно, это все меняет. Он сейчас поставил на кон все, не только Теневую Линию.

Они попали в штаб как раз вовремя, чтобы услышать донесение Цейслака об атаке сангарийцев. Шторм связался с Кассием и сообщил ему свежие

данные о Мире Хельги, Цейслаке и собственной недавней операции.

— Гней, — сказал Кассий, — я вот как предлагаю поступить с этими трупами: отправь их на Посадочную Площадку Темной Стороны или в Ночной Город для вскрытия. Чем шире ты проинформируешь общественность об уликах, тем сложнее будет Ди истребить всех свидетелей. А на Мичема окажут давление с тем, чтобы он прекратил поддерживать Майкла.

— Хорошая мысль. Я, пожалуй, так и сделаю. Ладно, мне нужно идти. Хавик уже вступил в бой.

— Отец, — окликнул его Терстон, — радиограмма из Мира Хельги. Цейслак сообщает, что сангарийцы высадили десант. Ты дашь какие-нибудь указания?

— Скажи ему, пусть продержится, сколько сможет. Дружок Кассия появится там на днях. Гельмут, дай-ка крупным планом Уайтлэндсунд. Что-то Майкл странно построил свои войска.

— Вот это да! Отец, — крикнул Терстон полчаса спустя, — Хейкс докладывает, что он засек корабли с опознавательными знаками флота! Их там целая туча! Энтузиазм сына вызывал у Шторма улыбку.

— Успокойся и следи внимательно, что будет дальше. Скажи Цейслаку, пусть все время остается на связи. — Шторм и сам прибодрился. — Гельмут, а этот дружок Кассия хитер, как Ди. Он хоть и попугал меня, но своего добился. Теперь он застигнет их со спущенными штанами и никому не даст уйти.

На лице Дарксорда заиграла злорадная улыбка.

Шторм еще раз оценил диспозицию на Уайтлэндсунде. Не то чтобы Майкл расположил свои войска

неправильно, просто построение было слишком банальным. Некоторое время Хавик сможет противостоять ему, не неся больших потерь.

— Цейслак говорит, он уже вступил в контакт с Флотом, — доложил Терстон. — Они отправили туда целую эскадру и скоро по стенке размажут этих ублюдков.

— Замечательно. Все идет как по маслу. Ну, я пошел к себе, пока на части не развалился.

Ему снились разные кошмары. Что-то терзало его. Он что-то забыл. Упустил какую-то деталь, а это непозволительно, если имеешь дело с сангарийцами и Ди.

Терстон растормошил отца:

— Папа, просыпайся.

Шторм открыл глаза.

— Что случилось? На тебе лица нет.

— Они атакуют крепость. Сангарийцы. Еще один флот. Только что звездоловы мне сообщили. Они наблюдают за боем, но помочь ничем не могут. И потеряли связь с Маусом.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ:

3032 год н.э.

Маус сидел в отцовском кресле, перед отцовским письменным столом. Глаза его были закрыты. Наверное, вот так чувствовал себя отец в тот день, когда он вернулся из Академии.

Когда это было? Всего несколько месяцев назад...
А кажется, что уже полжизни прошло.

Слишком много всего случилось с тех пор. Слишком многое переменялось. Крепость миновала какой-то невидимый водораздел и выскользнула в совершенно чуждую ей вселенную, полную ненависти, бесконечно враждебную.

Он и сам переменялся вместе со своим домом. Много повидал. Много совершалось с его помощью, причем такое, где нечем гордиться. Дорога, выложенная желтым кирпичом, дала резкий поворот, и он успел краем глаза увидеть свое семейство со стороны, о существовании которой он до Академии даже не подозревал.

— Я был тогда ребенком, — прошептал он. — Это просто боль взросления. Реакция на столкновение с реальностью.

С реальностью. С той особого вида реальностью, в которой существуют его семья и Легион, а также полчища их причудливых врагов и нагромождения проблем.

Он включил отцовский селектор и вызвал на связь оперативный штаб.

— Есть что-нибудь новое?

— Ничего нового, сэр. Все застыло на месте.

— Держите меня в курсе.

— Есть, сэр.

— Хороший ты оператор, — прошептал Маус, выключив селектор. — На твоём месте я с таким, как я, ещё на прошлой неделе потерял бы терпение.

Он поднялся и принялся рассказывать по комнате.

Его не оставляло предчувствие, что вот-вот случится что-то ужасное. Весь день он себе места не находил. А не спалось ему уже несколько ночей подряд.

Если бы хоть было чем заняться...

Маус бродил теперь от шкафа к шкафу, в который уже раз осматривая отцовскую коллекцию. Он совершал такие обходы по меньшей мере раз в день — это, как ни странно, успокаивало.

Внезапно у него мелькнула мысль: не держал ли отец эти талисманы для той же самой цели?

Монеты, куклы, китайский фарфор, книги — все это немые свидетели прошлого, связующее звено в необозримом, вечно протекающем процессе. Ты протягиваешь руку, дотрагиваешься до них и чувствуешь себя частью чего-то неизмеримо большего, чем ты сам. Ты словно куколка оплетен бесконечными незримыми нитями, охватывающими все человечество... Впрочем, все это субъективные ощущения, чистые эмоции.

Все еще не в силах подавить тревогу, он вышел из кабинета и отправился во владения Кассия. По пути ему так никто и не встретился.

Крохотный, пустой мирок, в котором совсем недавно обитал Железный Легион, напоминал навсегда умолкшие, заброшенные города, причины запустения которых история даже не удосужилась сохранить в своей памяти. Уведите из Крепости двадцать тысяч человек, и она превратится в пустую скорлупу, вздрагивающую от собственного гулко-го эха.

В эти дни он улавливал звуки, которые раньше просто не замечал: постоянный шумовой фон, со-

здаваемый системами жизнеобеспечения, обычно забивался людским топотом и голосами. Что-то мистическое, жутковатое чудилось ему в этих звуках. Иногда, проходя по пустынным коридорам служебного яруса, он вдруг застывал на месте, на какую-то долю секунды поверив, что он совсем один блуждает по пустому сооружению, а на семь тысяч световых лет вокруг нет ни одного человека.

В такие моменты он сгибался под навалившимся на него ощущением пустоты, за которым накатывала волна безумного страха. Отчужденность — это не то же самое, что одиночество. Человек, обреченный на отчуждение, живет как бы в пузыре, он не видит людей снаружи. Душой он чувствует их присутствие и понимает, что люди эти станут доступны, стоит только подобрать заветный ключ. Отгороженность эта эмоционального свойства, а не физического. А подлинно одинокий человек отрезан от человеческого общения непреодолимыми физическими барьерами.

Маус знал: он никогда не забудет лицо Феарчайлда в пыточной камере на том астероиде — какое ликование отразилось на этом лице, когда Маус вошел туда. Феарчайлд едва ли не с радостью ожидал пытки, которая подтвердила бы его принадлежность к общему стаду.

Маусу казалось, что он проник в самые глубины сознания этого животного, называемого человеком. Неудачные браки, сохраняющиеся бесконечно долго, жестокость во взаимоотношениях, совершенно противная логике, — большинство людей идут на это потому,

что предпочитают боль одиночеству. Даже боль подтверждает принадлежность к чему-то.

— Эта тварь не бывает настоящим солипсистом, — пробормотал он.

Игрушки, купленные Кассием на Горе, по прежнему стояли нераспакованными. Он хотел было достать их и расставить по полкам, но потом передумал. Ведь это развлечение — для одного только Кассия. Нельзя вторгаться в его частную жизнь.

Он битый час играл в старинную железную дорогу, гоняя поезд взад-вперед, переставляя стрелки, делая остановки на станциях, в разном порядке сцепляя вагоны, пытаясь представить, насколько самый первый владелец этой игрушки отличался от людей его поколения.

Задумавшись о вере и ценностях, он вспомнил и о товарищах по Академии. Собранные из всех уголков Конфедерации, они привнесли с собой невероятное разнообразие взглядов, идей, некоторые из которых казались ему совершенно чуждыми.

Томми Мак-Кленнон, с которым они попали в один экипаж и одержали сказочную победу в регате охотников на лис в Крабовидной туманности... Томми, уроженец Старой Земли, казался ему наиболее чуждым среди представителей других рас, обучавшихся в Академии. Все прочие чужаки принадлежали к той же касте воинов, что и Штормы. А предки Томми на протяжении столетий были живущими на пособие безработными. И его идеи были Маусу чужды в корне.

Серебристая кнопка на гимнастёрке забибикала. Эльфийский голос три раза повторил номер. Маус открыл письменный стол Кассия и подключился к переговорному устройству Вальтерса.

— Масато Шторм слушает.

— Сэр, у нас сообщение от Цейслака. Только что из гиперпространства выскочила сангарийская штурмовая эскадра...

— Я сейчас буду у вас. — Он бросился к ближайшему лифту, прекрасно понимая все нелепость своего поведения. Что он сможет сделать? Разве что следить за катастрофой, разворачивающейся в Мире Хельги.

— Правильно я думал, — пробормотал он.

Фрида Шторм вышла из другого лифта одновременно с ним.

— Ты уже слышал? — спросила она.

— О сангарийцах? Да, слышал.

— А куда делся этот чертов адмирал, который обещал прийти на помощь?

В оперативном штабе включили два больших дисплея. На одном пытались проследить за операцией в Черном Мире, на другом — за действиями Цейслака в Мире Хельги. Дисплеи были устаревшие и не полностью компьютеризированные. Целая группа ветеранов и новичков пыталась настроить их получше.

— Что там происходит? — спросил Маус.

— Доннингер пытается их сдержать, но ему вот-вот придется драпать. Слишком их там много.

Маус посмотрел на только что включенный шар дисплея. В середине его находилась сфера, похожая

на бильярдный шар, изображающая Мир Хельги. Оперативный штаб получал сообщения, ретранслируемые с кораблей Легиона на орбите. Маус какое-то время наблюдал за изображениями на радарх.

— Какова задержка в реальном времени?

— Пять минут с секундами. Не так уж плохо. Друзья твоего отца, звездолеты, наверное, полезли в самое пекло. Ребята здорово рискуют — с такого расстояния их могут подстрелить.

Маус прикинул развитие событий.

— Передайте Доннингеру, пусть уносит отсюда ноги. Через десять минут ему уже не дадут этого сделать.

Пока он произносил эти слова, один из кораблей Легиона мигнул и навсегда пропал с экрана.

— Они пустили в ход тяжелое оружие. Посильнее всего, что мы можем опознать.

Маус пытался одновременно следить за несколькими экранами — сигналы поступали непрерывно, и компьютеры делали все возможное, чтобы выдать изображения вражеских кораблей.

— Смотри, какие огромные, — сказал Маус Фриде. — Похоже, это какой-то новый тип рейдеров.

— Я слышала, что Норбоны склонны к новшествам более других сангарийцев.

— Ты думаешь, это они?

— А кто же еще?

— Ну что ж, тогда все по плану отца и Кассия. Они ведь хотели выманить этого Дифа из берлоги.

— Только он не слишком считается с тем, когда нам удобнее его появление, — хмыкнула Фрида.

— М-м-м... — Маус устроился в кресле и не отлучался никуда, кроме как в туалет, пока атака не получила своей кровавой развязки.

— Поразительно... — прошептал он. — Не поверил бы, если бы не видел сам. Надо бы пойти поспать.

Он проснулся от воя сирены — в Крепости объявили всеобщую тревогу. В первый миг он даже не понял, что происходит. Прежде ему приходилось слышать этот вой лишь дважды, к тому же очень давно, во время учебных тревог.

— По боевым постам! — разносилось по коридору. — Личному составу занять места согласно боевому расчету! Нас атакуют.

— Боже правый! — Маус сгреб одежду и выскочил в коридор.

Он побежал в оперативный штаб.

— Что там еще за чертовщина?

Старший вахтенный молча показал на шар дисплея. Лицо его было бледным.

— Две минуты назад нас предупредили звездолеты, — сказал он, судорожно вдохнув воздух. — Противник каким-то образом проскочил мимо них.

На шаре вокруг Крепости роились красные точки, напоминающие тучи мошкар в погожий весенний день. Крохотные огненные стрелы проносились по нему в разные стороны. То и дело вспыхивали маленькие звезды.

— Восемьдесят два, сэр, — доложил кто-то. — Сначала было восемьдесят пять. В основном это легкие корабли. Сангарийские.

— Но...

Маус перестал что-либо понимать. Все происходящее казалось ему полной бессмыслицей.

— Размер кораблей — от космоскафов до легких эсминцев, сэр. Компьютер пытается смоделировать их план атаки.

Где-то в стороне послышался механический голос:

— Попадание. Объект Сорок Шестой сбит. Пять тысяч тонн.

В штаб вошла Фрида. Ее тоже разбудили. Она была растрепана и еще не совсем проснулась.

Маус по-прежнему старался осмыслить информацию о движении кораблей на дисплее. Он установил лишь одну закономерность — всех их подталкивала к центру шара какая-то неумолимая сила.

— Что это — обычный налет? Или нечто посерьезнее?

Старший вахты взглянул на него странным взглядом.

— Гораздо серьезнее. Смертельно серьезно. Так они сказали. — Он нажал какую-то кнопку на своей клавиатуре, и на экране коммуникатора возникло лицо. Владелец этого лица пообещал сделать с Крепостью то же самое, что когда-то сделали с Префектласом:

— Ты думаешь, это он? — спросил Маус у Фриды.

— Очень может быть. Насколько я знаю, его еще никто никогда не видел.

— Я с ним один раз встречался, — сказал Маус, вспомнив вдруг короткий миг на Горе. — Он был там, когда старик пытался нас убить. Просто промелькнул в толпе,

— Сэр! — обратился к нему старший вахты. — Компьютер сообщает, что атакующие движутся случайным строем. Их кораблями управляет некий командный компьютер. Похоже, что командиры отдельных кораблей получили полную свободу маневра, они могут двигаться в любом направлении, кроме одного — назад. Им суждено столкнуться с нами, хотят они того или нет.

— Так, значит, это атака камикадзе?

— Простите, сэр?

— Атака смертников.

— Именно так. Если только тот, кто контролирует командный компьютер, их не отпустит.

Маус посмотрел на дисплей. Еще два вражеских корабля сбили за это время.

— И что же, в конечном счете они прорвутся?

— Похоже на то, сэр. Если мы только не повысим эффективность автоматической линии обороны.

— И как скоро доберутся до Крепости?

— Пока еще рано предсказывать.

— Передайте звездоловам, пусть свяжутся с Цейслаком и поставят в известность Флот. А потом соединят меня с отцом.

Следующие два часа он наблюдал, как смерть тянет к Крепости свои когтистые лапы. Враг подступал все ближе и ближе, несмотря на самую совершенную автоматическую систему обороны, когда либо созданную человечеством. Вот уже подбили их третий корабль, а они продолжали двигаться вперед с целеустремленностью бездушных роботов. Теперь не оставалось сомнений, что атакой командует безумец.

Маус прошел безмолвными коридорами служебного яруса, в душе прощаясь с Легионом и всем, окружавшим его в этой жизни. Он снова заглянул в отцовский кабинет, думая о том, что разрушить собранную здесь коллекцию — преступление против самой истории...

А потом он вернулся в оперативный штаб.

— Ну, как дела?

— По-прежнему неважно, сэр.

— Но мы продержимся до прибытия «Хитти»?

— Да, сэр. Вы думаете, ее пошлют в атаку одну?

— Не знаю. Но здесь нет ни одного корабля, способного противостоять ей.

— Корабль класса «Империя» собьет любые десять из этих кораблей, но еще останется пятьдесят с чем-то.

— Как только примешь ее сигналы, сообщи всю известную нам информацию. Особенно об их жестком режиме атаки. Чтобы напасть на «Хитти», придется этот режим нарушить, ведь так? Возможно, кому-то из корабельных капитанов придется для этого сделать крюк.

— Есть, сэр.

— Новые расчеты, сэр, — доложил офицер постарше, уже отслуживший свой срок в Легионе.

Маус посмотрел на цифры. Они предсказывали, что сангарийцы сметут внешние оборонительные линии и не меньше пятнадцати кораблей прорвутся к поверхности планетоида.

— Да, плохо дело. Выходит, «Хитти» — наша единственная надежда.

— Да, сэр.

— Сэр! — доложил старший вахтенный. — Мы только что засекли еще одну приближающуюся группу вражеских кораблей.

— Что?

— Успокойтесь, сэр. Это не боевые корабли. Вот, смотрите: их всего пять. Четыре крупных, похожих на транспортные или что-то в этом роде, и один средних размеров — наверное, флагман.

— Транспортные? Ну да, конечно. Они доставят сюда десант.

Фрида, сидевшая с другой стороны от вахтенного, немного успокоилась. Бегло просмотрев информацию, она вышла из комнаты — в первый раз за несколько часов.

— Передайте в Арсенал — пусть готовятся к раздаче стрелкового оружия, — сказал Маус. — И скажите, чтобы проверили все внутренние системы обороны. Расчетчики! Дайте мне время их посадки — самый лучший и самый худший вариант. — Маус добавил, скорее для себя, чем для окружающих: — Отец считал, что Крепость выдержит любую атаку. Боюсь, он не учел атаку, возглавляемую безумцем.

— М-м-м... Сэр, еще никто не придумал совершенной защиты от человека, которому безразлично, что с ним станется.

На следующий вечер Маус построил в гимнастическом зале всех обитателей Крепости, разъяснил им ситуацию и спросил, есть ли какие-нибудь предложения. Все молчали. Да и что тут можно было

предложить? Единственное, что оставалось, — это держаться до прибытия Флота. Маус попросил каждого выполнять свой долг и, еще не договорив фразу до конца, пожалел, что он собрал их вместе, лишний раз напомнив о детях, что находились в Крепости и должны были разделить ее судьбу.

Тревожный сон Мауса прервало стрекотание коммуникатора.

— Шторм слушает.

— «Хитти» нам сигналит, сэр. Она скоро вступит в бой.

— Я сейчас приду.

Когда он появился в оперативном штабе, старший офицер доложил:

— Мы передали им всю имеющуюся информацию, сэр. Установили постоянную связь. С «Хитти» пара кораблей класса «Провинция» — лучше, чем ничего. Они вначале возьмутся за флагман и транспортные корабли.

— Как скоро это произойдет?

Вахтенный проверил время.

— Они выйдут из гипера через два часа восемь минут, сэр. Приблизятся на большой скорости и всего с парой градусов отклонения от направления на цель.

— А когда их обнаружат наши сангарийские друзья? — Маус кивком показал на красные блики.

— Может быть, минут через пять, а может быть, и через час, в зависимости от возможностей их аппаратуры.

Прошел примерно час.

— Черт! — Маус сплонул. — Они отходят!

Еще через полчаса стало ясно — рейдеры просто перегруппировались для защиты флагамена и транспортных кораблей, а контроль над ними несколько не ослаб.

— Сейчас увидим, на что годны эти толстозадые малыши, что зовутся «Империями».

— Надеюсь, что увидим, сэр.

«Хитти» вышла из гиперпространства и с потрясающей силы залпом ввязалась в бой. А потом принялась спокойно и методично крушить вражеский флот. Вначале казалось, сангарийцы совершенно беспомощны перед ней. Однако очень скоро обнаружилось, что непобедимость «Хитти» — всего лишь иллюзия.

— Алло, Железный Легион? Говорит «Хитти». Ребята, не хотелось мне этого говорить, но придется. Нам тут порядком попортили драйвы. Выбор такой — или выйти из боя, или лишиться экранов. Так что извините.

— Извините? — едко переспросил Маус. — Извинениями делу не поможешь.

— По крайней мере мы их здорово потрепали, и теперь вам будет полегче. — Офицер связи на «Хитти» пропустил последние слова Мауса мимо ушей. — Одиннадцать крепко намяли бока, а уж скольким носы расквасили — и не сосчитать. Так что удачи вам, ребята. «Хитти», конец связи.

— Сколько осталось кораблей противника? — спросил Маус.

— Достаточно, чтобы прорваться сюда, сэр. Если только за расквашенными носами не скрывается что-нибудь посерьезнее.

— Черт побери! Вот уже чего я совсем не ожидал.

В штаб пришла Фрида — в первый раз за утро.

— Ну, как наши дела?

Маус сообщил ей мрачную новость.

— Будь оно все проклято! — Фрида пулей вскочила из зала.

Возвращаясь к себе, Маус наткнулся на носилки с телом девушки. Маус ее не узнал. На вид лет пятнадцать. Должно быть, дочь кого-то из нижних чинов.

— Что за черт?

Маус опустился на колени и взял ее за руку. Пульс прощупывался — значит, живая. То ли без сознания, то ли спит.

Он вздрогнул от звука шагов. Подняв голову, Маус увидел двух стариков, которые тащили носилки с еще одним подростком. Тот, что шел сзади, взглянул на него украдкой, но ничего не сказал.

Он побежал за ними в распахнутые двери спален и застыл у самого порога, пораженный диким зрелищем. Горел свет. Примерно с полдюжины ветеранов торопливо укладывали на носилки детей.

— Что здесь происходит, черт возьми? — спросил Маус.

На него посмотрели. Никто не сказал ни слова. Никто не улыбнулся и не нахмурился. Двое них нагнулись и, подняв носилки, направились к нему. Маус схватил кого-то за руку.

— Я задал вопрос, солдат!

— Маус.

Он обернулся и увидел Фриду, стоявшую в дверном проеме всего в каком-то метре от него.

— Мать, что за чертовщину ты тут затеяла?

Она сдержанно улыбнулась.

— Мы грузим вас, молодых, на борт «Эрхардта». И отправим к твоему отцу. Звездолеты прикроют вас огнем.

«Ну что ж, идея неплохая», — вихрем пронеслось у него в голове. Как же он сам не додумался... Детей нужно спасти. Конечно, риск тут немалый, но «Эрхардт» — один из самых быстроходных кораблей... Одно ему не нравилось — похоже, Фрида и его самого вздумала запихнуть в этот Ноев Ковчег. Это неприемлемо.

— У меня есть здесь работа.

Фрида слабо улыбнулась:

— Я освобождаю тебя от командования, Маус. Эй, носилки сюда!

— Не вздумай применять силу...

— Поцелуй за меня отца, Маус. — Она нажала на спусковой крючок.

Маус не успел отпрыгнуть. От вспышки парализатора тут же смешались мысли. Он падал, падал... и так и не коснулся пола.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ:

3032 год н.э.

Шторм рывком соскочил с кровати. Кошмарная реальность сгушалась над ним словно грозовая туча. Атака на его собственный дом... Вот оно. Вот чего он не предусмотрел. Это война против его семьи. И он оставил незащищенный фланг.

— Это правда? — спросил он, не в силах думать ни о чем другом.

Терстон посмотрел на него недоуменно.

— А какой смысл мне врать?

— Ладно, не сердись. Я просто не подумал. Пойдем.

К возвращению Шторма Маус уже наладил постоянную интелную связь.

— Маус, на что оно там похоже?

Экран вспыхнул. Ответ, казалось, тащился не быстрее света.

— Ничего хорошего, отец. Они прут, как сумасшедшие. Даже не маневрируют. И похоже, что они знают наши слабые места. Мы пока держимся, но наши форпосты рушатся еще быстрее, чем предсказывал компьютер. Думаю, без посторонней помощи нам не обойтись.

Пока Маус докладывал обстановку, Гельмут что-то шепнул Шторму на ухо.

— Отлично, Маус. Делай пока что можешь. Гельмут говорит, что мы уже связались с Цейслаком и попросили звездоловов дать знать Бэксарту. — Он снова прислушался к шепоту Гельмута. — А, вы и это сделали... Прекрасно. Слушай, уже отданы приказы. К вам идет с Ханаана группа тяжелых кораблей, две эскадры из Мира Хельги, а «Хитти» крейсирует поблизости. К вам весь этот чертов Флот направляется.

Корабли Флота всегда и везде были готовы бросить все, если намечалась стычка с сангарийцами.

— Держись, сынок. Крепость тебя не подведет. По моему проекту строилась.

— Спасибо, отец, — улыбнулся Маус. — Мама просила передать, что любит тебя. Ну все, у меня тут работа.

Кто? Мама? О ком это он? Ах да, Фрида. Справится ли она? Шторм пожал плечами. Справится, конечно. Она дочь солдата и жена солдата.

Время покажет. Если Крепость падет прежде, чем подоспеет Флот, он снова превратится в бедняка, во всех смыслах. Он потеряет все свои сокровища, лишится самых дорогих ему людей. Единственное, что у него останется, — это деньги Легиона... Шторм с трудом заставил себя вернуться мыслями к Уайтлэндсунду.

Отряд Хавика здорово потрепали, но он держался. К теневой станции подтягивался батальон пехоты. Если Хавик продержится до тех пор, пока батальон не отойдет на Темную Сторону, Шторм будет уверен в победе.

А сейчас он ничего не может сделать, только драться здесь.

- Терстон, смени меня. Пойду-ка я прогуляюсь.
- Там дождь полил, отец.
- Знаю.

Через некоторое время Шторм заметил, что он не один. Рядом с ним, ссутулившись, шла Поллианна. Они не виделись с того дня, как погиб Вульф.

- Здравствуй.
- Привет, — ответила она. — Ну что, плохо?
- Они напали на Крепость.
- А там никого?
- Там Маус и семьи легионеров.

— Значит, воевать некому...

— Они будут воевать. Не хуже любого легионера. И к тому же там все на автоматике.

— А можно попросить помощи у Флота?

— Он уже в пути. Но путь займет неделю. Это долго, если командующий рейдеров настроен решительно.

— И все это из-за Плейнфилда. Из-за Майкла Ди.

— Мой брат тоже пешка. А заправляет всем сангариец по имени Диф.

Они прошли молча целый квартал. Потом Поллианна сказала:

— Люблю дождь. Вот чего мне не хватало в Крепости.

— М-да...

— А вот бродить по Горе я не могла. Небо там слишком большое.

— М-да...

Шторм уже не слушал ее. Он снова задумался о Крепости.

— Наверное, его вывел из себя поворот событий здесь. Или в Мире Хельги — не знаю. В атаке на Крепость прямо сейчас нет никакого тактического смысла.

Шторм рассказал, не повышая голоса, что Мир Хельги стал ловушкой для основных сил сангарийского флота и что война на Теневой Линии все еще может пойти так, как выгодно Легиону.

Поллианна слушала Шторма так же рассеяно, как он ее.

— Нам сюда, — сказала она, остановившись возле подвальной лестницы. — Хочу показать тебе,

где жил мой отец. И где, наверное, навсегда осталось мое сердце.

Шторм спустился вслед за ней в крошечную каморку, которую девушка когда-то делила с Фрогом. Теперь призрак этого карлика был ее единственным обитателем. Поллианна давно переехала в квартиру, полученную от Блейка.

Шторм сразу понял, что эта каморка — часовня с мощами. И ему стало неловко. Нейтрально-внимательно слушая рассказ Поллианны об экспонатах ее маленького музея, он чувствовал себя как вуайерист, подглядывающий через замочную скважину в ее душу. Этот страстный, одержимый монолог помог ему чуть лучше понять Поллианну Эйт.

Из подвала они отправились в комнату Шорма и занялись любовью, а потом лежали, обнявшись, глядя на закатное зарево, перешептываясь о кошмарах, ставших явью, и мечтах, обратившихся в дым.

— Я хочу вернуться в Моделмог, Гней, — произнесла она устало. — Там я была по-настоящему счастлива. А Люцифер... Думаю, мы поладили бы, если бы не вся подоплека.

— Такова жизнь, милая. Она не оставляет тебя в покое. Бьет до тех пор, пока не нащупает слабые места, а тогда разбивает тебя на куски.

— И так всегда должно быть?

— Не знаю. Некоторым людям удастся проскочить на крутых поворотах. У них не бывает трудных времен, и на жесткую дорогу они не попадают. Или это так кажется со стороны.

— Сыграй мне что-нибудь на этой смешной черной штуке. Когда я слышу эту музыку, то каждый раз представляю себе одинокого старика на дороге в горы... Отшельника, как мне думается. Старик оглядывается на город и спрашивает себя — не упустил ли он что-то? Нет, вроде бы ничего не упустил — он жил когда-то в этом городе и делал все, что должен был... А, да ты смеешься надо мной!

— Нет. Просто слегка удивлен.

— Во всяком случае, мне всегда становится грустно от этой мелодии. Наверное, сейчас мне хочется погрустить. Я чувствую себя, как тот старик в горах. Я ведь была там, но что-то упустила.

— У тебя впереди еще много лет, чтобы это отыскать.

— Если я и отыщу, то уже что-то совсем другое. Я ведь уже не та Поллианна, что раньше. Я сделала многое-такое, за что сама себе не нравлюсь. Я причиняла людям боль. А Фрог учил меня, что нельзя делать больно другому человеку.

Шторм послунял мундштук кларнета и решил встряхнуть Поллианну двумя пьесами Хоаги Кармайкла.

Когда музыка стихла, Поллианна сказала с улыбкой:

— Даже не подозревала, что эта штука может звучать так радостно. Ты никогда...

— Бывает, она звучит еще радостнее. Просто у меня раньше сердце не лежало к такой музыке.

— Очень странная музыка. Что-то дикое и примитивное.

— Музыка очень старая. Ей больше тысячи лет.

— Спасибо, мне стало лучше. А теперь иди ко мне.

Они снова ласкали друг друга, а потом уснули бок о бок за чтением Экклезиаста.

Он проснулся от писка коммуникатора.

— Гней, они взяли Крепость! — заревел в динамике с трудом узнаваемый голос Гельмута. — Только что пришло сообщение. От Фриды. Она еще послала тебе личное... Ты бы пришел сюда...

Помрачневший Шторм стал одеваться.

— Что там такое? — спросила Пóллианна, с тревогой вглядываясь в его вдруг окаменевшее лицо.

— Мы потеряли Крепость.

— О нет! Нет! А как же твоя жена... Твои дети...

— Успокойся, прошу тебя.

Ничего не чувствуя, он оделся и вышел. Путь до штаба он не запомнил. Просто вдруг оказался там. Что-то мешало ему до конца осознать страшную новость. Было такое чувство, будто это еще одно звено в цепи катастроф, происходивших с кем-то другим.

— Дай мне депешу от Хельги, Гельмут, — сказал он, сообразив наконец, где находится.

— Гней?

Он поднял глаза. Рядом стоял Гельмут с микропленкой. Шторм опять не заметил, куда девалось время.

Шторм зарядил картридж с преувеличенной осторожностью пьяного. Вначале пошли сводки из оперативного штаба. Он перематывал пленку до тех пор, пока на экране не показалось бледное лицо

Фриды. Она шевелили тонкими, обескровленным губами, Шторм не услышал ни слова.

«Что же с Маусом?» — подумал он. На кадрах из оперативного штаба Мауса не было.

«Только не Маус! — мысленно взмолился Шторм. — Он — наше единственное завтра!»

Фрида что-то говорила о боях на уровне доков. Он прибавил звук.

— ...и проникли в жилые помещения. Они упрямые, Гней. И очень примитивные. В общем, типичные люди. Я посадила всех детишек на «Эрхардта». Корабль стартует, когда, по расчетам компьютера, у него будет больше всего шансов прорваться. Сейнеры обещают их прикрыть. Мы скоро потеряем с ними контакт. Пираты подходят к нашим ретрансляторам. «Эрхардт» взлетел. Пожелай им удачи.

Гней, я заканчиваю наш разговор. Очень хотелось бы остаться в твоей памяти хорошим солдатом, но очень боюсь, что я наделаю глупостей. Прости, если я чем-нибудь когда-нибудь обидела тебя. Помни про мою любовь. И расскажи про меня отцу.

Мы задержим их, насколько сможем. А потом пусть ими занимается Флот.

Она слабо улыбнулась и выпятила губы, посылая ему из космической дали прощальный поцелуй, а потом отключила свой экран. А трансляция по интелу продолжалась. Какой-то старческий голос методично зачитывал донесения из информационного центра оперативного штаба Крепости.

Шторм вздохнул и закрыл глаза. Как бы там ни было, а детей спасли. Сейчас он дотошно исследовал

самые темные закоулки своего мозга и, выскребая оттуда остатки застарелого гнева и ненависти, тут же выбрасывал в мусорный ящик для непродуктивных эмоций. Сейчас ему, как никогда, нужно держать себя в руках.

— Гельмут, где последняя сводка о нашем положении?

Новости из Уайтлэндсунда звучали не намного лучше. На Хавика накатывали волны атаки одна за другой. Похоже, Майкл совершенно осатанел.

С теневой станции шли подкрепления, но это была капля. Почти все боевые краулеры ушли далеко по Теневой Линии.

Светлым пятном оказался Мир Хельги. Звездолеты сообщили, что сангарийские рейдеры уничтожены. Космические пехотинцы пришли на смену десанту Цейслака, а сам он уже взял курс на Черный Мир.

Шторм отправил Терстона за Блейком.

— Мистер Блейк, — сказал Шторм, когда тот прибыл в штаб, — мы уже на последнем издыхании. Единственная наша возможность — уничтожить оперативную базу Ди.

— Полковник...

— На этот раз мы не будем открывать дебаты. И спорить мы тоже не будем — эта стадия прошла. Я просто это сделаю. И сейчас ставлю вас в известность, чтобы соблюсти формальности. Я сделаю это, даже если вы станете настаивать на голосовании. Помните, все представители под моим контролем. Скоро сюда прибудет один из моих кораблей. Я его использую для высадки в Сумеречном Городе.

— Но, полковник...

— Блейк, мы теряем Уайтлэндсунд. Чтобы у Кассия был шанс прорваться сюда и спасти вашу задницу, я должен лишить Ди снабжения. Неужели вам не понятно?

— А вдруг он просто возьмет, да и захватит Эджворд?

— Может случиться. Не могу гарантировать, что он не попытается. Однако сейчас ему это будет очень хлопотно. Вы готовы к встрече. А он давно под открытым небом, и поддержка из Сумеречного Города была незначительна. Пока что. Потому что он не рассчитывал на сильный отпор.

— И что из этого?

— А то, что у него закончатся боеприпасы, прежде чем туда доставят новую партию. Что бы мы ни делали, он все равно возьмет Уайтлэндсунд. Но если мы ударим по Сумеречному Городу, то поставим его в то же положение, в которое он поставил Кассия. Чтобы выжить, ему придется брать либо Сумеречный Город, либо Эджворд. Что бы он ни решил, ему придется выбить меня из прохода. А пока он будет это делать, Кассий сможет прорваться. В таком случае Ди настанет конец. Если, конечно, он не прибегнет снова к ядерному оружию. Которое он вряд ли возит с собой, скорее он держит его наготове где-нибудь на севере. Таким образом, для нас взятие Сумеречного Города становится императивом.

Шторм не стал говорить, сколько в его расчетах догадок и надежд. Майкл бывал непредсказуем даже

в самой просчитываемой ситуации. Он вполне мог выбрать простейший способ и забросать местность ядерными зарядами — если он вез их с собой. Или перенять тактику Хоксблада и удерживать позиции до тех пор, пока есть боеприпасы, в надежде, что у Кассия они закончатся раньше. Потому что ситуация со снабжением была у Вальтерса не менее сомнительна, чем у него.

Дни тащились как раненая корова. С Теневой Линии перебрасывались люди и вооружение, но меньше, чем надо было, чтобы сдерживать постепенное продвижение Майкла на Уайтлэндсунд.

Технику и людей продолжала увлекать на запад по Теневой Линии могучая сила инерции, и только преодолев ее, Шторм мог выставить против Майкла крупную и хорошо организованную группировку...

— Отец, Хавик хочет поговорить с тобой, — сказал Терстон однажды утром.

— Переключи его на меня. — Шторм повернулся к экрану: — Слушаю вас, подполковник.

— Полковник Шторм, я не справляюсь с задачей. Прошу меня простить. Нас так обстреливают, что головы не поднять, да плюс еще это доисторическое снаряжение... Простите, сэр, за не относящиеся к делу слова. Я хотел бы просить разрешения не распылять силы и сосредоточиться на защите плацдарма. Когда вы соберете достаточно техники, потребуется место сосредоточения для контратаки.

Шторм кивнул:

— Я ожидал этого, подполковник. Поступайте как считаете нужным. Хочу вам сказать, что вы сде-

ляли все возможное. Простите, что не смог оказать вам более сильной поддержки.

— Спасибо, полковник.

— Терстон, где сейчас Кассий? — спросил Шторм.

— Пока еще далеко, отец. — Терстон включил освещение большого экрана. — Колонна движется круглосуточно, но эти чертовы машины быстрее идти не могут. Соединить вас?

— Не сейчас. Слишком раннее время для перебранки.

Он регулярно обсуждал с Кассием создавшееся положение, и каждый раз дело заканчивалось спором. Потеря Крепости стала для Вальтерса самым тяжелым ударом за все время, что Шторм его знал. После долгих лет службы у Кассия появился наконец личный мотив для войны. Шторм предвидел классическое кровопускание, когда Кассий схлестнется с Ди.

Он внимательно следил за продвижением Цейс-лака. Перелет из Мира Хельги в Черный Мир был очень неблизок. Здесь все могло закончиться еще до прибытия Хейкса.

Большую часть времени Шторм проводил в одиночестве за письменным столом. У него накопилось множество мыслей, которые хотелось записать. Шторм хотел передать свои мысли Маусу и надеялся, что тот поймет.

«Эрхардт» с грохотом приземлился в примитивном космопорте Эджворда, и Шторм вышел его встречать.

Вела корабль одна из его внуков. Все остальные пассажиры еще не пришли в сознание. Шторм прошелся по отсекам, оглядывая Мауса, Люцифера и всех своих бесчисленных внуков и внучек и детей остальных легионеров. Он шел медленно. Сейчас он видит их всех в последний раз.

Глупенькая, милая Фрида пожертвовала своим будущим ради будущего этих детей. Да, она была дочерью солдата.

— Она всех нас обвела вокруг пальца, дедушка, — сказала ему внучка. — Мы хотели остаться. Все, даже малыши. Бабушка подмешала наркотик в водопровод. Наверное, она сговорилась со стариками. Нас погрузили в корабль и пустили его на автоматике, а звездолеты прикрыли нас огнем. Так просто нечестно?

— Тебе хотелось умереть, Золотинка?

— Нет. Но мы были там нужны. Мы сейчас должны были быть там...

— Вас бы тогда уже не было в живых. Мы уже несколько дней как потеряли связь с Крепостью. Даже автоматические сигналы не слышны.

Шторм не питал ни малейших иллюзий. Крепость захвачена от поверхности до компьютерного центра. И Диф взял ничуть не больше пленных, чем Борис и Кассий на Префектлесе.

— Ой!

Его внучка не выдержала и разрыдалась.

— Не надо, родная моя. Не время лить слезы. Они умерли, как хотели... Мы ведь — Железный Легион, не забывай! — сказал Шторм и стиснул зубы, едва не заплакав сам.

— А мне все равно!

— Ну, тише, тише, там нас ждут чужие. Нельзя плакать при чужих.

Она постаралась унять слезы.

— А ты, Золотинка? Как вышло, что ты уже очнулась?

— Они мне ввели пробуждающее. Чтобы оно сработало, когда уже будет поздно поворачивать обратно. Кто-то ведь должен был посадить корабль. А я — лучший пилот. У Мауса даже прав нет водить такие крупные корабли. Что же нам теперь делать, дедушка?

Шторм силился выглядеть как можно бодрее.

— Одну битву мы выиграли, одну проиграли. Теперь попытаемся взять два очка из трех. Постараемся разделаться с ними здесь.

Его бодрость улетучилась. Шторму не удалось заставить себя изображать оптимизм при вполне реальной безнадежности.

— Им это дорого обойдется, Золотинка. Они сто раз пожалеют, что нас тронули.

Но Шторм сам не представлял, как выполнить это обещание, как, впрочем, и большинство обещаний, данных им за последнее время.

Старенький челночный краулер за три рейса доставил молодежь в город. Эджвордцы приняли их тепло, не зная, что не город и его проблемы были настоящей причиной несчастья этих людей, осиротевших и потерявших свой дом.

В четвертый рейс краулер повез десантную группу. Терстон. Люцифер. Гельмут. Маус. Лучшие из тех, кто выжил после засады на колонну Майкла.

Поллианна, которую никакие доводы не смогли отговорить от попытки восстановить добрые отношения с бывшим мужем. И еще был с ними Альбин Корандо, решивший вернуться домой, чтобы помочь сохранить закон и порядок в городе, который отправил его в изгнание.

Перед общей предстартовой проверкой Штурм проэкзаменовал Корандо. Этот человек был похож на высохшего черного орла, угрюмо изучающего свое оружие. Штурм подумал, что он похож на Кассия, нашедшего себе задачу, имеющую для него особое личное значение. На Кассия, каков он есть сейчас.

Это был отряд мрачных, молчаливых командос. Не слышно было разговоров, обычных нервных шуток, никто даже не повторял вполголоса свои действия согласно боевому расчету. Каждый предпочел замкнуться в себе, остаться наедине с собственными мыслями.

Штурм дал старт.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ:

3032 год н.э.

Штурм провел крейсер низко над поверхностью планеты на большой скорости и посадил в ста метрах от южного шлюза Сумеречного Города. Корабельные орудия заговорили еще в воздухе. Пучки когерентного света смели все, что находилось за пределами купола. Снаряды об-

рушились на противоударное стекло купола, прогрызая в нем дыру в двухстах метрах к западу от шлюза. Наружу со свистом вырвался замерзающий воздух, смешиваясь с поднятой пылью в клубящиеся облака. Проектора купола метались в тщетной попытке обнаружить врага, который так и не появился.

Декомпрессия была не моментальной. У жителей города оставалось время уйти с улиц и укрыться в герметизируемых зданиях. Однако гарантия личного выживания — это был максимум, который Шторм решил им дать.

Гельмут захватил шлюз еще раньше, чем Шторм посадил корабль. Дарксорд перебрасывал внутрь последнюю группу десантников, когда сам полковник сошел на землю. Возглавив группу из Корандо, Поллианны, Терстона, Люцифера и Мауса, Гней бросился к зданию, где располагалось правительство Сумеречного Города.

Он дал приказ стрелять по всему, что движется. Пусть эти горожане сразу забьются в норы. Малочисленность его отряда вынуждала бить сильно и беспрестанно. Он не мог позволить себе дать противнику время опомниться.

Единственное встреченное ими сопротивление — это одинокий снайпер, который сдался, едва открыли ответный огонь.

Вход в здание Городского Совета, как и в Эджворде, представлял собой массивный люк. Он был задробен.

— Взрывай! — приказал полковник Терстону.

Его сын заложил заряды.

— Все назад! — закричал он, и сразу же после его слов раздался оглушительный взрыв.

Шторм пролез в брешь и осмотрел внутреннюю дверь. Она не была заперта.

— Найдите что-нибудь прикрыть внешнюю дверь! — приказал он.

Маус с Люцифером отодрали где-то листы пластика и прилепили его поверх пробоины.

— Течь все равно будет, отец, — предупредил Маус.

— Но полной разгерметизации не будет. Это все, что меня сейчас волнует.

Он не хотел вреда мирным жителям. Они, как любой народ на любой войне, были просто жертвами собственного правительства.

Шторм был настроен великодушно. Прежде он не раз говорил, что народ уже тем виноват, что у него такие вожди.

Шторм и Терстон подготовились к штурму внутренней двери.

— Вперед! — прорычал Терстон, и Шторм вышиб створку ногой. Терстон ворвался внутрь на своем реактивном устройстве, пролетев по диагонали зал примерно в тридцать метров длиной и двадцать шириной. Его широко расходящимися лучами встретили лазерные пистолеты.

Терстон выпустил противотанковую ракету. Не успели осесть обломки, как Шторм, Люцифер и Маус ворвались в зал, стреляя на ходу, и укрылись за мебелью. У Поллианны и Корандо хватило сообщения не лезть в дело, которому они не обучены. Они лишь поддержали атакующих огнем.

Вторая ракета Терстона и гранаты остальных убедили оппонентов — они сдались. У них не было

бронекастомов. Из пятнадцати в перестрелке их уцелело четверо.

Корандо задраил внутреннюю дверь, остановив утечку воздуха.

— А где все важные шишки? — спросил Шторм у пленных, откинув забрало. — Где Мичем?

Ответом ему были хмурые взгляды.

— Ладно, будь по-вашему. Люцифер! Расстреливай по одному, пока кто-нибудь мне не ответит.

Пленники заглянули в его единственный суровый глаз и поверили. Шторм не блефовал. Он сейчас не считался ни с чем и меньше всего — с жизнью людей Майкла. Людей, которых он больше всего ценил, уже на свете не было.

— Наверху. Четвертый ярус. В Центре связи. Просит подмоги.

— Благодарю. Вы — истинные джентльмены. А теперь покажите дорогу.

Они замялись.

Вздвогнувшийся на курке палец тут же привел их в движение.

Лифты не работали. Шторм пожал плечами — неудивительно. Провожатые вывели его к аварийной лестнице. Терстон высадил взрывом пожарную дверь. Великан рисковал снова попасть под лазерный луч, но любил устраивать взрывы.

Из дыма ударил луч и прожег аккуратную дырочку в левой икре Люцифера. Второго выстрела сидевший в засаде сделать не успел.

— Поллианна, позаботься о нем, — бросил Шторм на ходу. — Остальные — наверх! Всем быть предельно внимательными.

Еще двое попали под огонь, пока они добирались до четвертого яруса. Еще три снайпера были убиты на месте.

Когда Терстон закладывал взрывчатку под дверь узла связи, Корандо сказал Шторму:

— Эти люди не из Сумеречного Города. Они вообще не из Черного Мира.

— Я так и думал. Жители Черного Мира не стали бы палить по чем зря в тесном пространстве. Кто всю жизнь страшился вакуума, не станет так запросто дырявить стены.

— Именно так.

— Отойди-ка лучше назад. Когда дверь откроется, здесь будет жарко.

Терстон подорвал заряды. И тут же по ним открыли ответный огонь. Шторм и его сыновья принялись швырять в дверной проем гранаты, вначале осколочные, потом слезоточивые, потом дымовые пашки. Выждав немного, они ворвались внутрь.

Сквозь густой дым Шторм через инфракрасные фильтры увидел людей, пытавшихся спастись через другие выходы.

— Маус! Останови вон тех. А ты, Корандо, — вот этих.

Сам он вместе с Терстоном бросился вперед, к той группе, которая казалась ему самой опасной. Это были опытные с виду ребята, и среди них был сын его брата, Сет Беспредельный.

Терстон возвестил о своем прибытии ракетой. Тут же множество рук взметнулось кверху. В клубах дыма и слезоточивого газа защитники не могли определить численность нападавших.

Сет Беспредельный в этой сумятице сумел ускользнуть.

Давящихся кашлем пленников согнали на середину комнаты. Мауса, Терстона и Корандо Шторм поставил у дверей. Когда Поллианна привела Люцифера, он доверил ей главный вход. А потом сел и стал ждать, пока дым немного рассеется и пока Гельмут доложит общую обстановку.

Коммуникаторы трещали без умолку — люди со всех концов города запрашивали инструкций.

Воздух стал чище. Шторм откинул лицевое стекло и спросил:

— Кто из вас Мичем?

Какой-то болезненного вида старик — именно такими Шторм представлял себе пожилых бандитов — робко поднял руку. От газов и дыма его вывернуло наизнанку, а теперь било мелкой дрожью. Краем глаза Шторм заметил, что Корандо утвердительно кивнул.

— Тогда позвольте мне спросить вас, сэр, что за бес вас попутал? Не будете ли вы так добры объяснить, почему вы нарушили контракт с Ричардом Хоксбладом ради сделки с этим бандитом Майклом Ди? Ну, или Дайболдом Амелунгом, если вам так угодно. И еще, скажите ради Бога, зачем вы применили против моих людей на Теневой Линии ядерные заряды?

У Мичема отвисла челюсть. Он взглянул на Шторма с неподдельным недоверием. Постепенно это выражение сменилось нескрываемым цинизмом.

— Ах, понимаю. Он и вам голову заморочил. Что ж, верьте или не верьте, но это правда. Иначе бы меня здесь не было.

Он вкратце рассказал о том, что случилось с Вульфом.

— Но я не знал... — промямлил Мичем. А потом добавил: — У нас уже которую неделю подряд нет связи с Теневой Линией. Они объясняли это поломкой оборудования. Сын Амелунга прибыл оттуда и уверял, что все прекрасно. Якобы наши войска успешно отбивают ваши атаки, а проект выполняют даже с опережением плана.

— Прекрасного там ничего нет. С вашей точки зрения по крайней мере. Битва на Теневой Линии закончена. Вы проиграли. Потому, что командовал не Хоксблад. Потому, что так подстроил какой-то идиот по имени Ди. Ну а теперь расскажите, что за силы ударили по нам на Темной Стороне? Вам не кажется, что это не по правилам?

Мичем нахмурился. Он был стар, но еще вполне крепок. И быстро восстанавливал физическую форму.

— О чем вы говорите?

— О той колонне, что осаждают Эджворт и Уайтлэндсунд. Кто-то ведь послал на нас шесть бронированных краулеров и двадцать одну машину поддержки. От которых, кстати, осталась половина.

Мичем выпрямился.

— Полковник Шторм... — сказал он. — Ведь вы Шторм, я полагаю? Так вот, я понятия не имею, о чем это вы толкуете. Я специальным приказом запретил любые действия на Темной Стороне. — Старик довольно быстро отходил от шока. — Создавать прецедент войны на Темной Стороне было бы безумием, полковник. Последствия для бизнеса были бы катастрофичными.

— А что стало с Хоксбладом, Мичем? Почему против меня воюют сангарийцы под началом Ди?

Старик полыхнул взглядом.

— Этого не может быть! — воскликнул он. И вдруг, изменившись в лице, резко опустился в кресло. Шторм даже испугался, что старика хватил удар.

— Сангарийцы? — переспросил он шепотом. — Сангарийцы? Нет. Этого просто не может быть.

Среди пленников тоже началось брожение. Пришельцы из других миров явно занервничали. Уж они-то знали, сангарийцы они или нет.

— Вы не обязаны принимать мои слова на веру, Мичем. Позвоните Вальтеру Каррингтону из Города Ночи. Мы отправили туда несколько трупов, подобранных после боя возле Эджворда. Его люди произвели вскрытие. И теперь эту новость обсуждают под каждым куполом. Сумеречный Город использует сангарийские войска.

— Поговорите с моим племянником, — произнес Мичем еле слышно. — Он отвечал за военные дела. Он слишком уж стремился занять мое место, вот я и решил, что ответственность его отрезвит. И возложил на него руководство. Боюсь, он оказался слишком слаб. Ах, дьяволы! Кровавые дьяволы...

Шторм представил себе, как должен был обрадоваться Ди, найдя такого идеально управляемого союзника.

— Разделяй и властвуй. Ди так и действуют, Мичем. Ловят людей на жадности. Без сомнения, у него был план отобрать акции у ваших директоров.

Но их планы пошли прахом. Мы ударили по нему, когда они слишком растянули фланги. Их взведход с бомбами попал в зону тепловой эрозии. Где сейчас ваш племянник?

Никто из присутствующих не сознался в том, что он Чарльз Мичем. Шторм посмотрел на Корандо. Корандо пожал плечами. Мичем-старший обвел взглядом своих плененных соратников и покачал головой. А потом поднялся и молча пошел к нагромождению трупов возле двери, охраняемой Терстоном.

— Вот он. Воздалось ему за грехи. — Мичем устало покачал головой. — Ах дети, дети. Никогда не выходит из них того, что вы хотели бы.

Шторм тяжело вздохнул. Единственный пленник, который что-то знал, убит. Может быть, и рукой Сета Беспредельного. Он не стал проверять, стреляли племяннику Мичема в лицо или в спину. Теперь это уже не имело значения.

И что же теперь?

— Мистер Мичем, я собираюсь предъявить условия капитуляции. Они очень просты. Вы откажетесь от своих претензий на Теневую Линию. Согласитесь сотрудничать ради того, чтобы участники ядерного заговора предстали перед судом. Согласитесь помочь выловить сангарийцев, просочившихся в Черный Мир. Примете участие в спасательных работах и эвакуации всех, кто угодил в ловушку на Теневой Линии. Освободите Хоксблада и всех его людей, которые находятся у вас в заключении. Думаю, что Ричард, со своей стороны, тоже выдвинет ряд условий...

— Гней!

Шторм обернулся. Оклик раздался из-за двери, которую охраняли Поллианна и Люцифер.

— Гельмут?

Старый воин приблизился к нему медленно, развалку. Шлем открыт, лицо — такое же бледное и напряженное, как после гибели брата.

— Что случилось, Гельмут? На тебе просто лица нет.

— Не воевать нам больше с Ричардом Хоксбладом, — выдавил из себя Дарксорд. И засмеялся. Смехом ненормального. — Мы опоздали — его уволокли на служебный ярус. Гней, это работа Зверя. Как во Вторую Темную Эпоху. Как в лагерях под Владимиром-Волынским.

— Он мертв?

— Да. И все его люди — тоже. Без возможности воскрешения. И они ждали смерти, как дара Божьего.

Шторм сидел, неподвижно уставившись в одну точку, погрузившись в отрывочные воспоминания о том, чем был, что значил для него Ричард. Вся их вражда и ненависть... которая никогда не мешала им соблюдать законы воинской чести.

— Мы позаботимся о них, — сказал Шторм. — Похороним с честью. Отправим домой и там похороним. Это я для Ричарда должен сделать.

Исчез один из столпов, подпирающих его вселенную. Что он станет делать без противника? Кто или что может заменить Ричарда Хоксблада?

Усилием воли он заставил себя прервать мрачные раздумья. Ричарда все равно больше нет. А у него остались собственные планы... Он вытащил свой ста-

ринный сорокапятикалиберный и медленно повернул барабан.

— Отец, — мягко окликнул его Маус. — Что с тобой?

— Ничего, Маус. Сейчас все будет в порядке. — Шторм посмотрел в глаза сыну. Его сегодня и завтра. Что-то похожее на глубокую грусть закралось в его душу. — Сейчас, минуто.

— Я слегка сравнял счет, — сказал Гельмут. — Жена Ди. Один выстрел. В голову. Да сжалится Господь над ее душой.

— Ах, Гельмут, Гельмут... — грустно произнес Шторм. — Что случилось с тобой, благородный рыцарь?

Тот Гельмут, которого он знал, не мог бы убить женщину.

— Я научился ненавидеть, Гней.

Трупы с поврежденным мозгом невозможно было вернуть к жизни.

— Сет Беспредельный здесь, в городе, — сказал Шторм. — Мы видели его.

— И Феарчайлд тоже. Он и убил Ричарда. Когда мы появились, он был здесь. Мы его ищем. Горожане не доставляют нам хлопот — пока что.

— Очень хорошо. Относитесь к ним лояльно. И стерегите как следует все выходы из города. Эти Ди умеют находить лазейки.

— Мы прикинули, сколько у него было наемников под ружьем. Получилось, что не больше пятидесяти человек. Те, кого я не видел в других местах, — все, похоже, здесь. Кроме человек пятидесяти и самих Ди.

— Гельмут, будь поосторожнее. Они будут драться злее загнанных в угол крыс, если решат, что игра закончена.

Да, злее загнанных в угол крыс. Ди — умные, лишенные всякой совести крысы, бросающиеся прямо на горло тому, кого считают угрозой.

Они ударили через дверь, сначала дав ракетный залп, который перебил пленных, но не причинил ни малейшего вреда людям Шторма. А потом ворвались в комнату, прикрываемые огнем нескольких сангарийских стрелков.

Одному из атакующих Терстон размозжил голову ракетометом. И тут же Сет Беспредельный уложил Терстона наповал выстрелом в лицо через шлем.

Лазерные лучи хлестнули по комнате, люди заметались в поисках укрытия. Альбина Корандо убило ракетой. Пригретый Фрогом сирота вернулся домой, только чтобы умереть.

Заговорил старый сорокапятикалиберный. Один из сангарийцев упал. Охнул и осел на пол стоявший рядом с Гнеем Гельмут. Еще один револьверный выстрел — и упал еще один сангариец. А Гней бросился на пол и попытался оттащить Гельмута в укрытие.

Слишком поздно. Смертоносные лучи уже прожгли Дарксорду шлем и нагрудник.

Приподнявшись на руках, Шторм в полном бессилии наблюдал, как Поллианна старается оттащить Люцифера от двери. Лучи настигли их обоих. Поллианну лишь ранило, и она успела уложить еще одного врага, прежде чем потеряла сознание от боли,

«Я и Маус, — подумал Шторм. — Так вот оно, последнее сражение. Даже смешно. Я ожидал чего-то помасштабнее. А тут двое против... А интересно, против скольких?»

Он осторожно выглянул из-за пульта. Сет Беспредельный небрежно добивал последних пленников. Видимо, избавлялся от свидетелей, способных назвать имя Ди. И тут он с ужасом понял: если дать этим мерзавцам уйти, они сбросят на город атомную бомбу.

— Маус... — простонал он. Его любимый сын лежал на полу возле двери в сильно обгоревшем на боку костюме. Он казался мертвым.

— А-ах! — вздохнул Шторм.

Голова Мауса медленно поворачивалась к Сету. Костюм принял на себя удар лазерного луча. Маус лишь притворился мертвым.

— Не надо было брать его с собой... — прошептал Шторм, мрачно усмехаясь.

А где Феарчайлд? Шторм предположил, что все люди, ворвавшиеся сюда вместе с Ди, мертвы. Одни погибли во время атаки, других прикончили собственные наниматели. Никого из них не видно, да и не стали бы сангарийцы спокойно смотреть, как Сет убивает собственных плененных товарищей.

Вдруг пульт, за которым он прятался, вздрогнул от мощного взрыва, и Шторма отбросило назад.

Он успел заметить полет гранаты и понять, откуда ее бросили. Схватив оружие, выпавшее из рук Гельмута, он перекатился по полу, вскочил и открыл стрельбу с двух рук. Он едва не попал в Феарчайл-

да — в последний момент тот переполз в более надежное укрытие.

Соркапятикалиберный рывкнул в сторону Сета Беспредельного. Шторм снова бросился под пульт. Ящик треснул под жгучей энергией лазерного луча.

Шторм сдвинулся влево, к стене — здесь его труднее было обойти, — и открыл огонь, заставляя противников повернуться спиной к Маусу.

Револьвер замолчал — кончились патроны.

Добравшись до последнего доступного укрытия, Шторм остановился перевести дыхание.

Что дальше? Они будут напирать, и умело. Пока не доберутся до него наверняка. Значит, просто отсиживаться мало. Не пора ли ему...

Он давно решил, что есть вещь, которую надо сделать, иначе игру Майкла не разрушить. Эта вещь опрокинет расчеты Майкла и наполнит его сердце ужасом.

И сейчас время ее сделать.

Но Шторму было страшно.

С открытым шлемом, смеясь в лицо отродью Майкла, Шторм встал и принялся поливать лазерным огнем укрытие, в котором они прятались.

Луч пронзил его легкие в двух сантиметрах от сердца. Это было не так больно, как он ожидал. Рука его разжалась, оружие упало на пол.

Феарчайлд и Сет Беспредельный медленно встали. На лицах их появилось выражение злобной радости.

Шторм улыбнулся им в лицо.

— Вы проиграли, кретины, — прохрипел он.

Маус выстрелил с какой-то сверхъестественной точностью, одним лучом пронзив затылки обоих Ди. У них даже не было времени удивиться.

Шторм смотрел, как они оседают на пол. И улыбался. Улыбался. Улыбался.

— Отец! — Маус подбежал к нему, подхватил под руки, пытаясь посадить.

— Время сеять и время собирать жатву, — прошептал Шторм. — Мое время кончилось, Маус. И время Железного Легиона тоже проходит. Но реки все так же текут в море... — Он закашлялся. Странно. Все еще не больно. — Настало время молодых.

Он заставил себя улыбнуться шире.

— Я отправлю тебя на корабль, отец. Переложу там на каталку.

Слезы покатались у Мауса по щекам.

— Нет. Не надо. У меня есть долг, сын. В Эджворде, в нашем штабе. Письмо. Ты все поймешь. Прими командование. Ты — последний из Штормов. Оставляю тебе Кассия и Легион. Ты завершишь цикл. Замкнешь круг.

— Но...

— Приказы не обсуждаются, Маус. Ты это знаешь. Иди помоги Поллианне. — Шторм отвернулся от сына и привалился к пульту. — Не отнимай у меня эту победу. Доведи дело до конца. — Он процитировал, уже самому себе: — Суета сует — все суета... Что пользы человеку...

На тихих шелковых крыльях спустилась Смерть и обвила его своими мягкими, ласковыми руками.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ:

3023—3032 годы н.э.

Порд Рафу! — раздался голос осиринанского радиста. — Экстренное сообщение из Тодесангст!

Старик, хромая, пошел в другой конец огромного коммуникационного центра, откуда управлялась империя Норбонов.

— Дайте мне распечатку!

Принтер загудел и выплюнул бумагу. Рафу ухватился за ее край и стал читать.

— М-да... — хмыкнул он.

Свернув лист, он направился в кабинет, которым пользовался довольно редко. Там он несколько часов изучал документ и наконец, решившись, взялся за телефонную трубку:

— Соедините меня с первым. Диф, важные новости из Тодесангст. Сейчас принесу распечатку.

Диф поднял глаза от распечатки. Да, Рафу *очень* стар. Старше любого из живых сангарийцев и почти в том возрасте, когда омоложение более невозможно. Слишком далеко заходит дегенерация нервной ткани.

Диф нахмурился. Скоро придется обходиться без Рафу. Как он будет справляться?

Он снова просмотрел сообщение.

— Наверное, я чего-то не вижу. Но не понимаю, что здесь такого особенного.

— Дешеша пришла с красной пометкой. Я заинтересовался, чем там занимается Майкл, — вот и все.

— Отправь туда кого-нибудь, пусть проверят.

— Уже отправил. Диф, можно мне сказать?

— Ну давай. — Диф вяло улыбнулся. Таким голосом Рафу обычно сообщал дурные новости.

— Похоже, что он собирается от нас отделаться.

— Что заставляет тебя так думать?

— Цифры. Результат их сложения. Чертовские богатства достанутся тому, кто сможет укротить эту штуку. Это, и еще — риск, на который он пошел.

— Я не вижу...

— Сэр, ваш сын стал сангарийцем лишь по вашей воле. Если бы это от него зависело, он предпочел бы иметь другого отца. Он ведь вырос Штормом. И в глубине души до сих пор хочет оставаться Штормом. Или хотя бы быть человеком. Мы для него — скелет в шкафу, о котором он с удовольствием бы забыл. При желании он давно мог бы исчезнуть, но мы держали его на крючке денег и власти. А если бы он мог превратиться в кого-то другого, сохранив их...

— У него столько власти и денег, сколько только можно пожелать, Рафу.

— Сангарийские деньги. Власть, полученная от сангарийцев. Отравленная. И ее приходится делить. Мы им управляем. Мы можем его уничтожить, просто раскрыв тайну. С богатствами Черного Мира он сможет принять любое обличье из тех, что нам неизвестно, и скрыться, а нам останется ковырять в носу и думать, что случилось. Если, конечно, он не был настолько глуп, чтобы использовать для предварительных расчетов собственные вычислительные мощности.

Диф откинулся назад в кресле и закрыл глаза, стараясь превозмочь душевную боль. Скорее всего Рафу прав...

— Диф, есть признаки, что он уже пытался это сделать. Ничего конкретного, но много лет назад он гонялся за траулерным флотом звездоловов. Нам он никогда об этом не рассказывал.

— Ты считаешь, что он тогда уже задумал то, о чем ты говоришь?

— Да. Тот флот состоял из восьми траулеров. Это огромное богатство и к тому же отличное место, чтобы скрыться.

Как мог Майкл предпочесть что бы то ни было положению наследника первого из сангарийских домов? Это противоречило всякой логике. Чего еще можно было бы хотеть? Диф спросил об этом у Рафу.

— Респектабельности. Признания на Луне Командной. Реабилитации от грехов юности, за которые он поначалу и стал изгоем. От него просто разит желанием попасть в элиту людей. Он готов на все, даже пустить нас по водам, как хлеб из половицы, чтобы этот хлеб вернулся к нему с маслом.

— Я не могу этого понять, Рафу. Отказываюсь понимать.

— У меня эмоциональная реакция точно такая же. Я умом понимаю его мотивы, но чувством понять не могу.

Рафу глядел в огромное окно поверх плеча Дифа на осиринский пейзаж. Диф тоже повернулся и посмотрел на этот кусок планеты.

— Он хочет, чтобы его любили. Тот самый вид, который его отверг. Таков сухой остаток, Рафу?

— Может быть. Любит ли кто-нибудь Майкла? По-настоящему — никто. Никто, кроме Гнея Шторма. А для всех остальных он просто орудие. Даже для нас. И он это знает.

Диф закусил губу. Если так обстоит дело, то Майклу можно даже посочувствовать...

— Дай-ка мне еще раз взглянуть на распечатку.

Проглядев документ еще раз, он сказал:

— От обязанностей перед Семейством ему не удастся уклониться.

Пока Диф просматривал цифры в третий раз, Рафу все глядел в окно. И после паузы сказал:

— Диф, скорее всего он интересуется той штукой в Черном Мире. Я проверил, прежде чем прилетел сюда.

Рафу бросил на стол Дифа схему.

— У нее есть некоторые странные физические параметры. Посмотри, как она расположена. Сундук с золотом вот тут. Это на территории Сумеречного Города, но добраться туда можно лишь с территории Эджворда. Сундук приличный и стоит войны. Я бы на их месте стал воевать. Если как следует подготовиться, это все может стать нашим. Вот как я себе это представляю: сначала мы спровоцируем войну. Поведем ее так, чтобы эти города наняли Шторма и Хоксблада. Если ограничить боевые действия дневной стороной, то мы сможем заманить в ловушку обе шайки. И тогда вдруг нет Шторма, нет Тадеуша Иммануила Вальтерса. И Хоксблада нет — гонорар Майклу за ведение спектакля. Конечно, это только грубая прикидка. Чтобы подготовить все как следует, потребуется уйма денег и долгосрочные исследования.

— Понимаю. — Диф улыбнулся. — Я думаю, ты прав.

Он широким росчерком расписался на клочке бумаги и добавил несколько слов.

— Отнеси это в финансовый отдел и бери, сколько понадобится, на свои предварительные исследования. Я высвобожу для этой работы всех, кто тебе будет нужен. Но только не зарывайся. Нарисуй план и посмотрим, как он выглядит. Если решим, что он годится, создадим специальную организацию.

— Понял.

— Только вот что, Рафу: действуй так же осторожно, как в свое время с Дарвонами. По тем же самым причинам. Если там действительно такие богатые залежи энергетических металлов, то нужно не только покончить со Шторами, но и взять под контроль их добычу.

Рафу улыбнулся, явно предвкушая, как воспримут в Метрополии очередной скачок мощи Норбонов.

— Не будем слишком далеко загадывать, Диф.

Но Диф уже не слушал его. Новые возможности напоминали ему о детской мечте: перекроить сангарийское общество на свой лад.

— И не берись ни за что, пока не вызовешь сюда Ди. Настало нам время свидеться. Нужно непосредственное впечатление.

Если и были сомнения в том, что Ди что-то затевает, они рассеялись, когда Рафу попытался вызвать его на Осирис. Майкл шарахался от курьеров,

как воришка от полицейских. Пришлось Рафу лично лететь за ним.

Когда он наконец доставил Майкла на Осирис, Диф был потрясен. Перед ним стояло угрюмое, совершенно одичавшее существо.

— С меня довольно, — хрипел Майкл. — Будь проклят тот день, когда я с вами связался.

— Ты — часть Семьи.

— А мне плевать на вашу Семью. Только бы она не лезла в мою жизнь.

— Майкл, да ты только посмотри на нашу работу! Мы сделали тебя самым богатым из всех живущих.

— Стоит посмотреть. Посмотреть, во что вы меня превратили. Мои дети живут в приютах. Мой народ меня ненавидит. Для них я — чудовище. И, возможно, они правы...

— Мы — твой народ, — оборвал его Диф.

Майкл, обычно такой уклончивый и трусливый, посмотрел ему прямо в глаза. И не сказал ничего.

И не надо было. Диф понял, как он ошибался. У него нет сына. Есть лишь соучастник, действующий по принуждению.

— Ладно, Майкл. Чего ты хочешь?

— Я хочу вылезти из этого дела. Совсем, понимаешь? Не иметь с вами дела. И чтобы вы меня забыли раз и навсегда.

— Это не так-то просто. Я до сих пор не разобрался со Шторами. Поэтому я и вызвал тебя сюда. Эта штука в Черном Мире...

— «Не так-то просто». Брось ты это. Они «не так-то просты». Твой прихвостень рассказал мне все

по дороге. Ваш план не годится. Вы имеете дело не с приматами эпохи Первой Экспансии и не с десятым поколением рабынь для удовольствий. Эти люди круче вас и подлее. И умнее, кстати.

Диф с искаженным от гнева лицом метнулся из-за стола и размахнулся. Ди отлетел в сторону.

— Вот видишь! Ты даже не умсешь держать себя в руках.

— Рафу!

— Да, сэр?

— Объясни ему еще раз. А я вернусь, когда успокоюсь.

Возвратившись, Диф обнаружил, что Ди не стал сговорчивее.

— Майкл, я все обдумал. Вот мое предложение. Ты нам поможешь в этом деле, и мы будем в расчете. Поделим прибыли, и каждый пойдет своей дорогой.

— Ну да, конечно, — язвительно заметил Майкл, — до тех пор, пока я снова вам не понадобится.

— Я сказал, будем в расчете. Даю слово. Слово Главы Норбонов, Майкл. Я не нарушаю его, даже когда даю его животному.

Ди посмотрел на него как-то странно, и Диф понял: то ли тон его, то ли выражение лица выдали его тайную боль. Потирая лоб, он подумал: Майкл хочет разорвать все узы между ними, а он хочет иметь сына. Компромисса нет.

— Таковы мои условия, Майкл. Либо ты со мной, либо против меня. Третьего не дано. Помогите мне разделаться с теми, кто уничтожил Префектглас, или умри вместе с ними.

Майкл снова глянул на Дифа тем же вызывающим и бесстрашным взглядом. Медленно, очень медленно он наклонил голову. Потом встал и пошел к двери.

По дороге он остановился, снял с полки бесценное резное яшмовое изделие из Метрополии и стал рассматривать. Этой вещи было больше двух тысяч лет, и резьба была столь искусной, что местами яшма была тоньше бумаги. Майкл отвел ее от себя на расстояние вытянутой руки и разжал пальцы. Осколки разлетелись по кафельному полу.

— Ах ты черт, до чего же я неловкий.

Диф зажмурился, едва сдерживая гнев.

— Инструмент будет труден в управлении, — заметил Рафу.

— Очень. А вот скажи мне: этот мелкий вандализм — он что-то значил, или просто Майкл хлопнул дверь?

— Думаю, нам этого не узнать, пока дело не прояснится. Возможно, потому он это и сделал.

— Следи за ним. Каждую секунду. Каждую, черт его побери, секунду!

— Будет сделано.

Рафу провел операцию с таким же блеском, что и всегда. Он взялся за дело так кропотливо и тщательно, на протяжении многих лет наращивая кресcendo многоголосого оркестра, что в конце концов Диф уверился в неизбежности победы Норбонов. Порой случались и проволочки, но все они были заранее учтены всеобъемлющей программой, для составления которой привлекли огромный информационный и счетный потенциал Мира Хельги. Над палачами Префектласа неумолимо сгущались тучи.

А потом в штаб-квартиру, спрятанную в лесном домике на Большой Сахарной Горе, пришла депеша. Озадаченный Рафу объявил:

— Здесь появился человек по имени Кассий. И расспрашивает о Майкле.

— Не понимаю. Как могли они пронюхать, что мы здесь замешаны?

— Понятия не имею. Если только...

— Майкл?

— А еще кто-нибудь знает, что мы отсюда направляем операцию?

— Ни одна живая душа.

Диф знал, что говорит. Он следил за всеми переговорами Ди со Штормом. Майкл всегда держал рот на замке.

— Может быть, мы сами наследили где-то и не заметили?

— Возможно.

— Нужно перекрыть ему каналы информации. Займемся мы сами другом Кассием.

— Диф... А, ладно. Не обращай внимания.

Диф украдкой взглянул на старика. Дегенерация нервной ткани зашла у Рафу так далеко, что он с трудом справлялся с бокалом.

— Мне хочется это сделать, Рафу. Уберем их и переместим наш штаб.

— Как скажешь.

Они зашли в отель через разные двери. К несчастью, Рафу дали выстрелить прицельно только один раз.

Нервы подвели старика. Он промазал.

Кассий попал.

У Дифа тоже сдали нервы. Он застыл как вкопанный, вообще не прикоснувшись к оружию.

Оказавшись на борту своего быстроходного катера, Диф тщетно пытался вспомнить, как он туда попал. Лишь один момент застрял у него в памяти — как над телом Рафу он встретился взглядом с подручным Кассия.

После этого дела пошли неважно. Дифу не хватало волшебного умения Рафу.

Вторжение Шторма в Мир Хельги его потрясло. Он бросил против Шторма силы Норбонов. В результате его корабли угодили в западню еще страшнее той, что им устроили на Амон-Ра.

Операция в Черном Мире закончилась катастрофой. Майкл просто не справился с работой.

Диф вспоминал о разбитом украшении из яшмы и думал, не было ли это предупреждением.

Диф сорвался. Он приказал атаковать Железную Крепость.

— Может быть, я и не доберусь до всех, — сказал он себе, — но они расплатятся за Префектлас.

Он оставил надежду на прибыль от Черного Мира. И бросил на произвол судьбы Майкла Ди.

— Сын мой, если бы ты сделал, что мог, ты бы заслуживал прощения. Но я подозреваю, что ты занимался хитрым саботажем. Что ж, сиди в яме, которую ты сам себе вырыл.

Несколько выживших боевых кораблей Дифа достигли поверхности Крепости и высадили десант. Его люди прорвались через шлюзы.

Несколько дней не стихала стрельба. Бой велся за каждый ярус, каждый коридор, каждую каюту. Его солдатам противостояли лишь женщины и старики, но все они были легионерами.

Когда дело уже шло к развязке, один из подчиненных доложил:

— Лорд Диф, обнаружены разведывательные корабли противника...

— Проклятие! — Саму Крепость он к тому времени почти очистил от легионеров. Осталась лишь горстка защитников, удерживающих информационный центр. — Понял вас.

Бежать он не мог. Нужно было довести дело до конца. Ради Рафу. Ради отца. Ради матери и всех, кто погиб на Префектласе.

— Ладно. Пусть Крепость оставят все, кроме экипажа «Лоты». Взлетайте так, чтобы показать — вы в страшной панике. И дайте им перехватить депешу, из которой следует — здесь не осталось ни одной живой души.

— Есть, сэр!

А сам Диф повел экипаж «Лоты» в последнюю атаку и в результате лицом к лицу столкнулся с женой Шторма, Фридой.

Книга третья
ВИСЕЛИЦЫ

**О чем думает плотник,
когда мастерит виселицу?**

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ:

3052 год н.э.

Не удивляйся мне. Ведь я учился у классиков. Стратегии и Тактике — у профессора, полковника Тадеуша Иммануила Вальтерса. Искусству Командования и Администрирования — у профессора, полковника Гнея Юлия Шторма. Ненависти, Мщению и Манипулированию Марионетками — у профессора, сангарийца, Главы Норбонов в'Дифа. Хитроумию, Коварству, Двуличию, Искусству Самооправдания — у профессора, антрепренера, авантюриста и финансиста Майкла Ди. Благодаря им я получил солидную подготовку. А адмирал, сколько его ни кляни, лишь дал выпускнику возможность заниматься своим делом.

Он взял к себе на службу отпетого головореза.
Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ:

3032 год н.э.

Маус еще долго сидел, склонившись над отцом, держа его за руку, стараясь сдержать слезы. Наконец кто-то вошел и опустил мягкую руку ему на плечо. Он поднял взгляд. Поллианна приковывляла сюда, опираясь на лазерную винтовку, как на костыль.

— Он погиб, — сказал Маус с искаженным страданием лицом. — Моего отца больше нет.

— Все погибли. Все, кроме нас, — сказала она таким же тусклым голосом.

— Все, — пробормотал он, медленно выпрямляясь. — Все. Гельмут и Терстон. И Люцифер. Все до единого.

До него постепенно доходил размер катастрофы. Погибли его отец, два его брата. Друг его отца. Погибли все его родные, а вместе с ними перестала существовать и сама семья...

— Я убью их, — прошептал Маус. — Всех! — вдруг выкрикнул он и принялся крушить пультах своей винтовкой. Но оружие оказалось чересчур хрупким — очень скоро в руках у него остался один ствол.

— У нас еще есть работа, Маус, — напомнила ему Поллианна, показывая на трупы и обломки. Голос ее звучал совершенно отрешенно. Сейчас

только эта механическая работа позволяла ей не расклеиться совсем.

— Да, пожалуй. — Голос Мауса снова стал тусклым. — Ты продержишься, пока я пойшу наших людей?

— А кого мне теперь бояться?

Маус пожал плечами:

— И в самом деле. Никого не осталось.

Он принялся доставать легионеров из-под обломков. Найденным делом он словно защищался от подкрадывающегося к нему безумия.

— Всех, — бормотал он еле слышно. — Когда-нибудь. Каждого Ди. Каждого сангарийца.

Вывод войск из Сумеречного Города занял сутки. Слишком многие, включая Хоксблада и братьев Ди, не могли сами взойти на борт «Эрхардта». К тому же надо было залатать купол, найти кого-то, способного управлять Сумеречным Городом, чья ненависть к сангарийцам стала бы залогом, что Майклу не дадут скрыться, залогом, что Сумеречный Город не подпадет под санкции, которыми грозили другие города Черного Мира. Подобрать такого человека оказалось непросто. Большинство местных жителей не хотели ни под каким видом отождествлять себя с властью. Будто боялись, что сангарийский синдром заразен.

Пришло время отбытия. И тут еще одна проблема подняла голову, как Сцилла.

— Полли, — сказал Маус. — Я не знаю, как мы доберемся до дома.

— Что такое? Почему?

— Я здесь единственный пилот. И у меня нет прав вождения кораблей класса «Эрхардта».

— Вызови сюда кого-нибудь.

— Пока он еще сюда доберется... Нам нельзя терять столько времени. Так что я уж поведу корабль, как умею.

— Не валяй дурака.

— Навряд ли он сложнее в обращении, чем корвет Кассия. А с ним я когда-то неплохо справлялся.

— Да, только рядом сидел Кассий и всегда мог вытащить тебя из беды.

— Ага. — Маус и в самом деле верил, что справится с крейсером.

— Пристегните ремни, леди.

— Маус...

— А не хочешь — тогда вылезай и иди пешком.

Она усмехнулась:

— Ты так же упрям, как твой отец.

— Еще бы, я ведь его сын, — улыбнулся он в ответ.

Стартовал он так, что корабль чуть не растрясло.

— Оуп! — Поллианна еле сдержала рвотный позыв.

— Мы взлетели!

— За старт я больше всего боялась. А посадить корабль сможет каждый. Главное — держать нужную скорость, когда мы будем подлетать...

— Человек всегда может сделать то, что должен, — ответил Маус.

На несколько часов он забыл о боли и ненависти. Крейсер требовал всех сил, всего внимания и всей души.

Он сумел довести корабль до Эджворда и посадить там без значительных поломок.

Посадка потребовала тщательного маневрирования. В их отсутствие сюда прибыла небольшая эскадра — жалкие остатки маленького, но мощного флота, которым совсем недавно располагал Легион. Она доставила из Мира Хельги Хейкса Цейслака. Его батальон коммандос еще разгружался.

Маус никого не предупредил о своем возвращении, но весть об этом разнеслась по городу, едва он вступил в Эджворд. Блейк уже ждал его.

— А где полковник Шторм? — спросил Блейк. Лицо его вытянулось. Он боялся худшего.

— Мой отец погиб в бою с сангарийцами...

Маус остановился, прислушиваясь к себе. Каким-то образом в отношениях с внешним миром ему удалось отвлечься от собственных чувств. Он сообщал о случившемся так, будто это произошло с кем-то другим.

— А Альбин Корандо?

— Убит в бою. Мне очень жаль, мистер Блейк.

— Как убит? Это ужасно... Я надеялся... А что с полковником Дарксордом?

— Погиб, сэр. Все, кого сейчас нет со мной, мертвы. Крейсер доверху забит трупами. Нам там туго пришлось.

— Значит, ваш брат Терстон тоже...

Маус кивнул.

— Но кто теперь возьмет на себя командование? Полковник Вальтерс отрезан на Теневой Линии...

— Я теперь отвечаю за Легион, мистер Блейк. У него новый командир. Все остальное не изменилось.

Блейк попытался подъехать ближе к Маусу.

— Так что же там было?

В его голосе слышалась плачущая, почти умоляющая нота. Война на Теневой Линии буквально рвала его сердце на части. Маус понимал его переживания. Наверняка Блейк сейчас твердил про себя: «Что я натворил! Что сделал я с Черным Миром!»

Маус так ничего и не ответил ему. Он направился к зданию Муниципалитета, подсознательно подражая походке Гнея Юлия Шторма. Сквозь боль лезвием пробивалась необходимость показать свое умение, свою способность взять на себя роль отца.

Он вошел в штаб, и тотчас же все обернулись к нему. Первым делом он ознакомился с показаниями приборов. Дн теперь закрепился в Уайтлэндсунде. Отметка положения Кассия дошла до теневой станции. Там отмечалось скопление частей и соединений. В пятистах километрах западнее станции их была лишь горстка. Это были мелкие подразделения, помогающие жителям Сумеречного Города проводить эвакуацию с оконечности Теневой Линии.

Ситуация достигла напряженного равновесия. Кассий был готов к броску. Настало время обсудить дальнейшие планы.

— Вызовите полковника Вальтерса по закодированному каналу, — приказал Маус.

Усталый до последней степени связист бросил на Мауса взгляд, означавший что-то вроде «А кто ты вообще такой?», но тут же повернулся к своей аппаратуре.

Кассий ответил почти сразу.

— Полковник, это Масато.

— А, Маус! Как ты там?

Но тут Вальтерс взгляделся в его лицо и спросил:

— Что случилось?

— Отец погиб. А еще Гельмут, Терстон и Люцифер. Оба сына Ди. И Ричард Хоксблад. Они убили его со всем его штабом.

Кассий нахмурился.

— И всех их невозможно воскресить.

На лице у Кассия заиграли желваки, взгляд по-мрачнел.

— Кассий, остались только мы.

— Значит, дело к концу. Но сначала — рассчитаться с Майклом Ди. И его сангарийцами.

— Ди в ловушке. Мы очистили от его людей Сумеречный Город. Туда ему дороги нет.

— Он не знает? Не дайте ему проникнуть.

— Цейслак уже у нас. Я беру на себя командование. Я его пошлю...

— Оставь Цейслака в Эджворде. Защити город, не позволяй Ди взять жителей в заложники. Подними корабли с космодрома. Отрежь Ди все пути к отступлению. Заставь его принять бой на месте. А остальное предоставь мне. Я позабочусь, чтобы Легион погиб не зря.

Никогда еще лицо Кассия не было столь выразительным. Два чувства захватили его целиком — скорбь и ненависть.

— Хорошо, как скажешь. Я сейчас разработаю диспозицию.

— Твой отец... успел что-нибудь сказать?

— Совсем немного. Он сделал это нарочно. Чтобы дать мне шанс достать обоих Ди со спины. Перед операцией он оставил письмо. У меня еще не было возможности его прочесть. Мне кажется, он знал, что не вернется.

— Дай мне знать, что он хотел сказать. И не тни с этим. Мы выступаем через несколько часов.

— Хорошо.

Прибыл Блейк с женой. Глава Корпорации как-то усох и постарел, превратившись в обычного беспомощного калеку. Не дожидаясь слов соболезнования, которые только растравили бы боль, несмотря на всю их искренность, Маус сказал:

— Скоро все закончится, мистер Блейк. Через несколько часов мы начнем очищать от противника Уайтлэндсунд. Я оставляю батальон Цейслака в резерве на тот случай, если Ди решиться напасть на Эджворд.

Блейк попытался что-то ответить, но Грейс незаметно тронула его за руку.

— Поллианна в госпитале, мистер Блейк. Думаю, ей сейчас приятно будет увидеть перед собой лицо друга. Ее сердечные раны страшнее, чем телесные. Она потеряла и Люцифера, и Корандо, и моего отца, к которому была так привязана. — Он отвернулся. — Цейслак! Форпосты вокруг кратера на отдельный экран. И пусть там повторно проверят приборы слежения. Если Ди повернет против нас, нам нужно знать об этом как можно раньше. Доннерман! Где Доннерман? Доннерман, поднимите корабли с поверхности как можно скорее! Джентльмены, если я буду нужен, я в кабинете отца.

Он вышел из штаба и пошел на квартиру Шторма. Заслышав его шаги, Гери и Фреки радостно взвизгнули. Они бросились ему навстречу и принялись беспокойно сновать по коридору в поисках хозяина, а потом замерли на месте и посмотрели на Мауса грустными глазами.

— Он не вернется, — прошептал Маус. — Простите меня, собачки.

Казалось, они поняли. Заскулили громче, и в этом звуке послышался стон.

Маус посмотрел на вороноящеров, забившихся в свое небольшое гнездо из туго сплетенных нитей. Они уже все знали. Маус попытался выманить их мясными консервами из запасов отца. Они даже не открыли своих дьявольских глаз.

Он вздохнул и искал глазами письмо.

Оно лежало на столе — несколько торопливо исписанных листков, а поверх один чистый, с именем Мауса. Шторм придавил их Библией, в которой кларнетом было заложено начало Экклезиаста.

— Я должен был понять, когда он не взял их с собой, — прошептал Маус.

Письмо, хотя и адресованное Маусу, звучало как проповедь Гнея Шторма в духе Экклезиаста. Оно начиналось так: «Сегодня вступаю я в долину Армагеддона, на кровавое поле Рагнарёка, чтобы сыграть свою роль в предначертанном Готтердаммерунге...»

Перечитав это письмо трижды, Маус вернулся в штаб. Сирианские волкодавы плелись следом, поджав хвосты, понутив головы, порой издавая какие-то утробные звуки. Но они шли за Маусом.

Шепот пробежал по комнате. Legionеры истолковали поведение собак как некий символ — животные словно скрепили невидимой печатью передачу Маусу скипетра и мантии.

— Кассий, — сказал Маус. — Он знал, что идет умирать. Он это задумал. Чтобы у нас больше не было причин церемониться с Майклом Ди. Только так он мог не нарушить свое слово.

Кассий вдруг рассмеялся суровым и грустным смехом.

— Он всегда искал способ обойти это обещание. Жаль, что он не нашел его в себе.

Смех прошел так же неожиданно, как появился. Кассий сказал:

— Майкл не должен этого знать. Сейчас это наша главная тайна. — В лице Вальтерса появилось что-то жутковатое, нечеловеческое, что-то от полубога. Что-то архетипичное. — Пора нам выступать. Будь осторожен, Маус.

Он отключил передатчик прежде, чем Маус успел спросить о его намерениях.

«Что он собирается сделать?» — подумал Маус. Он знал Кассия. Это будет что-то необычное. Такое, чего никто не ждет. Вполне вероятно — что-то невозможное.

...Маус сидел в кресле, где обычно сидел отец. Глаза его редко отрывались от карты на дисплее.

Порой кто-то из операторов бросал на него укоризненный взгляд и отворачивался, вздрогнув. В кресле полковника сидел хрупкий юноша восточного вида, но... Но была вокруг него какая-то аура, словно

вместе с ним в кресле сидел призрак. Тело Гнея Шторма умерло, но дух его жил в его младшем сыне.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ:

3032 год н.э.

Человек, звавшийся Кассием, был по репортажам Майкла Ди с наемнических войн известен миллионам зрителей куда лучше Премьера Конфедерации. И при этом его не знали толком даже самые близкие люди. Что его трогает? От чего он смеется или плачет? Никто этого не знал.

Кассий больше интересовался Легионом, чем собой. А ознакомившись со своим публичным имиджем, пришел к выводу, что миллиарды зрителей голосети, возможно, знают Кассия лучше, чем он сам. Они видели образ Тадеуша Иммануила Вальтерса, а редакторы передач старались, чтобы он соответствовал истине. А представление Вальтерса о самом себе трудно было бы сформулировать — за два столетия у него не нашлось времени для самоанализа.

В инфракрасном излучении краулеры просматривались довольно отчетливо. Их было тридцать пять. Они выстроились в две колонны и застыли на холостом ходу в ожидании приказа Кассия. Колонна подлиннее из двадцати пяти машин с восемью трофейными боевыми краулерами во главе была готова двинуться к Уайтлэндсунду. Им предстояло двигать-

ся без прикрытия тени, которая могла предупредить Ди об их приближении.

Оставшиеся десять машин поведет сам Кассий.

Вальтерс решил, что дальше тянуть нет смысла. Он схватил микрофон и объявил:

— Белый Рыцарь, Белый Рыцарь, говорит Карл Великий. Вперед! Повторяю, вперед! Прием.

— Карл Великий, Карл Великий, говорит Белый Рыцарь. Приказ понял, вперед. Конец связи.

— Карл Великий, конец связи.

Основная колонна пришла в движение.

Отряд Кассия состоял из шести дальнобойных чартеров, трех компрессоров и его собственного командирского боевого краулера. Чартерами с минимумом экипажа Кассий был готов пожертвовать. Они предназначались для разведки пути. Четыре больших бронетранспортера были набиты людьми и техникой.

Кассий подключился к центральной сети.

— Вавилон, Вавилон, говорит Старфайр. Даю сигналы. Бродячая Собака Один, вперед. Бродячая Собака Один, вперед. Прием.

Один чартер уже выполз на солнце.

Для движения по местности, на которую не было карт, в нескольких часах пути к северо-северо-востоку от Теневой Линии, Кассий выбрал строй, позаимствованный у древних мореходов. Чартеры развернулись впереди широким веером, прикрыв четыре краулера, готовые предупредить о любой опасности.

Они двигались гораздо быстрее, чем обычная геологоразведочная экспедиция. Марш-бросок, ко-

торый совершал Кассий, был опасен в первую очередь своей продолжительностью. Если краулеры и не пострадают от прямого солнца, экраны их сильно ослабнут.

Но как бы ни были малы шансы на успех, Кассий гнал машины вперед.

В каждой машине компьютер работал на предельной мощности, обеспечивая Вальтерсу бесперебойную поставку информации. Он хотел знать, что происходит в каждую секунду, надеясь, что сможет сохранить скорость и при этом не потерять еще один краулер в такой же ловушке. Как паук, стерегущий свою паутину, Кассий сидел среди аппаратов связи. Так проходил час за часом. За все это время он не вымолвил ни слова. Экипаж краулера стал поглядывать в его сторону — все ли в порядке.

«На войне хуже всего, — подумал Кассий, — это затишье между боями. Слишком много времени для мыслей. И для воспоминаний».

Сейчас ему оставалось только терпеть боль, озбоченность, страх. Он старался отогнать навязчивые призраки и не мог. Их стало теперь больше. Его жена и дочь. Железная Крепость. Гней. Вульф. Гельмут. Здоровенный хмурый Терстон — возможно, единственный счастливый человек во всем Легионе. Ричард Хоксблад, давний враг, с которым его связывали духовные узы. Он так давно не видел Хоксблада, что теперь уже и не мог припомнить, как тот выглядит. Гомер. Бенджамен. Люцифер. Младшие Ди, гореть бы им вечно в аду. Доскал Меннике — бывший его протеже в Академии. Придется когда-

нибудь объясняться с его отцом. Что же он скажет старику? Что все они до одного стали пешками в руках сангарийцев? Такое признание не из легких.

А вот явился призрак из совсем далекого прошлого. Тамара Вальтерс, любимая племянница, бесследно исчезнувшая вместе с кораблем во время Улантской войны. Почему он заглянул так далеко назад? Разве он еще не заключил мира с застарелыми страхами? Неужели все его потери, раны, грехи вновь решили вернуться и пройти перед ним парадом?

— Старфайр, Старфайр, говорит Бродячий Пес Четыре. Попал в тепловую эрозию. Не могу выбраться. — Голос звучал неестественно твердо. Говоривший знал, что попыток его спасти не будет. Времени не было. Пойти на такое означало подписать приговор остальным. Доброволец знал, на что идет. — Приборы дают координаты эрозии ноль пятьдесят семь, ширину восемьдесят метров и глубину не менее шести. Удачи вам, Старфайр. Бродячий Пес Четыре, конец связи.

Кассий не ответил на сигнал. Он только передал предупреждение другим краулерам, и они замедлили ход и двинулись в объезд опасной зоны. Что мог он сказать человеку, которого оставлял здесь умирать? Полковник лишь прибавил его лицо и имя к списку людей, которых он пережил на войне.

Журналисты и собственные коллеги считали его решительным командиром. Но он знал, что решительный командир — лишь поза, имидж, за которым прячется подлинный Тадеуш Иммануил Вальтерс. Иногда он заставлял себя верить этой иллюзии.

Кассий считал жизнь не более священной, чем вообще вселенную. Да, как некоторые забытые боги, он замечал гибель любого воробья и молчаливо подвергал себя мукам внутреннего чистилища. И шел дальше, от битвы к битве, не пытаясь быть ничем другим — лишь тем, чем он был. Как Гней Шторм, как столь многие из других наемников, он был фаталистом, движимым уверенностью в собственной predetermined судьбе. Но в отличие от Шторма он не сражался с Судьбой, не пытался смеяться над ней, а просто принимал ее и спокойно шел к последней встрече с ней.

Хоть капля солипсистского безумия необходима для кондотьера любого ранга.

Миновав тепловую эрозию, Кассий приказал чартерам веера перестроиться, закрыв зону разведки погибшей машины.

Он потерял еще один чартер еще до Гор Грома, в трехстах километрах севернее Уайтлэндсунда, и еще один — из-за отказавшего экрана, пока искали затененную долину, где его отряд мог бы укрыться от дьявольского солнца. Но четыре бронетранспортера — самые важные для него машины — остались невредимы.

Как только чартеры немного остыли и загрузили метановый снег, он снова отправил их вперед. Перед тем как сгореть, спутники наблюдения передали карту, и, судя по ней, здесь можно было перескочить через Край Мира. А потом атаковать, лишив Майкла лавров победителя при новых Фермопилах. На фотоснимках проход выглядел темной чертой.

Но это был серьезный риск. Темная полоса могла не быть проходом.

Ожидая сообщений от чартеров, Кассий включился в командную сеть, надеясь перехватить какое-нибудь сообщение из зоны военных действий. Но до него доносилось лишь потрескивание статических разрядов, чего он на самом деле и только и мог ждать под этими темными сводами на берегах огненного моря.

Он подумал, что Солнечная Сторона — это то, как древние христиане представляли себе ад. С пришествием Легиона Черный Мир определенно стал планетой проклятых.

Чартеры возвратились спустя два дня. Они отыскали путь через горы, но не знали, пройдут ли там более крупные машины.

— Попробуем, — решил Кассий.

Он слишком много времени провел наедине с собственными мыслями, лишенный возможности командовать. Он должен действовать, ввязаться в бой, или он сойдет с ума, воскрешая в памяти свои потери.

Проход оказался узким и крутым каньоном. Колонна продвигалась медленно, но без особых трудностей, пока не пересекла Край Мира. Там, уже за пределами разведанной со спутников местности, путь преградила глубокая трещина. Весь план Кассия оказался под угрозой.

Кассий отказался повернуть назад.

— Здесь мы пройдем, — прорычал он, — или здесь подохнем. Одно из двух. Измерим сейчас глубину этой гадины.

Водитель заглушил мотор. Кассий вылез через аварийный люк и подошел к расселине. Головной краулер включил фары, но они не доставали до дна. Кассий уставился в темноту. Потом выстрелил вниз из лазерного пистолета. Вспышка осветила дно гораздо ближе, чем ожидал Кассий.

Он вернулся к вездеходу.

— Бродячий Пес Один, говорит Старфайр. Поставьте свою машину параллельно расселине. Прием.

— Понял вас.

Два часа чартер вырубивал к краю пропасти.

— Бродячий Пес Один, экипажу покинуть машину. Бродячий Пес Три, Бродячий Пес Шесть, сталкивайте ее вниз. Прием.

Два уцелевших чартера застонали от невероятного напряжения. От их вибрации начался камнепад, заставивший содрогнуться даже тяжелые бронетранспортеры. Моторы нутжно ревели, гусеницы вгрызались в грунт. Получив серьезные вмятины, краулеры столкнули наконец чартер в расселину.

Кассий высадил людей и приказал собирать камни и насыпать их поверх сброшенного краулера. Ползли часы. Мост вырос и выровнялся. Кассий послал вперед чартер, чтобы опробовать его и утрамбовать, а после — пустой компрессор. Оба раза насыпь выдержала. Следом одна за другой переправились остальные машины.

Расселина оказалась последним серьезным препятствием. Бросив уцелевшие чартеры, которые уже не могли держать темп, Кассий направил большие краулеры по трассе, соединяющей Сумеречный

Город и Эджворд. Он спешил на юг, сохраняя режим радиомолчания. Возле Эджворда он резко свернул на запад, к Уайтлэндсунду и Майклу Ди.

Его солдаты выдохлись. Они сутками сидели, согнувшись в три погибели в тесных краулерах, каждую минуту зная, что могут попасть в тепловую эрозию или соскользнуть в пропасть. И все-таки Кассий высадил свои силы на восточных подступах к Уайтлэндсунду и послал их в бой. Противника нащупали быстро.

Кассий решил прервать радиомолчание:

— Андирон, Андирон, говорит Вормдум, вы слышите нас? Прием.

Маус появился в эфире лишь несколько минут спустя.

— Вормдум, Вормдум, говорит Андирон. Перейдите на кодированный канал. Прием.

Кассий переключил рычажок, и Маус тут же заорал:

— Кассий, где тебя черти носят? Я уже шесть дней тебя разыскиваю.

— Я у самых твоих дверей, Маус. Двигаюсь к Уайтлэндсунду. Мне нужны люди Цейслака.

— Ты уже по эту сторону Края Мира?

— Именно так. Когда ты мне пришлешь этих людей?

— Но как тебе это удалось?

— Не важно. Удалось. Направь ко мне командос. А поговорить успеем, когда покончим с Ди.

— Хорошо. Они уже в пути. Но как тебе удалось...

Кассий оборвал разговор на полуслове, снова переключившись на тактическую сеть связи.

С момента выхода на Темную Сторону он внимательно вслушивался в оперативные сводки, стараясь оценить положение на Теневой Линии. Для тех, кто там остался, оно казалось тяжелым.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ:

3032 год н.э.

На большой дисплей в штабной комнате смотрел очень мрачный, очень суровый Масато Шторм. Положение выглядело ужасным.

Рядом с ним кто-то заерзал стулом. Маус поднял взгляд — перед ним стоял оператор связи. Он держал стул для Поллианны.

Маус слабо улыбнулся:

— Ну как, тебе лучше?

— Годна к строевой. Если бы не хромота. Но говорят, это пройдет. Как там дела?

— Неважно. От Кассия уже несколько дней нет сведений. Я за него боюсь. А там... — Он показал рукой на экран с изображением Уайтлэнсунда. — Там мы, ударив с ходу, кое-чего добились, но потом атака забуксовала. Мы их тесним, но слишком медленно.

— Но у тебя численное превосходство.

— Мы потеряли слишком много краулеров и не можем быстро перебрасывать силы. Похоже, сейчас у нас осталось две надежды. Либо там появится Кассий, либо у моего дяди кончатся боеприпасы.

— Сэр! — радостно завопил оператор. — Сэр, полковник вызывает! Тактический канал номер один!

— Переключите его на меня. Поллианна, ты приносишь удачу. Пожалуй, стоит пристегнуть тебя к этому креслу ремнями.

Она грустно улыбнулась:

— Фрогу я удачи не принесла. И Люциферу тоже. И...

— Заткнись.

На экране появилось мрачное лицо Кассия. Они договорились о батальоне Цейслака, а когда Маус попытался спросить, как Вальтерсу удалось перебраться на Темную Сторону, полковник тут же прервал связь.

— Кажется, настроение у него паршивое, — сказала Поллианна.

— Такое, как есть. И пусть будет как угодно невыносим, пока делает свою работу. А мне на тысячу процентов лучше стало.

— Сэр, — доложил оператор, — полковник Вальтерс снова на связи.

— Маус, — раздался голос Кассия, — прости, что я сорвался. Нервы. Здесь дело серьезное. Твой отец сказал бы, что поднята Орифламма.

Поллианна вопросительно посмотрела на него. Маус прошептал:

— Пощады не дают и не просят.

— Мы схлестнулись намертво, отступить не может никто. Все или ничего, и побежденным — смерть без воскрешения.

— Я понял, Кассий. Все или ничего — это касается всех.

— Твой дядя получил, что хотел. Свою битву не на жизнь, а на смерть. — Злорадная улыбка заиграла на лице Кассия. — Правда, этот дурак вряд ли планировал свое в ней участие.

— Правда. Еще одно: он пока не знает о смерти отца. Я сберег эту новость на особый случай. Пусть рассчитывает на защиту в последний момент, пока не станет поздно.

— Ну именно! Поэтому-то я и хотел это скрыть!

— Никогда еще Легион не дрался так яростно, — сказал Маус.

— Никогда. Впервые на карте стоят эмоции, Маус.

От отряда Майкла давно бы уже осталось мокрое место, если бы не особенности местности. Люди Ди были хорошими бойцами, но не солдатами — в том смысле, в каком ими были легионеры. Они не привыкли к командной работе и сложностям больших и длительных операций. Они были людьми, но испорченными сангарийской философией налета и отхода.

— Люди Майкла неплохо воюют.

— Их загнали в угол. Ладно, мне пора браться за дело. Я просто хотел извиниться за грубость.

— Все в порядке.

Батальоны Кассия теснили Ди все глубже и глубже в Уайтлэндсунд. Обращенные к Эджворду оборонительные линии были неглубокими и не подготовленными к столь тяжелому удару.

Тянулись часы. Маус не вставал из кресла, пока у него не заболел зад. Поллианна все это время оставалась рядом с ним, отчасти потому, что интересовалась событиями, отчасти потому, что чувство-

вала — он нуждается в связующим звене между нынешним и прежним Маусом.

А Ди сопротивлялся все яростнее.

— Он все понял, — сказал Маус. — И сейчас перебрасывает людей.

Кассий все наседавал. С другой стороны прохода легионеры, возвратившиеся с Теневой Линии, начали пробиваться через оборонительные рубежи, ослабленные снятием людей, брошенных против Кассия.

Поллианна легонько тронула его за руку.

— Ты думаешь, у нас получится?

— А? Что получится?

— Победить.

— Не знаю. Пока не знаю. Шансы еще не определились.

Он вслушался в обрывки разговора по тактической сети. Кассий перебрасывал на передовую батальон Цейслака.

Шли часы. В конце концов Поллианна шепнула:

— Тебе надо отдохнуть, пока ты не свалился.

— Но...

— Здесь ты или нет, от этого ничего не изменится. Если ты понадобишься, тебе сообщат.

— Ты права. Будет совсем ни к чему, если я свалюсь от усталости. Похрамаю к себе.

Поллианна ушла с ним.

Когда он вернулся, на плече у него сидел воронящер. У операторов расширились глаза. Казалось, между ними прошла искра молчаливого понимания. Маус подошел к дисплеям, а волкодавы принялись рыскать по комнате в тщетных поисках врагов.

Маус почувствовал перемену в своих людях. Они приняли передачу власти. Он больше не был младшим сыном Хозяина, мишенью добродушных насмешек. Он был Хозяином.

Дисплеи выглядели неутешительно. Ситуация стала статичной.

— Сэр, — обратился к нему один из операторов, — полковник Вальтерс просит разговора с вами, когда вам будет удобно.

— Да, конечно. Соедините нас.

Через несколько минут Кассий появился на закодированном канале.

— У нас тут возникли проблемы, Маус. Мы взяли их в клещи и давили до тех пор, пока не заперли в большом кратере. Они окопались по его краям и теперь могут сверху обстреливать проход. Сомкнулись в такое узкое кольцо, что могут перебрасывать людей с места на место быстрее, чем я — наносить внезапные удары. Я собирался отрезать и брать в плен небольшие группы. Но из-за того, что я тебе описал, — не выходит. Получается только осада в старинном стиле.

— На Теневой Линии осталось тридцать тысяч человек, которые долго не протянут, Кассий. Им скоро будет нечем дышать.

— Да, я слышал сводки.

Ситуация с воздухом для дыхания становилась угрожающей. Воды и продовольствия хватит на несколько недель, если урезать выдачу, но урезать порцию воздуха для бойца — невозможно. Аппараты

восстановления воздуха никогда не были вполне эффективны, а теперь еще износ оборудования стал критичным.

Маус объявил:

— Наша медслужба вчера начала загружать раненых в рефрижераторы. Мы сможем воскресить их, когда освободим проход. Они предлагают поступить так же с людьми Мичема.

— У них есть для этого рефрижераторы?

— Слишком мало.

— Я мог бы использовать кого-то из людей Хоксблада. Если удастся переправить их на эту сторону.

— Зачем?

— Порой тонкие способы ведения войны не дают эффекта. Тогда остается только молот. Бить с размаху, всеми силами, а потери — что ж, стисни зубы.

— Боюсь, что твоего боезапаса мало будет для такой тактики.

— Это волнует меня меньше, чем воздух. Думаю, у Майкла боезапас кончится раньше. Судя по его схеме стрельбы, он старается экономить снаряды.

— Это плюс.

— Не знаю. Чего я боюсь — это что для снижения потерь придется предложить ему условия сдачи. Именно это он сейчас и делает: старается продержаться, пока мы не будем готовы к торгу.

Маус взглянул на изображение теневой станции Блейка. Зрелище было удручающее — станцию облепили аварийные купола, набитые людьми, ждущими эвакуации или отправки в бой. Лагерь все разрастался, принимая людей Хоксблада и шахтеров из

Сумеречного Города. Ди мог проиграть войну, но их победа будет пирровой.

Он перевел взгляд на сводку количества машин и их состояния.

— Кассий, нам так и так не миновать беды. Здесь недостаточно краулеров, чтобы вывезти всех.

— А потому не будь слишком гордым и попроси соседей. Пусть Блейк позвонит в Город Ночи и на Темную Равнину и просит помощи, если это нужно.

— Мы уже пытались это сделать. Они сказали, что не станут рисковать своей техникой, пока идут бои.

— Не оставляй попыток, мальчик. А я поднажму здесь, и тогда станет ясно, что Ди собирается выторговать для себя.

— Не заключай договора. Только если выбора не будет.

— Конечно. Я помню ловушку, в которую попал твой отец.

Маус подозвал одного из операторов.

— Постарайтесь разыскать мистера Блейка. Попросите его прийти сюда.

Через полчаса появился Блейк. С ним была Поллианна.

— Мистер Блейк, вы могли бы еще раз связаться с Городом Ночи и Темной Равниной? Можете им сказать, что бой закончится прежде, чем они введут в тот район технику.

— Как, неужели вы их все-таки добились?

В этой развалине на колесах тут же проснулся интерес к жизни.

— Не совсем так. Мы хотим атаковать еще раз, а в случае неудачи начать переговоры.

Блейк запротестовал. От вспыхнувшего гнева вновь воскрес тот, кто правил Корпорацией, пока война на Теневой Линии не превратила его в инвалида.

— Эмоционально я с вами согласен, — ответил Маус. — Я тоже хочу, чтобы ни один из них не ушел живым. Но у нас может не оказаться выбора. Либо начать переговоры, либо бросить людей у Теневой Линии на гибель.

— Проклятие! Вся эта бойня — впустую?

— Почти так. Остается утешаться мыслью, что мой дядя тоже своего не добился. И в некотором смысле, даже если он выговорит себе право уйти из Уайтлэндсунда, он понесет больший урон, чем мы. Ему придется скрываться до конца жизни. Он пустил в ход ядерное оружие. Он пособничал сангарийцам. Такого Флот не прощает. Все его имущество конфискуют...

И тут Поллианна, до сих пор мягко массирующая его плечи, судорожно в него вцепилась неожиданно сильной хваткой.

— Вступай в переговоры, если хочешь. Заключай договор от имени Легиона. От имени Блейка и Эджворда. Но только не рассчитывай на меня, Маус. От моего имени договор не заключай. Во второй раз Август Плейнфилд от меня не уйдет.

Маус откинулся назад, взглянул вверх. Лицо ее выражало только ненависть.

— Ты опять змеиного яду нахлебалась?

Она стиснула его плечи так, что он дернулся от боли.

— Да. По литру за каждой едой.

— Подождите-ка... — Маус склонился над пультом.

Кассий начал атаку.

— Сэр, в этот раз он бросил в бой все резервы, — доложил один из операторов. — Даже экипажи краулеров.

Маус поднялся.

— Мистер Блейк, найдите мне краулер. Любую машину, которая хоть как-то ездит. Я отправляюсь туда.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ:

3032 год н.э.

Кассий нашел себе лазерную винтовку и полез по стенке кратера.

Бой стал ближним, суровым и позиционным. Скалу за скалой, бункер за бункером отбивали у противника легионеры Кассия, оттесняя Ди. Буквально по человеку взламывали сангарийскую оборону. Легионеры вкладывали в бой все свое искусство, всю свою ненависть. И почти не продвигались вперед.

«Какими словами заставил Майкл своих бойцов так стоять насмерть?» — поражался Кассий.

— Вормдум, Вормдум, говорит Тяжеловес. Я добрался до кромки. Нужны тяжелые орудия.

— Считайте, что они уже у вас, Тяжеловес.

«Наконец, — подумал Кассий. — Время для перелома».

Он стянул все артиллерию на плацдарме, захваченном Цейслаком.

Эфир наполнился сводками об ожесточенных контратаках и быстро тающих боеприпасах. Кассий решил идти Цейслаку на помощь. Его позиции нужно было отстоять. Оттуда простреливался весь кратер.

Встав на кромке, Кассий оглядел поле боя. Чтобы разобраться, потребовалось время. Ориентиром служили лишь вспышки выстрелов.

— Думаю, это была их последняя контратака, — сказал Цейслак. — Еще немного, и мы их прихлопнем.

Он показал на кромку с противоположной стороны кратера — там тоже засверкали вспышки тяжелых орудий. С Теневой Линии подтягивались все новые отряды легионеров. Массированным артобстрелом Цейслак сломил упорную оборону противника на гребне.

Выстрелы с той стороны становились реже. Там кончались энергоресурсы и боеприпасы.

— Кажется, может получиться, — раздался чей-то голос.

Вальтерс медленно обернулся, удивляясь, кто это осмелился нарушить радиомолчание. Один из двоих вновь прибывших, едва различимый в свете вспышек орудий Цейслака, приветственно помахал рукой.

— Это я — Масато. Я сказал, что мы, кажется, наконец до них добрались.

— Там, внизу, Майкл Ди, — буркнул Кассий. — А у него всегда есть три туза в рукаве. А кстати, какого черта ты здесь? Ты — последний из рода Штормов.

— Эта война — не личное дело.

Это было все, что сказал Маус в свое оправдание.

Кассий снова повернулся к кратеру. Этот мальчик — сын своего отца. Его не уговоришь остаться в стороне.

Еще одна вспышка озарила лицо человека, прибывшего вместе с Маусом.

— Черт поberi, Маус, ты что, совсем сдурел — вытаскивать сюда девчонку?

Поллианна напоминала ему о собственной племяннице, пропавшей без вести во время Улантской войны. Кассию вдруг захотелось уберечь ее от всех невзгод, словно он и вправду был ей дядей. Он даже удивился этому чувству. Слишком много значила для него Тамара.

Противоположный край осветили новые вспышки, и стало видно, что войска с Солнечной Стороны заметно продвинулись вперед. Видимо, у Майкла быстро таяли боеприпасы.

— Кажется, нам не придется предлагать условий, — сказал Кассий.

— У нее такое же право находиться здесь, как и у всех остальных, — с опозданием ответил ему Маус. — Ее отец...

— Да я разве спорю? Я и сам прекрасно это знаю. — Что-то необычное почудилось ему в интонации Мауса. Маленькая потаскушка уже запустила

коготки в очередного Шторма. — Ладно, к делу. Пора нам выяснить, готов ли Майкл сдаться.

Майкл первый вышел с ним на связь.

Один из офицеров Кассия вызвал его по первому командному каналу.

— Сэр, в эфире на открытом канале Ди. Он просит о переговорах с полковником Штормом. Что ему ответить?

— Я сейчас нахожусь на краю кратера. Передайте Ди: мы свяжемся с ним при первой же возможности. И не проговоритесь насчет полковника. Ясно вам?

— Так точно, сэр.

Вальтерс в сопровождении Мауса и Поллианны спустился к своему краулеру. Он передал по всем каналам приказ — не ослаблять давление. Из нескольких машин доложили о сдавшихся в плен отдельных солдатах — людях, токе и улантидах.

Командир одной из машин доложил:

— У них отчаянное положение с боеприпасами. У солдат отбирают боекомплекты к легкому оружию и берегут их для сангарийских офицеров.

— Все тот же добрый старый Майкл, — сказал Кассий. — Знает, как завести друзей и как их сохранить.

Он начал набирать сигнал к Ди, но вдруг остановился.

— Стоп! Есть у меня одна пакостная мысль. — Он снова подключился к командной сети. — Говорит Вормдум, джентльмены. Прошу радиационный портрет этого кратера. Однажды они уже применили против нас ядерный заряд.

Через две минуты он уже знал точно. Были обнаружены два источника радиации, не идентифицируемые как блоки ядерного топлива. И находились они в отдалении от тяжелых машин.

— Похоже, мой милый, дорогой дядюшка собирался договориться с отцом об условиях сдачи, а потом перекрыть проход.

— Вот ему будет сюрприз, — ухмыльнулся Кассий.

— Он ведь захочет сдаться на стандартных условиях для наемников? — предположил Маус.

— Конечно. Но он их не получит. Это если я вообще приму его капитуляцию. Я хочу прижать их к стенке раньше, чем сангарийцы успеют улизнуть.

— Лучше бы вступить с ним в контакт, пока он не впал в панику.

Кассий настроился на волну, на которой ждал Майкл.

— Ди?

— Это ты, Гней? Где ты пропадал, черт возьми? — Лишь нехарактерные для Ди резкие выражения выдавали его испуг. Голос же звучал вполне бодро. — Я уже полчаса тебя дожидаясь.

— Он еще не знает о Сумеречном Городе, — беззвучно сказал губами Кассий. — Это дает нам преимущество.

— Осталось только подцепить его на крючок и вытащить, — сказал Маус.

— Я корректировал артиллерийский огонь, — ответил Кассий в микрофон. Визор он не включил, чтобы Ди продолжал думать, будто разговаривает со Штормом. — Чего ты хочешь?

— Держись на краю полосы частот, а то он узнает твой голос, — шепотом предостерег его Маус. Кассий кивнул и чуть сдвинул колесико настройки.

— Условия сдачи. Мы проиграли — я это признаю. Пора остановить кровопролитие.

Кассий фыркнул:

— А как я это объясню легионерам? Мы побеждаем. Через час-другой от вас ничего не останется.

— Но ты же обещал...

— Твоим людям я ничего не обещал. И под обычные соглашения их действия не подпадают. Они — не кондотьеры. Просто купленные сангарийские бандиты.

— Но...

— Если хочешь говорить, приходи к моему краулеру. Сядем лицом к лицу.

Ди вертелся как угорь. Дергался. Ловчил. Но легионеры уже захватили все господствующие высоты. Их орудия стали неоспоримым аргументом.

— Думаешь, он придет? — спросил Маус.

— Куда он денется! Но с ним не покончено. У него в рукаве еще остался туз или два. Кроме бомб. И если ему нужны люди, чтобы вытащить этих тузов из рукава, он постарается их спасти. А потому приползет, как скверный мальчишка, которому сейчас дадут по рукам за пакость.

— Я сейчас поговорю с Блейком. — Маус перешел на другой канал и поговорил с городом. — Кассий, Блейк этого добился. Город Ночи и Темная Равнина высылают краулеры.

От этого известия Кассий словно помолодел лет на сто. Это был шанс.

— А как насчет ядерных зарядов?

— Есть у меня план. Отойдите подальше и стойте тихо. Я сейчас его еще раз вызову.

— Майкл! Ты идешь или нет?

— Иду. Только обеспечить, чтобы меня не подстрелили по дороге.

— За это не волнуйся. Вальтерс даст приказ выпустить из кратера один вездеход.

— Будь с ним начеку, — предупредил Маус. — Он мог поставить бомбы с дистанционным взрывателем. На свою армию ему наплевать.

— Может быть. Но сначала он будет торговаться. Теперь слушайте внимательно. Вот что мне нужно: вы двое останетесь здесь. Я уйду в другую секцию. Вы за ним проследите и первым делом заставьте снять костюм. Вообще все снять. Мы не знаем, что он может принести с собой.

Маус и Поллианна в точности выполнили его указание. Вальтерс наблюдал через щелочку в двери. Майкл, раздевшись с видом оскорбленного достоинства, спросил:

— А где твой отец?

За долгие месяцы в Черном Мире Майкл здорово отошал. От постоянного ношения костюма кожа стала бледной и сморщенной. Майкл заметно дрожал. Нервы его были напряжены до предела.

Кассий разглядывал Майкла, пытался разобраться в собственной душе. И сочувствия к этому человеку не нашел. Свой терновый венец Ди сплел сам.

— Майкл, у тебя есть шанс дожить до завтрашнего дня, — сказал полковник, заходя в кабину.

— Кассий! — Ди обмер от испуга. — Как ты здесь оказался, черт возьми? Ты должен быть на Теневой Линии! А ты, — он резко повернулся к Маусу, — в Крепости. Что тут происходит? Где твой отец?

— Ты расскажи нам про ядерные заряды, которые ты тут заложил, — предложил Кассий. — Тогда я, может быть, оставлю тебе жизнь.

Вальтерс почувствовал вдруг непреодолимое желание прикончить его. Вульф. Гельмут. Гней. Все, кто погиб из-за этого идиота... Но призрак Шторма шепнул полковнику о его долге перед его людьми, перед тысячами попавших в ловушку на Теневой Линии.

Кассий редко действовал под влиянием собственных эмоций. Почти всегда им двигали чувства и идеалы покойного командира. Его собственным побуждением в данный момент было дать взорваться этим бомбам и бросить Легион в последний страшный удар. Как древние отправляли своих покойников в море на горящем корабле.

У него мелькнула мысль, что жизнь его бесцельна. С самого начала марша с Теневой Линии он не планировал будущего дальше, чем выжить и отомстить. Он стал человеком без завтра.

— Расскажи мне про бомбы, Майкл. Или я убью тебя здесь и сейчас.

— Не выйдет. — Хитрая улыбка. — Гней тебе не позволит.

— О бедный мой и глупый друг, — произнес Кассий с самой своей жестокой и довольной улыбкой. — У меня есть для тебя новость. Гней Юлий Штурм погиб, командуя успешным штурмом Сумеречного Города. Ты и твои люди теперь в моих руках.

— Ты лжешь! — Ди задрожал как в лихорадке и побледнел еще сильнее.

— Мне очень жаль, мальчик. Он погиб в Сумеречном Городе вместе с Терстоном, Люцифером, твоей женой и сыновьями. — Металлический смехок. — Классическое было кровоупускание. А теперь у тебя выхода нет.

Ди упал в обморок.

— Круг сужается, Майкл, — сказал Кассий, когда тот пришел в себя. — Цикл завершается. Зреет последний акт мести. И все начнется сызноа. — Кассий устало провел по лбу беспалой рукой. — Это из последних мыслей твоего брата перед смертью.

— Карательный рейд на Префектлас — рассчитаться с сангарийцами, — подхватил Маус, и один из уцелевших восстал из пепла словно феникс, чтобы исполнить свою мысль. А теперь из участников префектласского рейда в живых остался только Кассий. А из рода Дифа — только ты.

Пока Майкл лежал без сознания, поступила депеша — корабли Конфедерации нагнали остатки флота, атакoвавшего Железную Крепость. Пошады не дали никому.

Хоть доказательства этому не было, Кассий верил, что Диф тоже погиб. Может быть, он принимал желаемое за действительное.

— Ты и я, Майкл, — сказал Кассий и мягко положил руку на его плечо. — А феникс Гнея начнет новый круг.

Ему было жаль Мауса. Мальчика переполняла ненависть к убийцам отца. Пока Майкл лежал без сознания, Маус произнес сильное и страшное обещание.

— Маус, я бы хотел, чтобы ты этого не делал. Лучше не надо, — сказал полковник.

На лице Мауса застыло выражение непреклонного гнева. Он молча покачал головой.

— Майкл, так как насчет бомб?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ:

3032 год н.э.

Диф выждал, когда женщина оказалась в шаге от него и уже занесла нож. Он отбил удар, шагнул вперед и вонзил ей в грудь собственный клинок. Падая, она успела вцепиться ему в лицо.

Он стоял над ней и смотрел, как она умирает. В первый раз он сам ударил ножом. В первый раз после убийства того старика в пещере он убил своей рукой.

Он не ощутил ни радости, ни удовлетворения. Он вообще почти ничего не почувствовал. И удивился этому лишь на секунду. У него никогда не было особой охоты выполнять планы отца.

Что дальше? Месть Норбонов почти свершилась. В ее последнем акте, осуществлявшемся под руководством Майкла, сам он не участвовал. Осталось лишь уйти от эскадры, пролетевшей мимо Крепости и теперь гнавшей за его кораблями.

И ничего не осталось, кроме серых будней директора Норбонов. От этой мысли волной взметнулось отвращение. Он никогда не хотел быть Главой. Ему больше не нужна власть, даваемая его положением. К тому же без Рафу, да еще с таким настроением, он не сможет тянуть эту лямку.

Диф бродил по Железной Крепости, как призрак по склепу. В кабинете Шторма он задержался, медленно просматривая его коллекцию. И ощутил с ним некое духовное родство. Их объединяло одиночество. Человек этот не был ему совершенно чужд. Он так же выпадал из человечества, как его враг — из своего народа.

В доке он обнаружил несколько исправных, готовых к старту космоскафов. Они были тихоходны, зато время полета у них было неограниченно — они использовали энергию связи вселенной.

Вызвав капитана оставшегося с ним рейдера, Диф вручил ему письмо для кузена Тааке. Он возлагал на Тааке обязанности Главы вплоть до своего возвращения. Капитан бросил взгляд на письмо.

— А где будете вы, сэр?

— Хочу совершить паломничество.

— Простите, сэр?

— Иди! — Диф махнул рукой. — Давай, пока они не решили еще раз проверить это место.

Еще не зная наверняка, что он собирается делать, Диф забрался в выбранный космоскаф. Этого толстого, медлительного увальня наверняка использовали для кратковременных поисков трупов. В нем были медицинские коляски и рефрижераторы для трупов. Но не было инстела. Даже Легион не мог себе позволить ставить инстел на каждый корабль.

Последний рейдер ушел. А Диф еще несколько часов бродил по развалинам вражеского дома, думая время от времени, не так ли вели себя Борис Шторм и Тадеуш Вальтерс, истребив станцию Норбонов. Потом он тоже взлетел и стал прокладывать гипердугу к центру галактики. У него не было намерения забираться так далеко, он лишь хотел в долгом пути понять себя и прийти к миру с собой.

Курс его огибал Срединный Улант. Диф вышел из гиперпространства как раз на столько времени, чтобы перехватить последние новости из Черного Мира.

Уверенности не было. Но впечатление было такое, что он проиграл.

Но не было Рафу, понуждающего его к мести. И поражение не имело значения.

Он попросил прощения у тени отца, переставил двигатели на автоматический режим, забрался в рефрижератор и задрал люк.

Когда-нибудь двигатель выйдет из строя, и корабль выпадет в нормальное пространство. Там автоматика пробудит Дифа и он увидит совершенно новую вселенную... Или корабль пройдет через се-

редину солнца, где напряжения силовых полей достаточно, чтобы выдернуть корабль из гиперпространства. Или...

Это было все равно.

Выжить или умереть — тоже было уже не важно.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ:

3032 год н.э.

Маус сидел в водительском кресле, глядя на Кассия и Поллианну. Полли металась по кабине, не находя себе места. Порой она как-то странно смотрела на Кассия, а у того с лица не сходила эта странная, мальчишеская, чуть смущенная улыбка.

Мауса тоже несколько удивило поведение полковника. Прежде Кассий никогда не думал вслух. По крайней мере об оставленном им пути.

Вальтер спросил Поллианну:

— Помнишь этого персонажа в «Венецианском Купце». — еврея, который произносит монолог о том, что имеет такое же право испытывать боль, как и всякий другой?

— Шейлок.

— Ага, Шейлок. Так это я. Я такой же. У меня тоже есть право быть человеком. Просто я настолько стар и так долго занимался своим ремеслом, что этого не проявляю.

— Но Шейлок ведь на самом деле говорил о другом. Он просто старался подвести базу под осуществляемую им месть...

Поллианна осеклась.

Маус не знал Шекспира, но догадался, что Поллианну внезапно осенила мысль: Кассий и Шейлок в конечном счете схожи. Он откинулся назад, задрал ногу на приборный щит и принялся сосредоточенно грызть ноготь. А потом спросил у Кассия:

— Надеюсь, ты еще не собираешься затянуть лебединую песню?

— Я? Да ни за что. Пусть я и не вполне доволен своей жизнью, но чертовски определенно намерен задержаться на этом свете как можно дольше. Нет, я думаю, как выбраться со стрежня потока жизни. Если эта жизнь и была тем, что есть стрежень. Я мог бы стать старым сумасшедшим отшельником, который живет в горах и раз в год спускается вниз и пророчествует в окрестных деревнях. Или сбежать к звездоловам. Или податься в пираты к Мак-Гроу или флибустьерам. Все что угодно, лишь бы освободиться от прошлого. И уйти, пока Конфедерация не начала расследования по Теневой Линии. Нет у меня терпения иметь с ними дело. Поэтому я и ушел из регулярной армии.

— Знаешь, я как-то не могу представить тебя никем другим, кроме того, кто ты есть, — сказал Маус. — Так что там с бомбами? Как ты думаешь, у Майкла было время принять решение?

Ди неподвижно стоял посреди кабины. Он давно уже не проронил ни слова. Лишь глаза его беспо-

койно бежали, следя за каждым мускулом на лице Кассия, Мауса и Поллианны. А еще за пистолетом в небрежно свешенной руке Кассия.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он плаксивым голосом.

— Если бы решать мне или если бы я мог сделать, что хочу, — ответил Кассий, — я бы тебя убил. Но я этого не сделаю. Разве что ты откажешься рассказывать об этих чертовых бомбах. У тебя было время подумать. Теперь говори. И говори правду, потому что, когда мы пойдем их обезвреживать, ты будешь рядом со мной. Как они снаряжены? Как ты собирался их подорвать?

В кабине загудел зуммер.

— Маус, подойди. Майкл, начинай рассказывать.

— Гарантии, Кассий! Мне нужны гарантии, — упирался Ди. — Вы ведь его не знаете. Вы не знаете, что он сделает, если я не подорву заряды.

— Кто «он»? — спросил Маус.

— Он готов разнести в клочки целую вселенную, лишь бы только добраться до тебя и Штормов, — продолжал Майкл, словно не слыша вопроса. — С тех пор, как вы убили Рафу, он превратился в настоящего маньяка.

— Хорошо, черт возьми. Если надо будет, я запру тебя в собственном сейфе. Ты только скажи, как избавиться от этих бомб.

— Твое слово?

— Чего ты хочешь? Чтобы я руку надрезал и написал клятву кровью? Тебе предлагают хорошие условия, и ты это знаешь.

— Эти бомбы — с дистанционным радиоуправлением. Пусковой механизм у моего водителя.

— Через сколько времени он нажмет кнопку?

— Он не нажмет. Он даже не знает, что механизм у него. Я был уверен, что застану здесь Гнея, вот и наделал глупостей.

— Ага! — Кассий злобно хихикнул. — Обманули дурака.

— Ты обещал.

— Кассий, у меня новость, — сказал Маус, — думаю, она скрасит твой сегодняшний день. Хельга сдала Фестунг Тодесангст.

— Что? — переспросил Майкл.

— Сообщение разведки Флота.

— Господи, да что же это? — воскликнул Майкл. — Нет, не верю! Она бы подорвала мины.

— Не знаю, что у них там случилось, — сказал Маус. — Сводка Флота, отцензурованная разведкой. Объяснений нет. Говорится лишь, что вначале ситуация сложилась патовая — Хельга грозилась подорвать мины, а пехотинцы боялись надавить сильнее, чтобы она и вправду этого не сделала. Может быть, до нее дошли вести о Сумеречном Городе, и она решила, что дело потеряло смысл. Она вдруг просто сдалась.

— Что за чертовщина с ней случилась? — пробормотал Майкл, нахмурившись. — Испорченная, эгоистичная идиотка. — Всегда получала, что хотела. А надо было...

Кассий тоже нахмурился.

— Здесь должен быть подвох. То ли у нее бомбы с часовым механизмом, то ли еще что-нибудь. Ди не могут без подлостей.

— Кассий, они освободили Гомера и Люцифера. Оба выглядят вполне сносно. Их можно воскресить.

— М-да... Может быть. Если, конечно, она их не запрограммировала. А интересно, на каких условиях она сдалась? Не может быть, чтобы на выгодных для нас.

Майкл повернулся к Маусу. На лице его проступило злорадство. Он даже задрожал от радостного предчувствия — наверняка дочь выторговала для себя что-то значительное.

— А ни на каких. Без договора. Безоговорочная капитуляция. Как будто ей незачем стало жить, и она вышла из игры.

— Но... — хотел было спросить Кассий.

Маус перевел взгляд на Майкла. У того в глазах застыл ужас.

— Они убили ее, Кассий. Бэкхарт лично отключил ее жизнеподдерживающие системы.

— Убили? — еле слышно произнес Ди. — Мою маленькую девочку? И всех моих детей? Вы их убили? — Маус спокойно смотрел, как в глазах его дяди разгорается огонь безумия. — Вы убийцы! Мою жену, моих детей...

— Они получили легкую смерть! — отрезал Маус. — Гораздо легче, чем того заслуживали. И навлекли ее на себя сами.

Кассий подошел к Ди и посмотрел ему в глаза. А потом заговорил медленно, с расстановкой, словно прокручивая нож в ране:

— Он прав. Им следовало сгореть в огне, по тысяче раз каждому. И то я бы считал, что они легко отделались.

— Маус! — вскрикнула Поллианна.

Ди бросился на Кассия.

Полковник этого не ожидал. Всю жизнь он ошибочно считал, что трус способен напасть, только когда уверен в своем преимуществе.

Майкл Ди был трусом, но не лишенным способности действовать.

Секундное замешательство Кассия стоило ему жизни.

Ди выбил из его руки пистолет, успел поймать его на лету и одним метким выстрелом разворотил полковнику внутренности прежде, чем Маус налетел на него сбоку и отшвырнул оружие в другой конец кабины. Кассий обмяк и стал медленно оседать вниз, как разваливающаяся на куски империя, будто на разные части его тела действовала различная сила тяжести. Механическое говорящее устройство скрежетало и щелкало, но эти звуки нельзя было принять ни за крик гнева, ни за хрип агонии. Полковник свалился окровавленной вздрагивающей кучей, а металлический голос продолжал издавать все те же странные звуки.

Маус и Ди свалились на стол, и племянник, не впопад ругаясь и всхлипывая, вцепился дяде в горло.

Вначале насмерть перепуганный Ди отбивался совершенно инстинктивно. Он царапался, кусался, лягался. Постепенно к нему вернулось соображение. Он разжал хватку Мауса и, вывернувшись, ударил его с разворота ногой в грудь.

Маус упал на четвереньки. Собрав все силы, он попытался вскочить на ноги, но вдруг полетел вперед и влетел в стол.

Ди занес ногу для последнего удара по горлу.

— Нет!

Он медленно обернулся.

Поллианна держала в руках тот самый пистолет, которым он убил Кассия. Руки у нее дрожали, дуло неуверенно, но грозно покачивалось.

— Поллианна, дорогая, опусти эту штуку. Я тебе ничего не сделаю. Обещаю. Это дело между ними и мной. К тебе оно не относится.

Он говорил самым ласковым своим голосом. И, может быть, искренне. У него не было причин убивать Поллианну. По крайней мере сейчас.

— Не двигаться! — приказала она, едва Ди двинулся к ней, протягивая руку к пистолету.

Ей было страшно. Наступил момент, ради которого она жила. Момент, во имя которого она заставила себя пройти сквозь свой личный ад.

— Нет, оно ко мне относится. Я тебе кое-что должна, Август Плейнфилд.

Ди остоленел от изумления.

— Ты даже не помнишь? Ты, проклятый бессердечный гад! Ты даже не помнишь имени, под которым пришел убить моего отца.

— О чем ты говоришь, детка? Я никогда никого не убивал.

— Лжешь! Ты гнусный лжец. Я видела вас, мистер Август Плейнфилд из «Стимпсон-Храбоски ньюс». Я там была. Ты вколол ему наркотик, вытянул из него все про Теневую Линию, а потом ты его убил.

Ди побледнел.

— Девочка из госпиталя!

— Да, девочка из госпиталя. Теперь твоя очередь.

Ди бросился вперед, сделав обманное движение в сторону.

Останься он на месте, Поллианна, возможно, так и не нажала бы на спусковой крючок. В решающий момент, когда надо было хладнокровно убить человека, это оказалось труднее, чем она думала.

Но внезапный бросок Ди вызвал защитную реакцию. Поллианна принялась бешено палить из пистолета. Первым лучом она прожгла приборный щит. Вторым пронзил Майклу ногу. Он пролетел мимо Поллианны с коротким криком боли и отчаяния. Она выстрелила снова и снова попала. И снова. И снова.

Маус, у которого перед глазами все плыло, а к груди будто привязали наковальню, снова собрал все силы и заставил себя оттолкнуться от стола. Он поднялся на ноги и резко встряхнул головой, чтобы в глазах прояснилось.

Он увидел, как Поллианна с размаху колотит рукояткой разряженного пистолета по изуродованному до неузнаваемости телу Майкла, бормоча что-то невнятное про Фрога. Маус доковылял до нее, отобрал оружие, обнял и прижал ее голову к своей груди.

— Все кончилось, Полли, — ласково говорил он. — Понимаешь? Все кончилось. Он умер. Все умерли, кроме нас.

Она проплакала еще с час. Истерические всхлипывания постепенно сменились глубокими, душераздирающими рыданиями, стали слабеть, перешли во

всхлипы и шмыганья носом, потом в редкие покусывания раненого зверька и стихли совсем.

— Ты просто побудь здесь, — прошептал Маус, когда она окончательно успокоилась. — А у меня есть работа. Потом мы сможем уехать.

Он поднялся, подошел к пульта, нашел действующую частоту и снова принял на себя командование Легионом.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ:

3032 год н.э.

В черной бездне запульсировали огромные двигатели. Корабль, по своим размерам превосходящий крупные города многих планет, пришел в движение. Капитан приказал дать предельно возможное ускорение. Корабль отстал от своих собратьев на несколько месяцев.

К нему собрались тучи кораблей поменьше. Их участие в войне на Теневой Линии подошло к концу. Больше неоплаченных долгов не осталось.

Руководители звездоловов были огорчены, что результаты не оказались более благоприятными. Но история, как и все остальное, редко бывает справедливой. Равновесие сил удалось восстановить, и этого достаточно.

Корабль-исполин уплывал все дальше в космические глубины.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ:

3052 год н.э.

Кто я? Что я?

Я — побочный сын Теневой Линии. Эта раскаленная солнцем каменная гряда с зубчатыми краями — мой третий родитель.

Пойми то, что там произошло, и ты поймешь меня. Сними эту твердую, бесплодную почву, и обнажатся корни моей ненависти.

Теневая Линия и четверо. Гней Юлий Шторм. Тадеуш Иммануил Вальтер. Майкл Ди. Норбон в'Диф. Если судить меня за то, что я есть, — придется обвинить и их вместе со мной.

И это, друг мой, факт.

Масато Игараши Шторм

Эпилог
ПОВЕШЕННЫЙ

**Повешенный Человек символизирует
либо искупительную жертву,
либо испытание. Хотя потом у него
может возникнуть чувство, что
на самом деле его карта — Дурак.**

ЭПИЛОГ:

3052 год н.э.

— Значит, в этом все дело? — спросил Мак-Кленнон. Теперь уже капитан Мак-Кленнон. Когда-то сержанты Шторм и Мак-Кленнон вместе вели солнечную яхту, победившую в той давней регате.

Капитан Масато Шторм, Флот Конфедерации (разведка), ответил:

— Ты спрашивал меня о Теневой Линии и о том, почему я ненавижу сангарийцев. Я рассказал тебе.

Он смотрел в точку ночного неба в тридцати градусах от центра галактики, и перед глазами у него роились призраки минувших дней. Через несколько тысячелетий в этой точке расцветет новая звезда — яркая, если будет кому на нее смотреть.

Мак-Кленнон снова наполнил свой стакан.

— Хочешь закончить игру, пока Юппа еще нет?

Он направился к шахматному столику. За эти несколько часов никто не вспомнил о партии.

— Пожалуй, — ответил Маус, не отрывая глаз от неба. — Не могу поверить. Я знаю, что это случилось, но до сих пор поверить не могу.

Нечасто доводилось Мак-Кленнону видеть Мауса в таком философском настроении.

— Смерть Кассия и Ди могла показаться тебе концом истории. Потому что они были последними принципами. Но ведь ты рассказывал не историю Легиона и не историю войны на Теневой Линии. Ты рассказывал о тех, кто уцелел. Особенно о Маусе.

— Может быть. Да, ты прав. Ну, нам еще оставалось разоружить людей Майкла, обезвредить те бомбы и вывезти своих людей с Теневой Линии. И мы сделали это — нам помогли жители Темной Равнины и Города Ночи... Постой-ка, а что означают эти слова: «рассказывал о тех, кто уцелел»?

— Мне кажется, ты хотел объяснить мне, кто такой Масато Шгорм.

Маус перевел взгляд на тот участок неба, где бушевала новая война. Человечество со своими союзниками вступило в схватку со страшным врагом.

— Ты знаешь, ведь мой дядя просто сорвался. Сохрани он хладнокровие, мог бы уйти оттуда живым.

— Как это?

— У него всегда в рукаве был еще один туз. Последний из этих тузов удивил всех. Никто бы ничего не заподозрил, пока не оказалось бы, что нам надо штурмовать Эджворд.

— Это как? — спросил Мак-Кленнон, просто чтобы Маус продолжал говорить. Он работал в комиссии, расследовавшей войну на Теневой Линии,

и знал ответ почти на любой вопрос. Но надо было отогнать друга от бездонного болота депрессии.

— Последний туз Майкла. У него в кармане было несколько второстепенных членов Совета Директоров. Они устраивают путч и захватывают власть. Их легко приводят в чувство, но в поднявшейся суматохе Майкл изменяет внешность и бесследно исчезает.

— А потом на тебя налетела комиссия.

— Как стервятники. Мне еще повезло, что у отца, Кассия и Ричарда были влиятельные друзья на Луне Командной. Так что в конечном счете с нами обошлись довольно мягко. Корпорация наша до сих пор занимается бизнесом.

— А девушка?

— Полли? Она вернулась в Моделмог, а там вдруг обнаружила, что больше не выносит Шекспира. Тогда она еще раз сменила имя и ушла в голод-раму. Ты ее наверняка видел. Она стала совсем другим человеком — так всегда бывает, когда получаешь, чего очень хочешь.

— А тот сангариец, Диф?

— А кто его знает. — Шторм отошел от окна лишь для того, чтобы в очередной раз наполнить стакан. — Может быть, погиб в Мире Хельги. Может быть, при штурме Крепости или во время погони. А может быть, и улизнул. Иногда мне именно так и кажется.

Мак-Кленнон наконец-то выбрал ход. Он предлагал размен пешек.

— Твой ход. А почему тебе так кажется?

— Та эскадра, с которой сцепились звездолеты у Края Звезд. Это не был обычный пиратский флот одного Семейства. В этой операции было не меньше десятка Семейств. Что должно было привести к хаосу в командовании. Но эти действовали почти так же эффективно, как флот людей.

— Ну и что?

— А то, что Диф понимал значение организации и дисциплины. И у него хватило бы силы воли, упорства и чисто сумасшедшего духа вендетты, чтобы сплотить этот отряд. Я не говорю, что звездолеты сражались именно с ним. Я только говорю, что в этом флоте было что-то от него.

— Так ты думаешь, что теперь тебе предстоит новый круг? Что теперь их очередь мстить?

— Может быть. Их еще немало осталось. И если кто-то из них додумается, как найти союзников вне Метрополии...

— Они всегда это умели. Твой ход, Маус. — Маус принял пешечный размен. — Твой дядя Майкл был зачат на Префектласе. И он не был мулом. Им просто нужно перешагнуть через свои предрассудки.

От его слов Маус едва не выронил стакан.

— Выведение рабов... как же я раньше не подумал? Интересно, а Бэкхарт знает?

— Он знает все. Работа у него такая. Если тебе так будет спокойнее, можешь послать ему запрос.

Маус злобно хихикнул.

— Я на секунду подумал, что я уже безработный.

— А я на секунду подумал, что ты это бросишь. Так что дальше?

— Полли будет здесь на следующей неделе. Что-то вроде тура. С ней наш ребенок. Может быть, залетим в Крепость, повидать братьев.

— А ты ведь говорил...

— Он не разрушил Крепость. Просто всех перебил. Сейчас там живут Бен и Гомер. Пара полоумных старых отшельников. Они продолжают семейное дело. А когда Юпп туда собирается?

— Надеюсь, что сегодня вечером. Как ты думаешь, принять мне предложение Юбичи?

— И уйти в отставку? Бэкхарт тебя не отпустит. Ты же знаешь, идет война.

— А если он согласится?

— Тогда будь осторожен. Луна Командная с них глаз не спускает. Армий кондотьеров больше нет. Теперь они ищут предлог, чтобы расформировать полицейские силы при компаниях.

— В компаниях по крайней мере заправляют честные мошенники, а не сентиментальные бандиты вроде адмирала Бэкхарта.

Это замечание здорово разозлило Мауса, судя по выражению его лица.

— Давай-ка лучше отложим эту партию, — буркнул он. — Если появится Юпп — позови меня.

И он ушел.

Мак-Кленнон повернулся к окну и принялся созерцать ночное небо. Неужели Маус задумал унич-

тожение всей сангарийской звездной системы? Да, это будет полная месть.

Где ты сейчас, Норбон в 'Диф? Чистишь пистолет, готовясь вернуться в город? Неужели снова повторится цикл, и плевать на ту гораздо большую, отчаянную битву у центра галактики?

— Ненависть — худший из ядов, — сказал про себя Мак-Кленнон. — Прав был твой отец, Маус, когда велел тебе вернуться в Академию. Надо было тебе послушаться.

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Кук Г.

K89 Теневая Линия: Роман/Пер. с англ. О.Ю. Черепанова под ред. М.Б. Левина. – М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”; 1999. – 480 с. – (Координаты Чудес).

ISBN 5-237-02931-0

Это история Теневой Линии.

История кровной мести, которая огнем опалила планеты.

История о том, как снова и снова сходились в бою армии двух величайших космических кондотьеров — Гнея Юлия Шторма и Ричарда Хоксблада.

Это — история войны за баснословные сокровища недр Черного Мира, схватки небывалого могущества и невероятного военного искусства, истории преступления, что свершилось два века назад, и возмездия, что должно свершиться теперь. История отваги, ненависти, предательства.

То, что начато отцами, продолжают их сыновья.

История начинается...

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Теневая Линия

**Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор О. В. Панкрашина**

**Подписано в печать 21.06.99.
Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 25,20.
Тираж 15 000 экз. Заказ 738.**

**Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.**

**ООО «Фирма «Издательство АСТ»»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а**

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.**

39c00 2

История Теневой Линии.
История кровной мести, которая огнем опала —
ла планеты.

История о том, как снова и снова сходились в
бою армии двух величайших космических кон-
дотьеров — Гнея Юлия Шторма и Ричарда
Хексблада.

Это — история войны за баснословные сокро-
вища недр Черного Мира, схватки небывалого
могущества и невероятного военного искусст-
ва, история преступления, что свершилось два
века назад, и возмездия, что должно свер-
шиться теперь. История отваги, ненависти,
предательства.

То, что начато отцами, продолжают их сыновья.
История начинается...

ISBN 5-237-02931-0

9 785237 029314